

801-11
885

М 45
15
[1611]

АЛТАЙСКІЕ ИНОРОДЦЫ.

СБОРНИКЪ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ И ИССЛѢДОВАНІЙ

АЛТАЙСКАГО МИССИОНЕРА,

ПРОТОІЕРЕЯ

В. И. Вербницкаго,

изданный Этнографическимъ Отдѣломъ ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей
Естественнаго, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. А. Ивановскаго.

МОСКВА.

Высочайше утв. Т-во Споросвятіи А. А. Левенсонъ, Петровка, домъ Левенсонъ,
1893.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ засѣданіи Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, 12-го марта 1891 года, нижеподписавшійся внесъ предложеніе объ изданіи отдѣльныхъ сборниковъ этнографическихъ статей и изслѣдованій покойнаго алтайскаго миссіонера, протоіерея В. И. Вербицкаго, мотивируя свое предложеніе, во-первыхъ, тѣмъ, что подобный сборникъ, составленный изъ статей, разбросанныхъ по различнымъ, часто мало доступнымъ, изданіямъ, будетъ имѣть важное научное значеніе, заключаая въ себѣ пока единственное столь подробное и разностороннее описаніе быта алтайцевъ, какое сдѣлано покойнымъ о. Вербицкимъ, а во-вторыхъ, и тѣмъ, что изданіемъ этого сборника достойнымъ образомъ почтится память неутомимаго труженика—этнографа, всю свою жизнь посвятившаго безкорыстному служенію наукѣ. Отдѣлъ отнесся очень сочувственно къ означенному предложенію и въ томъ-же своемъ засѣданіи сдѣлалъ постановленіе объ изданіи этого сборника, поручивъ нижеподписавшемуся какъ редактированіе сборника, такъ и составленіе біографіи о. Вербицкаго. Не имѣя необходимыхъ средствъ на изданіе сборника, Отдѣлъ постановилъ открыть предварительную подписку на него, назначивъ цѣну послѣднему въ 2 руб., о чемъ затѣмъ и было объявлено въ издаваемомъ Отдѣломъ журналѣ „Этнографическое Обзорніе“, 1891 г., кн. VIII. Вскорѣ-же послѣ этого отъ одного лица (въ Москвѣ), пожелавшаго остаться неизвѣстнымъ, Этнографическій Отдѣлъ съ глубокою благодарностью получилъ на изданіе сборника 300 рублей. Служивцы покойнаго протоіерея, алтайскіе миссіонеры, узнавъ о предполагаемомъ изданіи, также оказали посильную матеріальную поддержку и сдѣлали предварительные взно-

сы. Последніе получены: отъ Начальника миссій Томской епархіи, Бійскаго Епископа Владиміра (5 руб.), игумена Иннокентія (3 руб.), іеромонаха Иннокентія, А. Ф. Канелькина, С. А. Петрова (3 руб.), священниковъ: П. Бенедиктова, С. Борисова (3 руб.), С. Ивановскаго (4 руб.), В. Ландышева, І. Никифорова (3 руб.), І. Никольскаго, Г. Оттыгашева, Т. Петрова (5 руб.), В. Постникова (3 руб.), С. Постникова, В. Россова (4 руб. за 2 экз.), К. Соколова, В. Тозьякова, М. Турбина (10 руб. за 4 экз.) и І. Штыгашева (3 руб.). Предварительные взносы получены также отъ слѣдующихъ лицъ: Президента Общества Любителей Естествознанія, проф. Д. Н. Анучина, Предѣдателя Этнографическаго Отдѣла, проф. Вс. Ф. Миллера, товарища предѣдателя того-же Отдѣла В. М. Михайловскаго, секретари Отдѣла Н. А. Янчука, проф. Н. Ф. Сумцова, А. М. Головачева, прот. Арс. Ивановскаго, А. А. Ивановскаго, И. С. Ландышева (3 руб.), Е. А. Лядкаго, книжнаго магазина Михайлова и Макушина въ Томскѣ (10 руб. за 5 экз.) и Харьковской общественной бібліотеки.

Материаломъ при составленіи біографическаго очерка служили: некрологъ о Вербицкаго, помѣщенный въ „Этнографическомъ Обзорѣніи“ (1891 г., кн. VIII), двѣ статьи игумена Владиміра Синьковскаго и священника Василя Постникова въ „Томскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ“, 1891 г., № 9, письма покойнаго къ протоіерею Арсенію Ивановскому и двѣ замѣтки, предоставленныя въ распоряженіе редакціи гг. Головачевымъ и Вольскимъ.

Доставляемъ прилагаемого къ сборнику портрета о. Вербицкаго редакция обязана художнику М. С. Вольскому, лично знавшему покойнаго миссіонера. Портретъ слѣланъ г. Вольскимъ съ фотографическаго снимка, снятаго съ о. Вербицкаго А. М. Головачевымъ въ Чаматѣ въ 1890 г., т. е. въ годъ его смерти.

Весь доходъ отъ продажи сборника, по постановленію Этнографическаго Отдѣла, будетъ употребленъ на изданіе новыхъ матеріаловъ или изслѣдованій по этнографіи сибирскихъ инородцевъ.

Ал. Ивановскій.

Алтайскій миссіонеръ, протоіерей

В. И. Вербицкій.

(† 1890 года 12-го октября).

Алтайский миссионер, протоиерей Василий Иванович Вербицкий.

Жизнь покойного алтайского миссионера, протоиерея В. И. Вербицкого служить высокопоучительным примером того, что можно сделать в глухом, заброшенном углу человек, ищущий деятельности и желающий принести посильную пользу как окружающим его, так и науке. Сын дьячка Нижегородской епархии, В. И. Вербицкий, по окончании курса наук в Нижегородской семинарии, заняв сначала место учителя, но вскоре же оставив его, поехал в Сибирь и здесь, 12-го января 1853 года определенный на службу в Алтайскую духовную миссию и 17-го июля 1854 г. рукоположенный в Томск в священника, всю свою жизнь (около 37 лет) посвятил миссионерской деятельности на Алтае, неутомимо трудясь в то же время по изучению местного инородческого населения. Прослужить 37 лет в Алтайской миссии, — говорит игумен (ныне епископ) Владимир¹⁾, — в особенности в первые годы нищенского материального ее существования, когда она не имела никаких средств, когда она питалась, большей частью, теми крохами, которые собирались по домам москвичей цѣлѣй въ свой хлопотавшим о миссии, незабвенным протоиереем Николаем Лавровым, когда Алтай представлял во всех отношениях несравненно больше трудностей и для миссионерского на нем дѣлания и для жизни дѣлателей, — поступить на Алтай в такую пору и затѣм прослужить на нем 37 лет, мы едва-ли ошибемся, если назовем такое служение подвигом. О трудностях миссионерской жизни сам покойный протоиерей писал однажды слѣдующее: „Дѣлать одно дѣло, дѣлать его не годь, не два, а цѣлых три десятка летъ — требуетъ отъ человѣка постоянства и особенной любви къ избранному дѣлу. При благоприятных условияхъ всякое дѣло становится легкимъ и даже приятнымъ. Не таково дѣло миссионерское: это — война безъ перемирія. Какъ въ военное время солдатамъ нѣтъ возможности пользоваться разными удоб-

¹⁾ „Томскія Епарх. Вѣд.“, 1891 г. № 9.

ствами, так и миссионеру обь удобствах помышлять не приходится. Бдеть онь и весной и осенью, и лѣтомъ и зимою, и въ ведро и въ ненастье, не въ какомъ-либо крытомъ жилищѣ, а на сѣдлѣ, будучи подверженъ всемъ преложенимъ воздушнымъ. При ясной погодѣ, лѣтомъ, жара безопасна. А во время дождей? Намокнетъ путникъ до костей, а тутъ надо карабкацца на перевалъ, гдѣ отъ страшныхъ ударовъ грома на глазахъ налетятъ разбитыя деревья и конь отъ страха падаетъ на колѣва; затѣмъ надо спускаться внизъ, по страшной крутизнѣ. Подниматься въ гору не такъ страшно, — не упадеши; спускается же, тутъ-то и жди неприятности. При малѣйшемъ невѣрномъ шагѣ лошади путникъ обыкновенно падаетъ. Хорошо, если только выпачкается въ грязь, а часто бываетъ и хуже. Можно изувѣчиться, или, въ лучшемъ случаѣ, ушибиться, что нерѣдко случается*.

„Весною и осенью весь мокрый, дрожащій отъ холода миссионеръ жаждетъ, гдѣ бы отогрѣться и обсушиться. Въ этомъ положеніи разстояние дѣлается, т. е. представляется, необыкновенно большимъ. Наконецъ жидь человеческое — юрта. Лучше нѣтъ и негдѣ искать помѣщенія. Надо обсушиться. Приходится снять съ себя все мокрое и сунуть на огнь. Благо тому, у кого есть запасная одежда. Большеюже частью бываетъ такъ: пока одежда сохнетъ, путникъ облекается въ хозяйскія одежды. Тутъ извѣстныя насконья съ жадностью бросаются на гостя*.

„Во время походовъ, и обѣдъ, и ужины, и вечерній чай составляетъ одно кушанье: кирпичный чай съ сухарями и — сухари съ чаемъ*.

„Ночлежь: обсушившись и согрѣвшись горячимъ чаемъ, наспѣвшій до истощенія въ бесѣдѣ съ хозяевами, миссионеръ кладетъ свое сѣдло въ голову, стелетъ потникъ изъ-подъ сѣдла и одѣвается высушенными одеждами. Утомленіе беретъ свое: путникъ засыпаетъ. Онь не чувствуетъ, какъ кусаютъ его разныя насконья, не слышитъ отвратительной воню отъ развѣшенныхъ конскихъ кожь, не замѣчаетъ соседства собакъ, телятъ и агнятъ, не слышитъ, какъ стучитъ надъ головою дождь, завываетъ вѣтеръ или стонетъ страшный буранъ*.

„Такъ ночуютъ миссионеры, пока они еще молоды, крѣпки. Стариниже, съ надломленными, изношенными здоровьемъ, сверхъ выше-сказанныхъ неудобствъ, чувствуютъ въ ненастную погоду еще болѣе неприятности: и голова болитъ, и кости ноютъ, и холодъ, и насконья спать не даютъ. И длинна, длинна бываетъ осенняя ночь!*

„Ходить миссионеръ изъ юрты въ юрту, или собираетъ алтайцевъ куда-либо въ одно мѣсто, чтобы предложить имъ слово спасенія. Если слушають со вниманіемъ, миссионеръ доволенъ. Большеюже частью слушають плохо, рассеянно, или прерываютъ рѣчь проповѣдника разными неподходящими разсказами, вопросами или шумомъ. Вотъ и скорбь на душѣ*.

Плохой отдыхъ ялетъ миссионера и дома: „Призываетъ миссионеръ домой и не смѣетъ рассчитывать на отдыхъ: и съ дѣломъ и съ бездѣльемъ, постоянно приходитъ къ нему широдитъ. Одинъ зоветъ исповѣдывать больного, другой проситъ лекарства, третій жалуется, что у него увезли остоже. Приходитъ мужъ съ женою, оба плачутъ, другъ на друга жалуются. Приходитъ старикъ, весь въ синячихахъ, съ жалобой, что некрещенные родственники, желая вызвать его изъ своего удуха, пригнали на его шашию 300 лошадей, весь хлѣбъ вытоптали, а его самого избили до полу смерти и общались убить, если онь не убѣдетъ отъ нихъ. Является татаринъ, проситъ пособить его брату, въ пьяномъ видѣ упавшему въ кипящій котелъ и получившему большіе обжогы. Тотъ проситъ хлѣба, другой — корову, третій — денегъ на сѣмена. Тутъ просятъ дѣтей для крещенія, просятъ о повѣнчаніи, спрашиваютъ, можно-ли такому-то жениться на такой-то. А тутъ приходится ѣхать, иногда вереть за 50, для отсутствования больныхъ. А тутъ, смотришь, за время походовъ на столѣ лежатъ бумаги, на которыя нужно отвѣчать немедленно. Надо писать исповѣдныя росписи, метрики, вести разные журналы. Надо о школахъ позаботиться. Если есть желающіе креститься, нужно ихъ пригостить къ крещенію, позаботиться и о бѣльѣ для крещающихся, а затѣмъ и о водвореніи ихъ посѣ крещенія. Тутъ слышишь, что извѣстныя желаніе креститься колеблются, —надо ихъ поддержать; тамъ — крещенные въ жизни своей начинаютъ являть недобрія стороны, — нужно ихъ вразумить*.

Несмотря на такую тяжелую жизнь, перазрывно связанную съ миссионерскою дѣятельностію, жизни, полною труда и лишенія, нравственныхъ мукъ и физическихъ испытаний, покойный миссионеръ горячо, беззаветно любилъ свой Алтай, всего себя отдавъ разв избранному дѣлу, съ любовью вѣлъ это дѣло, ни разу не отступая съ того тернистаго пути, по которому шелъ, и успѣвъ столько принести пользы и дорогому для него Алтаю и науцѣ, что, умирая, съ спокойной совѣстью могъ сказать: „*fecit quod volui*“. Память обь о. Вербицкомъ, какъ миссионерѣ, надо надѣяться, никогда не изгладится среди членовъ Алтайской мисіи. Въ глубоко-проучувствованныхъ статьяхъ со-служивцевъ о. Вербицкаго, епископа Владимира (Синьковского) и священ. В. Постникова, посвященныхъ памяти покойнаго протоіерая, миссионерская дѣятельность послѣдняго обрисовывается такою, которая можетъ служить образцомъ для другихъ миссионеровъ. „Алтайская миссія въ лицѣ покойнаго протоіерая В. И. Вербицкаго потеряла опятаго, многополезнаго труженника, отдавнаго весь оный душевный и тѣлесныя силы Алтаю, а миссионеръ — дорогаго совѣтника, искреннаго друга, любимаго и любимаго брата.“ — пишетъ епископъ Владимиръ. „Старога миссионерскаго закала, прежняго военнаго и образованія, миссионеры дорогаго нашей Алтайской мисіи одинъ за другимъ ста-

ли сходить со снени,⁴—такъ начинаетъ свои воспоминашя объ о. Вербицкомъ святи. Постниковъ,—списокъ покойныхъ дѣателей нашей миссиіи удлинняется: не такъ давно онъ увеличился смертію незабвеннаго о. протоіерей Вербицкаго.⁴ „Таіе люди, какъ покойный,— продолжаетъ авторъ,—рѣдки, и потому справедливо требуетъ, когда смерть отнимаетъ ихъ у насъ, воздать должное ихъ памяти, принести имъ дань, хоть самую, но которая свидѣтельствовала-бы о нашей любви и уваженію къ покойному“. Затѣмъ авторъ такъ характеризуетъ о. Вербицкаго: „О. протоіерей былъ простъ, прямодушенъ и всѣхъ привлекалъ къ себѣ своимъ обращеніемъ. Кузнецкіе татары такъ любили, уважали и доверяли покойному, что всѣ записанскія печати всѣхъ черныыхъ Кузнецкихъ записановъ хранились у о. протоіерей до самаго его выѣзда изъ Кузнецкаго округа. Пользуясь такимъ расположеніемъ къ себѣ народа, о. протоіерей болѣе всѣхъ миссіонервъ окрестіи инородцевъ (болѣе 2 тысячи)⁵“.

Къ подчиненнымъ о. протоіерей былъ не начальникомъ, а старшимъ братомъ, а къ меньшимъ братьямъ—самымъ нѣжнымъ отцомъ. Его, какъ начальника, не боялись, а любили и изъ любви къ нему не дозволяли себѣ предосудительныхъ поступковъ, чтобы не огорчить любимаго старца.

У покойнаго не было секретовъ; душа его была для всѣхъ открыта. Братья по духу о. Василия любили болѣе, чѣмъ братья по плоти. Это знаютъ всѣ служащіе въ миссіи⁶“.

Жизнь онъ велъ самую простую. Вина не пилъ болѣе двухъ рюмокъ, чай пилъ по одному только стакану, столъ имѣлъ простой. Постоянно занятый чтеніемъ или исьмовъ, онъ о нищѣ, кажется, меньше всего заботился. Я къ нему забѣгалъ въ юль мѣсяцъ въ Чамаль. И что же?—протоіерей явля въ холѣ⁷.

— Ми, братъ, здѣсь кочаемъ, здоровьемъ запасамеся, чѣмъ богаты, тѣмъ и рады. Давай себѣ радости чай пить.

Чай по походоному, съ сахарами, ужинъ состоялся изъ одной прясной кашини.

Человѣкъ большой долженъ бы усилить питаціе; но о. Василий объ этомъ точно позабылъ.

Я коснулся тѣхъ сторонъ характера о. Василия, которыя были открыты для всѣхъ, имѣвшихъ съ нимъ сношеніе,—заканчиваю о.

¹ По словамъ епископа Владимира, о. Вербицкимъ, въ все время его миссіонерскаго дѣательства, было обращено въ христіанство 2117 язычниковъ.

² Всѣ свои сбереженія покойный оставилъ, по духовному завѣщанію, исключительно миссіонерамъ, миссіонеркамъ дѣрванамъ, миссіонерскому монастырю и пріюту. На неоднократное предложеніе духа миссіонерова, поперечному родственнику при больномъ въ послѣдніе дни его жизни, указать что-либо въ пользу его родныхъ, живущихъ въ Россіи, о. протоіерей отвѣчалъ: „У меня нѣтъ родныхъ, родные всѣхъ миссіонеровъ“.

Постниковъ,—„но какъ будутъ хранить о немъ память тѣ, которые были почтены его дружбой! Они будутъ помнить, что дружба эта была постоянна и безкорыстна, что она выражалась не словами только, но и самымъ дѣломъ. Друзья его никогда не забудутъ его радушія, пріятности, бесѣды, полной одушевленія, разнообразіемъ, богатой меткими наблюденіями, анекдотами, остроуміемъ, юморомъ, бесѣды, по казавшейся въ немъ изыскательную доброту сердца.“

Съ честью исполняя свою миссіонерскую дѣятельность, покойный о. Вербицкий все время, свободное отъ прямыхъ служебныхъ обязанностей (а его было такъ немного), посвящалъ этнографическимъ изслѣдованіямъ, занятію пчеловодствомъ, ботаникой и метеорологическимъ наблюденіямъ.

О. Вербицкий, мало того, что первый ввелъ въ Алтаѣ (въ Кузнецкомъ округѣ) пчеловодство, но и поставилъ веденіе его на вполне рациональную почву. Какъ опытнаго и рациональнаго пчеловода, о. Вербицкаго знали не только всѣ пчеловоды въ Сибири, но и весьма многие въ Европейской Россіи, о чѣмъ свидѣлствуютъ многочисленныя письма пчеловодовъ, просившихъ у него указаній и совѣтовъ. По справедливому замѣчанію доктора Л—скаго, „Алтай потерялъ въ немъ свѣточъ рациональнаго пчеловодства, а печатный органъ послѣдняго—дѣльнаго и свѣдущаго указателя“.

Изученію флоры Алтая покойный протоіерей также посвятилъ много лѣтъ своей жизни, вѣлъ постоянную переписку съ известнымъ ботаникомъ Анненковымъ, въ продолженіи многихъ лѣтъ помогавшимъ о. Вербицкому въ изученіи ботаники. О. Вербицкий, въ свою очередь, посылалъ ему всѣ свои ботаническія наблюденія и замѣтки, и большая часть ихъ вошла въ ботаническій словарь Анненкова.

Но особенно плодотворны и цѣнны для науки были труды о. Вербицкаго въ области лингвистики и этнографіи. Съ самаго начала своего поступленія въ миссію, о. Вербицкий, прекрасно сознавая, что безъ знанія языка мѣстныхъ инородцевъ немиссинами ни успѣшная среди нихъ миссіонерская дѣятельность, ни столь тѣсно связанная съ нею для каждаго миссіонера дѣятельность въ области этнографіи, горячо принялся за изученіе алтайскаго языка. Результатомъ этого изученія явился сначала его „Краткая грамматика алтайскаго языка“, а потомъ, по накопленіи достаточнаго матеріала, собраннаго непрерывно въ продолженіи 30-ти слѣшкомъ лѣтъ, онъ даритъ этнографію капитальнымъ лингвистическимъ трудомъ, обнимающимъ около 500 страницъ, подъ заглавіемъ: „Словарь алтайскаго и аладагскаго нарѣчій тюркскаго языка“. Насколько цѣненъ этотъ трудъ, свидѣтельствуютъ между прочимъ, слѣдующій о немъ отзывъ преосвященнаго начальника миссіи, извѣстнаго знатока алтайскаго языка: „Алтайско-аладагскій и русскій словарь составляетъ цѣнный вкладъ въ отечественную бібліотеку тюркскаго языка и—честь Алтайской миссіи“.

сии. Онь есть плодь многолѣтнихъ трудовъ ветерана миссионерской службы, не безызвѣстнаго для мѣстныхъ печатныхъ органовъ по многимъ этнографическимъ и другимъ статьямъ. Послѣ словаря г. Будного, словарь протоіерей Вербицкаго имѣеть право занять первое мѣсто по капитальности труда и добросовѣстности его исполненія.* Рядомъ съ собраніемъ лексикологическаго матеріала у о. Вербицкаго плодъ и всестороннее изученіе быта алтайскихъ инородцевъ. Въ многоцѣленныхъ статьяхъ о. Вербицкаго, печатавшихся по разнымъ изданіямъ (въ „Вѣстникѣ Имп. Русск. Географ. Общества“, „Православномъ Обозрѣніи“, „Душеполезномъ Чтеніи“, „Томскихъ Губ. Вѣд.“, „Томск. Епарх. Вѣд.“, „Памятникахъ книжкахъ Томской губ.“, „Восточномъ Обозрѣніи“ и въ приложенияхъ къ нему—„Литератур. Сборникъ“) и составившихъ настоящій сборникъ, этнографія впервые обогатилась цѣнными для нея свѣдѣніями о котенкахъ Алтая. О важности ихъ для этнографіи можетъ судить каждый по изданному сборнику, въ который не вошли только „Краткая грамматика алтайскаго языка“ и „Словарь алтайскаго и алмайдскаго нарѣчій тюркскаго языка“, какъ вышедшія отдѣльными книгами.

За свое сотрудничество ученымъ Обществамъ о. Вербицкій былъ избранъ дѣятельнымъ членомъ Императорскаго Русскаго Общества Акклиматизаціи животнаго и растеній, членомъ — сотрудникомъ Западнo-Сибирскаго Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общества и дѣятельнымъ членомъ Томскаго статистическаго комитета. Въ послѣдніе годы своей жизни покойный состоялъ помощникомъ начальнаго мисіи Томской епархіи.

Скончался протоіерей В. И. Вербицкій 1890 году 12-го октября, на 63-мъ году отъ рожденія, въ Улалискомъ станѣ Алтайской Духовной мисіи. По объясненію доктора Л—скаго, съ которымъ покойный велъ переписку о своей болѣзни, послѣдняя явилась слѣдствіемъ многолѣтнихъ сопряженіяхъ съ различными грудоистами, онастомиями и лишеніями, поѣздокъ по Алтаю на верховой лошади. Объясненіе это будетъ вѣрнѣе понято, если принять во вниманіе, что въ теченіи 37-лѣтней миссионерской своей службы о. Вербицкій извѣдаль 36,000 верстъ верхомъ и притомъ, большею частью, по такой сырой мѣстности, какова Кузнецкая чернь.

Труды протоіерей В. И. Вербицкаго:

- 1) Краткая грамматика алтайскаго языка, подъ редакціей П. И. Палласова. Казань, 1869 г.
- 2) Словарь алтайскаго и алмайдскаго нарѣчій тюркскаго языка. Изданіе Православнаго Миссионерскаго Общества. Казань, 1884 г. IV + 494 в. 8°.
- 3) Записки воеводы алтайца. „Вѣстникъ Имп. Рус. Геогр. Общ.“, 1858 г., т. XI, стр. 77—109.

4) Записки миссионера Кузнецкаго отдѣленія Алтайской духовной мисіи. „Православное Обозрѣніе“ 1863—1869 гг., „Душеполезное Чтеніе“, 1861 г., IX, стр. 75—98, и „Томскій Губ. Вѣд.“, 1875 г., №№ 15, 17, 18, 22, 23, 25, 28—33.

5) Алтайцы. Содержаніе: топографія Алтая и его естественныя произведенія; происхожденіе алтайскихъ инородцевъ и раздѣленіе ихъ на племена: 1) алт. кымызы, 2) кымызы-авоиды, 3) телуаты и 4) червленые татары; наружный видъ алтайцевъ; одежда и обувь; жилища; пища и питье; языкъ; вѣрованія; нравы: 1) о отвореніи міра; 2) общирность міровоззрѣнія; 3) о происхожденіи Эрланга и другихъ различныхъ существъ; 4) семья Эрланга, его вѣщенія въ чуждыя; 5) вѣрованія чуждаго и сурденіе (1); 5) міръ Эрланга; брѣя Мамакшире съ нимъ и его околомъ; извѣреніе Эрланга и сурдъ его съ неба въ землю и съ земли въ преродномъ (2); 6) о вѣроуимъ ипотти (3); 7) происхожденіе шаманства; раздѣленіе языковъ и опредѣленіе безграмотности (4); 8) о Тенгере—Тедатей—небоязноватомъ (5); 9) Тенгере—Тедатей въ путешествіи Шаржагаты 2-го; 10) кончина ялаа съ ея пришествіемъ (6); историческія, богатырскія и др. преданія: 1) о подвѣдствіи Россіи телуатуговъ (7); 2) о подвѣдствіи Россіи телуатуговъ — савоидомъ; 3) о междоусобной войнѣ Амыр-Сангата съ Чаган-Нератаномъ; 4) происхожденіе жюрга «тургутты» и о подвѣдствіи Россіи алтайскихъ кымызовъ; 5) о Тенгекомъ сурдѣ (8); 6) Мраескій порогъ (9); 7) богатыри рѣка Катуня; 8) богатырь гора Катуня (10); 9) гора Катуня; 10) Мустангъ, Карабул и Кисекъ; 11) Ара-Киль (11); 12) Турмакъ; 13) вѣщенія богатыря Салагата (12); 14) Тахка-янгиты; 15) мѣла о происхожденіи вербана и осы (13); 16) Алтайскія чума; 17) происхожденіе сына мухдуусовъ и толкочево; 18) участь грамотности алтайцевъ (14); нравы, обычаи, обряды и примѣты; дѣленіе болыае; плѣны: 1) о разореніи Алтая; 2) тюрекия ялеса алтайскаго баглары Кызы (15); 3) бородатый Тель-беге; 4) плѣвъ о потерѣ мужа; 5) ялабыя влюбленнаго; 6) похвала супругѣ; 7) разлука съ супругомъ; 8) грустная чувства на чужбинѣ; 9) признательность къ родителямъ; 10) безплодность вѣтны на смерти; 11) ялабыя въ одиночествѣ; 12) послѣдніи товарищескія; 13) вѣщеніе о рождѣніи и выношеніи; 14) вѣщеніе рождѣніи; 15) плѣвъ о потерѣ сына; 16) о дружбѣ и согласіи; 17) чудно въ вѣщеніи; 18) наведѣя спроти; 19) вѣщенія родителей; 20) разлука съ дочерью; 21) остроты какъ пѣщамъ перчаткамъ; 22) Ордыя и Урей и 7 плѣсовъ бѣе вѣщанія; послѣдныя; заданія; 1870 г. №№ 1—5, 7—13, 16—19. Преданія, за извѣщеніемъ которыхъ стоить цѣлота въ словахъ, были напечатаны развѣ въ тѣхъ-же „Томскихъ Губ. Вѣд.“, именномъ: 1—1859 г., № 29; 2—1859 г., № 43; 3—1865 г., № 6 (см. также статью о. Вербицкаго «Слѣва мы омыслили Носѣа воевода» въ „Восточномъ Обозрѣніи“ 1859 г., № 30; 4—1865 г., №№ 17 и 18; 5—1865 г., № 31; 6—1860 г., № 30; 7—1868 г., № 29; 8—1860 г., № 37; 9—1862 г., № 37; 10—1862 г., № 24; 11—1861 г., № 27; 12—1859 г., № 45; 13—1861 г., № 22; 14—1865 г., № 18; 15—1864 г., № 9.

6) Колевыя инородцевъ Кузнецкаго округа по прр. Томи, Мрѣсѣ и Кюндомѣ. «Памятныя книжка Томской губ. на 1871 г.», изд. Томскаго статист. комитета.

7) Очеркъ дѣятельности Алтайской духовной мисіи по случаю пятидесятилѣтняго ея существованія (1830—1880 г.). «Памятныя книжка Томской губ. 1885 г.», изд. Томскаго статист. комитета. Томскъ, 1885 г., стр. 142—221.

8) Брѣя свѣдѣнія «объ Алтайской дух. мисіи, вѣдѣнованія въ работѣ помощника начальнаго мисіи Томской епархіи, протоіерей Вербицкаго, представляющаго имъ его предвѣщенію, пресвященнаго владыку Новаго при обширнѣйшумъ (происхожденіи алтайскихъ инородцевъ, раздѣленіи ихъ и подвѣдствіи Россіи, ихъ языкъ, вѣрованія, шаманство, жертвоприношенія, нравы, обычаи и обряды). „Томскій Губ. Вѣд.“, 1886 г., №№ 10—22.

9) Мирозосервіе и народное творчество сибирскихъ инородческихъ племенъ (описание, матеріалы): Алтайскія горы по легендамъ инородцевъ: 1) Аювны, 2) Шингалы,

3) Кизей, 4) Турамыг, 5) Садагой-гаг, 6) Калази, 7) Мазарая, 8) Кызыл-гал, 9) Улуг-таг, 10) Кур-яе таш, 11) Катуг, 12) Ак-гал, 13) Нагчо-галык, 14) Маноя, 15) Ог еттыг таш, 16) Базарган и Бедере-гал; 17) Улаво-жыбгыл, Алтайский Сборникъ, мал. редакція «Военногого Обзорьяна». Изд. 1858 г., стр. 337—351.

10) Слова из алтайских инородцев: происхождение богатырей; предсказание о рождении ихъ; оменности, которые совершаются они во время битвы; рождение ихъ в большом числе отъ престоавлькь родителей; иречение имени; роста богатырей и дикого силъ; богатыр, славо; богатыр, вооружение; богатыр, сила, богатыр, злое; богатыр, битвы. «Томск. Губ. Вѣд.», 1882 г. №№ 33, 44, 45 и 1883 г. №№ 8, 14—16.

11) Памятникъ наказанной вѣрности и оскумания (предания алтайцев о богатыряхъ, обратившихся потомъ въ горы Абгаган, Мустагъ и Аярадошъ). «Томск. Губ. Вѣд.», 1861 г., № 27.

12) Алтайскій богатырь Олугуджъ (предание черемныхъ татаръ). «Томск. Губ. Вѣд.», 1868 г., № 2.

13) Люди, ироставившиеся въ зѣбрь и птыль (изъ естественной исторіи алтайцев): медведь, кузунка, козла, глухарь и карасель. «Том. Г. В.», 1869 г., № 39.

14) Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ, собранные В. В. Радловымъ (Сиб., 1868 г.). «Томск. Г. В.», 1874 г., №№ 13, 18, 19, 21 и 22.

15) Мустагъ, Карабурга, Кизей и Турамыгъ (легенды кузунскихъ татаръ объ образованіи этихъ горъ). «Томск. Губ. Вѣд.», 1865 г., № 1.

16) Торуш—Музыканъ; легенда алтайцев о происхожденіи разноязычныхъ наемной и шавшювылькь. «Томск. Г. В.», 1863 г., № 27.

17) Забѣтаны на старомъ обь Алтѣк; «Татарскія плѣны», П. Апанашинъ, въ «Томск. Губ. Вѣд.», 1859 г., № 2 (приведена легенда о сотвореніи міра). «Томск. Губ. Вѣд.», 1859 г., № 13.

18) Первая плка человека по изгнаніи его изъ «арунъ-сводонъ»; вражда съ животными; происхождение огня, суржурства и смерти (по сказанію алтайскихъ инородцевъ). «Томск. Губ. Вѣд.», 1860 г., № 35.

19) Понятія алтайскихъ инородцевъ душъ. «Том. Г. В.», 1860 г., № 5.

20) Названіе мѣсяцевъ у черемныхъ инородцевъ Кузунскаго окр.: 1) по весеннему равноденствію, 2) по продолжительности дня, 3) по созрѣванію хлеба, 4) по историческимъ событіямъ, и 5) по занатіямъ, свойственнымъ извѣстному племени. «Томск. Губ. Вѣд.», 1864 г., № 3.

21) Слова (кость, ротъ, шовальня) алтайцевъ. «Томск. Г. В.», 1865 г., № 42.

22) Алтайскія береза (о почитаніи ея у алтайскихъ калмыковъ и кузунскихъ татаръ). «Томск. Г. В.», 1859 г., № 5.

23) Питье въ Алтѣй (вода, чечень, кумысъ и арава). «Том. Г. В.», 1861 г., № 14.

24) Малочисленная порода (людыя) у алтайскихъ инородцевъ. «Томск. Г. В.», 1863 г., № 49.

25) «Селгиръ» (прилагательное номя на Алтѣй). «Томск. Г. В.», 1864 г., № 29.

26) Питьеотъ «олавыльскъ» словъ, употребляемыхъ при-алтайскими жителями. «Томск. Губ. Вѣд.», 1858 г., № 30, 1862 г. №№ 7, 16, 48, 49 и 1863 г., № 26.

27) Предразсудки и суевѣрія при-алтайскихъ жителей: 1) въ религіозномъ отношеніи, 2) въ домашнемъ хозяйствѣ и 3) въ вѣнчаніи болѣзней. «Томск. Губ. Вѣд.», 1863 г., № 12.

28) Русская паряя баша. «Томск. Г. В.», 1862 г., № 40.

Алтайскіе инородцы.

Топографія Алтая и его естественныя произведенія.

За нѣсколько сотъ верстъ по дорогѣ отъ г. Томска къ г. Байсеку, Алтайскія горы поражаютъ наблюдателя своимъ видомъ. Непривычный глазъ затрудняется отличать ихъ отъ густыхъ, синихъ облаковъ. Но вотъ онъ близится, облачный видъ исчезаетъ; видно, что это ильнъ высочайшихъ скалъ, даже забитыя на нихъ и признаки растительной жизни. Теперь всякій скажетъ, что это горы. Но далеко ли онѣ? Житель долины, привыкшій нагляднымъ образомъ определять расстояние между предметами, мало еще опомнеться, если скажетъ, вѣсто дѣйствительныхъ 100 верстъ, 50 кажущихся. Такъ горы обманчиво сокращаютъ расстояние.

Алтай Томской губерніи граничитъ къ сѣверу верховьями рр. Усы и Томи, къ югу—хребтомъ Хомульскимъ и Китайскими караулами: Шинштей, Уростъ, Уеун-Табата, Чиндагалугъ, Укукъ, Филдартъ, Табата и Суокъ; къ востоку—озеромъ Даудунулъ и границею Европейской губерніи; къ западу—бѣлками: Косенскими, Чарыльскими, Алуянскими и р. Песчаной.

По всему этому пространству раскинулася величественный Алтай своими хребтами и отрогами, отъ сѣвера на югъ приблизительно на 1000 верстъ, а отъ востока къ западу на 700. Южная часть этого пространства, по лѣвую сторону р. Катунь и по правую—отъ устья р. Суюмты до Толецкаго озера, по преимуществу называется здѣсь Алтаемъ и отличается высотой каменныхъ горъ разныхъ формъ и очертаній: тутъ видныя и огромныя зубцы, и стѣновидныя уседъ слоистаго камня, заостренныя въ треугольникъ, и синія скалы асиметрическихъ плитъ съ глыбами голубой и убѣжливой змѣи, и отдѣльно возвышающіяся круглыя сопки. Но надъ всеми этими горами царятъ Катунскія столбы (бѣлыя), на подобіе сахарныхъ головъ, возвышающіяся и исчезающіе въ синеѣ небесъ. Зѣбролювы увѣряютъ, что съ каждымъ годомъ на этихъ столбахъ нарастаетъ новый слой льда и доказываютъ эту гипотезу глубочайшей трещиной ледяного свойства на одномъ изъ нихъ. Сѣверная часть Алтая отличается тонями и болотами между болѣе отлогихъ горъ, покрытыхъ хвойнымъ лѣсомъ, и изо-

бывают дикими, непроходимыми трупобами. Эта часть собственно называется черной.

Алтайскія горы перерзаны рѣками, рѣчками и ручьями, которыя то смиренно омывають подошвы горъ, то съ шумомъ стремятся по самымъ хребтамъ ихъ и пѣнаютъ въ водахъ.Замѣчательныя рѣки: Катунь (госпожа), Бя (бѣй—господица), которыя въ соединеніи составляютъ Обь, Чудашмань, Башкоуль, Абаканъ, Томь съ дѣтныи спонимъ: сыномъ Мрасомъ и дочерью Кюндюкою, Чуя. Изъ озеръ болѣе другихъ замѣчательно Теленское, которое находится въ сѣверной части Алтай, въ длину простирается на 75 верст; самая большая ширина его 6 верстъ, а маляя — около 400 саж., глубина простирается до 135 саж. Вода его возвышается на 2 1/2 саж.; замерзаетъ въ исходѣ ноября, но только сѣверная часть, а южная замерзаетъ очень рѣдко (лѣтъ чрезъ 20), вскрывается въ началѣ марта. Русскіе назвали Теленское озеро въ 1632 г., подъ предводительствомъ боярскаго сына Петра Собанекаго.—Алтайскія рѣки быстры, такъ какъ болѣею частью падаютъ съ горъ, каменисты и обильны рыбою. Здѣсь водятся: осетръ и стерлядь (въ Катунѣ), нельма, ускукъ, харьузь, таймень, щука, окунь, налима, язь, сорoga, усачъ (въ Чуѣ), ершъ, чебакъ и въ большомъ количествѣ сѣдь (въ Теленскомъ озерѣ). Въ озерахъ: карась, лѣнь и много пѣвочкѣ. Быстрота дѣйствіяхъ рѣкъ препятствуетъ скорому ихъ замерзанію. Самый пролѣсъ замерзанія совершается здѣсь иначе, чѣмъ въ Россіи. Къ камнямъ, проникнутымъ холодомъ, вода начинаетъ примерзаетъ, отчего образуется на нихъ ледовитая кора. Но эту кору покровъ постоянно отбивается волнами, всплываетъ наверхъ и большими массами несетъ по теченію, какъ въ Россіи, взломанная весною, ледъ и напыляется здѣсь шугою. Наконецъ, шуга, сгубляясь болѣе и болѣе, пристаеъ къ берегамъ и превращается въ настойный ледъ.

Въ 15 верстахъ отъ верховья р. Катунѣ къ югу замѣчательны два дѣлительные ключа: горячій и холодный. Оба, на языкѣ алтайцевъ, называются *Аржан* и весьма известны по своей пѣвочкѣ и славе.

Рѣки начинаютъ таять въ юнѣ мѣсяцѣ и дѣлаютъ необыкновенный переворотъ, особенно въ южной части Алтая: тогда не только рѣки, но ручьи и потоки выходятъ изъ границъ и разливаются на большія пространства. Этого лѣтняго разлива рѣкъ бываеъ часто болѣе весеннаго.

Горы Алтая покрыты деревьями: кедромъ (*мѣсъ, жуукакаши*) сосною (*караай*), сихтою (*сиб*), березою (*кайн*), осиною (*осака*), черемухою (*тѣмжурет, тедря*, *ю бут, нѣмжурт*), рябиною (цѣло), *соейга*, липно (въ Кузнецкой черни по р. Миташу), ольхою (*ниж-аши*, близъ Теленскаго озера и въ верхнихъ р. Мрасы), тополею (*терек*), сѣлю (*тѣмѣ*), осокорью ветлою, вербою (*таа*), бояркомъ (толоно); кустарниками: калиною (*мажжана*), жимолостью (тѣбуру), малиною (*аши-тѣлѣк, аши-тѣленѣ*), смородиню черною (*карачат, бора-чот*), — красною (*кызылат*), бузиною (*жешт-сеок, зюнь-и каж*), подчымъ лыкомъ (*олай терезе*), обліхнкою (*Нурродрѣ рѣат-*

ноиде при рѣкахъ), акаціею (большую и малую *шагтын*), тавалгою, ежевикою (*тѣмат*) шиповникомъ (*тѣлѣк*), крупниою (*зюот-тѣмжурѣд, аблѣк-нѣмжурт*), вересомъ (*аржан-зелѣ*), тальникомъ разныхъ видовъ (*сары-таа, кара-таа, ак-таа, куа-таа, зѣка-таа, кырыч-таа*); сверху то въ южной части Алтая: лственницею (тѣт), мораломъ или альпійскою розою (Rhododendron Daluricum), которая покрываетъ камни, какъ алынь сукномъ, и крыжовникомъ. Прегорья Алтая покрыты роскошными ковромъ цвѣтовъ и зелени. Въ сѣверной, Черной, части Алтая травы отличаются исполнениемъ растеній и сочностью, а въ южной части царство растеній представляетъ болѣе разнообразіе, пѣвочности и аромата. Весною посѣвъ *налов*, этой превосходнѣйшей горной калюминатіи, не замѣнной и миллионами плешекъ, очищенная земля недолго носитъ на себѣ мрачный характеръ. Развивающаяся зелень болѣе и болѣе разлагаетъ печальный видъ обожженныхъ горъ. Онѣ бурьютъ. Но вотъ зелень съ каждымъ днемъ беретъ перевѣсъ надъ чернымъ фономъ—разцвѣтаютъ перныя, такъ сказать, подогбанные растенія: вѣтреница бѣлая (*кой-чекек*), называемая народцами *калѣвочино матерю*, потому что всегда за нею является кадыкъ (*Euphrasium dens canis, нес*), даѣе фиалка желтая (*Viola Altaica*) и синяя, (*collina*) стародубца (*Adonis vernalis*), лютика, тронцѣвка (*Aquilegia grandulosa*), борецъ (*Delphinium intermedium*), прирѣтъ разныхъ видовъ (*Aconitum*), Марьяно гореме (*Ranunculus anomala, майна бон*), реууха (*Hasturium palustre*), висцера (*Macropodium nivale*), клоповникъ (*Lepidium ruderale*), лаванда (*filene inflata*), собачья (*Agrimonia Eupatoria, кой тукхем*), просвирнѣ (*Malva et Althaea*), ашрѣбой (*Hypericum perforatum*), снѣгъ (*Tracosperalum pitans*), каневый на подобіе папоротника, сладковатый, вязиль (*medicago*), доинскъ (*Meilollus off. et Spigaea Eilipendula*), солодка (*лам-зѣлек*), мышиный горохъ (*зелѣн тѣриак*), лабазникъ бѣлая (*спѣгае ulmavia, саз-улоаи*), травилатъ (*Geum off. et rivale*), завязникъ (*Fornentilla erecta*), чилимъ, рогульинскъ, водняне орѣхъ (*Targa natans*), кипрей (*Eriolobium angustifolium*), баданъ (*Saxifraga, камаан*), дильчипскъ (токут пѣтыртамъ, сѣк пѣтыртамъ), омегъ (*conium maculatum et sicuta virgosa*), вѣхъ (*Phellandrium aquaticum*), подмаренникъ (*Galium*), магы и махча (*Tussilago farfara*), денсильтъ (*Inula Helenium et salicina*) малый (*Xanthium strumarium*), польнѣ (въ Черни гѣтъ), марюинскъ (*esc коумрай*), репейникъ (*Lappa maior, ухъ, абалатки*), серпуха (*Serratula, Сепірыс*), тринистикъ водной (*Menyanthes triflora*), пасленъ (*Solanum nigrum*), бѣлая (*Hyoscyamus niger*), дурманъ (*Datura stramonium*), медвѣжье ухо (*Verbascum thapsus*), тисученистникъ (*Achillea millefolium*), майникъ (*Maianthemum bifolium*), вѣжечка (*Tarritis glabra*), гвоздика (*Dianthus*), пшеничникъ (*Thalictrum*), гуляндя чихотная (*Parmicia vulgaris*), пулавка (*Anthemis Crista Galli*), воробинное сѣмя (*Lithospermum arvense*), почала красавца (*Hesperis matronalis et iodora*), глухая крошва (*Lamium album*), горлянка (*Prunella vulg.*), горькая трава (*Saussurea*), Егерьево копье (*Ve-*

ronica longifolia), чертополох (*Cirsium heterophyllum*), золотушник (*Senecioia pedosa*), вербейник (*Lysimachia thysiflora*), песчанка (*Arenaria*), колокольчик разных видов (*Campanula*), козлобородник (*Tragopogon pratense*), швед (Crepis), колюшка (*Stachys palustris*), плакун (*Ligustrum calcicaria*), воронец (*Paris quadrifolia*), бадыраглы (*Valeriana*), кошачья (*Asarum europaeum*), шиповая трава (*Pedicularis palustris*), боргородская трава разных видов (Thymus), колючая мята (*pereta sibirica*), подпупил (*Plantago major*), солянка (*Salicornia herbacea*), лебеда (*Atriplex*), змиевник (*Polygonum bistorta*), репей (*Rhenum sibiricum*), молочай разных видов (*Euphorbia*), уртика (*Urtica tens et divica*, *чаккагалак*, *ачи чаккамак*), конопля, хмель (*каядик*, *кымынак*), шильник водяной (*Alisma plantago*), кукушкины слезы (*kok-mannany*), касатик (*Jris*), слизун (*Allium pinians*, *наыр*), горный лук (*All. fitiosum et victorialis*, *оюю*), луговой чеснок (*All. lineare et senescens*, зрх усхум), казба (*All. ursinum*), чемерица белая и черная (*Ак-сыриан*), валонишник (*Turpa laifolia*), пры (*aconitusa amys*), осва разных видов (*курек*), пырей (*Triticum repens*), палортник (*пырт аркын*), кашкара (*Rhododendron chrisanthum*), заячьи капуста, сорочьи ягоды (*Polygonum off.*), баранишник (*argica*), чистяк (*Cheidonium majus*), шавель конский (*Rumex obtusifolius*), татарское мыло или барская свёкла (*Lychnis chalcedonia*, *самы-элен*).

Алтай населяет млекопитающими животными, для которых дѣятельные леса и неприступные скалы служат надежным приютом. Здѣсь водятся: рысь (*рыс*), волк (*жор*), лисица (*тылкук*), медведь (*шо*, *обик*, *мады-алай*), барсук (*парук*), розомама (*тежес*), выдра (*кады*), соболь (*кып*), хорек (*кузюк*, *таон-мык*), колончик (*срар*, *куксуку*), горностай (*асас*), ласочка (*тогтонока*), летучая мышь (*пратан*), заяц (*койон*) — длиннохвостый (*тушай*), сурок (*нарбан*), земляная медведка (*Sralax Тайрин*, *наюм*), хомяк, крота сибирская, мышь разных видов (*чичан*, *ламчичан*, *су-чичан*, *кызыл-чичан*), бѣлая (*тыны*, *саык*), бурзудук (*кюрюк*), дятла (*Pteropus volans*, *бабаран*), кабарга (*наырай*), лось, сохатый, (*рукан*), харал (*сегус еларин*, *сыны*), олень (*ас-ки*, *самка-муяк*), косуля (*лык*, *самец-кунан*, *самка-тоюган*), каменный козель (*самец-теж*, *самка-топка*), каменный баран (*самец-кочкор*, *самка-аркыр*), сайга (*тежес*), кабан (*какай*, *тонос*).

Птицы: орел бородатый (*тас*, *чимул*), — бѣлохвостый (*кычуло*), сокол (*карчич*, *мечин*), беркут (*парбылган*), ястреб, коршун (*теюлен*) сичь, сова, филин, ворон (*кусур*), ворона сѣрая и черная (*кара*), грач, галка (*таган*), соворка (*сансылган*), сойка, рохля (*тарак*), скворца (*парадаси*), вьюга (*асару*), скворец (*карабарган*), дрозд разных видов, соловей (*торик*, *кузюк*), игошница (*Silvia aegedula*), пливка (*Motacilla Пава*), тригуска (*M. boarula*), занорозник, синица, синиры, жуланчик (*Pugnula vulgaris*), воробей, подшой воробей-синий (*Alcedo ispidi*), джеголь, кукушка, жонья, дятель разных видов (*топурин*, *алаи*), ласточка (*кармаши*), стрижа,

голубь, горлица, глухарь, косачь, рябчик, куропатка, перепелка, дрофа, стрепетъ, куликъ разныхъ видовъ, журавль (*турна*), палла, бекасъ или баранишник, каргаселъ, гагара, чайка, лебедь (*кун*), гусь (*кас*), утка разныхъ видовъ (*су-тин*, *урток*).

Пресмыкающиеся: лягушка (*мага*), ящерица разныхъ видовъ (*кассекти*), зѣя (*бѣла*), мѣдица (*ок-бѣла*). Зѣйка особенно на каменныхъ горахъ, очень много, но изъ невелики и мало ядовиты. Ужалы ихъ не смертельны и лечатся зѣбей, преимущественно, конскимъ потомъ. Въ юнѣ мѣсяцѣ зѣйки издаютъ вечерами, по выражению Палласа, «скрипящія, вѣзные и продолжительныя звуки». Звуки эти походятъ на скрепленіе сверткаго, но только громче и безирризмѣе. По разсказамъ инородцевъ, существуетъ въ горныхъ пещерахъ огромной величины змѣя-пылазъ, но онъ, кажется, скорѣе существуетъ въ ихъ фантазіи, чѣмъ въ пещерахъ.

Насѣкомыя: пчела (*ары*), муха (*баромыи*, *корючак*, *амы*), кобыла (*абачилъ*), майка, замѣляющая вполнѣ пшанскую муху, жуки, гусеницы, муха (*падыт*), бабочка разныхъ видовъ (*комак*), осы (*чарь-арыза*), поршни (*мамыр-ары*), оводъ (*маас*), муравьи (*чѣлама*, *комыгаш*), черви (*кунит*), комары (*еож*), мошки (*табакан*).

Непоказьями: золото, серебро, свинецъ, мѣдь, желѣзо, магнитный желѣзнякъ, красная и желтая орха, известъ, глина бѣлая, каменный уголь, соль, разные камни: кварцы, песчаники, сланцы, омакѣнѣлости, мамонтовые кости и проч. Золотые прииски и рудники находятся болѣею частью въ сѣверной части Алтая. Гора лучинухъ жирновухъ и тошальныхъ камней находится на правой сторонѣ р. Кондома, въ 65 верстахъ отъ ея устья. Разработку жерновухъ занимаютъ крестные деревни Кузедеховой, пріобрѣта отъ своей горы-коршунки отъ 1000—2000 руб. сер. наждодню. Работаютъ артелими (отъ 2—7 человѣкъ), въ 12 мѣсахъ, изъ которыхъ каждая можетъ дать на 200 р. сер. въ годъ. Плана на мѣстѣ семирки (7 четв. въ диаметръ и 1 верст. толщину)—29 р., шестерки—10 р., пятники—8 р.; тончай отъ 1—3 р. Если же деньги забираются впередъ, какъ и бываетъ обыкновенно, тогда дѣлается значительная уценка.

Хороше ослезъ вымывается р. Сайнасогъ, при ея впаденіи въ р. Мрасу, а въ верховьяхъ р. Изима, въ южной части Алтая, можно добывать литографіе камиш. Огромные залежи желтой орхи находятся при р. Бинъ, въ верстахъ 100 выше в. Бійска, а красной—на правомъ берегу р. Мрасы, въ 40 верстахъ отъ ея устья.

Происхождение алтайскихъ инородцевъ и раздѣленіе ихъ на племена.

Въ 1367 г. съ удаленіемъ Тохеса-Темюра съ китайскаго престола въ свою отчину — Монголю, *чажуртская монголы* образовали сильный союзъ изъ трехъ локальных: Шохотъ, Торгогъ и Чоросъ, объявивъ главнмъ своего союза Чороскаго князя Махмуда, какъ старшаго между ними, и появився

на политическомъ попринцѣ подъ названіемъ *Ойратовъ*. Могуцество этого союза держало въ страхѣ Китайскую имперію болѣе трехъ съ половиною вѣковъ. Внукъ Махмуда Эсень привелъ въ исполненіе замыслъ отца своего и дѣда и въ 1449 г. привлекъ къ Великой Стѣнѣ всѣ силы Монголіи и вступилъ въ предѣлы Китая. Началось сраженіе, которому мало прижрѣвать въ исторіи. Съ Китайской стороны не осталось въ живыхъ ни одного министра, ни одного полководца; ратники потонули въ своей крови. Эсень убитъ въ 1453 г., и со смертію его умерло могуцество Ойратовъ и кончился бластательнѣйшій періодъ Чагунгарскаго ойратства, обломки коего, тѣснимыя междуособными войнами другихъ монгольскихъ племенъ, перешли въ началѣ XVII столѣтія изъ Тибета на сѣверъ, за Алтайскій и Саянскій хребты, и принявъ надъ собою власть Россіи.

Потомки Ойратовъ, поселившіеся въ Алтаѣ, называются въ настоящее время: 1) *Алтайскіе калмыки*. Они кочуютъ въ южной части Алтая, въ Байскомъ округѣ, при рѣкахъ: Чарышу, Катуні и рѣчкахъ, вытекающихъ въ оныя, и раздѣляются на *семь дюжины* (волостей). Число ихъ и. п.—6047, ж.—5780, всего же 11,827, управляютъ *зайсанами*, которые наследственно передаютъ права свои старшему сыну или ближайшему родственнику. Второе лицо по зайсанѣ—*судъ*. Для рѣшенія спорныхъ дѣлъ собираются суды трехъ зайсановъ, и опредѣленія ихъ считаются неизмѣнными. Третье должностное лицо—*демичи*, на обязанности коего, преимущественно, лежатъ сборъ *ясака* (подать пушнину).

2) *Калмыки-двояданы* (*Уркукай*), кочующіе въ южной части Алтая по рр. Чувъ, выходящей изъ Катуні, Башкоусу и Чулымзуну, протекающимъ въ Телецкое озеро, на Курайской и Чуйской долинахъ и по р. Тоголовкѣ, выходящей въ р. Аргухъ. Этотъ родъ калмыковъ называется *двояданами* оттого, что до 1865 г. они подчинялись двумъ правительствамъ: китайскому и русскому, и платили двѣ подати: въ октябрѣ мѣсяцѣ въ Байское окруженіе они вносили 160 караванъ и досиныхъ ковъ, цѣною на 200 р., и въ началѣ февраля свозили подать китайскому правительству. Сборъ этой подати состоялъ изъ соборавъ, положенныхъ по два на каждаго калмыка-двоядана, а сдача происходила въ китайскомъ городѣ Буенггѣ, въ востокъ отъ Чуйской степи, въ разстояніи 12 дней верховой ѣзды. Число двояданцевъ простирается до 2000. Они раздѣлены на двѣ волости, управляютъ *зайсанами*, которые имѣютъ у себя въ распоряженіи помощниковъ *демичи*, *арбанага*, *мушени* и *бошки*. Зайсаны, за исправное отправленіе своей должности, получаютъ отъ китайскаго правительства ясливою шапку, въ родѣ шапки, украшенной наверху прикрѣпленнымъ малиноваго цвѣта кругловатымъ камнемъ, съ кистью подъ нимъ изъ краснаго крученнаго шюка и четырьмя павлиными большими перьями, вложенными въ серебряную и стѣклную оправу. Это отличіе разнится первую ойфенскую шину. Демичи и арбанахи жалуются такими же шапками, но первая—съ однимъ бѣлымъ камнемъ и кистью, а послѣдніе—безъ этихъ прикрасъ. Сверхъ этого зайсанъ первой двоядан-

ской волости носитъ золотую медаль, жалованную предку его императоромъ Павломъ Петровичемъ. Зайсанъ и демичи, сланимъ исправно въ Буенггѣ подать, получаютъ въ награду: первый—12 корытокъ серебра, а послѣдній—12 арш. канды и въ пользу народа, платившаго подать, по 90 копейкъ дабы на каждую волость. Въ настоящее время китайское правительство освободило отъ этихъ подарковъ, такъ какъ двояданы въ 1865 году перестали платить подать тому правительству, котораго землемо они не пользуются.

3) *Телеуты*, по распадѣн ойратства, приковчави въ вершины рѣкъ Енисея и Иртыша, потомъ прошли Обь и жили по рр. Кузундъ, Талдъ, Оби, Алею и Чарышу, а перейдя Сибирь, пришли къ р. Томи и поселились главнымъ образомъ при рр. Большомъ и Маломъ Бочатахъ, гдѣ и доселѣ живутъ осѣдло большими улусами, также на правомъ берегу р. Томи, пониже г. Кузнецка, и въ недавнее время переселились въ Байскій округъ, составивъ инородческія селенія Узалу, Мыюту и проч. Большая часть изъ нихъ, во время кочеванія, потеряли свою народность и языкъ, и разбѣсны на принявшихъ магометанство *Турбеть-Ойратовъ*, Семипалатинскихъ *Ташкенцевъ*, Томскихъ *Сведламовъ* и *Сартъ-Аймаковъ*, поселившихся на при-подлежащихъ степяхъ. Алтайскіе телеуты въ Кузнецкомъ округѣ состоятъ изъ трехъ волостей, въ количествѣ мужск. пола—1498, женск.—1493, обоего 2991, управлѣемыхъ старостами и кандидатами: въ Байскомъ же округѣ они вошли въ составъ трехъ инородныхъ управъ—Быстринской, Кошкинской и Саранской, въ числѣ муж. пола—1353, жен.—1438, всего—2791.

4) *Черные татары*, получивше названіе отъ мѣстности, ими занимаемой, покрытой знойнымъ лѣсомъ и *чернойцею* издаль, суть племена сомнительнаго происхожденія. Языкъ и вѣрованія ихъ ихъ общи съ алтайскими калмыками. Поэтому можно думать, что они монгольскаго же корня. Но можетъ быть они и финскаго племени, только смѣшанъ съ народностью монгольскою. Черные татары: а) *кочуютъ* въ сѣверной части Алтая, при озерахъ Телецкомъ, по рр. Бин, Лебеди, Томи, Мрасѣ, Кондомѣ, Мындабату, Пызасу и рѣчкамъ, въ оныя выходящимъ; б) *осѣдло* живутъ улусами и аулами при устьяхъ рр. Кондомы и Мрасы на протяженіи 100 верстъ, по рѣкѣ Уекату и по р. Бин.

Въ Кузнецкомъ округѣ, въ разрядѣ осѣдлыхъ инородцевъ, состоятъ слѣдующія семь волостей:

	муж.	жен.	обоего.
Алпыхайская	204	235	449
Баянская	309	118	427
Тогуская	176	196	372
Кумская	229	200	428
Камарская	125	120	254
Шуяская	355	385	740
Ичинская	296	322	618
Итого	1704	1794	3498

и двадцать две волоски колючих ироудцев, а именно:

	муж.	жен.	обоюг.
Абинская	117	114	231
Тагабская	387	371	758
Алхыштынская	294	290	584
Керешская	95	84	179
Едьева	69	77	143
Богоракова	324	275	599
Казанова	437	408	845
Кондомско-Барсаяская	351	390	741
„ Бежбокова	389	350	739
„ Елейская	247	254	501
„ Карачерская	378	311	689
„ Итберская	489	462	951
„ Шелкальская	300	214	514
Итиберско-Шерогаева	167	147	314
Мраско-Бежбокова	348	338	686
„ Елейская	293	261	554
„ Изумерская	319	266	585
Близие-Кургинская	36	29	65
Дальне-Кургинская	243	256	499
Кызльская	104	79	183
Кийская	96	80	176
Кивийская	129	69	198
Итого	5583	5125	10708

Въ Байскомъ округѣ кочевые Черные татары состоятъ въ семи волостяхъ:

	муж.	жен.	обоюг.
Нижне-Кумандинская	831	740	1571
Верхне-Кумандинская	322	284	606
Гузевская	275	232	507
Южская	251	232	483
Комляжская или Кондожская	756	705	1461
Кергеская	378	383	761
Тогульская	121	116	237
Итого	2934	2692	5626 1)

Алтайскіе ироуды, кромѣ официального раздѣленія по дочинамъ и

1) Вѣхъ ироудцевъ Байскаго и Куменскаго округовъ:

Освѣдхъ	4833	328	9861	} (отношение одного пола къ другому не естественно), исключая двоюродныхъ и Бух-Кочевыхъ
Итого	14.578	8401	22979	

гвармиской волости.

волостямъ, раздѣляють себя еще на множество родовъ, или поколѣній (*сөөк* кость). Происхожденіе сөөковъ различно. Одни имѣють родоначальниками людей, другіе происходятъ отъ горъ, напр. *Чабан* отъ горы Сибире на лѣвой сторонѣ р. Ви, иныя—отъ швей дресневыхъ, напр. *Тастар* (платиновые) и проч. Сөөки Ойротовъ, сохраняющіеся свято въ памяти народа, разбросаны на большой прострѣтанъ: одни и тотъ же сөөкъ можно встрѣтить и на берегахъ Волги, и въ Сибири, и у Великой Стѣны.

Наружный видъ алтайцевъ.

Господствующій типъ алтайскихъ ироудцевъ: средній ростъ, сухоплоскость, лице плоское, лобъ низкій, скулы выдались, волосы и брови, какъ смоль, черные, жесткіе, какъ конская грива, глаза выпираютъ подъ лобъ, носъ безъ переносицы, и потому разстояніе между глазами кажется довольно пространнымъ; у мужчинъ или естественное отсутствіе бороды или околѣние подбородка посредствомъ выдериванія рѣдкихъ волосъ; голова гладко выстрижена до теменн, на которомъ у южныхъ алтайцевъ оставленъ пучокъ длинныхъ волосъ и заплетенъ въ косу; алтайцы съверные, равно какъ и ноноеренные изъ южныхъ, стригутся какъ мѣдямъ. Женщины заплетаютъ двѣ косы, которыя, будучи соединены въ кошачью, висятъ ниже пояса. Дѣвчца заплетаютъ три, пять и семь косъ (непрежимо *нечетно*). Ноги алтайцевъ, болѣею частью,—кривыя отъ ихъ привычки постоянно ѣздить верхомъ и при томъ въ короткихъ стременилахъ и отъ подката сидѣнья на полу. Походка съ переваломъ изъ стороны въ сторону, съ широкимъ шагомъ отъ привычки ходить на лыжахъ. Тѣло колючихъ ироудцевъ засаленное, прокопченное, закорузае и никогда не мытое.

Одежда и обувь.

1. Въ южномъ Алтаѣ зѣтняя одежда мужчинъ состоятъ изъ рубахи, болѣею частью дабниной, итаичатой или изъ дешеваго ситца, съ широкими рукавами и косымъ воротомъ съ оловянной тирюгой, которая, впрочемъ, принята для украшенія, потому что никогда не застѣпывается, или для тирюгѣя ворота къ низу, и короткихъ, едва покрывающихъ колѣны штановъ изъ толстаго холста съ ярчимъ шурмомъ около тали, одинъ конецъ котораго едва не достаетъ до земли. Этого шурма, чѣмъ виднѣе изъ-подъ короткой рубахи, тѣмъ красивѣе. Въ жаріе дни рубаха снимается. Сверхъ рубахи надбвается при случаѣ хаалатъ, напоявый или дабниной съ широкими въ плечахъ рукавами, съ каймой на правой полѣ и подоломъ, въ 2 вершка ширины, разнаго цвѣта съ главною матеріею, съ синей и красной напиками на рукавахъ, которая идетъ полосами, начиная отъ локтя. Кромѣ хаалата, употребляется еще *кожонъ* изъ даменной кожи лошадиной или дикихъ козъ. Зимняя одежда состоятъ изъ кафтановъ, спитыхъ изъ мягкой конны, шубъ

бараньих, непременно белой шерсти, простых и крытых панамой, нанкой или дабой, непременно с каймой, как у халата. На бараньей шубе кайма полагается, большую часть, из конской кожи, шерстью вверх, преимущественно рыжого цвета. Рукава у шубы еще просторнее в плечах, чем у халатов, так что спина зажимается в шпирину не более 4 вершка, а остальная задняя часть занята рукавами, которые торчат взад и наводят подозрение на хозяина шубы: не связаны-ли у него руки в локтях? Ноги обуты летом и зимою в кожаные, легкие, остроносые сапоги (чержи) без каблук, с широчайшими голенищами, которые на долю перелома оставляют всего вершка два или меньше, с чулками из конки. За правую голенищу закладывается кожаный коньек однообразной формы, только у женщин можно встретить другую форму коньета, привезенного из описок. У людей недостаточных делается из кожи только нижняя часть обуви, а голенища — из толстого холста. Зимой надевают еще на себя *доги* или *ли* из диких коз, шерстью вверх, а на ноги — *кисы* (сапоги из кожи этих же животных, сшитой с ног), которая носится шерстью вверх-же. Вместо чулок наворачивают на ноги или мягкую пушистую траву, на подобие осоки, которая называется *задыма*, или мягкую траву, называемую *оюнот*. Эти травы тенге чулок, и ноги в них не потнут. Сверх одежды народы подпоясывают ремнем, на котором на отдышках ремешках висит нога в деревянных или костяных ножках и отigno в кожаной оправе с сумочкою для кремня и трута. Без этих принадлежностей атаек никогда не бывает. Шапка зимою и летом пирогаобразной, служебной клячу формы, с околышем из черной мерлушки, соболи или лисицы и втулкою желтою, зеленою или красною, с разноцветными кружком на среднй и двумя назади лентами, которыми завязывается околыш. Из-под шапки висят косы или свободно или привязываются к ее концу большую мѣшную пуговицу или другое что-либо бесцельное; так, напр., мѣш случается висеть у одного при-Телецкого зайсана на концѣ косы большой хрустальной пробку от графина, которая как звезда блистает и границами своими отражает солнечные лучи. Женщины одхватся так-же, как и мужчины: в шпанахъ, сапогахъ и паняхъ; но есть и различіе. Вместо рубахи летом надевают ови *чездок* из дабы, китайки или нанки, преимущественно синего цвета. Покрыт чездока походит на фракъ сь длинной талией; кровь рукавовъ у него есть и другія отверстия для руки, а рукава болтаются только за урядъ. *Чездок* кругомъ обложенъ лентой яркаго цвѣта, застегивается подъ шей двумя красными стеклянными пуговицами, величиною съ большую горошину. Зимой чездокъ надевается сверхъ шубы. И такъ фракъ есть ничто иное, какъ чездокъ алтайскихъ дамъ!. Если косы служатъ украшеніемъ вообще конскихъ головъ, то алтайские въ особенности.—По всей косѣ насажены мѣшныя солдаты пуговицы. Концы косъ непременно должны быть нелепа, и если этому не дозволяетъ природа, то помогаютъ искусствомъ, прививая въ косамъ шпурки изъ конской гривы или изъ шерсти. Косы соединены между собою нѣсколькими

ванизями изъ пуговицъ, корольковъ, раковинокъ (мѣшныя головки), лежащими на-зади полукругомъ и у фронтисъ покрывающими всю заднюю часть какъ-бы панциремъ, который при малѣйшемъ движеніи шумитъ и гремитъ. На концѣ косъ встрѣчаются также и клячи. Серги употребляются болѣею частью мѣшныя или оловянные съ бѣлымъ птичьимъ пушкомъ; къ нимъ придѣланы на шпуркахъ подвязы изъ пуговицъ, соединенныя съ косами. Околыши на шапкахъ нелепохъ можно встретить изъ шеекъ дикихъ соленей, что очень красиво. Вместо шапокъ близъ Теленскаго озера изрѣдка встрѣчается родъ кокошника съ широко-разведенными концами.

2. У алтайцевъ сѣверныхъ мужская рубаха гораздо длиннѣе, едва не сходится съ оконечностями панталовъ, отчего они представляются длинношпанными. На халаты употребляется болѣею частью или толстый холстъ, или рябой, въ родѣ ревендука, приготовляемый самими народами. Шубы обыкновеннаго покроя. Войлочные кафтаны покрываются холстомъ и стегаются. Въ верхнихъ р. Мрасы мужчины и женщины на верхней одеждѣ и рубахахъ имѣютъ на плечахъ, въ 1 вершокъ шириною, лашники синяго или зеленого цвѣта. Воротники у халатовъ вышиты красною, желтою и синею шерстями. Пирогаобразная шапка здѣсь не въ употребленіи; головы накрываются обыкновенно военными картузами, шапками круглыми съ острою коникою втулкою и высокимъ околышомъ; летомъ — шапочки изъ холста, дабы или нанки, въ родѣ усѣченнаго колпака съ кружкомъ на-верху. Праздничныя наряжъ состоятъ изъ пальто или суконнаго сюртука съ пуговицами, которые бѣлы-бы повидѣ, напр., изъ бѣлаго желѣза величиною въ серебряный рубль. Особенно эти пуговицы идутъ къ пальто алаго сѣтна съ черными суконными обложками рукавовъ и кармановъ. Сапоги съ красными отворотами, завязанные пошже голѣна шерстяными шпурками съ кисточками. У женщинъ и дѣвцъ воротъ рубахи стоячій, шириною около 1 вершка, изъ черного пѣса, съ нашитыми бѣлыми пуговицами и раковинками. Женщины сѣвернаго Алтая чездоковъ и шапокъ не носятъ, повязываются платками, завязывая концы на затылкѣ. Въ торжественные дни надеваютъ на себя кафтаны, преимущественно плисовые, у которыхъ воротъ и правая пола обложены позументомъ. Въ дѣвичьихъ косахъ, кровь пуговицъ, встрѣчается етеклярскъ, бисеръ и маленькіе, съ наперстокъ величины, колокольчики, звоняшіе издали шестые этихъ дѣтей природы. Всѣ кочевые народы, разъ надевши новую рубаху, никогда ее не моютъ и не снимаютъ до тѣхъ поръ, пока она изорвется въ лещы.

Осыдѣе народцы Бийскаго и Кузнецкаго округовъ, исключая женщинъ посѣдняго, принявъ костюмъ русскихъ. Телеуты Кузнецкаго округа отличаются синими и преимущественно красными шерстяными чулками, а зимою — высокими, красного сукна, острыми шапками.

Кочевыя народцы, вмѣсто траура, носятъ вывороченныя шубы на изнанку отъ 1—7 дней.

Ж и л и щ а.

1. Южно кочевые Алтайцы живут в шалашах, называемых юртами (*юрта* живу, *юрта* жилье). Они имеют две формы а) коническую, которая делается из жердей, соединенных кольцами, свитыми из прутьев и обложенных корой осены, лственницы или бересты или обтнувших войлоком; войлочная юрта этой формы называется *солонга*, или *ошончок*; б) второй формы юрта, войлочная же, с ридетчатыми складками стьнками, называется *керезь*. Ридетка сделана из перекрещенных плочек, связанных в точках прикосновений ремешками. *Керезь* имеет вид хлбного скирда. Бывали здесь прежде еще юрты, подобная киргизским кибиткам, которая называлась *уикэ* или *юкюкэ*, но теперь их нет. Войлочная юрта красивее и лучше сохраняет от воздушных пережить, чем крытая древесною корою. Южный алтаец любит простору, ему тесно во большом обществе, и потому аилах их обыкновенно состоят не больше как от 3—5 юрт. Южная принадлежалась родственникам: отцу с сыновьями и их семействам. Дверь в юрту бывает или деревянная, или отверстие, чрез которое лавать в закончене жилище, загибана зибриной кожей или кожей. Среди юрты—неугасимый огонь и зимой и летом, и днем и ночью. Дымь поднимается вверх и уходит в оставленное в центр юрты отверстие, не забывая, впрочем, и стороны. Оттого внутренности юрты, вещи в ней и лица закопчены и чумны. Если случается пометы в юрты, то влияние дыма сначала не заметно, но когда закроеш глаза, тогда-то они докладывают, что пометы для них не благоприятны, их что-то бьет. По проведенн же нбкой ночи в юрты, на свежем воздухе долго нельзя открыть глаза от рези. Конечно, это от неприячии, но и в привычайк к дыму алтайцев весьма много *болыных глазам*. Позади огня на стьнг, противоположной двери, наставлены идольцы около 4 вершк. длины, тоненькие, с большой башкой, с пугонками вместо глаз. В ряд с ними веревка с 9-ю трыпачками (*само*), из коих средняя имеет вид животного. Точно такие досочки бывають и снаружи у икаторых юрт на черовчк, привязанной конями к двум березам. В частности юрты, разумеется, разнятся одна от другой.

Мы припомним, что виданы, хотя бы и в разных юртах. Недалеко от само висит зибный колокольчик, в ушк коего воткнуты три истрых пера какой-то птицы. Тут-же затмывают за кольцо, отбавляющее юрту, тельня бривину для того, чтобы споть водел и ислонко остовы тетеревоы, чтобы птицы попадали на глаза, и законченны шкурки небольших зиброек. По другим стьням навешены ружья, непременно с деревянными сопками, конка итими с маслом, куканы, нагайи и т. под. На земль, под *само*, поставлены выючаны кожаная сумы; число их определяет состояние хозяина юрты. У богатого алтайца сумь до 40 сь различными ивбьем. Он покрыты коврами и служат постелью почет-

ным членам юрты. Сумы эти все составляют для казныки — и сани и тельбу. Скочевать-ли онь вздумает, сумы перекинут на лошадь — и пошел; за орбями ли вь черь — опять сумы необходимы. По сторонам сумь, базь самых стьнг, бьетоя ивнта и козлата, привязаные на *чуж-бурт* (веревка, свитая из конского волоса). Подалье от стьнг, ближе к огню, помнятоя вещи, принадлежаные кухнй и конюшн: большой коробь изь бересты сь ивченем, накрытый полукругомь, сдвжанным изь большого идьного дерева, сь тончайшими стьнками и дномь. Надь этой посудиною просеивается талаянь. На полукругь лежат и ридето, сдвжанное изь сыроитной кожи и отличающееся от шаманского бубна только тьмь, что исколото шиломь. Рядом сь коробомь возмывает, какь калыча, огромный берестяной бурась сь ивченем; далге: сьдла, потники, узды, лшны изь идьной кожи барука и других зибрей и домашних животных, тагань, котлы о трех чугуных нокахх, чашки изь корня березы, почерылы от времени и дыма, ложки плоския, зибриной шкурк, *басмак* (рубчатый камень для растриной ивчаны), разные замысловатые вещички, напр., коробочка на нокахх изь засушенного коровьяо вымени и т. под. Вокругь самого огня, на короточах, помьщатоя полуэте хозяева юрты сь совершенно уже нагими, ронившия вь телью волъ, дьтми и постороние, если есть, сь трубами вь зубах. Калычки все, без исключения пова и возраста, курят. Трубочны у нихь большею частью жельданы подь одно сь чубукомь, около 5 вершк. длины, или деревяныи, ушдьяющиися вь ихь иветях. Для подспорья табаку и для ослабления крпlosti, прибавляют к нему порошка сухой березовой коры. У огня-же разлагаясь и собака, смрсно гурь свои исухалды ребра. За иво висит коробочка — льялка, устроенная какь *рвз* по наставленн и вьщного педагога Зальмана (см. журн. „Воспитанн“, 1863 г., № 1, стр. 70). Это небольшой, продолговатый иидь изь бересты, или луба сь двумя ноками на одномь конць. Если надобно позабавить ребнка, — конеш сь ноками просовывается вь веревочку, или ременную петлю, находящуюся на такомь расстоянии от поля, чтобы ноки корзинки не достигали до полу на 2 вершка, а другой конець лежить всегда на земль. Корзинка эта имееть сьдуючия достоинства: вь ней можно только динать дитя, безь одуряющего отрясеннй гязь; рьзый ребнокь, если и выподеть изь нее, — не ушбается; она удобоодонька, занимать мало места; ребнокь рьдко растается сь этимь своимь жилищемь, принимает вь иель иппу и даже сьдывает вь немь ив юрты вместе сь матерью; покосты корзинки существують опротивости, т. е. главное, корзинка эта всегда даеть правильное положение тьму ребнка, что не всегда достигается подукою вь обыкновенной льялькь.

2. Юрты сьверныхь алтайцев составляют уже переход кь ивтамь и по вышнему иду, и по внутреннеу устройству. Летняя юрты или дьлаются изь стоек, обтнувшихь берестой, или срублены изь тоншаго льса вь четыре стьнг; какь ть, так и другие, покрыты на два снага берестой. У

лишних юрт бревна положены на мох. Много юрт шпигельных съ двумя дверями (одна противу другой на расстоянии 2 арш.), между которыми находится *предверие* для поклада хозяйственных принадлежностей. Входъ въ юрту закрыт тесовою дверью, которая вращается на ремешкахъ. На одной сторонѣ съ дверью, по лѣвую сторону ея, сбитый изъ глины очагъ, который, протнувшись чрезъ всё бревна, вышелъ изъ крыши. Иногда въ этомъ глиняномъ столбѣ дѣлается полукруглая пощера, вродѣ печи, для жаренія кандыка или печенія прѣвхихъ асушекъ. По бокамъ щелеры провораны дыры для вложенія палокъ, на которыя вѣшаютъ чайники и котелки. Въ большой части юртъ къ очагу примыкаетъ вверху, сплетенный изъ прутьевъ, полукруглый колышекъ (чувало), обмазанный глиною.

Дрова приставляются къ очагу какъ въ каминѣ, дымъ собирается подъ чуваломъ и почти весь улетаетъ изъ юрты. Передъ чуваломъ, вверху крыши, продолговатое отверстие для сѣта; зимою оно накрывается адыной. По передней стѣнѣ и двумъ боковымъ сдѣлана широкая, около аршина, возвышенія, отъ полу не болѣе 5 вершковъ, покрытая берестою, каждое лѣто обновляемою. На этихъ возвышеніяхъ удобно сидѣть, лежать и спать. Передняя стѣна противу очага назначена для гостей. Лѣвая стѣна отъ входа за очагомъ есть мѣсто неприкосновенное для него, кромѣ хозяйской семьи въ самую тѣсную смыслѣ: здѣсь никто и никогда не можетъ сѣсть, кромѣ хозяина юрты, его жены и дѣтей. Если въ семьѣ есть братья, сестры, хозяйка или старуха мать, то они занимаютъ правую стѣну отъ входа, въ переднемъ углу которой помѣщаются ручные зернова, къ боку верхнюю изъ нихъ придѣлана палка для удобнаго верченія. Въ большихъ семействахъ зернова эти находятся почти въ постоянномъ дневномъ круговращеніи. Поль юрты болѣею частью настилаютъ дощамъ съ оставленіемъ земляного полукруга около очага. Значитъ, юрта сѣвернаго алтайца отличается отъ простой бѣдой избы только тѣмъ, что въ ней нѣтъ потолка и задней стѣны. Впрочемъ, недостаточные люди строятъ настоящіе избы и амбары, но только не бросаютъ и юрты: въ рядѣ съ избаю всегда стоятъ и юрты, и потому что въ избахъ ихъ домогаютъ клопы и блохи, а въ берестяныхъ и бревенчатыхъ, но безъ моху, юртахъ, этого добра нѣтъ. Русскимъ людямъ, особенно миссіонерамъ, инородцы всегда предлагаютъ избы для ночлега. Но на это предложеніе никогда не сдѣлать поддаваться. Не даромъ же всегда сами инородцы живутъ въ юртахъ, имѣя дома для вида только и поклада кое-какихъ вещей. Изаба только тогда будетъ имѣть преимущество предъ юртою, когда въ ней будутъ соблюдаться чистота и опрятность, а этого-то и пить. Сѣверные алтайцы болѣе склонны къ общественной жизни, чѣмъ южные. Они живутъ *адами* отъ 7—20 юртъ. Названіе адыловъ болѣею частью отъ старшаго члена въ родѣ; напр.: адыл Салгаба, адыл Пайдыро, адыл Сарыя. Если-же нѣсколько разныхъ родовъ живутъ въ одномъ мѣстѣ, такое селеніе называется ужъ не адыломъ, а *адысомъ*. Адысы болѣею частью носятъ названіе *рыбчевъ*, при которыхъ они расположены, или зависятъ отъ

нѣкоторыхъ особенныхъ признаковъ, которыми отличается мѣстность, напр.: адысы *Осиновскій, Сосновка Гора, Крамной Ярѣ* и т. под. Грошій ады съобъ встрѣается прѣвжого во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ-бы ни жили инородцы. По этотъ ады продолжается до тѣхъ поръ, пока гость не сѣзаетъ съ коня, потому-ли, что оны обиходятъ прѣвжого и тѣмъ познакомятся, или потому, что обыкновенно при подѣздѣ къ юртамъ, оттуда высказываютъ любопытные хозяева разныхъ половъ и возрастоу съ вопросомъ: *камъ?* (кто?) и если гость чиновный или почетный, т. е. засѣдатель или миссіонеръ (болѣе кто-же и вѣднѣ?), то хозяинъ юрты помогаетъ ему сѣзаетъ съ коня, по крайней мѣрѣ хотя для вида, поддерживая подъ руку, и отводитъ коня къ столбу съ оставленными наверху нѣсколькими сучьями. Впрочемъ, эта вѣжливость соблюдается болѣе у южныхъ алтайцевъ.

Пища и питье.

Алтайскіе инородцы сколько невоздержаны въ употребленіи спиртныхъ напитковъ, столько, напротивъ, умѣрены въ употребленіи пиши. Большая часть изъ нихъ по утру и днемъ ничего не ѣдятъ, кромѣ поджареннаго ячменя—въ двухъ видахъ: крупу—*хурма* и мугу—*тамка*. Каждый членъ семьи, большой и малый, самъ себѣ намазываетъ на ручныхъ зерновахъ талкана во всякое время, когда ему захочется ѣсть, и всегда въ количествѣ, которое-бы пожелалось безъ остатка въ его маленькую чашечку. Талканъ употребляется болѣею частью въ сухомъ видѣ, а иногда въ смѣшеніи съ водою, у южныхъ алтайцевъ—съ молокомъ, у сѣверныхъ—съ медомъ. Вечеромъ инородцы употребляютъ болѣе питательную пищу: *кочо*—кашицу изъ цѣльныхъ ячменныхъ зеренъ, вареную въ водѣ или молокѣ, и *тутмаи*—кашуки изъ прѣснаго пшеничнаго тѣста, варенная съ рыбой, кониной или въ молокѣ. Вечеромъ употребляется въ пищу корни адынскихъ растений: *сараны* (*Lilium Maritago*) и *кандыка* (*Elythronium Dens Canis*). Испоенный въ водѣ кандыкъ имѣетъ сходство съ картофелемъ. Надобно замѣтить, что южная часть Алтая питается болѣе мясомъ, а сѣверная—рыбой. Вареная пища разнажается изъ обитаго котла великою въ свою чашку, и каждый садится съ своею частію, гдѣ найдетъ для себя удобнѣе, по всей юртѣ. Мясо разныхъ животныхъ и зѣрвей, а также и рыбу жарятъ на палочкахъ, приставленныхъ къ огню. Люди бѣдные въ лѣтнее время питаются одними только кореньями и травами: кандыкомъ, сараномъ, корнемъ *Raconia anomala*, борцевникомъ (*Heracleum*), травомъ *кажуне* (въ родѣ дигала) и калбонъ (*Allium ursinum*). Всякая пища употребляется безъ хлѣба; оттого инородцы слабо-сильны и къ земледѣльческимъ трудамъ мало способны, а дѣти ихъ отъ употребленія одной ядыкой пиши обыкновенно обладаютъ отвѣсными брюхомъ.

Осыдлые инородцы употребляютъ такую-же пищу, какъ и русскіе крестьяне. Но и у нихъ есть національнныя блюда: *тергомъ*, приготовляемою

также из сырых овечьего сердца, печени, легкого, говядины и сала рьжутъ длинными шестками и начиняютъ ими овечьи кишки, которыя варятъ въ водѣ или жарятъ, и *кыма* — кишки, начиненныя потрохами разныхъ животныхъ съ прибавленіемъ луку и крупы.

Въ питье употребляется инородцами, безъ сомнѣнія, болѣе всего чистая вода, въ дѣтнее время изъ рѣчекъ и ключей, которыми такъ изобилуютъ Алтайскія горы. Зимой многіе инородцы переносятъ свои юрты на вершины горъ, сохранившихъ подножныя холмы для ихъ скота, и потому, затруднившись съ такой высоты „дункаться“ до рѣчекъ, пьютъ въ это время снѣжную воду. Но это питье, безъ привычки къ нему, лишаетъ на некоторое время голоса. Послѣ воды употребляется въ питье, однако-же въ видѣ роскоши, а не насущной потребности, кипричій чай, который достается южнымъ алтайцами отъ монголовъ съ Чуйской яблони арарики ¹⁾ и питье вмѣстѣ съ танканомъ изъ маленькихъ деревянныхъ чашечекъ, покрытыхъ прочнымъ лакомъ. Чашечки эти привозятся съ Чуп-же. Въбѣсто чаю пьютъ еще прошлогодніе листья бадана (*Saxifraga tsaissifolia*, *кабычи*, *калчан*), питьѣ благоловника (*Spiraea Ulmaria*), березовую черную камедь (*лички*) и буроватый отваръ молодыхъ прутьевъ шиповника. Самое любимое питье алтайца, безъ сомнѣнія, *чезы* и *кумысы*. Первый напитокъ изъ коровьяго молока, а второй изъ молока кобылицъ. Оба эти напитки готовятся въ кожаномъ мѣшкѣ, называемомъ *аркыт*, гдѣ наливаетъ молоко, въ течение несколькихъ дней, часто вбрызгивается деревяною колотушкою съ отверстиями на нижнемъ концѣ и приходитъ въ броженіе. Для закваски въ новый *аркыт* полагается козочья язва какого-либо животного, чаще лошади, а старій обжаренный *аркыт* уже самъ себѣ достаточна закваской. Изъ кумыса готовится и болѣе жидкій напитокъ — *аркыс* слѣдующимъ образомъ: котелъ съ кумысомъ ставится на огонь, плотно закрывается двумя половинками круглаго, высушаго деревянной крышки, которой края со всѣхъ сторонъ замазаны глиною съ примѣсью для крѣпости конского помета. На одной изъ половинъ — два отверстия, въ которыя вставляются двѣ деревянные дугобразныя трубы. Одинъ конецъ каждой трубы хорошо вмазывается въ отверстие, а другой пропускается въ чулуный кувшинъ, закрытый кураккомъ изъ войлока и стоящій въ коритѣ съ холодной водой. Пары кумыса, проходя сквозь трубы въ кувшинъ и здѣсь охлаждаемая, претворяются въ вино — *аркыс*. Изъ выжинокъ испарившагося кумыса готовится сыр.

¹⁾ Торговля селеніемъ на Чуѣ происходитъ не столько между алтайцами и монголами, сколько между послѣдними и русскими. Русскіе, заимѣя пурды монгольскія, спускающъ на шесткахъ, расчитывая и свои выгоды, продавая иногда мамо-поламу влѣзать чрезъ Алтайскія горы на р. Чуу, прагоня лошадей и привозя съ собой разные товары, какъ-то: кони (дешевыхъ цѣнностей, толстые сушня, желѣзо, котлы, чайники, тиганы, стрелы, дошки, лама, шаль, пуговицы, моральи рога и проч. и все это разменивая на серебро (въ коробкахъ), канва, канчи, шелкъ, китайки, дабы, чай, табакъ и проч. Въ оборотѣ съ обѣихъ сторонъ сумма простирается до 150,000 руб. сереб.

Впрочемъ, *чезы* и *кумысы* достаются на долю только южныхъ алтайцевъ — скотоводовъ, а сѣверные алтайцы довольствуются *абарыкою* — бражкой изъ вареннаго и квашеннаго кандыка и *аракую* изъ ячменной муки.

З а н я т і я .

Общее занятіе всѣхъ кочевыхъ инородцевъ есть звѣропромышленность, добываніе кедровыхъ орѣховъ и земледѣіе, находящееся въ первобытнѣйшомъ состояніи. Распространена нѣсколько о ходѣ звѣропромышленности. Между инородцами, какъ и вездѣ, есть богатые и бѣдные. Послѣдніе одолжены первымъ и находятся у нихъ въ качествѣ приказчиковъ. Все, что добудетъ бѣднѣйшій инородецъ, сбываетъ своему богатому собрату, весьма за укрѣпленную цѣну, а этотъ уже доставляетъ своему *танчану* — пріятелю изъ купцовъ также съ небольшимъ пользою. Обороты эти происходятъ слѣдующимъ образомъ: осенью *танчаны* являются съ своими купцамъ съ боючкомъ вина и послѣ благожеланій съ обѣихъ сторонъ, распиваютъ его, безъ чего никакихъ операций торговыхъ здѣсь не бываетъ и быть не можетъ. По угощеніи, купецъ ведетъ таншѣе своихъ съ ихъ женами и дѣтми въ свое лагу. Таншны набираютъ товаръ, какой *пожелается*, каждый отъ 100—300 руб. сереб., укладываютъ во выюки, заходятъ опять въ домъ къ купцу, справляются съ боючкомъ, и на прощаніи кроме товара еще получаютъ денегъ рублемъ по 50 и болѣе, смотря по состоянію, да собственныихъ оборотовъ. Чѣмъ проше купецъ держитъ себя въ обращеніи съ инородцами, тѣмъ болѣе у него таншѣе, а чѣмъ болѣе послѣднихъ, тѣмъ угнѣбнѣе идетъ его торговля. Таншны, возвратясь въ свои кочевья съ деньгами и товарами, раздають и то и другое своимъ приказчикамъ въ долгъ же. Между тѣмъ время идетъ, вотъ высматъ и снѣтъ, субука на каждомъ звѣрѣ дѣлается пушнѣе и цѣнится дороже. Звѣропромышленники — должники (а они всѣ въ долгу и постоянно) берутъ винитовы, ловушки, запасы — таншакъ, а мяса у нихъ будетъ много *блмычало* и друг., котелки и проч. и кладутъ все это на *карты*, т.-е. длинная, гибкая саня, которая тамается лагкою. Нарта шириною и высокою около 1 арш., длиною болѣе сажени. Полозья ея тонкіе, на подобіе ляжекъ; дно изъ двухъ тонкихъ досокъ; бока зарѣзываются ремнями. Динажакъ этотъ имѣетъ то неопыненное для звѣрлова достоинство, что въ снѣгу не тонетъ. Пришедши въ знакомое свое урочище, звѣропромышленники дѣлають здѣсь стагъ изъ пихтовыхъ вѣтвей, отъ котораго расходятся во всѣ стороны. Любо охотиться, когда охотникъ летитъ съ высочайшей, круглой горы, быстро низважаясь, какъ змѣя, между деревъ. Лыжи употребляются непременно съ подволоками, называемыми *кме*, которыя дѣлаются изъ оленьей или лошадиной кожи, содранной съ колѣной стлѣхъ животныхъ. Нѣсколько не въдѣланныхъ *кме* снимають вмѣстѣ и подкламають подъ лыжи, шерстью вверхъ, что дѣлается для болѣея каткости лыжъ и удобства входить на горы. Простыя, не подклеяныя лыжи терять свое

название: онъ уже *юмчи*. На горахъ только ходятъ по *насту* (замерзшій весной на сѣгнѣ ледяной покровъ, называемый здѣсь *карым*). Онѣ должны быть непременно соепоши, словетами. Безъ лыжъ черевой татаринъ называется *ямича*, такъ они необходимы. И срощенъ же онъ съ своимъ покоемъ! Поначавая изъ стороны въ сторону, широдна на лыжахъ легко пробѣгаютъ отъ 70 до 80 верстъ въ весенній денъ, а въ самый короткий зимній, обыкновеннымъ бѣгомъ, отъ 50 до 60. Но если охотнику нужно перекатить звѣря, т.-е. перебѣть ливью бѣгъ, замѣтивъ его направление, то онъ пробѣгаетъ отъ 100—150 верстъ въ денъ. Кроме искусства бѣгать на лыжахъ, въ инородцахъ въ высочайшей степени развитъ разумный инстинктъ на звѣроловствѣ; при покупкахъ и продажахъ, они протодушно поддаются всякому обману, а въ лѣсной ихъ сферѣ проналяется въ нихъ необыкновенная смѣлность: на быстромъ бѣгѣ, при множествѣ слѣдовъ звѣря, охотникъ читаетъ по нимъ, какъ по грамотѣ.

Замѣствуемъ изъ разсказовъ охотниковъ способы добыванія звѣрей и начнемъ съ дѣдушки тайги—*медведя* (аблахъ). Известно, что медвѣдь съ Воздвиженія (14 сентября) или съ Покрова залегаетъ въ берлогу, или со своимъ семействомъ, или по крайней мѣрѣ вдвоемъ, рѣдко—одинъ. Мѣсто его зимняго успокоенія избирается въ густой лѣсной чащѣ. Признаки его слѣдующе: вершины окружающихъ кустарниковъ обломаны, съ деревьевъ кора содрана. Затѣмъ, если медвѣдь находится въ берлогѣ, то оттуда выходитъ тонкій паръ, что видно на обѣянномъ снѣгѣ деревьевъ, подъ навісомъ которыхъ вырота берлога. Снѣгъ этотъ, обвѣривающей присутствіе звѣря, называется *кудзакъ*, по которому опытный охотникъ заключаетъ и о числѣ обитателей берлоги. Удостоверившись обо всемъ, звѣропромысленникъ приглашаетъ одного, рѣдко двухъ товарищей и то изъ своего семейства или рода на охоту. Вооружившись винтовками, рогатинами и топорами, товарищи подходятъ къ берлогу, начинаютъ срубать нѣсколько толстыхъ деревьевъ, исключая осины, которую будто-бы медвѣдь не долюбываетъ, дѣлаешь отъ нея раздражительнымъ, и заостряютъ на подобіе клина, не обрубая всѣхъ вѣтвей; потомъ засовываютъ эти деревья въ отверстіе берлоги, чтобы заорудить выходъ, срубаятъ еще нѣсколько деревьевъ и, обрубивъ на нихъ вѣтви, кладутъ на берлогу въ нѣсколько рядовъ, чтобы медвѣдь въ крайности не проломилъ верхъ ее. Принявъ эти предосторожности, стрѣляютъ въ берлогу чрезъ отверстія въ разныхъ направленьяхъ изъ винтовыхъ жеребьями, т.-е. цилиндрическими обрубками снѣжка, которые употребляются вмѣстѣ крупной пули. Тяжело раненная медвѣдь падаетъ болѣзненные стоны. Убѣдившись рогатино, что медвѣдь убитъ, и что другіе изъ берлогъ нѣтъ, охотники оцѣняютъ отверстіе, идя изъ нихъ спускается туда, заявляяъ за убитаго звѣря веревку и вытаскиваетъ его вонъ для дальнѣйшихъ операций. Охота на медвѣдя въ берлогѣ—вѣрная. Если товарищи ловки, то берлогу даже и не заткаютъ деревьями. Бьютъ медвѣдей и лѣтомъ, но только не для охоты, а по нуждѣ,—когда они приближаются къ жилью и истребляютъ скотъ или

холощаютъ въ наѣвахъ,—оттого, что въ это время такая охота слишкомъ трудна и опасна, а шкура не имѣетъ почти никакого достоинства. Когда медвѣдь окруженъ охотниками и собаками, такъ ему некуда дѣваться, онъ, разъяренный, принимается ревѣть такъ громкогласно, что, по словамъ охотниковъ, земля дрожитъ. Но видя, что ревомъ не беретъ, принимается за деревья, ломаетъ ихъ, вырываетъ съ корнемъ и наконецъ становится на дыбы. Этимъ моментомъ и пользуются охотники, тотчасъ стрѣляя жеребьями. Но если медвѣдь не становится на заднія лапы, а быстро и смѣло, обратившись къ охотникамъ, опустивъ голову къ землѣ, прямо бросается на нихъ,—бой становится опаснѣйшимъ. Если ему не всадитъ жеребья прямо въ голову, что однако-жъ очень трудно, звѣрь на выстрѣль и дымъ стрелъкъ бросается, но не дерется долго съ однимъ противникомъ, а нанесши ударъ лапою, обращается на другаго, третьяго, пока не паднетъ на самого неустрашимого, съ которымъ вступитъ уже въ ринтиальный бой. Охотники единогласно утверждаютъ, что медвѣдь замѣчаетъ и отличаетъ храбраго отъ труса и преимущественно въ войнѣ нападаетъ на первого, но въ мирное время, когда онъ нечаяно встрѣтится въ лѣсу съ безоружнымъ человѣкомъ, то нападаетъ только на отступающаго, а если видитъ, что не очень его испугали, *ослабеваетъ* на заднія лапы, обираяетъ свою жертву и удаляется.—Извѣстно, что медвѣдь, какъ и самое этимологическое значеніе его имени показывать, большой састоолобѣе и падаетъ иногда по наѣхамъ, разбивая всегда само лучшее ухо. Это преимущественно бываетъ тогда, когда въ тайгахъ мало родилось оленей. Въ этомъ случаѣ караулятъ его на повѣти, которая устраивается на довольно толстыхъ деревьяхъ, вышнюю отъ земли отъ 2—3 саж. Такая повѣть называется *лабазомъ*, который дѣлается бѣлыхъ тропы, по которой обыкновенно посягаетъ медвѣдь наскую утрению или вечеромъ зарю. Идетъ онъ всегда, какъ лоній воръ, тихою поступью, присядая, такъ что ни пруткомъ не хрускаетъ, ни листикомъ не шалоплетъ. Когда онъ поравняется съ лабазомъ, тутъ его встрѣчаютъ нѣсколько пул. На медвѣзку тропу ставятъ еще петлю изъ веревки, которой одинъ конецъ привязанъ къ древесному струбку (турбану). Въ петлю медвѣдь падаетъ голономъ, и смерть его неизбѣжна. Какъ онъ ни старается освободиться отъ докучливаго чурбачка, но онъ все волочится за нимъ и затягиваетъ петлю. Случалось, что медвѣзлатъ, попавъ въ петлю и, взойдя на утѣсъ, бросалъ отъ себя несносный чурбанъ, и сами съ нимъ падали и убивались. Но отгрызеть веревку—толку не доставаетъ.—Если медвѣдь къ 14 сентября не заляжетъ въ берлогу, это значитъ у него въ головѣ бродитъ не доброе. Тогда онъ нападаетъ на скотину. И какъ замѣчено, что до свѣжаго мяса онъ не охотникъ, то задавши скотину, зарываетъ ее для краденія въ землю. На этой кладовой устраиваетъ западню изъ бревенъ, которая называется *слабюмъ* и придаетъ звѣря своею жалостью.—Мясо медвѣзке употребляется инородцами въ пишу, сало — въ топленіе. Изъ одного медвѣдя получается сала отъ 2—4 пуд., осеень болѣе, лѣтомъ меньше.

Отъ медвѣдя перейдемъ къ *волку*. На волковъ или ставятъ канканы, или догоняютъ ихъ на лошадей и на лыжахъ по насту. Если волкъ нажрался скотины, тогда бываетъ тяжело на ногу и всегда расплывается за стою своею шкурою. Волковъ еще отравляютъ. Мясо нарубивши говядины, мѣшаютъ ее съ наточеной или натертой *кучмаей* (Nix vomica). Чтобы кучма больше имѣла силы, кладутъ ее и плотно заматываютъ въ какой-либо посудинѣ, и заворачиваютъ въ теплую мѣсть. Спусти некоторое время, размазываютъ, мѣшаютъ и еще похвасаютъ. Потомъ, надрѣзавши шариковъ по-поламъ съ говядиною, разбрасываютъ ихъ особенно тамъ, гдѣ бываютъ волки, которые, повѣвши такого состава и не много отходив или уползав, сваливаются и издыхаютъ.

Для *лося*, *олени* (*Cervus pygargus*) и морала (*C. Elphas*) дѣлаютъ гордобу, которая бываетъ версты на три, кое-гдѣ оставая пустотою. Внутри гордобы наставляють отъ 200—300 луковъ, на рукоятки каждаго изъ нихъ, пониже струны, привязывается веревочка и наложка къ ней такъ, чтобы она натягивалась и упиралась однимъ своимъ концомъ въ струну, а другой подтягивается къ верху веревочной кольцеобразной и свободной; чрезъ пустоту перетягивается силою на 12 вершк. отъ земли и дѣвигается въ одномъ концѣ уломъ за нижнюю веревочку. Когда силою тронется, будетъ дивиться,—узель, соскочивши, подернется веревочку, тогда мгновенно сдернется и сосочатъ наложка и струна,—и стрѣла дерившая съ комочкомъ изъ желѣза на концѣ, проусокаясь сквозъ верхнюю веревочку на струну, асигъ въ свою цѣль, дивигуя тетивою. Это промыселъ лѣтний. Съ лосемъ или *селанымъ* надобно обходиться осторожнѣе, потому что онъ, если замѣтитъ охотника, стремляв бросается на него и заатаиваетъ ногами. Всего бѣгнѣе его промышлять по насту, по которому лось ходитъ тихо и осторожно и все-таки портитъ ноги и дѣлается смирнѣе.—Козлины шкуры большою частью идутъ на собственное употребленіе самихъ инородцевъ. Изъ ихъ шкуры *дожи*, которая очень теплы и непромокаемы. У морала же всего цѣннѣе рога, столь охотно и дорого покупаемые китайцами. Молодые рога состоятъ изъ одного мягкаго хряща и одѣты молоденькою кожичей, обрешенъ низкою атласидой, бурого цвѣта, шерстью. Внутри этихъ хрящевыхъ роговъ, наиболье въ концахъ отростковъ, которыхъ бываетъ до 6, смотря по лѣтамъ животнаго, пока они не окостенѣютъ, что бываетъ только до Петрова дня, заключается жидкость, столь дорого цѣнимая китайцами, такъ что морали рога составляютъ предметъ особенно важный въ мѣстной нашей торговлѣ съ Китаемъ. Рога бывать простые—*самы мюной* и съ гѣздами—*самы мюной канду*, у которыхъ въ концѣхъ отраслей жидкости столь много, что каждая отрасль оканчивается какъ-бы шаромъ. Эссенцію въ моральныхъ рогахъ сохраняютъ такъ: когда убьютъ морала, первымъ дѣломъ бываетъ снѣтъ (отрывать) съ него рога, сейчасъ-же поворачиваютъ ихъ концами книзу, замазываютъ отрывавшую часть гѣстомъ, сѣрой и т. под., обвязываютъ тряпичей и потомъ на веревочкѣ вѣшаютъ рога внизъ концами, всячески стараяс, чтобы драго-

цѣнная жидкость не вытекала; впоследствии она подсыхаетъ, принимаетъ некоторую твердость, цвѣтъ получаетъ коричневый, похожий на цвѣтъ боровой струи. Внутри цѣвъ въ некоторыхъ раскольничьихъ деревняхъ моралью держатъ ручными въ высокихъ зароскахъ изъ прибалы отъ пролажа роговъ, которые тоже въ маѣ и июнѣ отпильваютъ. Впрочемъ, далье 7 лѣтъ рога уже не имѣютъ жидкости, хотя и перебиваютъ každодню. Цѣны на пару моральныхъ роговъ на р. Чувъ слѣдующія:

На простые съ отраслями:		На рога съ гѣздами:	
2-мя	10 р.	20	р.
3-мя	20 "	40	"
4-мя	30 "	50	"
5-ю	60 "	80	"
6-ю	70 "	90 и 100	р.

Въ самомъ Китаѣ рога продаются: съ 5 отростками, простые—до 250 р., съ гѣздами о 5 и 6 отросткахъ—350 р. и дороже. Объ употребленіи этой эссенціи говорятъ различно. Одни утверждаютъ, что это самое дѣйстви-тельное предохранительное средство отъ всѣхъ болѣзней, особенно въ жаркомъ климатѣ, что приносе въ порошкѣ внутрь, продолжительо прохладаетъ. Другіе рассказываютъ, что оно способствуетъ благополучнымъ родамъ, также служитъ сильнымъ генеративнымъ средствомъ и поддерживаетъ въ мужьяхъ способность дѣтворения. Нѣкоторые вѣрваютъ, что этой эссенціей знатные китайцы мажутъ головы, отчего навсегда предохраняютъ себя отъ вылезанія волосъ, и что изъ сока этихъ роговъ готовится какая-то элексиръ, необходимый для путешественниковъ чрезъ страшная пустыни Гоби. За достовѣрно-же извѣстно, что эссенція эта, приложенная къ ранамъ отъ порѣзовъ и вообще при разрывѣхъ покрововъ и мышцъ у человѣка и животныхъ, чрезвычайно скоро ихъ заживляетъ. Какъ-бы то ни было, но только морали рога тоже во множествѣ покупаются въ Хиву, Бухару, Ташкентъ и Коканъ.

Промыселъ лисичъ. По насту и по *кити* (выпавши большій снѣгъ) догоняютъ лисичу на лыжахъ; ловятъ и канкаными, разставляя ихъ преимущественно на мѣстахъ между озерами, потому что лисича, въ октябрѣ и ноябрѣ вѣсящая, когда еще мало снѣгу, любитъ бѣгать по замерзшимъ уже озерамъ, изѣбавя, по возможности, земли, на которой остается большая жесткая трава, кочки и другія неровности, препятствующія ей бѣгу; перебѣгая-же съ одного озера на другое, привнесаетъ запахомъ мясного, приближается къ канкану, гдѣ кладется кусокъ мяса, а за удовлетвореніе аппетита расплывается своею шубою. Отравляютъ лисичъ такъ-же, какъ волковъ, кучею. Наконецъ, если найдутъ гнѣздо лисе, то выбираютъ оттуда дѣтенышей и воспитываютъ въ деревенныхъ срубкахъ.

Промыселъ *россомахи* сходствуетъ съ лисичьимъ. Если же она задантъ

возла, то на этомъ мѣстѣ ставятъ ловушку, называемую *куамкою*. Замѣчательно, что росомаха—вездѣшій и непримиримый врагъ лисицы, которую всегда преслѣдуетъ съ настоящею терпѣливостью охотника, голаясь за нее день и два, но, догнавши, только загрызаетъ ее, а не ѣсть, зарышии трупъ въ сѣть или спрятавъ на дерево.

Рысь гоняетъ на лыжахъ, стараясь, какъ можно скорѣе, перехватить ея бѣгъ, но если чапа и два ее не догонитъ охотникъ, то болѣе уже нечего и беспокоиться, потому что этотъ зверь не уступаетъ. Въ характерѣ рыси охотники знаютъ слѣдующую черту: если захватитъ ее на мѣстѣ, то далеко не нужно удаляться отъ этого мѣста, ибо она сколько не кружитъ, но непременно опять приближитъ на то-же мѣсто, а потомъ уже удалится.

Видру ловятъ *саинко* (широкая сѣть изъ пштокъ), какъ и рыбу, и собаками.

Каланка ловитъ *куамкою* или *илажкою*, съ наивною рыбкомъ или соленой-душной рыбой; изъ душовъ выгоняютъ дыможъ; къ норѣ ставятъ лужу—*шерей*, оставляя для входа зѣврька развилочку, соединенную съ этимъ лукомъ.

Хорекъ идетъ въ *куамку* или *илажку* на дохлую курицу.

Соболь водится въ каменныхъ горахъ. Его ловятъ саинами—*атки*. Если саингъ разставитъ къ ночи, то на каждой сторонѣ его привязываютъ по колокольчику, чтобы узнать, гдѣ пробѣжитъ зверюкъ. Лучшие соболы добываются въ южной части Алтая. Цѣны на нихъ поднялись въ недавнее время. Лѣтъ за 50 тому назадъ черные соболы или съ просѣдью, вмѣсто настоящей цѣны отъ 20—25 р. за штуку, продавались по 300 р. асс. за сорокъ.

Залы идетъ въ *куамку* и *ягую* на основныя пштки.

Горностай ловится собаками и бьется *терезомъ*.

Быкъ болѣею частью стрѣляютъ изъ ружей мелко пулею. При среднемъ урожаѣ бѣлки хорошей стрѣлки добываютъ ее отъ 10—20 штукъ въ день.

Ловля *бурундуковъ* есть охота дѣтская. Бурундуковъ промышленно везено по нѣсту, при чемъ зѣврьоловъ—мальчикъ дѣлаетъ губами особенный звукъ *мафу*. На этотъ призвъ непременно является самецъ и преспокойно просовываетъ свою голову въ подставленную къ нему на пальцѣ петлю изъ конскихъ волосъ. Бьютъ бурундука и *тамаромъ* (стрѣла съ шарообразнымъ кончикомъ)

Зѣврьопромышленники, настрѣлявши и наловивши разныхъ зѣврей, небольшую часть лучшихъ шкурку оставляютъ для сдачи въ асыкъ,* а остальные сдаютъ своимъ тѣмнымъ-замоладцамъ, около Крещенія, которыя и отправляютъ въ Ирбитскую ярмарку въ огромныхъ кавесахъ на многія

* Изъ свѣдѣній, полученныхъ мною изъ Бѣлаго и Кунишевска наместничествъ, видно, что вносятся соболовъ 243, лисицы 72, колонокъ 1041, бѣлокъ 10,130.

сотни тысячъ рублей. Изъ всего Алтая болѣе всѣхъ отправляютъ пушины въ Ирбитскую ярмарку кузнецкйя инородцы, торгующей по кузнецкому свидѣтельству, Назаръ Степановъ Картогешевъ. Цѣны въ Ирбитѣ на пушину служатъ нормою для мѣстной ошрины на будущій годъ.—Что поднялось въ Ирбитѣ, то поднимается и въ Алтайѣ и наоборотъ.

Добыча кедровыхъ орѣховъ въ урожайный годъ тоже выгодна, только, не смотря на цѣнность инородцевъ, перводъ сопровождается падениями. Хорошій кедръ доставляетъ до 2 пуд. чистыми орѣхами, которые продаются на мѣстѣ прибѣгающимъ сюда крестьянамъ за весьма выгодную цѣну, разумеется, для послѣднихъ. Часто *тубока* (мѣра) орѣховъ идетъ на такую-же ячмень. Урожай орѣховъ унаеза съ осени: тогда уже зарождаются на кедрѣхъ пшенички, ихъ вѣтвистыя, которыя, подъ названіемъ *олми*, созрѣваютъ въ продолженіе года.

Хѣтбопашествомъ кочевые инородцы занимаются мало и допотопнымъ образомъ: роютъ землю *обалою*, въ родѣ закруженной мотыги; сѣютъ пшеницу и ячмень. Уборка этихъ хлѣбовъ производится такъ-же, какъ и льна: растение выдергивается съ корнемъ. Собранный такимъ образомъ хлѣбъ сивзывается у колосьевъ въ небольшіе лужки, парами, и вышвыливается на жерди для просушки. Снуется недѣлю или болѣе, суди по состоянію погоды, колосья высохшихъ пучковъ берутъ въ руки у колья, держатъ надъ разложеннымъ на пашнѣ огнемъ, такъ что солома вѣе сгоритъ, а въ ружьяхъ остается одинъ колосъ, которые бьютъ палками и очищаютъ отъ плесви. Для сохраненія зерна, на пашнѣ-же вьываютъ въ землю 4 столба, настилаютъ жердями, и на этотъ полтъ, отстояющій отъ земли аршина на два, ставятъ большіе изъ бересты короба и наполняютъ ихъ зерномъ. Большой коробъ (*улаю*) вмѣщаетъ въ себя пуд. до 25. Покрышка коробовъ состоитъ изъ жердей, бересты и земли. Въ такихъ воздушныхъ амбарахъ хлѣбъ сохраняется отлично. Въ Сѣверномъ Алтайѣ сѣются еще немного конопля. Овощей никакихъ нѣтъ.

Осадлые и повоекрещенные инородцы привыкаютъ къ правильному земледѣлю и городничеству.

Сверхъ этихъ общихъ занятій, средства къ содержанию раздѣляются по мѣстнымъ условіямъ:

1) Южные алтайцы попеременно—скотоводы. Цѣвѣтшему состоянію скотоводства способствуютъ долины, покрытыя *китомомъ* (*изю злен*), это—мелкая трава, безъ листьевъ, изъ одного стволца состоящая, любимая скотомъ и утучняющая его; солонцы и подножный кормъ во весь годъ. У богатыхъ калмыковъ бываетъ до 40 табунныхъ коней и до 3000 овецъ. Табуны состоятъ изъ одного жеребца и около 30 кобылицъ. Между-горныя долины: *Чуйская* (самая обширная во всемъ Алтайѣ, въ длину 64 вер. и въ ширину 43), *Куррайская* (въ длину 20 вер. и въ ширину 12) и *Абайская* (въ длину 35 вер. и въ ширину 3) устьями рѣками, горбосами, съ умѣренными гудрами, широкими и отвѣсными унами и длинношерстными алтайскими овцами. Алтайскіе быки отличаются также своею дорожною.

2) Северные алтайцы, особенно жинчие при рр. Томи и Мрасѣ, занимаются рыболовством, вылавливая рыболовных съевей, которая продается в большом количестве в г. Кузнецк в 9-ю послѣ Св. Пасхи пятницу. Многѣ занимаются и пчеловодством, которое находится в хорошем состоянии особенно по р. Антропу, гдѣ мѣстность очень благоприятствует этому занятию. Горы, покрыты густыми калми: таволгой, акacieю, малиною, сочными, въ ростъ человека, травами, преимущественно кипрейю (Erythronium angustifolium), дают много блага, ароматичнаго меда. У нѣкоторых инородцев количество ульевъ доходит до 1000. Антропскіе ульи славятся въ Кузнецкомъ округѣ своею добротачивенностью, немного уступая въ плодотворности дикимъ пчеламъ. Впрочемъ, правильной торговли пчелами здѣсь нѣтъ. Желавшій купить пчелъ у Антропскихъ инородцевъ приходитъ къ нимъ весною, непременно съ виномъ, и по мѣрѣ этой заманчивой въ высшей степени для инородцевъ вещи, пользуется не только уступкою въ покупкѣ пчелъ, но весьма часто и значительнымъ подаркомъ оныхъ. Приобрѣтённая такимъ образомъ пчела сплавляется на плотахъ по р. Кондомѣ, въ которую впадаетъ р. Антропъ. Кромѣ пчеловодства занимаются еще *пчелованьемъ*, т. е. отквашиваніемъ въ дуплахъ дикихъ пчелъ, которая произойти отъ домашнихъ. Кому посчастливится въ теплые вѣсны, тотъ находитъ колодокъ до 20 этихъ благодѣющихъ пчелъ. Для пчеловода эти пчелы считаются лучшими; онѣ даютъ въ одно лѣто не рѣдко 5 хорошихъ роствъ.

Изъ домашнихъ животныхъ северные алтайцы держатъ только коней и то въ ограниченномъ числѣ, и очень мало въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр по рр. Мрасѣ и Мындабану—коровы. У подложного корня здѣсь и думать нельзя: сѣнъ вынадеетъ очень рано и всегда достигаетъ 3 ар. глубины.

Домашняя посуда, приготовляемая самими инородцами, обуславливается мѣстною обстановкою: на югѣ играетъ роль козья, на сѣверѣ—береста. Для сохранения, напр., жирностей, на югѣ пьютъ калмаи: *оркани* для кумыса и *чегана*, почти въ ростъ человека, вытѣкающей въ себѣ около 10 ведеръ, *тамааръ*, вмѣщающей около 1 ведра и *норуби* изъ цѣльной кожи, снятой съ коровой ноги, мѣровъ отъ 1 до 1½ ведра. Послѣдніе два сосуда употребляются преимущественно въ дорогѣ. Для этихъ сосудовъ сырую кожу, операвши въ горячей водѣ и очистивши шерсть руками, сшивають тогда же по известной формѣ и, высувъ сухой земли, высушиваютъ бливъ огня въ течение 10 дней. Потомъ, высыпавъ землю, дымятъ сосуда 7 сутокъ или болѣе, чтобы запахъ прогнаннылся; отъ дыму кожа размягчается, по просушнуду на вѣтру 1 день, дѣлается твердой, рогообразной, такъ что ее кожъ не беретъ.

У северныхъ алтайцевъ для воды, молока, масла, арани и меда дѣлаются разныхъ размѣровъ бурки (по-сибирски *тиселъ*), которые для перевозки во вьючныхъ сумкахъ имѣють полуругрнутую форму. Впрочемъ, на обувъ себѣ и они приготовляютъ кожу *сагиръ*, посредствомъ даламѣи-же, а именно: сырую кожу лошади, рѣдко коровы, обривши острымъ ножомъ, ватраютъ

сначала порошокомъ изъ пихтоваго угля, потомъ—отваромъ изъ оглоданныхъ костей, изъначально для сего сохраняющихся отъ пиривственныхъ столовъ, отчего кожа принимаетъ черный цвѣтъ. По ошерненіи кожи вывѣшиваются зимою на солнцѣ, а лѣтомъ въ тѣни на одинъ мѣсяць, и проитрѣнная мажутъ лошадинымъ саломъ—чѣмъ болѣе, тѣмъ лучше, и затѣмъ смячуются въ *тамакъ*. Тамакъ—колода, около 2 арш. длинн, съ пространствомъ между стѣнками до 3 вершковъ, безъ дна, съ зазубринами съ обѣихъ сторонъ, въ средину которой вставляются *балазы*, въ родѣ выгнутыя въ одну кону толстой оглобли, съ зазубринами-же. Одинъ человекъ переворачиваетъ сложенную кожу въ тамакѣ, а другой, принимая и отпуская прямой конецъ балазы, снимаетъ ее. Въ день обыкновенно смячуютъ не болѣе двухъ большихъ кожъ, рѣдко три. Приготовленные такимъ образомъ кожы дымятся, для чего дѣлають въ землѣ печку въ родѣ тѣхъ, въ каковыхъ варится масло или смола. На верхнее отверстие печи полагается не болѣе двухъ кожъ, сложенныхъ такъ, чтобы дымокъ проникалъ между изгибами. Накрываютъ кожы берестянымъ круглымъ коробомъ, затопляютъ печь пихтовымъ гнилемъ и засыпають землей. Въ течение 3-хъ дней дымъ проникаетъ кожы, которая по выдмѣненіи еще смячуются въ тамакѣ, и готовы на обувъ. Изъ этой кожы обувъ теплѣе, нежели изъ обыкновенной. Она не боится ни жара, ни мороза. Нога взбромпромышленница, обувая въ сагиръ, твердо стоитъ на льдахъ, не скользитъ и на деревьяхъ. Не смотря однакожь на эти достоинства сагиръ, онѣ имѣють свои недостатки. Кожы эта не терпятъ лѣтомъ сырости и скоро изнашивается. Съ осени до весны инородцу доставятъ однихъ *чирковъ*, но лѣтомъ ихъ надобно нѣсколько.

Домашній работы, главнымъ образомъ, лежатъ на женщинахъ. На югѣ Алтая женщины дѣютъ коровы и кобылицъ, шьютъ обувъ, одежду дѣлають, кумысъ, высушиваютъ араны, приготовляють дрова, нося на своихъ спинахъ повалившіеся отъ вѣтра глыбы, осѣдываютъ и навьючивають коней, возить, за отсутствіемъ мужей, подводны; на сѣверѣ дѣлають все тоже за исключеніемъ ухода за скотомъ, и еще копають землю для посѣва ячменя, поють свои паши, заготовляютъ на зиму кандыкъ, косятъ сѣно серповидными косами, известными въ Сибири подъ именемъ *корбуны*, и приготовляютъ на халаты своихъ мужей двойную ткань, въ родѣ *ревендука*, изъ конопли. Для этого коноплю раздѣляютъ посредствомъ только рукъ и зубовъ на тонкія волокна, которые, согнувъ въ кругъ, кладутъ въ берестяной коробъ, а чтобы волокна въ коробѣ не спутались, пересыпають каждый кругъ яменной шелухой или лузгой. Конечъ одного волокна соединяется съ концомъ другою—присыкается. Когда коробъ наполнится этими тонкими волокнами, тогда берутъ большое веретено и ссучивають ихъ, давая видъ обыкновенныхъ нитокъ, которые, протянувъ въ нѣсколько рядовъ на полу, чрезъ всю юрту, сплетаютъ въ узкую (около 6 вер.), но прочную и неудобромомаемую ткань.

Я з ы к ь.

Язык алтайских инородцев в основе тюркский, в некоторых свойствах склоняется к киргизскому, заключает некоторые слова уйгурская и много монгольских; в нем есть корни для слов татарских. Такая смесь, вероятно, произошла оттого, что предки нынешних алтайцев — ойроты всегда представляли собою массу племен, находившихся в переплетенных связях, то дружественных, то враждебных, с разными кочующими племенами.

Письменности алтайцы не имеют. В их языке пять звуков, изображаемых русскими буквами: *а, б, и, ш*; напротив, есть и такие, для которых нет соответствующих букв в русской азбуке, как носовое, подобное французскому *и*, мягкое *г*, придыхательное *к*, средние звуки: *о, у*.

Гласная буквы следуют закону *согласия*, который состоит в том, что он в каждом слове могут измѣняться и произносятся так, чтобы гармонизировали с основным тоном, затронутым гласною.

Согласная твердая буквы следуют закону *смягчения* при сочетаниях с некоторыми согласными-же, а особенно с гласными.

Ударение бывает, за небольшими исключениями, на послѣднем слоге.

Этимологическая перемена совершается приставкой в конце слова, а самое слово не терпит при этом никакой внутри себя перемены. В алтайском языке весьма мало исключений. Выше назвали частей речи, здесь достаточно раздѣлить на склоняемые и спрягаемые. Все зависит от логического значения слова, а не от окончаний.

Склоняемые формы:

Множ. число принимает, смотря по созвучию, приставку *ар, ер*, или *ор*, с предшествующими согласными *о, э, т*, определяемыми конечною буквою въ корнѣ. *Ада* — отецъ; *адалар; ором* — улна; *оромдор; иш* — дѣло, — *интер*.

Падежи отличаются приставками-же, для единственного и множественного числа одинаковыми, а именно:

Родительный или притяжательный *и* или *ин* с предшествующими тѣми-же, какъ и въ родительномъ. *Баш* — голова, ед. *башты*, мн. *башшарды*, ад ед. *аданы*, мн. *адаларды*.

Дательный или приближательный, такъ какъ онъ выражаетъ и отвѣтъ на вопросъ: *куда?* оканчивается послѣ гласныхъ на *а, э, о*, исключая *у* и *ю*. Конечная коренная буква: *к* и *и* сочетаются съ тѣми-же буквами. *Ада-адаа, те* — мать, *энез, козо* — колокольчикъ, *язасо*. Послѣ *у* и *ю* и согласныхъ — на тѣ-же буквы, но с предшествующими: *и, к, а*.

Исходный имѣетъ окончанія: *ан (он, он)*, с предшествующими буквами, какъ въ родительномъ. *Ада, ададан* — изъ отца, или отъ отца, *тамар-жила, тарамнан* и проч.

Творительный или соединительный съ послѣ — положною частицею: *была, былан, бле, блен* (съ кѣмъ, чѣмъ).

Мѣстный съ послѣ — положными: *да, та, (дэ, тэ, до, то)* — въ, на.

Притяжания.

Въ имен алтайскаго языка допускаютъ притяжания, вѣ которыхъ буквахъ или членикахъ, для обозначенія личной принадлежности предмета. Притяжания эти не должно смѣшивать съ притяжательными мѣстоименными (Suffixa), потому что отношеніе понятий въ предложении къ субъекту предложения, хотя было-бы ясно и безъ притяжательныхъ знаковъ, даже если было-бы уже опредѣлено притяжательнымъ мѣстоименіемъ, однако-же и тогда свойство языка требуетъ притяжания.

Притяжания 1-го лица: *м, ада* — отецъ, *адам* — мой отецъ, *адалар адалар* (м) м мои отцы. Для выраженія принадлежности предмета многимъ лицамъ употребляется *неотдѣляемое* мѣстоименіе *бис* — нагг: *ада бис* — наггъ отецъ, *адалар (м) ар* — наши отцы.

2-го лица принадлежность одному *м*, многимъ — *ар*: *адам* — твой отецъ, *адалар* — вашъ отецъ, *адалар* (м) ар — твои отцы, *адалар (м) ар* — ваши отцы.

3-го лица: *м, и, у*: *ада (э)* — его отецъ, *адалары* — его отцы, *эне(э)и* — его мать, *эне(э)и* — его матери, *су* — вода, *суу* — его вода и проч.

Склоненіе именъ съ притяжательными приставками следуетъ общему правилу, только дательный падежъ принимаетъ одну букву *а (э)* и при этомъ притяжания 3-го лица принимаетъ сыроническую букву *и*, *адам* — мой отецъ, дат. не *аданы*, но *адаа, адаларыма, адам* — твой отецъ, *адана, адамы* — его отецъ, *адазана, адазана*. Кромѣ того въ вѣдательномъ падежѣ съ приставкою 3-го лица опускается гласная подлежащаго окончанія: *адазын* — его отца (вн. пад.).

Глаголы.

Корень глагола — 2-е лицо единств. числа повелит. наклоненія: *бар* — иди, *кел* — приди, *эт* — дѣлай. Приставка *ым* означаетъ моленіе, просьбу.

Въ глаголъ есть формы нѣсколько похожія на називалогіи. *Ла* — возьми, прибавивъ къ нему слогъ *дыр*, получимъ корень, такъ называемую, *аистемзюлу*. Она, впрочемъ, имѣетъ разныя названія, которыми разныя филологи, по своему разумію, думали удачлѣе выразить разнообразное значеніе этой формы. Окончаніе *дыр* есть болѣе частое, но есть и другія. Глаголы, оканчивающіеся на гласную, принимаютъ въ этой формѣ *т*: *сарна* — пой, *сарнат*. Та-же буква (*т*) придаетъ нѣрѣдко въ корню на *р*, если дукъ и болѣе сложное. А односложныя слова на *р* принимаютъ *ыш (уз)*, *тур* — стой, *тургуз*. Глаголы односложные, оканчивающіеся на *ш, ч, т*, получаютъ въ вѣдательной формѣ только *ыр*.

Всѣ разнообразныя значенія этой формы сводятся къ одной идеѣ. Здѣсь

чашка чай), *тапи уй*—камень домъ (т. е. каменный дом), *темір курек*—железо лопатка (т. е. железная лопатка), *карчма куш*—птица соколъ, *Табак каровдари*, брать Навяг. Собственное имя города, рѣки и т. п. сопоставляются также.

Отношение принадлежности бываетъ определенное и неопределенное: лошадиная голова, т. е. голова вообще лошади, и голова определенной лошади. Лошадь—*ат*, голова—*бач*, лошадиная голова—*ат бачи*, голова этой лошади—*бу атмы бачи*. Следовательно, ролит. приставка выражаетъ определенность, а отсутствие приставки—неопределенность; точно также бываетъ и съ падежомъ винительнымъ. А потому слово безъ всякихъ приставокъ нужно считать не собственно именовательнымъ падежомъ, а неопределеннымъ.

Имя со всеми своими опредѣненіями, какъ бы они ни были многочисленны, многосложны, представляетъ какъ-бы одно цѣльное слово, т. е. окончание множественнаго числа и косвеннаго падежа приставляется только къ одному послѣднему слову, а все предшествующія слова остаются безъ всякихъ приставокъ.

Сказуемое бываетъ иногда глаголѣ. Формы глагола изложены выше. Здѣсь упомяну о томъ, какъ алтайцы выражаютъ русскіе виды, т. е. продолжительность, оконченность, начинание и т. под. Все это и тому подобную сложность идей они выражаютъ сочетаніемъ нѣсколькихъ отдѣльных глаголовъ. Для этого нужно русскій глаголѣ разложить на его составныя идеи, для которыхъ въ алтайскомъ существуютъ особая слова, расположить эти глаголы въ порядкѣ выражаемыхъ ими дѣйствій, предыдущіе глаголы поставить въ дѣвипчастной на я и только послѣдній глаголѣ поставить въ требуемомъ наклоненіи и времени. Наприм., носить—помнить—звать—ходить; а потому носить—подвинзши, званши, ходитъ; *хурести воды*: принести—звать, придти; воду назши, придти; *сходи въ амь*: сохидитъ—пойти—прийти; въ амь походиши, придти. Следовательно, здѣсь механическаго правила называть нельзя, а непременно нужно руководствоваться логикой. Впрочемъ, вспомогательные глаголы: *ят*—лежи, *тур*—стой и *турь*—живи, можно употреблять всегда для выраженія продолжительности дѣйствія. Для выраженія начала дѣйствія причислѣ глаголѣ *тур*—дай, когда не требуется опредѣлѣнѣ, долго или нѣтъ продолжалось начавшееся дѣйствіе, или два глагола: *тур* и *бер*, когда нужно выразитѣ, что дѣйствіе послѣ начала имѣло продолженіе. Если нужно выразитѣ, что предметъ совершилѣ дѣйствіе для себя или въ себѣ, употребляется глаголѣ *аа*—возмиз; а если для другаго—*бер* дай.—Когда нужно выразитѣ, что дѣйствіе начало совершаться неожиданно, внезапно, необычно, или, что дѣйствіе предмета выразилось въ движеніи по извѣстному направленію, тогда употребляется глаголѣ *йй*—отпусти, пошла. Для выраженія окончанія дѣйствія, не опредѣляя, для себя-ли дѣйствіе окончилось, или для другаго, употребляются глаголы: *саа*—положи, *кой*—перестанѣ.

При выборѣ вспомогательныхъ глаголовъ надобно помнитѣ, чтобы они логически не противорѣчили главнымъ глаголамъ.

Глаголѣ можетъ распространитѣся дополненіями, которыя выражаютъ падежами.

Послѣ глагола могутъ ставитѣся все косвенные падежи, кромѣ родительнаго.

Всякое зависящее слово становится прежде управляющаго. Впрочемъ, строго логическій порядкѣ въ предложеніи, по которому опредѣленія и дополненія ставитѣся прежде опредѣляемыхъ и управляющихъ словъ, въ разговорѣ не рѣдко измѣняется. Въ этомъ случаѣ существуетъ такой психологическій законъ: если цѣлая мысль воплотѣ и вдругѣ представляется въ умѣ говорющаго, тогда слова ставитѣся въ строго-логическомъ порядкѣ. Нестройное-же слово-расположеніе облегчаетъ нестройное мышленія, т. е. человекѣ, сказавши нѣсколько словъ, напоминаетѣ, для дополненія, еще нѣкоторыя слова, а эти, послѣ уже признанныя, а не однимъ цѣльнымъ актомъ мышленія объявляя идеи прибавляются къ предложенію, вопреки вышеизложеннаго порядкѣ.

Употребленіе падежей: Именовательнаго падежа, вмѣсто русскаго родительнаго, требуютъ отрицательная частица: *йок*—не, безъ, одна и въ соединеніи съ глаголами. Глаголы: быть, сдѣлаться, стать вмѣсто русскаго творительнаго—тоже.

Родительный или притяжательный ставитѣся только при имени существительномъ. По отглагольная имена дѣйствія и дѣйствующаго удерживаютъ управленіе своихъ глаголовъ, отъ которыхъ они произошли.

Винительный падежъ въ алтайскомъ языкѣ имѣетъ такое-же значеніе, какое и въ русскомъ. Но такъ-какъ многіе дѣйствительные глаголы алтайцевъ соотноствуютъ русскимъ срединимъ или возвратнымъ глаголамъ, то не всегда можно по употребленію винительнаго падежа въ русскомъ языкѣ опредѣлять употребленіе этого падежа въ алтайскомъ. Вотъ нѣсколько случаевъ, въ которыхъ алтай-винительный падежѣ соответствуетъ различнымъ русскимъ падежамъ.—При глаголахъ: *паншарари*—управлять чѣмъ, *керетирь*—нуждаться, *йоскычари*—скупать, горевать о лишней чего-нибудь, *танашарари*—удивляться чему, *электирь*—смияться надъ чѣмъ, *эжерь*—сбѣдовать за чѣмъ, ставитѣся винительный падежѣ.—*Глажечерь*—переналывать, переправляться, *ажарари*—перезѣжать, *абдари*—проходить, перезѣжать (чрезъ что) требуютъ винительнаго падежа, который въ русскомъ языкѣ находится въ зависности отъ предлога: *чрезъ*.—Зависнншіи въ русскомъ языкѣ имена отъ предлога *объ*, ставитѣся въ алтайскомъ языкѣ въ винительномъ падежѣ при глаголахъ: *уларь*—слышать, *эжметирь*—разговаривать, бесѣдовать, *авдари*—говоритѣ и т. п.—Винительный падежѣ употребляется при глаголѣ вспомоательномъ *деп*—думаю, говорю, вмѣсто русскаго: дательнаго, творительнаго и предложнаго падежей.—Если въ русскомъ языкѣ, вмѣсто винительнаго падежа, стоитъ цѣлое предложеніе, подлежащимъ котораго служатъ

вместоимения: *что, который*, или наречья места и времени, а сказуемым— глаголь, то в атайском языкѣ вместоименя эти опускаются, а сказуемый глаголь всегда полагается в причастии винительнаго падежа.

Дательный или прилительный падеж употребляется при означении предмета, къ которому что-либо относится, по вопросам: *кому, чему?*— При выражении движения или направления къ какому либо предмету, на вопрос: *къ кому, чему?*— При означении направления или движения предмета во внутренность дуга по вопросам: *въ кого, во что, куда?*— При определении чьей, куда, мѣры, пространства, причины и мѣста совершения дѣйствія или положения предмета, по вопросам: *для кого, для чего, до кого, до чего, обо что, за что* (вместо *кого*), *на кого, на что, на какую вещь, по какой поверхности, у кого, у чего, среди кого, въ чемъ, отъ какой причины, въ какую мѣру, при чемъ, противу кого?* При означении послыки или шествы за какимъ-либо предметомъ, по вопросам: *за кѣмъ, за чѣмъ?*—Глаголы: *чадан*—могу, терплю, *очожит*—понавижу, *чий*—пшшу на чѣмъ, *сугунун*—радуясь, *ачинан*—жалѣю, *кисеп*—принимаю участие въ комъ, обращаю внимание на кого—требуютъ падежа дательнаго.—При глаголахъ влительныхъ, имѣющихъ значение страдательное, предметъ, отъ коего происходитъ вліяніе, полагается въ дательномъ падежѣ.—Глаголь *боаун*—становлюсь, бываю, дѣлаюсь, требуетъ дательнаго падежа въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ выражается согласіе, уступка, угрожденіе, подчиненіе, стремленіе одного предмета къ другому.— При глаголь *тохоро*—наполняется и *толо*—полный, предметъ наполняемый ставится въ дательномъ падежѣ.—Дат. пад. въ причастіи на *р* означаетъ родъ сущна.

Исходный падежъ употребляется—для означения выхода, изъятія, происхождения и удаленія предмета отъ чего-нибудь;—для означения прѣзда или пункта, отъ котораго начинается движеніе, измѣреніе или исчисленіе.— Когда говорится о превосходствѣ или недостаткѣ въ какомъ-нибудь отношеніи одного предмета или прилагательнаго качестваго предъ другимъ, тогда или при прилагательное, съ которымъ данный предметъ сравнивается, полагается въ исходномъ падежѣ, вѣсто родительнаго, при чемъ прилагательное особаго сравнительнаго окончанія не принимаетъ.—При означении вещества, изъ котораго что-нибудь сдѣлано, ставится падежъ исходный.—Глаголы, означающіе стыдъ, опасеніе, боязнь, огорченіе, напр., *хоркаро*—бояться, *ійменеро*—опасаться, *укариа*—стыдиться, *чохорно* и *тункаро*—отчаиваться; также *жасирара*—скрывать, *сирара*—спрашивать, *эриера*—накусывать, *чакариа*—выходить, *окачариа*—истить, *каариа*—оставаться, *калжасариа*—оставать; равно какъ глаголы: *качариа*—блѣять отъ кого, *амачариа*—отскакивать, путаться кого и *брачъ*, *вержеть* за что—согласуется съ падежемъ исходнымъ.—Послѣполюжная частіи *наиска*, *беск*—кромя *ою*—прежде, *бері*—съ (какого времени)—требуютъ падежа исходнаго.

Соединительный (творительный) падежъ употребляется—для сочетанія предметовъ, производящихъ одно дѣйствіе, или находящихся въ одинаковомъ

состояніи, независимо одноѣ отъ другаго, по вопросамъ: *съ кѣмъ, съ чѣмъ?* или-же сочетанія такихъ предметовъ, изъ которыхъ одинъ участвуетъ въ дѣйствіи или состояніи по волю дружитъ предметовъ, или по тѣсной связи съ ними;—для наименованія лицъ, орудій или средства, которымъ совершается дѣйствіе, по вопросамъ: *кѣмъ, чѣмъ, на чѣмъ?*—Въ соединительномъ падежѣ полагается имя предмета, изъ котораго что-нибудь сдѣлано, если этотъ предметъ имѣетъ значеніе матеріальнаго причины.—Соединительный падежъ ставится иногда для выраженія того, что дѣйствіе предмета совершилось тотчасъ за другимъ дѣйствіемъ или что дѣйствіе предмета совершается по временамъ. Въ соединительномъ падежѣ полагается то, по образцу чего производится что-нибудь.

Мѣстный падежъ полагается при означении пребыванія, покоя или остановки на мѣстѣ, по вопросамъ: *въ комъ, въ чемъ, на комъ, на чѣмъ, идѣ?* также: *у кого?*—При означении времени года и дня, по вопросу: *когда?*—Мѣстнымъ падежемъ иногда означаются обстоятельства, при которыхъ совершилось дѣйствіе, или причина, вѣдѣдствіе которой произошло дѣйствіе.

Въ употребленіи *чѣмъ* надобно замѣтить, что имена предметовъ, имѣющихъ извѣстное опредѣленное число, или хотя неопредѣленное, но множественное, напр., глаза, уши, руки, ноги, зубы, волосы, листья, перья и проч., не употребляются по множественному числу. Если-же нужно опредѣлительнѣе показать, что подъ словомъ, напр., *кал* разубѣется не одна рука, а обѣ, тогда придаютъ числительное *эма* *кал*—обѣ руки.

О *предложеніи* *сложномъ*, состоящемъ изъ соединенія нѣсколькихъ предложеній. Предложенія, входяція въ составъ одного періода, относятся между собою, какъ главныя и заиспанія. Послѣднія въ нашемъ языкѣ подчиняются главному посредствомъ вместоименія относительнаго или союзнаго. Атайцы этихъ средствъ не имѣютъ, а между тѣмъ въ мышленіи ихъ неизбѣжно должно являться сложное соотношеніе нѣсколькихъ предложеній, напр., причинности, временнаго обстоятельности и т. п. Только условіе и уступленіе выражаются особаго формою глагола: *акимъ болго, сабат-аалары*, если у меня будутъ деньги, куплю. *Асчимъ болго-да, албарымъ, чюи у меня и будутъ деньги, не возмю.*

Всѣ другіе случаи союзности предложеній подведены подъ тѣ-же законы, какими союзнются отдѣльныя слова, именно, какъ опредѣленіе и какъ дополненіе, т. е. какъ прилагательное или какъ заиспаній падежъ.

Подобно прилагательному союзнителю предложеній опредѣлительнаго, а падежамъ тѣ, которыя начинаются у насъ какиъ-либо союзомъ. Въ обоихъ случаяхъ механизмъ совершенно одинаковый и простой. Имено, подчиненное предложеніе должно быть отдѣльно и составтъ по-атайски, и потомъ, если оно оканчивается глаголомъ въ какомъ-нибудь времени извѣстнаго наклоненія, то глаголь поставить въ причастіи того-же времени и залого, а если оканчивается прилагательнымъ, вставить безъ перерыва, и затѣмъ заиспаніемъ предложеній обозначить логически приличнымъ падежемъ, а

опредѣлительное безъ всякой перемены поставить только предъ словомъ опредѣляемымъ, и тогда все дѣло окончено. Напр.

На шубу, которую надѣнешь на свадьбѣ.

Шоловая кафка пусть пригодится. Сначала должно разложить на два особыхъ предложенія: на шубу шоловая кафка пусть пригодится, *тошня торго мандык арысын*, ты надѣнешь къ свадьбѣ, *сень тойю кйорын*. Въ последнемъ предложеніи слово *кйорын* поставимъ въ причастіи будущего времени *кйор*, и будетъ такъ:

Тойю кйор тошня, торго мандык арысын. Человекъ, у котораго много денегъ, называется богатымъ.—Человѣкъ называется богатымъ, *кмыж бай адамъ—адыр*; у него много денегъ: *акказы хотъ*, а все: *акказы хотъ кмыж бай адамъ—адыр*.

На козла, котораго, подаркаувши, застрѣлишь.

Пуля пусть пригодится.

На козла, пуля пусть пригодится: *зыкъ томокъ темір арысын*; его, подаркаувши, застрѣлишь, *апы тозымъ адырын*, а все:

Тозым адыр зыкъ томокъ темір арысын.

Обратимъ вниманіе на наши причастія и посмотримъ, какая разница въ нашемъ русскомъ сочиненіи и алтайскомъ. У насъ причастіе иногда только можетъ стоять предъ именемъ, какъ его опредѣленіе, когда это имя есть его подлежащее, а въ противномъ случаѣ необходимо употребить въбѣто-ижные отношеніе. Человекъ, читавшій книгу—человѣкъ, который читалъ; прочитанная книга—книга, которая прочитана. Но человекъ, у котораго украли лошадей, причастіе укрававшій по-нашему ни какъ не можетъ быть опредѣленіемъ слова человекъ, а по-алтайски можно сказать *аттымураломъ кмыж*, а лучше: *аттын урзатканъ кмыж*. Надо всегда имѣть въ виду въ алтайскомъ языкѣ, что опредѣліемъ служатъ не одно только причастіе, а все предложеніе, заканчивающееся причастіемъ. По этой причинѣ также причастіе дѣйствительное по-алтайски можетъ быть опредѣленіемъ и существующаго лица и предмета дѣйствія, смотри потому, предъ какою нѣмъ оно полагается. Наприм., *ийемъ кмыж*, ищущій человекъ; *ийемъ эт*, съѣденное мясо. *Айтканъ кмыж*, сказавшій человекъ, *айтканъ сос*, сказанное слово (§§ 452—462 Грамматикѣи Монголско-Калмыцкаго языка Бобровникова, Казань, 1849 года приличны и Алтайскому языку).

Здѣсь еще замѣчу относительно послѣдовательности времени. У насъ времена въ русскомъ языкѣ, въ главномъ и въ придаточныхъ предложеніяхъ, болѣею частью, относятся къ моменту говорящаго; наприм.: когда я прочитаю книгу, отдашь вамъ,—тотъ и другой глаголъ въ будущемъ времени. По-алтайски отношеніемъ къ времени говоренія опредѣляется только время главнаго глагола, а подчиненныя опредѣляются уже по отношенію къ главному глаголу, и потому здѣсь слово: *прочитаю*, надо поставить въ прошедшемъ времени причастія, ибо это дѣйствіе будетъ уже окончено прежде, чѣмъ книга отдастся.

Подчиненныя дополнительныя предложенія болѣею частью (исключеніе выше сказано) сочиняются падежами. И могутъ они стоять во всякомъ падежѣ.

Во многихъ случаяхъ къ причастію его подлежащее можно означать притяжательной приставкою, которая въ предложеніяхъ опредѣлительныхъ ставится къ опредѣляемому имени, а въ дополнительныхъ — къ самому причастію.

Для соединенія придаточныхъ предложеній есть вообще двѣ причастія. Впрочемъ, въ переводѣ придаточныхъ предѣловъ съ русскаго нельзя указать механическаго правила, а нужно слѣдовать логическому отношенію ихъ и выражать это логическое отношеніе частіями подходящими.

Есть еще сочиненіе предложеній посредствомъ глагола *деп*, соответствующаго татарскому *дымъ*. Онъ замыкаетъ собой слово и употребляется для выраженія не только высказанныхъ словъ, но и задуманныхъ: желанія, опасенія, просьбы, надежды и т. под. При этомъ предложеній надо давать такой именно видъ, какъ мыслить его самъ тотъ, кому оно присваивается. Напр., по-нашему: онъ сказалъ, что придетъ, а по-алтайски: онъ сказалъ: придетъ-де. Я боюсь, чтобы вы на это не сердились, а по-алтайски: осердился, говоря, боюсь.—Такимъ образомъ здѣсь притетъ измѣнить лица глагола.

Кромѣ строгой логической послѣдовательности алтайскаго словосочетанія и словозамѣны, надо еще помнить, что алтайскій языкъ отличается конкретностью, т.-е. любитъ представлять вещи не отвлеченно, а въ ихъ дѣлостномъ, натуральномъ положеніи, и о событіяхъ рассказываетъ, какъ они на самомъ дѣлѣ происходили. Выражать отвлеченные обороты — не въ духѣ языка.

Изложивъ общій строй алтайскаго рѣчи, покажемъ и различія *жежно* и *свернола* нарѣчій. Южнымъ нарѣчьемъ говорятъ: калмыки, телугути и черепные татары, коучиные близъ Теленскаго озера и татогъские всѣмъ своимъ бытомъ къ калмыкамъ. Севернымъ нарѣчьемъ говорятъ остальные черепные инородцы и куманджинъ. Впрочемъ, у всѣхъ племенъ, даже въ каждой волости, есть нѣкоторыя особенности въ языкѣ, но онѣ не значительны, такъ что знающему два главныхъ нарѣчія можно свободно объясняться со всѣми алтайскими инородцами.

Въ северномъ нарѣчии употребляется особенный звукъ *ч* (какъ-бы *чж*). Въ созвучіи буквы *о* полагается не *о* же, но *а*: *кол—кано, балаар, болан*. Северное нарѣчье не терпитъ въ началѣ слова мягкихъ гласныхъ буквъ, прилага къ нимъ букву *ч*: *чакынъ въсто якынъ, чаранъ* вм. *аранъ, чокъ* вм. *док, чемы* вм. *йемы*.

Буквы *ш* и *ч*, особенно стояща въ началѣ слова, измѣняются перва въ *о*, а послѣдныя — въ *и*: *тши* вм. *чач, члан* вм. *тиан* и проч.

Окончанія множествъ числа *дар* (*дэр*) въ северномъ нарѣчии не употребляются, замѣнялись: *лар* (*лар*): *тарамъ-ялан*, не *тарамдар*, а *тамаллар*.

Притяжательная приставка 2-го лица множествъ числа *лар* на северѣ не употребляется.

Глаголы въ сочетании съ глаголами-же вспомогательными въ настоящемъ времени изъявительнаго наклоненія въ южномъ нарѣчїи поставляются въ дво-причастїи на *и*, а въ сѣверномъ вспомогательный глаголъ, бывшаго частью, приставляется прямо къ корню главнаго глагола.

Южное:

Беру алып-ыдым,
Бываю болуп-ыдым,
Знаю билин-ыдым,

Сѣверное:

ал чадым или чарым
бол чадым —
бил чадым —

Въ южномъ нарѣчїи 3 лице наст. врем. изъявительнаго наклоненія оканчивается на *т*, а въ сѣверномъ на *р*.

Въ сѣверномъ нарѣчїи вспомогательный глаголъ *турум* не употребительно; форма прошедшаго времени отъ причастїи на *ям* употребляется только въ сокращенїи: *болам*, *болобисъ*, причѣмъ второе лице единств. числа отличается отъ третьяго только носовою буквою *н*.

Окончанїи втораго лица прошедш. и будущ. времени множ. числа не *сынар*, а *зар*, а въ третьемъ лицѣ будущ. времени предъ *лар* (*лар*) вставляется *ы*.

Повелительное наклоненїе на *ым*, *ыим* и *ым* въ сѣверномъ нарѣчїи не употребительно.

Многи однозначашїи слова имѣютъ разницу въ нарѣчїяхъ южномъ и сѣверномъ. Мы будемъ говорить о такихъ, которые только искажены, напр.

Вечеръ	иыр,	йр,
Високъ	самай,	самый,
Гора	ту,	таг,
Грязь	балкаш,	балчакъ,
Больной	ургу,	артыхъ,
Глбкий	ильчекъ,	иньльчекъ,
Жадный	ачыракъ,	ачхаракъ,
Что	не,	но,

и т. д.

Представимъ совершенныя различїи:

	<i>южное:</i>	<i>сѣверное:</i>
Бумага	кагасъ,	катъ,
Вѣзд	этыръ,	уртукъ,
Весло	илкъ,	ышкы,
Всуеъ	амгышъ,	таамы,
Воздухъ	кей,	чѣсъ,
Воръ	кадранъ,	чулгушъ,
Вѣтра	ли,	чозагъ,
Гвоздь	кару,	поозухъ,
Глазъ	кось,	каракъ,

южное:

Гореть табашъ,
Гробъ межкъ,
Грѣхъ каличенъ, языкъ,
Десна нууде,
Давовъ курюмесь,
Дяля абагай,
Дятель тонуртга,
Жало чагаакъ,
Идолъ чалу,
Канля тамчи,
Караульчикъ савчи,
Клеймо тамга,
Колокольчикъ козо,
Кольцо юстукъ,
Коль казыкъ,
Кольцо тѣзо,
Кора чобарга,
Коса чалгы,

сѣверное:

оопъ,
чаинъ,
кыла,
кургакъ,
айна,
таи,
алапъ,
чѣа,
урекънъ,
шурлакъ,
кадачи,
полгу,
кондрачакъ,
кубе,
куйле, ургъанъ,
устукъ,
каганъ,
тулун (женская),
шурмеш (дѣвчїя),

Крюкъ подога,
Кулакъ подрукъ,
Лепъ кондырь,
Лобъ мандай,
Лозка калбакъ,
Лѣтвина ташкышъ,
Любовъ коумъ,
Мать эне,
Муравей чымалы,
Муха чмынъ,
Мѣсто орунъ,
Нѣвѣста саргалъ,
Нитка учукъ,
Нога нудъ,
Ножницамъ калчи,
Ноздря тану,
Нора иезень,
Носъ тумчукъ,
Осица шабыръ,
Отець ада,
Палець сабаръ,
Паукъ йоргомышъ,
Пашня кра,
Перо юмъ,

ыргакъ,
нуарукъ,
курюете,
кабакъ,
шабза,
макышъ,
куйленъ,
иче,
комсехашъ,
падатъ,
черь,
колтугу,
чипъ,
азакъ,
коптъ,
бурунъ,
ю,
бурухъ,
абсакъ,
аба,
надырбашъ,
коргочакъ,
агыча,
чухъ, туюкъ,

	казное:	сыерное:
Пицца	томин,	чин,
Плачь	ий,	сыт,
Пламя	аймак,	тло,
Плачо	ий,	ушту,
Подушка	акта,	частык,
Поле	ялам,	чазы,
Погляно	чарчага,	оок,
Плеши	кожон,	сарын,
Плутухъ	куштул-эрегеи,	танак,
Пята	чоонок, чоочной,	эчык, эньчык,
Радость	сюгуноги,	кулгу,
Рубашка	чамча,	куйнек,
Рукавица	мелей,	лыта,
Рукоятка	туда,	саб,
Рябина	неза-агаш,	сойбо, ундреш,
Сало	млай,	чаг,
Сестра	сйни,	аочи, нече,
Скоруша	кабак, кайзырык,	шырыч,
Слаута	кул,	чалчи,
Стедь	къ,	чал,
Смерть	адачи,	улет,
Смита	арка, сырт,	уча,
Старуха	эбегенъ,	уреконъ,
Стель (растения)	сын,	уно,
Стекло	шлай,	чйтрак, кузене,
Стогъ	обоо,	учунъ,
Стрѣда	ок,	соган,
Стукъ	тогулдаду.	тонлак,
Сукъ	нудак,	саза,
Тестъ	каш-ада,	касты,
Тетка	эдже,	агальчак,
Теща	каш-эне,	агыла,
Тыма	карачым, тыонері,	попалай,
Товарищъ	некорь, эш,	аргыш,
Туца	туруу,	кезек,
Уда	нармак,	лешъ,
Умъ	ой,	сагып,
Утка	су-гуш,	урьтек,
Халатъ	капталъ, лабакан,	чайлак,
Хлѣбъ	эгтек,	аш,
Цѣль	кышди,	ильчербе,
Часть	кеозік,	умош, орыс,
Челость	сангы,	йгы,

	казное:	сыерное:
Чудо	кайху,	обал,
Щенокъ	кучук,	унеген,
Щегина	язга,	шошка-теу,
Щедрикъ	савгагачи,	ужакчи,
Ягодъ	тйлек,	чыгъэк,
Ябло	тймаргъа,	нуртка,
Ямень	арба,	салыч-аш,
Ъдыни	йохту,	чудох,
Виноватый	туруу,	шты,
Вкусный	амтанду,	таамных,
Высокій	турумду,	моузнок,
Гнилой	чйрик,	чызах,
Гольй	тас,	чйлаш,
Голубой	чанкыр,	ков,
Горбатый	некчок,	порту,
Гордый	томукай,	улуугуу,
Дешевый	онгой,	эльбек,
Женатый	кадытту,	кыжлах,
Завистливый	кучючек,	артыч-кырычуш,
Заглаый	колонзухту,	нохых,
Здоровый	сузак,	казын,
Кривой	кылджар,	сыгър,
Крутой	кайр,	шйн,
Легкій	тенъаль,	нек,
Лѣтвий	ялку,	аргае,
Любезный	куурькуй,	сюрунухъ,
Медленный	садамду,	кузухъ,
Мутный	тордолу,	палашты,
Нагой	яванчаш,	чйлаш,
Острый	курч,	чйдых,
Плотный	шйдырашъ,	шйрахъ,
Порочный	туруу,	казыхты,
Прежній	озоги,	бурунту,
Рѣдкій	сандак,	саяк,
Скупой	кынта,	кемчи,
Слабый	поду,	лош,
Спорый	армык,	ухту,
Съдой	нуулуур,	кыр,
Терпѣливый	чйдан,	тыозноух,
Тревай	эрюль,	сак,
Удобный	шшту,	кедишкэнъ,
Умный	ойлу,	сагышты,
Худой	яман,	чыбалъ,

	<i>южнос:</i>	<i>сверное:</i>
Частый	туус,	кою,
Чугкий	сах,	охулак,
Широкій	лабах,	кел,
Ясный	айтрак,	аяс,
Весь	ончо,	парчам,
Виский	ар-кам,	кай-да,
Цѣлый	покуль,	пар,
Бужу	ойгозын,	ухадын,
Блю	сегул,	шаап,
Бѣгаю	мангап,	чурь,
Везу	таргын,	апарь,
Встрѣчаю	учуражын	удорелэн,
Выпимаю	суруп,	шагар,
Вьлчу	воптоп,	чуктар,
Вьрую	яндап,	санап,
Дремлю	ургуэлэн,	сабыкелэн,
Желаю	куучерын,	кычаланын,
Живу	тюрюп,	чаат,
Запраю	чоодалап,	пехтэн,
Кашляю	теодкуруп,	чедирин,
Кидаю	мерседэн,	таптап,
Крошу	кертын,	тугран,
Лгу	тегундеп,	чуйлап,
Люблю	соуп,	куйленп,
Мараю	уйман,	кырлендыр,
Молчу	уичуклай,	шмбол,
Мучу	кыппап,	чаажит,
Оставляю	таптап,	артыс,
Отвѣждаю	амзан,	аатых,
Пасу	кудоп,	кадар,
Перестаю	урап,	тохтоп,
Пишу	биџин,	паазын,
Плачу	ийлап,	угтап,
Помню	блѣинп,	унап,
Посылаю	ип,	ис,
Правлю	бопхарып,	тюзот,
Прошаю	божодын,	таптап,
Пухну	кооп,	пигп,
Радуюсь	сегуноп,	урунон,
Ругаю	сегул,	тарын,
Смѣюсь	аргалап,	катыгар,
Спасаю	кадалап,	кадар,
Стригу	кайчлап,	контылап,

	<i>южнос:</i>	<i>сверное:</i>
Стучу	токудалап,	тоналд,
Сью	зыген,	уренеп,
Таю	кайлап,	эрит,
Теряю	ойгулгуп,	чидар,
Тороплюсь	мендеп,	манзырап,
Убиаю	алтуруп,	бдурь,
Улыбаюсь	куюноп,	зай,
Унимаю	урадып,	кыс,
Устаю	члалп,	туржэр,
Хочу	куучерин,	санап,
Цѣлую	чекетеп,	алмай,
Шучу	кокуралп,	варбактанап,
Ъду	ойртуп,	бар,
Больше	зесту,	коб-лае,
Вдали	алмста,	аракта,
Вездѣ	кай-даа,	парчан-черьэ,
Весьма	сюрекэй,	куш,
Воскъ	кыл,	сеюк,
Вьѣтъ	кожо,	бирьго,
Внигъ	тѣмень,	тюберэ,
Вовсе	эч, айт,	шажба,
Вонъ	тыжына,	шагар,
Вскорѣ	удабай,	ултам,
Высоко	эзэ,	музюк,
Вьрно	чкэ,	подюш,
Давно	кошто,	урьэ,
Докогда, пока	анынча,	кай-теунче,
Едва	арайла, турче,	чуть-челе,
Иногда	качан-качан,	бирь-бирьэ,
Неподольд	карам,	куйчугэш,
Какъ-нибудь	каип-каипп,	кайт-кайт-чарьпы;
Лучше	алмак,	артык,
Маленько	эбенкыне,	кычегэш,
Назадъ, обратно	ойто,	наядра,
Наоборотъ	тэскерп,	айлиндра,
Нарочно	йнеттынп,	тегун,
Немного	азулак,	коп-чок,
Ни-то ни-се	алынкылу,	тытубо-небе,
Нѣсколько	анта-мынча,	ады-эри,
Рѣдно	сандахта,	ман-зайн-эбесэ,
Тихо	аяар,	чобаш,
То-есть	не-тэгэжинп,	ол-анда,
Чадно	күюрту,	омс,

	<i>важное:</i>	<i>сверное:</i>
Что-нибудь	носы-носыны	берь-берь,
Близ, вплоть	кнай,	кыйгыда,
Буто	дай, тай,	пыя-гыда,
Противу	утхары,	удре,
Сада	кындэ,	сооннам,

Названия месяцев.

Январь—*тец-ай кыч кыраи*. Этот месяц называется безымянным, потому что много посылает морозов, хотя и не больших. В этом месяце солнце поднимается на горизонт в рост человека—*кыжым бозу кошучулар*. День прибывает на веревку, которую треножат коней—*кыжымтыя*.

Февраль—*чс-ай, чель-ай*. Это—внутренний месяц. Солнце поднимается на горизонт в рост человека на коня—*алту кыжы-бойма кожулар*. Годъ перебивается; 7 дней прибывает. День прибывает сь аркан.

Март—*курж-ай, алыс-ай*. Годъ переваливается. *Эри алаи-та кар чуксы*, сь наклонной лыни (подтаяннй) снѣгъ спадаетъ. День прибывает на 6 аркановъ—*алты арамчи-бо*.

Апрѣль—*ын-камык, тары-ай*. Земля готовится къ посѣву. *Тар-роко*, копаю абломом. Солнце вводитъ на ровное мѣсто—*кун така шижар-чар*. Этотъ мѣсяцъ называется еще *курю-ай*, бурзудучй мѣсяць. Бурзудучъ выходитъ изъ норы, *курюк шижар*.

Май—*кѳи-ай, тес-ай*. Кандычнй мѣсяць, потому что въ это время вырывать кандыкъ.

Юнь—*тѳу айа-ай, ода-ай*. Хлѣбъ полоть. *Ой*—плевелы, сорная трава, *от-чадым*—поле, сорную траву выдериваю. На илоролческихъ небольшихъ нашиняхъ-кощанцахъ, дѣйствительно, нѣтъ ни одной посторонней травки; что только посеяно, то и растетъ.

Юль—*од-ай, уау-ай*. Это—большой мѣсяць сь долгими днями.

Август—*бѳекъ чабатан-ай, аттыкчан-ай*. Овны косить, и хлѣбъ поспѣваетъ. День убываетъ сь дверную накладку (для запора).

Сентябрь—*саман-ай, ори-ай*. Промышать морозовъ и пролагать тропу (ора) къ нашинягъ для жива.

Октябрь—*чан-ай, уртюмь-ай*. Промышать звѣрей по порошѣ (чай) и хлѣбъ молотить: *уртюмь-тумо*.

Ноябрь—*кыч кыраи, куртумь-ай*. Старушечй мѣсяць. День такъ коротокъ, что старуха едва успѣетъ обуться—*куртумъ эдок кычар кыръ*.

Декабрь—*улу кыраи, улу кыраи*. Большой морозъ. Онь, впрочемъ, знаетъ стыдъ и пускаетъ только три мороза. Солнце поднимается по-чужью. День прибудетъ на просекуточъ времени отъ одного удара кузнеца молотомъ до другаго—*уенасыны*.

Вѣрованя.

По общему вѣрованю алтайцевъ два начала управляютъ міромъ: доброе—*Уламын* и злое—*Эркин*. Обонягъ изъ подчинено множество духовъ, первую чистыхъ (*ару ние*), послѣднее—нечистыхъ (*кара ние*).

Уламынъ столь добръ и милостивъ, что не способенъ сдѣлать что-нибудь непріятное для человека. Онь добръ до слабости. Эркинъ, напротивъ, столь золъ, что не можетъ не злодѣйствовать, а только отлагаетъ иногда на время враждебныя свои дѣйствія на человека. Средства для выраженія почтенія доброму началу и для умалостивленія, или какъ-бы задобренія злаго начала есть жертва. Жертвы раздѣляются на кровавыя и простыя. Къ первой принадлежатъ заклятые и съдѣсаніе животныхъ, во второму—обычное приготовленіе и распіеіе особенной браги. Кромя главныхъ силъ чествятъ жертвами множество друтокъ, подчиненныхъ Уламыну духовъ чистыхъ (*ару ние*) и подчиненныхъ Эркину (*кара ние*), тоже какъ боговъ, но гораздо меньшихъ. Не довольствуясь этимъ, они покояются еще солку и луиѣ, горамъ, озерамъ и рѣкамъ, а также и духовъ ихъ обладателей или хозяевъ (*эри*), на основаніи того преданія, что при разгромѣ и сверженіи Эркина и его слугъ, каждый изъ нихъ *ни что* уламы, тому и хозяинъ сталъ, получивъ силу и право вѣчески вредить человѣку и даже умерщвлять его въ своей области. На высокой высокой горѣ набрасываютъ груды камней и втыкаютъ въ нихъ палки съ подвязками трипои и конскихъ волосъ, въ признательность горѣ за то, что она позволяетъ подниматься на ея высоту. Кромя многочисленности этихъ общихъ боговъ, каждый родъ (*сеок*) имѣетъ еще своего собственнаго, фамильнаго и каждаго семья—пѣната юрты *баштур-сана*. Понятно, въ какомъ постоянномъ смущеніи и страхѣ долженъ находиться духъ и умъ несчастливыхъ людей этихъ, оруженыхъ со всѣхъ сторонъ, во всемъ, божествами злобыми, коварными и враждебными, требующими постоянно умалостивительныхъ, кровавыхъ и раззорительныхъ жертвъ.

Для ошщстворенія божествъ дѣлаются издолы деревянные (сирѣжеокъ у телеутовъ) и лумандышевъ, берестяные и кожаные (у калмыковъ) и кувыки изъ трипои (*кестерки* у телеутовъ и сѣверныхъ алтайцевъ), ставятся предъ юртою двѣ березы и между ними ить сь подвѣсами (см. жлания)—*ламы*, березы по числу людей—*само*; намазывають на пшитахъ, врытыхъ однимъ концемъ въ землю, изображеніе.

Уламыно приноситъ жертву рѣдко, потому что онъ и безъ того добръ. Впрочемъ, каждый взрослый человекъ, по вступленіи въ супружество, обязанъ принесть жертву (*йи*)—копи свѣтлой жести, а особенно онъ любитъ каурьсы. Отсузленныя въ жертву Уламыно лошади пользуются особеннымъ уваженіемъ; къ гривѣ ей привязывается красная лента, и женщина садится на нее не дозволено. Время приношенія жертвы преимущественно весна, когда можно приготовить *айвурку*. Мѣсто приношенія жертвы—березовый дѣсь. Уламынъ въ этомъ правдикѣ могутъ имѣть одинъ мужчина, равно и шаманъ долженъ быть мужчина. Вѣсть-же и пить идоложертвенное могутъ и

женщины, но въ такомъ порядкѣ: дѣвцы на самомъ мѣстѣ, гдѣ была принесена жертва, женщины не ближе 50 саж.

Эрикку, какъ злому нечу, то и дѣло приноситъ жертва, при всякомъ его нападении. Ему итеть въ жертву всякая скотина, а за немученіемъ никакой—блага. Метовымъ шаманства служатъ юрта, дворец или могилы,—словомъ, гдѣ происходило несчастье.

Кануку (*курюмьес* раной шерети: *арм, сорм и кара*) для жертвы събѣсы ячмень въ мѣстѣ скрываютъ, гдѣ никто не ходитъ, изъ котораго и приговариваетъ блага.

Уманы съ *Эрикомъ* находятся въ связи, въ соотношеніи, и передаютъ сущъ одинъ другому. По выраженію алтайцевъ: „*Эрик-благ Уманъ тинъ жисту*“ Эрикъ съ Ульгемъ имеютъ одніи двери. Ульгынъ, ожидая и долго не получая требуемой жертвы, а между тѣмъ самъ, по своей благодати, не будучи въ состояніи наказать, извѣщаетъ Эрика, чтобы отъ наказанія не исполнителяго человека, и тогда этотъ послѣдній двойной долженъ платить дань, т.-е. умалоситивъ жертвима Эрика и потомъ исполнитъ требованіе Ульгынъ. Эрикъ, получивъ вѣсть отъ Ульгынъ, приказываетъ распорядиться союзнику Ульгынъ—*Камыр-хану* (*камурин*—харакю), который имѣетъ власть надъ каждою юртою, за что и чувствуетъ *брызганьма* прежде всѣхъ, когда пьетъ вино. *Камыр-ханъ* передаетъ непочтительнаго человека въ лапы той силы, какой ему заблагоразсудится: когда человекъ получаетъ наказаніе, но не исправляется, тогда наказаніе за наказаніемъ слѣдуетъ до самой смерти.

Если-же принесть отъ положенную жертву Ульгынъ, тогда долженъ принесть дары за хлопоты Эрику и Камыр-хану. Когда всѣ будутъ удовлетворены, тогда *Камыр* (слуга Эрика, старшій по немъ надъ всеми темными силами), посылаетъ своихъ слугъ, чтобы прекратить враждебныя дѣйствія на человека, о какомъ распорядился Эрикъ, поставивъ въ извѣстность и Ульгынъ.

Посредникъ между богами и человекомъ—распорядитель при жертвоприношеніяхъ, гадатель, кодуго и вмѣстѣ врагъ—*камъ или шаманъ*. Онъ, по общему убрѣенію шорцевъ, никогда не принимаетъ этой должности добровольно; напротивъ того, естественно противится волею и умомъ принятію, но это родъ инубации, которая съ дѣтства подучается отъ родителей, по наслѣдству, какъ болѣзнь. *Тевъ базир-тан*—предокъ (т. е. духъ его) наступаетъ, нападаетъ, давить. Потомокъ, испытывъ периодическое нападенье въ продолженіе нѣсколькихъ сутокъ или недѣль и забывъ оно, скрывается, чтобы не дѣлать того, къ чему побуждается; въ свободное отъ припадка время не ходитъ туда, гдѣ камалятъ, не дѣлаетъ бубна и другихъ принадлежностей и произвольныхъ дѣйствій, свойственныхъ каму. И такимъ образомъ можетъ иногда отбиться отъ должности, которая по милости предка падаетъ на него. Но это отбиванье дорого стоитъ: избравшій дѣлается отъ того или вовсе безумнымъ, или проломъ, или замучивается и умираетъ, хотя и съ побѣднымъ словомъ: „*алекитѣй турдоломъ*“—дѣйствіе (*иестя*) раззорилось, испорчилось.

Дѣйствіе же злаго духа, заставляющаго человека или сдѣлаться новымъ камомъ, или камалъ старо—являются въ слѣдующихъ принадлежкахъ: позвота (*сенеду*), дикій крикъ (*кмайртурт*), бѣганье, подобно вихрю, вокругъ (*куйбу, хуйбурун*), судороги глазъ, рта, руки и проч. членовъ, кровь пономъ и итеть, падучая болѣзнь, непроизвольное и безознательное глотанье желѣзныхъ вещей: ножей и даже топоровъ, которые и выходятъ чрезъ долгое время куда въ дѣйствіяхъ камынина, причѣмъ итеть кровь изъ рта, а вещи выходятъ оттуда сухими; если-же въ крови, то это не добрый знакъ для хозяина вещи.

— Что-же все это? Волѣнь, сумасшествіе или шарлатанство? Ни то, ни другое и не третье, а вотъ что: „добрые Ангелы посылаются охранять людей и словословіе Творца всецѣлится; но что дѣлаютъ духи злые? Они, какъ существа безтелесныя и разумныя, не могутъ оставаться въ празности. Если-же необходимо полагать въ нихъ стремленіе къ дѣятельности, то, какъ злымъ, имъ естественно стремиться къ злу. На кого простираться они своею злою? Матеріальная природа къ враждебнымъ ихъ дѣйствіямъ не чувствительна,—слѣдующаго, вопреки злобой ихъ дѣятельности—родъ человеческій. Они живутъ въ мѣрѣ между людьми, какъ львы въ пустыни, и, какъ разбойникъ, стараются всячески вредить людямъ своими кознями. Непосредственныя нападенія злыхъ духовъ проявляются въ нашихъ мысляхъ, желаніяхъ и дѣйствіяхъ. Если ни трезвенны и бодрствуемъ, то боремся съ ними, и при помощи Божіей, силой крестною, прогоняемъ ихъ. Но чѣмъ можетъ отбиться отъ нихъ человекъ не крестный и, слѣдовательно, вопльъ подъ ихъ вліяніемъ находиться?“ (См. „Странички“, 1866 г. Окт.).

Кромѣ шамана или кама, алтайскія шорцы раздѣляются: 1) на *рамачи*, имѣющій принадлежъ, въ которомъ, при ужасныхъ мученіяхъ, видятъ сокровенное и предсказываетъ; 2) *тамночи*—гадатель; 3) *арычи*, ворожащій по сожженной дощечкѣ (кость); 4) *коа*—*кверчи* по рукамъ узавощій и 5) *лачи*—человекъ, упрямыйшій погодую посредствомъ камня (*ада-тану*), который понадеется весьма рѣдко въ такихъ утесахъ, гдѣ всегда бьется вѣтеръ. Чтобы получить этотъ волшебный камень, *лачи* заключаетъ всѣмъ своимъ имѣніемъ и отдаетъ за него всею своею жизнью. И потому онъ бываетъ человекомъ бѣднымъ, бѣдѣвшимъ и скоро оловѣнчивымъ. Для произведенія ведра, камень держится въ сухомъ горячемъ мѣстѣ, или подъ мышцею плечной; для произведенія вѣтра—держатъ на открытомъ воздухѣ; для произведенія сѣвернаго холоднаго вѣтра, пасть, для того, чтобы конь въ жаркій день не лопнулъ—привалитъ камень къ трѣмъ коня; для произведенія ненастья—держатъ камень въ холодной водѣ сутки. Если *ада-тану* ослабѣетъ въ своей силѣ, тогда *лачи* одумывается его (таджи-адаръ), влагая въ распоротое брюхо живой какой-либо птицы или животнаго.

По возвратимся къ каму и его служенію. Орудія, посредствомъ которыхъ вызывается духъ,—бубенъ (*юнонур*) *чалу* и *србу*. Бубны величюною бываютъ отъ 11—16 верш. въ диаметръ и состоятъ изъ круга, обтянутаго съ одной стороны моральной кожей, внутри коего отъ одного края до другого

проходить чрезъ центръ палка или ручка, оканчивающаяся на одномъ концѣ иногда рожей съ шпигицами вѣсто глазъ. Ручка эта немного ниже рожи пересѣкается желѣзнымъ прутомъ, на которомъ справа привѣшены 4 желѣзка—побрякушки, а слева 5, въ среднѣй желѣзокъ нѣсколько трикопъ, на подобіе лентъ. На наружной сторонѣ кожи намазаною красной охрой или вапой: сверху—небо, радуга, солнце, мѣсяць, звѣзды, само, кони, гусь, камъ на конѣ, а внизу—земля. *Орба*—деревянная изъ таволги колотунка, обтупитая войлокомъ и зѣвриной кожей, шерстью вверхъ: соболевъ, горностаевъ или зайцемъ. На одномъ концѣ ея навшенио нѣсколько засаленныхъ узкихъ трикопъ, пробойшевъ съ желѣзными колечками или дѣлочками.

Жертвоприношеніе каждому духу разнится одно отъ другаго своими приемами и продолжительностью дѣйствій кама. Самое продолжительное камланіе Ульгэю. Оно состоитъ изъ трехъ дѣйствій. Вечеромъ, по заходженіи солнца, начинается первое дѣйствіе предуготовительное, состоящее въ выборѣ мѣста для камлання, избраніи жертвы и ея мученій. Именно ставится новая юрта—*сөөлмэ*, покрывается войлоками и коврами. Среди юрты ставится свѣзкая зеленая береза, около 4 верш. въ комлѣ, верхина которой высонивается сквозъ остроконечную верхушку юрты. Сушня на березѣ сбиваются кусочки полатя, вѣсто знамени. На березѣ вырублено 9 зарубокъ—это ступеньки (*шагмы*). Нарочю устраиваемая эта юрта бываетъ больше и выше обыкновенныхъ юртъ и дверью обращена къ востоку. Впереди ея дѣлается изъ бересты круглое гнѣздо, изображающее скотскій пригонъ, вышиною и шириною въ $\frac{1}{2}$ арш.; одна сторона гнѣзда, къ двери, остается полая, на подобіе воротъ, въ которыхъ ставится сизокъ изъ березовой плалочи съ петлею конскихъ волосъ на конѣ. Далѣе избирается жертва изъ нѣсколькихъ экземплярновъ лошадей сибѣлой масти такъ: на спину лошади ставится чашка; лошадь подгоняютъ, чашка падаетъ. Если чашка упадетъ вверхъ дномъ, значитъ, лошадь въ жертву не годна. Если въ жертву предназначается кобыла, то чашку камъ вымываетъ собственнымъ ея (кобылы) молокомъ, съ приговоромъ:

Слергэ ярап онъ койшпанъ көрөп,
Турганъ болзын,
Алк болдо менен,
Алча болдо сардэн,
Алтычъ белгын берин-көркызы.

Избранную жертву даютъ держать за чумбуръ (длинный поводъ) тоже человеку избранному, называющемуся на этотъ случай *Баштинъ-зан-кыжэ*. Камъ маетъ березовымъ прутикомъ надъ лошадыю. Это означаетъ то, что олъ отправляетъ душу животного къ Ульгэю напередъ и съ проводникомъ, держащимъ за чумбуръ.

Потомъ камъ, одѣвшись въ свою форму—халатъ съ нагрудникомъ изъ зѣвриной кожи и красную шапку съ бѣлыми перьями изъ хвоста тетери,—вооружается бубномъ и орбою, и при сильныхъ ударахъ въ бубень нача-

наетъ призываніе въ извѣстныхъ стихахъ множества духовъ, сначала подчиненныхъ Ульгэю, а потомъ Орпанка съ его темными силами:

1) Кермыдай.

Ярдымъ пасманъ ашъ пулутъ,
Ярдымъ наза, келінгөр,
Инымъ наханъ эль удуза,
Инымъ паза келінгөр.
Тенгере угамъ, тэн сару,
Ульгэнь угы Кермыдай!
Караганта, кызыл-дыл,
Кармалаза, колум-канъ,
Сурдогекинъ алтын-дыл;
Сюрюкөжөкү туйгачыл-дыл.
Орбу катар онъ колумъ.
Онъ яныма куздн-кель!

Призываемый языкомъ-же призывающаго откликается: *ао, кам, ай!*
Послѣ отвѣта камъ, подставляя бубень, принимаетъ въ него духа.

2) Кан-Карииты.

Сары камшы таянту,
Сары куца миньтту,
Сары тибенъ тескынду,
Сары кылаңъ тон кийгөнъ, *этибурдэ*
Ульгэнь кааныны Кан-Кариит!
Орбу катар онъ колумъ,
Алтынъ туту ойноп-кель!

Отвѣтъ: *ао, кам, ай!*

3) Кызы-шуну.

Кызы пуура миньтту,
Кызы тибекъ тескынду,
Кызы солонго таянту,
Атамъ Кызы-ган-тенгере!
Орбу катар колумъ
Онъ яныма куздн-кель.

4) Мергэнь-гану.

Аалаба кутуръ юрукту,
Аалаба янынъ ойду,
Кускукъ пулутъ кууэртү,
Исхи пулутъ яаңду.

Куурт шагирт аялту.

Ада Мерьгэнъ—хай!

Орбу кагыр котума

Он яныма кулаң-кель!

Отвѣты Кызым-гана и Мерьгэнъ-хана: *ао, кам, ай!*

Послѣ подобныхъ призываній камъ выходитъ изъ юрты, садится на чучеду, изображающую *уся*, и представляеть себѣ летящимъ на высоту, расцѣвая:

Аг аястын алды-былай,

Ак пулуттнй устю-біе,

Кѡѡ аястын алды-была

Кѡк пулуттнй устю-біе

Тенгере пужнй тартнй — отур.

Гусь отвѣчаетъ: „нйгай гак, гак, нйгай гак, кай-гай-гак!“.

Алтын чедэнь сугунгар,

„Ынгай...“

Алтын урук тундунгар,

„Ынгай...“

Алтын угынь сугунчар,

„Ынгай...“

Айаик эрьдэнь курюнар,

„Ынгай...“

Сюъ-ак кѡльдон курюнар,

„Ынгай...“

Куундук эрьдон курюнар,

„Ынгай...“

Сюрю тудан дѡйт тартхан болбозын,

„Ынгай...“

Сюъ-ак кѡльдон сугат тартхан болбозын!

„Ынгай гак, гак, нйгай гак

„Кайгак гак, кай гак гак!“

Жертва — *пура* начинаетъ ржать: *мялк, мялк, мялк*. Камъ, сидя на гусѣ, съ призванной силой гонитъ жертву, спускаетъ внизъ (съ высоты, на которой не былъ), бѣгаетъ вокругъ сеюльты, какъ-бы загоняя коня. Зрители тоже поселяють ему ловитъ невидимаго коня и вмѣстѣ съ камомъ кричать: „*хай-хай, ай-ай, иай-ай,*“ и такимъ образомъ вгоняетъ невидимку въ юрту, прямо въ скотный дворъ, гдѣ невидимый же караульщикъ — *пура-сакнѣ* съ силой.

Камъ кричитъ ему:

Алтын урук сугунгар,

Хай, хай, хай.

Чалмачлар чалма — была

Хай, хай, хай!

Алтын нохто сугунгар

Хай, хай, хай!

И потомъ, вбѣжавъ въ юрту, мгновенно бросаетъ черезъ лѣвое плечо лѣвой рукой бубень, держа въ правой орбу, и лѣвую-же руку мгновенно выпускаетъ въ силку. Это, значитъ, коня поймать. Камъ начинаетъ подражать голосомъ коню, у котораго шея сдвинута арканомъ, прыгаетъ, лигачется и проч. Брошенный имъ бубень схватывается на воздухъ кѡмъ-либо изъ близкѣ-стоящихъ. Если-же бубень уронитъ на землю, это значитъ *пура* (жертва) сорвался и убѣжала. Въ такомъ случаѣ камъ снова загоняетъ ее въ юрту и отдаетъ приказаніе своимъ слугамъ и особенно *пура-сакнѣ*, коему сдать на руки *пуру*, говоря:

Алтын ээръ, ээръ ташгар,

Алтын куомнак сугунгар,

Алтын колон тартнгар.

Послѣ этихъ приказаній, подаютъ каму вѣточку *аржана* (вереса), которыми онъ окружаетъ *пуру*, приговаривая:

Алас, алас, алас субат,

Улыгънь каанннй ал-ала.

Аг Уэльгѡннй чнъ алас,

и отпускаетъ гуся со словами:

Сюрю туудан гѡмѡ-ал,

Сюъ-ак кѡльдон сугат тарт,

Кас энези кангылым,

Кум энези Кургай-хай,

Эль энези Энези-хай.

Эль эрнѡ тѡре-кхал,

Кый-гырганда э-тѡтѡр,

И, приподнявъ бубень, сильно ударяетъ орбой. Это значитъ, что гусь вспорхнулъ и улетѣлъ.

Потомъ камъ, съ помощью народа, ведетъ коня (видимаго уже) въ уединенное мѣсто, говоря:

Тебемъ-была кудорюп-ядым,

Эки йинмъ-была илѡмъ-ядым.

Сени-ден, берн-ядым.

Акай-тушкан ак байша,

Лѡ-бере ялтан-чѡк,

Тогуе катха мѡдѡн чѡс,

Ак чадьрга ойной тѡш,

Улыгън алама тула тшш.
 Он кодуна яла тшш,
 Он кузонан кур-ал,
 Он яргыны бере-ал.
 Чок.

Послѣ этого одни замучиваютъ здѣсь несчастное животное, обреченное въ жертву, а другіе дѣлаютъ *таскак* (жертвенникъ). Это 4 березовыхъ столба, около 4 вершк. въ диаметръ, вышнюю около 5 арш., одинъ отъ другаго въ квадратномъ отношеніи, каждая сторона арш. 2 1/2.

Самый процессъ мучительства лошади отвратителенъ и заключается въ слѣдующемъ: поставивъ лошадей головою къ востоку, завязываютъ рыло веревкой, къ каждой ногѣ также привязываютъ по веревкѣ и, положивъ на спину толстую жердь, растягиваютъ ноги на двѣ стороны, придавливая жердь къ землѣ, и такимъ образомъ ломаютъ спину. Всѣ отверстия животнаго закладываютъ травой, чтобы кровь изъ него не вышла. Когда лошадь долго бьется, камъ беретъ булку (*куруй*), у калмыковъ—чашку и, поднося къ лошади, говоритъ: „*куруйял-тэ, куруйял-тэ, он куруй, он куруй, он куруй*“. Это значитъ: буду ловить счастье, или остальную силу, выходящую съ жизнью, на прилодь. Булку эту съѣдаетъ хозяинъ самъ и весьма дорожитъ ею, такъ что, кромѣ своихъ семейныхъ, ни кому ее не отдаетъ. Съ замученной такимъ безчеловѣчнымъ образомъ лошади снимаютъ кожу, оставивъ оную на ногахъ отъ копытъ до копытъ и на головѣ, языкъ выдергиваютъ. Кожа съ головою и ногами называется *байдаро*. Ее надвываютъ на березовую жердь—*толкеле*, длиною отъ 12—16 арш., толщины въ комлѣ около 5 вершк. Заостривъ тонкій конецъ ея, просовываютъ его между ногъ и въ голову. Близъ *таскака* (жертвенникъ), на западной сторонѣ, устанавливаютъ березовый столбъ, толщ. отъ 4 до 5 вершк., съ развилкой наверху, вышнюю около 5 1/2 арш., на которую кладется верхній конецъ *толкеле* съ *байдарою*, головою въ востокъ.—*Улыгъно*, на западъ—*Эрыку*, а нижній конецъ утверждается въ землѣ такъ, чтобы *байдаро* висѣла надъ *таскакомъ*. По окончаніи съ *байдарою*, мясо разбиваютъ на мелкія части, разбирая по суставамъ и не ломая костей. Выбравъ кости, задъ отбиваютъ, это часть самая лучшая—*уча*. Грудину безъ спины снимаютъ съ ребрами—*сабар*. Для разбора и разрыва избираютъ зпатока въ этомъ родѣ. Обрѣзаютъ съ костей мякоть дѣлятъ вѣтъмъ—сырью. Удѣлы эти называются: *тебе*—вергушка. *Уча, сабар* и мелкія кости варятся въ большомъ котлѣ, въ водѣ, безъ постороннихъ веществъ. Двое поворовъ, избираемыхъ на этотъ случай, называются *казачи*. Они вооружены длинными копьями въ 1 вершокъ толщины: это илки—*эдин*. Кромѣ *казачи* къ котлу никто приступать не долженъ. Когда идоложертвенное сварится, дѣлаютъ изъ березовыхъ прутьевъ, въ 3 арш. длины и 1 1/2 арш. ширины, *мире*, поставивъ на землѣ эти прутья колами къ краямъ, а вѣтвями въ средину, сжимаютъ команъ въ двухъ свазанныхъ пальцахъ. *Казачи* вытаскиваютъ кошку *эдушма*, кладутъ на *мире* и разбиваютъ въ куски. Тогда

камъ беретъ чашку—*чачи-алк*, кладетъ въ нее мясо и жидкости *эросе*, подходит къ *теме*, становится лицомъ къ востоку и, черная дождикъ *эросе*, брызжетъ ею пенатомъ юрты, начиная съ *Дашитун-гана*, говоря: 1) отъ своего лица:

Чо-ок! Айдин болзо, аруда чо!

Кынаон болзо арында,

Эсыкы лам чѣхкандэ,

Ины лам кыргондэ,

Тѣлымъ баж айлаганда

Чок!

Кунгурмалу, конур кусэ

Чок!

Комургай бажэ шужалганда

Чок!

Аяктын болзо тодууына

Чок!

Аштын болзо урьсөө

Чок!

Мна! *Кайра-хан!*

2) отъ лица хозяина:

Эсыкы лам чѣхкандэ

Чок!

Ины лам кыргондэ,

Чок!

Экы ини—блэ темдеды

Чок!

Пирь тебей—блэ кудорды

Чок!

Экы ини—блэ темдебэы

Чок!

Терь тебей—блэ кудоръ безэ

Чок!

Кундэгоэ болзын кылымъ

Чок!

Кудорьгэни этгесе уудыла болзын кылымъ

Чок!

Мна! *Кайра-хан!*

Потомъ камъ прибавляетъ отъ себя: „Чок! Мна! Атам-пирхан теңгере заанга!“ Далѣе камъ подучетъ оставшейся въ чашкѣ кониной хозяина, самъ немного ѣсть, потомъ предлагаетъ родственникамъ хозяина. Когда чашка опорожнится, камъ, махая ею кругообразно, бросаетъ вверхъ чрезъ *теме* со словами:

Агаш аяк аймады
 Аяк алчаны адыл ыярхан теңгеринь
 Чоочий аяк куньдудий
 Чоог алчаны адыл ыярхан теңгерим
 Ау-у!

Если чашка упадет вверх дыком, это знак худой: или будет по-койник в юрте хозяина, или жертва не по вкусу Ульгэю, но её уже не перебивают.

Впродолжение брызганя — чествования пенагов несколько человек держат *шыре* съ кониной на руках. Хозяин берет лучшую часть (*учи*) и подносит ее в дар каму, который, приняв, обрывает мякоть, но не всю и дарит, кому захочет из почетных людей. Этот, отрывая себя, передает другому, обыкновенно старшему себя родственнику или чужому, который, отрывая себя, отдает остальное всёем находящимся, и тут же окончательно очищает кости *учи*, не повреждая их. Грудину (*гюш*), также чистую, хозяин подносит первому почетному человеку, этот, покусав, передает другому, а сей третьему, и т. обр. почетная передача кончается; остальное мясо на *тыю* очищает, кто захочет. Съ прочих костей, обрывая мякоть, уносит в *сөлөттү*, где будут камзат еще два вечера. Хозяин юрты, парывая мякоть на мелкие части и положив на блюдо, дает родственникам по кусочку своею рукою прямо в рот. Кусочки эти называются *пашан уажеи*. Они отсылаются и къ отсутствующим, и кладутся посланником также прямо в рот по назначению послышаго. Мякоть съ *учи* и *тыю* дается и на долю *калжачи*, которые, взяв часть съ собою, делят ее съ домашними. Только кости остаются всё в *цэласти* на *мьст* и, по очищени, без повреждения складываются на *шыре*, которое подается на *тыскак*, покрывается хворостом и вмьст съ байдарою представляется гниению.

Чок! Миа кабра-как,
 Алты эрьшюкү ая агалым эвэй!
 Эрь алдыма кулун-кешгэр!
 Чок тэгэнгэ чоңгунэр,
 Ме тэгэнгэ мезгэр.

Потомъ призываетъ хозяина огня — от-эвэй:

Чок! Миа кабра-как.
 Отус башту от энем,
 Крык башку кас энем
 Чок тэгэнгэ чоңгунэр.
 Ме тэгэнгэ мезгэр.

Во время призвания камъ дерянт чашку вь обихъ рукахъ, представляетъ шумъ собирающейся силы (*чэри*) и, парывая конину на куски,

отдать народу, который, вмьсто призванныхъ невидимыхъ гостей, съ видимою жаждою пойдеть мисо.

Послъ этого камъ, отдохнувъ немного, развѣшываетъ впереди *сөлөттү* на переку в одежд бумажныхъ, шелковыхъ и суконныхъ (тогу *лш-шш*). Это дары Ульгэю, которые окуриваются аржаномъ съ произношеніемъ:

Ат кудорьбес эре тогу.
 Алас! Алас!
 Эрь кудорьбес эре тогу
 Уч акалу ар тоолу
 Уч аялана кыргер
 Арымагына лабу болзын
 Алас, алас!
 Алас кубат Ульгэю каным
 От алас!

Доселъ камъ дѣйствовалъ безъ бубна, а теперь беретъ его, сушить для звонкости на огнѣ, надѣваетъ свой нарядъ и молча куритъ аржаномъ. Послъ курица садится на стульчикъ и начинаетъ постукивать орбомъ въ бубень, снова соывая силу, камъ и кананунъ, и при отъвахъ: „*ао, кам, ай*“, прискакиваетъ, ударяя сильно снизу въ приподнятый и извращенный бубень. Это пріевъ пришедшаго знаннаго. Къ прежнимъ духамъ приываются новые духи съ пріветствіямъ:

1) Яйк-хану (Царь корабля).

Тогус карын кедігюл кам торш,
 Ульгэю тгры нан эчигэ,
 Учү элю бий яйк,
 Чагын дізай камчүлү,
 Чаала — кайй тургулү.
 Кызил пудут кууолү,
 Якяй пудут якалү,
 Якяй солоню камчүлү,
 Якяй поро кольгоду
 Ян кураган тэшпүлү,
 Бала меркун эчпнчүлү,
 Бала кайн шошшулү,
 Башха шурган паянам,
 Бакшалаган яяйч,
 Колунаг плаатна,
 Койфнаг сууртпа,
 Уйрбодерин уруктне
 Уч сираныг пек-ая
 Корболорын коркутпа,

Толокойго тошпадын
Тон ядыннан пен-ял.

2) Кайра-хану.

Кара арымак минигту,
Кара арамысугатту.
Эретьень-кечго йорукту.
Югусь ханын урени.
Ярка ханын ээни,
Он бозого арту-хан
Сол бозого ядуу бий.
Купту атам Кайра-хан!

3) Яныс—волеку.

Ябыс атам, япыс атам,
Ябыс тюргонь пайзын-хан,
Суудан карай чирайю.
Су тегульбек тергоду
Копшог алган якуту
Кого болгон сынду.

4) Ябыр-хану.

Яныс атам Ябыр-хану
Ажира курьгон каракту бий
Тескерй курьгон каракту-хан,
Эрдэн уур сынду-хан,
Ялбак керек тежонту хан
Кара керек истыкту хан.
Кууректерюе ажирган хан
Эмьндерин эрь чийгонь,
Ушту пашту кара чедень
Кара кэгись оикити хан,
Корь тайган савчигу кая
Тогонь эрдэн ну чихан,
Нолгон эрдэн унь чихан
Тескерй тынган сыры межнй,
Уудулышхан иш трубей
Иш балдай мандулган,
Иш кучуктай тарчиган,
Кадмылчактый кара тап,
Колешкызи-йок кара куй,
Тюби терен кара су

Камынын чихнас кара яр
Айлынышхан кара казан
Тюби терен кара курюп
Сай-сеок сайлыган эрь,
Куу сеок куталган эрь,
Эрь яхшиган йоботхон эрь,
Эдекту яхши энделгэни,
Алытгы болзо одерш аглан,
Арудин болзо чачю кескен эрь,
Он эшти камын ою эрь
Тибирги табырт тышкэнь эрь
Тогус оду салган эрь
Тогус селменчик тепкэнь эрь,
Кан арказы кара ту,
Тоблайшкэнь сыр артхы,
Табыраган куру онко
Талган кыжи кышту бий,
Ундыенишкен куру когусь
Эртгонь кыжи чирайту кал,
Эки лоз чыгылган,
Эки эмчегй кара ту,
Арха чачю пирь бакча,
Кажэ кэшту алгадандар,
Салын йитган салынты,
Иб йитган ишты,
Кара комыр темигту,
Кара куук сугатту,
Узы куук кыстыр-хан
Эрьмын турган тилдыр-хан,
Кабылчигу кара коль,
Кара крешэ тышкэнь эрь,
Тобильчигу сары коль,
Сары крешэ тышкэнь эрь,
Тескерй калхан кара суюкорй,
Мивю-йок кара туштурь,
Узю-йок кара куук,
Ябылышхан кара кып,
Ик пои тон кыжи,
Ина пои сары кыз,
Ажманшхан куу мончок,
Кубулушхан кан арзолар,
Кууа талгак оинду,
Уч тышкунду кана кыз,
Судан чихан су тору,

Сү тегүлбөсө йорголу бий,
 Эрдэн чихкан эрь тору,
 Эрдэн кара чйрайло,
 Тамандарын саргарган,
 Тануларын яжйрган,
 Ажйргызы турул атам,
 Атан эрйю бйштангыи,
 Аталу кыжй атазына
 Бййлау кыжй бййнэ,
 Эрй эжйктэн уунал-корй,
 Дерт толуктан уйялп-корй,
 Кызыл энгерге кайялп-корй,
 Яжйл энгерй яйялп-корй,
 Эсемы йолун аныла,
 Атхан охтон тургыгын тйг,
 Атар суудан шуулак тйрт,
 Итгынй эльчйю тартып-корй,
 Атхан огуи сурун-тйг,
 Айялу кэбйи алып тйг,
 Айна кэбйи тартып-тйг,
 Кунду кэбйи берип-тйг,
 Ташханы бйшом назынын-тйг,
 Талайган колун тартынгын,
 Кату куньгэ кысаала,
 Казыр куньгэ гэрльенбё,
 Ябаргамын тындай тйг,
 Ялыгтамын угун-корй,
 Теньель сынны берйю-корй,
 Кан тарынбас болор-ба?
 Нура корьбёсё болор-ба?
 Коддоргын-заюу колгыбё,
 Атхарган-заюу ажйкыа
 Узун тынжэ энйчу берй,
 Узун тынжэ уюкүзүн берй,
 Ял боичё тйлым берй,
 Кол боичё кулак сал.
 Алтон илгы арбьжйи ал,
 Жетон илгы кымйргын а-л,
 Муи йадыктын энйчуун берй,
 Муи тевьдуктыю уюкүзүн сал.

Послѣ этого призванія камъ айман-ян охватываетъ бубномъ и орбѣю
 хозяйина юрты и произноситъ:

Атан эрйю баштангыи-корй

Чокан эрйю нуу салба,
 Поом эрйю шуудалба,
 Атан эжйчын анча кыр,
 Он тызевин таяна бар,
 Таш орбума таралып-пар,
 Табылгы намчыма тесепи-пар,
 Тымжы-быле чечйлп-пар,
 Тйгым-быле куунап-тйг,
 Тйбартым-быле яйялп-карй!

5) Семейству Ульгэны.

Парча Атази бай Ульгынъ
 Уле энэй *Талы-хан* (жена Ульг.)
 Пулут яду *Нура-хан* (сынъ)
 Тооло му тогус кыс,
 Теобини тети кыс,
 Кур-бахышту *Кулай-хан*
 Муутан чагыр *Косому-хан* } (дочери)
 Толган айча *Шюшту-хан.*

6) Мансар-гану.

Айгыр яду тео-кан
 Ажйргызы Мансар-ган,
 Атор ашпас ар муусъ,
 Тенгерге теви тебйльгынъ,
 Темир канхак катылган.
 Эрйкын угыи соо-кан
 Ай чйхпастан ай чагарган
 Казыр турган соо-кан
 Орбу кагар он колума
 Эрй алдыман кулп-кэзл!

7) Пырчу-гану.

Акнос адмы ярадыи,
 Аг-Ульгынъ-быле ярышхан,
 Кокнос адмы ярадыи
 Ког-Ульгынъ-быле ярынан.
 Ульгынъ канын неспй,
 Айгыр яду адам Пырчуган,
 Орбу кагар он колума
 Он яныма кулп-кэзл!

8) Келегёю.

Кийгылуга кычалу,
Кымыштуга ярынду,
Телен кыжэ тилъ беръебсь,
Телегелгэ ий беръебсь келегэй,
Адыл-болбоо келегэй,
Адыл яспас сологой келегэй
Атхан огги таштан одерь,
Айтхан тилъ неэди одерь,
Коптхой темиръ когусьту,
Косо темиръ ярынду,
Калбак темиръ камакту,
Сым кара таш тюректү,
Адалуга ий беръебсь
Кара темиръ карманду,
Темир адам терьс карак
Эрь алдыма кулэи-кэлы!

9) Абагану.

Абаганын алыптар
Ак торко кыижду,
Ак чалдар минешту,
Куу муусъ таякту,
Эрь алдыма кулэи-кэлы!

10) Мордо-хану.

Абаган бажи муи шапшак.
Кэзэ бильгөнъ Мордо-хан!
Абаганын чамгыл ура
Чамгыл пурут эрыкшуту,
Эрь алдыма кулэи-кэлы!

11) Алтай-хану.

Алтын конгуру солынып,
Алтон пеш уулан тыоады,
Адышха чиххан Алтай-хан!
Кумюн конгуру солынып,
Крык пеш уулан тыоадып,
Курешнэ чиххан Алтай-хан!
Мууз янын сэй тархан,
Темиръ үзэнгэ теже атхан,

Он эки мойтак саянду,
Алтай-ханын атамы
Ат водорбесъ байгым-хан
Эрь алдыма кулэи-кэлы!

12) Ему-эке.

Тамир болгон Алтай-хан!
Тасна болгон Кангай-хан,
Ахыалаган кал-Алтай
Тээрелегэни Эрь демичи
Кымчадан кыйлат,
Йиччадан ийлат,
Каамиттан калкале,
Туумуда тузала,
Мендурьлю күндэ пелек бол,
Йигьруд күндэ ябылак бол,
О мырыдан ачйе конок беръ,
Октон кони йол беръ.

13) Эркину.

Кара аргымак монотьту,
Кара кумдус тэжетьту,
Курдак этпесъ бельду,
Кучак этпесъ мойду,
Карын полгон камакту,
Кара миик сагалду,
Канга чыхан чйрайду,
Кагасха чалхаю лэтьту,
Энуэрбесъты эндорьгөнъ,
Эрик ада уч покто!
Покторбосты покторгон,
Шуурд адам уч покто,
Кара аргымак монотьту,
Кара тибек тикиньду,
Кара дилан камчйду,
Эрь алдыма кулэи-кэлы!

14) Онту-гану.

Акнос адыл ярадып,
Ат-Ульгэнэ иргэ алган,
Ай чикпас яннан ай чиххан,
Эбре янын сай-аган,

Энэ Мейгд очі кыс,
 Курək айрман Окту-ган,
 Тьольтречє яду-ган,
 Эрь адыма кулєн-кэл!

15) Пурхан-хану.

Адым угам Пурхан-хан!
 Тенгере углы Јажин-хан,
 Ульгөн углы Кергидай,
 Мень тутназам, сень туттурган,
 Эрь адыма кулєн-кэл!

16) Духу жертвы.

Пура сакчыз Перьбы-хан!
 Пур энеї пое булан
 Эрь адыма кулєн-кэл!

17) Меркуту.

Тенгере куји беш Меркут!
 Тесь тырмакту казыр куш,
 Ай тырмагы эс болгон,
 Ай тумчугы мус болгон,
 Яабыр тьобыр канатту,
 Пазар пузар куйрукту,
 Сол канады ай шорькөгөн,
 Он канады куш шорькөгөн,
 Тогує кара куш энеї
 Як кечин ингылбає,
 Яагы ады чыар нас,
 Эдлє кєчін эркпєсє,
 Эгы ады чыар кає,
 Эне жерет чамгыл куш,
 Эрь адыма кулєн-кэл!
 Он козыме ойной кэл!
 Он ырдыма коно-кэл!

Всё призываемое духи отвечают: „аа, кам, ай“, исключая Меркута или Беркута, который, как птица, отвечает: „каик, как, аа, кам, ай!“

Далее каждый сеок призывает своего фамильного бога; напр., потомки Мундусовъ и Теллесовъ призывают *Томол-Налю*—владыку града, грома и дождя, величая его так:

Пудай чїдан пурулан,
 Мус пырчак чїдан тегульгөн,

Мус пырчактан ырдын—тошпэн,
 Мушган—ханын төмї,
 Атам Тотой тенгере,
 Ай колеттөн яншан,
 Алтын судур сайган,
 Куш колеттөн яншан,
 Кумюн судур сайган,
 Алянмыка ай кавирган,
 Коленьке куш кавирган,
 Он эки тагы талтуду,
 Он эки катга оиду,
 Он уч сырк кубатту,
 Коромолмама бергэини,
 Коозына ягаймын.

Чемъ болѣ кам набираетъ въ бубенъ гостей, тѣмъ сильнѣе бубнить, покачивая бубномъ, какъ-бы отяжелѣвшимъ, и наконецъ встаетъ, обходитъ одинъ разъ вокругъ *тапта*, подходитъ къ двери, спрашиваетъ у дверника—эжестемъ, скромно и тихо, съ подобострастіемъ, какъ у начальника, присѣвъ и держа бубенъ на колѣнѣхъ ребромъ, тихо бубня и покачиваясь, со словами:

Бїлер бїм сєнь эдє,
 Бїльбєс кулдуи мєнь эдєм,
 Яан бїм сєнь эдє,
 Үргыду кулдуи мєнь эдєм.
 Какї канга кагып-чїган?
 Какї бїггө кулєн-чїгїн?
 Ончо канын ыргызы
 Тоолын канынн балшызы
 Эрь адыма эльчї берь
 Эрь адыман балтазын.

Ответа:

Атам пырхан тенгере канга кулєн-чїк,
 Атам пырхан тенгере канга кагып-чїк
 Он ырдызын алы чїк,
 Атагымын атам пырхан тенгерө тут.

Выслушавъ отвѣтъ, камъ встаетъ и, на ребро держа бубенъ у груди, три раза кланяется головою и бубномъ, говоря:

Уч погуна мерьүгүн,
 Тлїн сенї яру болзын,
 Тлєн сенї чогу болзын,

(опять кланяется)

Өрб эжино сака туд
 Эс кылажин тали тур,
 Айна кельзе айдал-тур,
 Эж кельзе экырыл-тур,
 Козо яманга коргуусыне,
 Кууи яманга тандатта,
 Үчү кырыо кельбезио,
 Үчүгү тату паспазы,
 Алды кыкын бон салба.

Съ легкимъ поклономъ и качениемъ бубна камъ выходитъ на среднюю орту и со всею свѣдлостію и бойкостію начинаетъ бубнить. Хозяинъ въ это время подходитъ къ *татты*, камъ ударяетъ его сапка орбой и потираетъ его спину поперегъ. Это — камъ очищаетъ хозяина отъ всякаго вреда Эранкова и прибиваетъ:

Атхан оогун суурган
 Йгөнъ эльмич алган,
 Алтон Ілга айлянбазын,
 Тетон Ілга тепельбезин,
 Ахтан охтон теігалъ ал,
 Аган сулан тюрған ал.

Камъ обнимаетъ хозяина и потомъ хозяйку спереди бубномъ, а сзади орбой и проводитъ ими поперегъ и, какъ-бы снявъ съ нихъ такимъ образомъ все худое, подходитъ къ двери и, сильно ударивъ одинъ разъ въ бубень, вскрикиваетъ:

Чок!
 Кельгөнъ йолны янылаба,
 Кечкэнь суун зидебе,
 Алтайхадан ажа бар.

Потомъ говоритъ хозяйку:

Ат бажича алтын кут,
 Арха сеогны йохтон-бар,
 Кой бажича конур-кут,
 Сын омырта йохтон-бар.

И, приподнявъ бубень надъ ухомъ хозяина, сильно ударяетъ. Это значитъ—впускаетъ въ ухо *тома* (*нигалазан урун-ат*) для того, чтобы хозяинъ слушалъ внимательно предсказанія кама. Послѣ этой предосторожности представляется, что будто-бы надвѣваетъ на хозяина кольчугу и шапку. Также представление камъ повторяетъ надъ женою и прочими членами семейства и, обойдя вокругъ огня и *татты* три раза, и въ каждый разъ, когда бубень впереди близъ *тому*, преклоняясь съ бубномъ, проворно какъ-бы подхватываетъ что-нибудь бубномъ съ земли изъ-подъ *тому*, часто произно-

ся: *о юю!* и затѣмъ обхватываетъ *тому* бубномъ и орбой. Эти дѣйствія совершаются быстро, съ сильнымъ бубнениемъ и громкимъ произношениемъ стиховъ. При этомъ божливые выходятъ вонъ, а не осторожныхъ камъ иногда спихиваетъ и затанцовываетъ. Обхвативши *тому*, камъ живо становится одной ногою на нижней ступенькѣ талты и, поднявъ бубень вверхъ, сильно ударить и вскрикнуть: *чок!* это значитъ: все и всѣхъ съ земли приподнять, огнь предпосылаетъ на небо.

Ммы о гон!
 Эрб кудурьбесэ зэире тоолу
 Ммы о гон!
 Тоолучілар тоду-былан
 Пайталчлар пайтал-былан,
 Ммы о гон!
 Алтын теле, алтын тасхак,
 Ммы о гон!
 Алтын шіре, алтын тюкеле.
 Ммы о гон!

Вскрикнувъ: *чок!* и сойдя съ первой ступеньки, камъ присѣдаетъ къ землѣ, ударяи въ землю обеякою и прижимая орбу къ бубну, принимаетъ послѣдній, ударяетъ имъ три раза безъ словъ и, вскочивъ проворно на ноги, говоритъ: *туан бажис нустым*, и бѣгалъ быстро одинъ разъ вокругъ огня и талты, сильно бубня, какъ-бы радуясь, восседши на 1-й слой неба и представляя тамъ громъ и молнію, кричить сильно:

Шагар-ба-та!
 Шагар-ба-та!
 Шахарбата!

И подбѣгаетъ къ стульчику, на которомъ положенъ потникъ, означая щій *бурь*, садится, говоритъ:

Пирь талты талтала бердым,
 Ай-гай-гай!
 Шахарбата! (3-жды)
 Пирь хатча яяла чіхты,
 Шахарбата! (3-жды)
 Талты бажію толгоно чіхты
 Шахарбата! (3-жды)
 Толгон айта малдык чіхты
 Шахарбата! (3-жды).

Какъ садится и, сойдя, начинаетъ дѣйствовать сильнымъ, быстрымъ и громче, посѣвшя будто ко 2-му небу и обращаясь къ своему *бурь*:

Ат-аис-была айлянп отур,
 Пура аягын ойнодып-отур.

Шагырт мынан кузорт-былан,
 Аг-Уалыонь каига адам бырхан,
 Тенгере каига куледи-отур,
 Уалыонь ойлы коку йол,
 А-го-го!
 Кок пура узун божодип-отур,
 А-го-го!
 Аг-Уалыонь йолы чедик йол
 А-го-го!
 Ак-пура уугун божодоп-отур
 А-го-го!

По ободреніи *буры*, камь становитъ ногу на 2-ю зарубку тапты и по-
 томъ, по прежнему присѣвъ и удара я бубномъ о землю, будто пробиваетъ
второе небо и, вскочивъ, вскрикиваетъ:

Экы туган бузуу-чѣхтым,
 Экы катха яяла-чѣхтым,
 Тутан бажі касхақты болды,
 Музымылганы туюлоп-калты.

Оббѣга два раза вокругъ и представляя громъ, камь говорить:

Экы тапты таптаа чѣхтым
 Шахарбата!
 Экы катха яяла чѣхтым,
 Шахарбата!
 Топты бажі толгопо чѣхтым
 Шахарбата!
 Толгон айга малыш чѣхтым,
 Шабархата!

Садясь потомъ на стулъ и пускаясь къ третьему небу, камь повторя-
 етъ ободреніе *буры*:

Аг-аяс-была айлянып-отур
 (и проч. смотр. выше).

Становясь на третью зарубку, камь говорить:

Уч туган бузуу-чѣхтым,
 Уч катха яяла чѣхтым
 Туган бажі касхақты болды,
 Мызы кылганы туюлоп-калды.

II, пробивъ *третье* небо, по прежнему представляетъ громъ бѣгаемъ
 вокругъ со словами:

Уч тапты таптаа чѣхтым
 Шахарбата! (3)

Уч катха яяла чѣхтым
 Шахарбата! (3)
 Топты бажі толгопо чѣхтым
 Шахарбата! (3)
 Толгон айга малыш чѣхтым!
 Шахарбата! (3)!

Нужно догнать теперь *Вашитугана*, ведущаго душу жертвеннаго
байтала. Но *бура*, покаявъсь по небеснымъ пространствамъ, сталъ пооста-
 вать. Поэтому камь даетъ ему выстойку и схѣпляетъ его гусемъ, котораго
 и призываетъ:

Яік кечіп-инмабас,
 Яагы, алды чімар кас
 Ынтай-гак, инга, интай-гак!
 Эділ кечіп-инмабас,
 Этегі алды чімар кас,
 Ын, ын, ын!
 Эр алдыма кулзп-кель!
 Он кузюмз ойной-кель!
 Он ардыма коно-кель!

Отвѣтъ: Кагак, кагак; ао, кам, ай!

Камь встаетъ, ходитъ, говоритъ и бубнитъ тихо, представляя себя
 летящимъ на гусѣ. Отъ трудности путешествія онъ сморщиваетъ рожу и
 говоритъ:

Он канадын яя сал,
 Ын, ын, ын,
 Сол канадын камый сал,
 Ын, ын, ын,
 Корхунни тегі куруу-ал,
 Канадын тегі кайра-ал
 Ын, ын, ын.
 Талбын-отур кашлым,
 Тенгере курун тартып-отур
 Ын, ын, ын.
 Ак пулутун уесто-была
 Агарганын алды-была
 Ын, ын, ын.
 Аг-аястын койны-была
 Аяік эрдэн курун-отур,
 Ын, ын, ын.
 Ког-аястын койны-былан
 Кок пулутын уесто-была
 Ын, ын, ын.
 Аттан бергын ак пайлаат,

Если чрез неделю послѣ камланы будетъ снѣгъ, то камъ видить его съ первой ступени и сказываетъ:

Салды кайн баштарын курьѣн,
Салды кайн саак пудака,
Ак турман тжеже-бертыр,
Яймду айм эрѣе бертыр,
Кыжло куруу тжужул-келтыр.

Если этотъ будущій снѣгъ скоро разлетѣтсѣ, то камъ говоритъ:

Салды кайн баштарын курьѣн,
Сар ая тартыл-турганин.

Если послѣ снѣгу будетъ дождь ранѣе трехъ недѣль, то камъ это видить на первомъ небѣ, а если позже—на третьемъ, гдѣ и предсказываетъ:

Алт таякту кара шуры,
Ойду эрѣе саалын туюло
Аргымак аяк туюшпас болор,
Туйякту камынбас болор,
Тырякту тудунбас болор.

Вообще камъ на всякомъ кругѣ небесномъ, если что увидитъ относящееся къ земной жизни, будущее или настоящее, напр., если встрѣтится гдѣ-нибудь съ другимъ камомъ, въ одно время съ нимъ камлающимъ, объ этомъ сказываетъ своимъ зрителямъ.

Баштутханъ, проплакавшись, продолжаетъ:

Э, шаза бараин,
Ат-Ульгэннен кызын айнер.

Баштутхана перебиваетъ слуга кама *Каракоми*, прося у него трубки покурить:

Куньду эрдын кам тедюнь,
Козиж миэ козимэ
Айяю эрдын ак тедюнь,
Айянтай миэ кузюмэ,
Уч уело кууды канза,
Эр аддыма кабылып-кель.
Аяс канынан алян кель.

Баштутханъ подноситъ трубку какъ-будто *Каракому*, а камъ съ боку на бокъ заглядываетъ на трубку, какъ-бы боясь, чтобъ не укусила, и, заводя глаза подъ лобъ, обнюхиваетъ ее издали съ обѣихъ сторонъ и, какъ лошадь, фыркая, кричитъ: *кэй зыай, кэй зыб-зыай!* Баштутханъ стоитъ съ трубкой. Камъ, имѣето *Каракома*, поетъ:

Картырмалу кара куня,
Айлымышхан сай кумэ,
Алтын кууаш керъ тайган,
Чоо-бері санду хай,

Узуй мурдун ал-маныххан,
Ат-даж *Каракоми*,
Мень тарнаам елер тартыгар,
Кий гілі! Кий гілі!

Камъ беретъ поднесенную ему Баштутханомъ трубку и куритъ, имѣето *Каракома*, не придерживая трубки своими руками. Покуривши, онъ кричитъ: *ау, ау, ау!* и схвативъ трубку, бросаетъ ее и, восходя на 4-ую ступень, говоритъ:

Тапта бажыма толгон чіхтым,
Толгой айга малкый чіхтым,
Дерт катка яялын чіхтым,
Тенгере каанга алыжын эссю.

Соскочивши со ступенки, камъ пробиваетъ четвертое небо и, бѣгая вокругъ 4 раза, представляетъ громъ:

Ай, гай, гай

Шахарбага!
Дерт туган нузун чіхтым,
Шахарбага!
Дерт яйхам яйхан чіхтым,
Шахарбага!

Куньду эльге алыжын эссин,
Шахарбага!
Айяю эльге алыжыло эссин,
Шахарбага!
Аттан бергөн ак байталым,
Шахарбага!

Адам бурхан тенгере каня яругу болды.

Шахарбага!

Камъ опять строится надъ Баштутханомъ, который плачетъ и оправдывается:

Куньду эрде не эр?
Чин Яхши эр мунда,
Мень мунда юртаар-даа болзомчи
Мень мунда ялар-даа болзомчи,
Тайха пюктонъ агажи курсен,
Кюшюн койгонъ октай турар,
Ташкыда турган алдынын курсен,
Талында койдон кон туар,
Мунда-даа астан, мунда-даа куестен ассамчи,
Мнан ойто янбас мяа болзомчи,
Яйнайдым, яйнайдым
Кам-ада!

На четвертомъ небѣ камъ въ одно время представляетъ *кузюкку* и

стреляющего въ нее Каракоша. „*Кук куку! Кук куку! Кук куку!*“ Каракош смотрит то вверх, то вниз, то въ стороны, и не вида птиц, протирает себѣ глаза и говорит:

Атта! Кара-кош!
Эрю тенгере учун чѣгаберды-ба?
Темень эргѣ каазыны тѣже берды-ба!
Эты карлу эб мылтыгы адым адым алзам,
Орто курсак болор эды-ле.
Сады кан саак пудакта отуру-ба?
Ай кемеин кезе атхан.
Тотты бакѣнда отуру-ба?

Представляя стрѣляющаго Каракоша, камъ прислѣзуется бубномъ и, дергуя по нему къ себѣ орбу, съ крикомъ: *ау!* представляеть, что оны выстрѣляла на удачу.

Послѣ охоты за кукушкой, камъ вскрикиваетъ на *татту* и, поставивъ ногу на 5-ю ступень, говоритъ:

Беш тапты яла чѣхтым,
Беш бакѣн толгон-чѣхтым,
Толгон айга малын-чѣхтым
Тенгере канга алкын эсею.

Камъ, соскочивъ со ступеньки, пробиваетъ *ялго* небо, бросается, бѣгая 5 разъ вокругъ огни, съ крикомъ: *ай-най-ай! Шагорбата!* Чѣмъ выше онъ входитъ на небесныя круги, тѣмъ звучнѣе представляеть громъ. На пятомъ небѣ живетъ сильный духъ *Яючѣ*, который творитъ младенцевъ. Камъ, собираясь войти къ *Яючѣ*, бубнить и поеть довольно звучно:

Ай, а хай, ай, ай!
Ульгѣин углы Керьгыдай.
Адам углы Нырхан-хай,
Тенгере углы яжѣн-хай,
Эрѣ алдыма кузѣн-кель,
Унь салыта кезѣгѣр,
Кан эжѣн сѣка тур
Ай, а хай, ай, ай!

Камъ входитъ къ *Яючѣ* и, перемѣнивъ голосъ, тихо и смиренно поеть, чуть бубня и кланаясь:

Беш хатта энем Яючѣ,
Кырды тѣнтан сѣд-ак кол,
Кында кескѣн ак тапхай,
Мюрьгудѣн мюрьгу каным Яючѣ.

Яючѣ строго спрашиваетъ кама:

Не тегѣин калдыгызын?
Не тегѣин уреинизн?

Кыжѣ болзо, атту болор
Кык болзо, тусту болор
Ады-Юдуи чечинин,
Кавату болзо учнайтан,
Кайтакту болзо шешитан
Кара конус тѣди тѣтѣин
Кайдан поо сень кельдин?

И въ заключеніе даетъ острастку каму, прикрикнувъ на него: „*а-а-!*“ Камъ, устрасаясь, быстро отскакиваетъ назадъ и пятится. Потомъ съ подобострастіемъ, узко шагая, тихо приближаясь и многократно кланаясь, говоритъ: „*мерьгу, мерьгу каным Яючѣ!*“ *Яючѣ*, прерывая мольбу кама, снова вскрикиваетъ на него: *а-а-!* Камъ, немного отступивъ, приходитъ въ ослѣбленіе. *Яючѣ* продолжаетъ:

Эрѣ эжѣгѣ тыбердын,
Он кулагым сонгылады,
Он таманын сырадын.

И вскрикиваетъ: *а-а-!* Камъ отскакиваетъ и опять пономногу пристукаетъ, говори тихо и кланаясь: „*мерьгу, мерьгу каным Яючѣ!*“—*Яючѣ*, пересѣкая его рѣчь, грозно говоритъ:

Не тегѣин калдыгызын?
Не тегѣин уреинизн?

Камъ отвѣчаетъ:

Не тегѣин калдыгы болон,
Не тегѣин уреи болон?
Энем Яючѣ каным!
Кара камным калдыгы-минь
Уду камным уреи-минь,
Учухчинан калдыгы-минь,
Тельгочинан калдыгы-минь,
Мерьгу, мерьгу энем Яючѣ,
Нѣрѣ тѣлѣгѣ тѣлѣн-кельдым,
Нѣрѣ суругта сурап-кельдым
Нѣрѣ таманга паза кельдым,
Кам Чомчонин калдыгы-минь,
Кам Сартабшын уреи-минь,
Кам Саргадан менѣн уредимъ,
Ульгѣн адам кузѣн-прадым,
Аг-атанын *) тапѣ-аг,
Мерьгу, мерьгу каным Яючѣ.

Камъ кланяется и, наконецъ, поздравившись съ таинмъ вельможнымъ духомъ, какъ *Яючѣ*, и набравшись отъ него силы, начинаетъ пророчество-

*) *Аг-атанын*—бѣлый бубенъ.

вать: предсказания, касательно житейских потребностей, слышются во множестве, въ родъ:

1) Эи унуу:

Бу балзы меп ян-идым,
Бай балзы, бай балды,
Ат кулагы уч туңгай,
Бай балды, бай балды,
Яминар болзо кэби болзын,
Карга чачхан кразы болзын,
Тар телези узун болзын,
Тычи бои кон болзын.
Ас урюде малы болзын,
Уи толо баш болзын,
Аж болзо, толо болзын,
Баш бай болзын яны кыса болзын
Айры колдон паазын.

2) Эи оргоны.

Бу бий-былзы биектежин-турзын,
Бай балды, бай балды,
Яктуга эйдирбозин,
Ирыкуга пастырбозин
Яны болзо, узун болзын.
Яжин тынын касканбас болзын,
Куштон курюргэ болзын,
Кумэ куяхты болзын,
Ахтан огы таштан отьсёю,
Улюр тыны эктежю,
Эвчин тартынып ульзин,
Гы-член кыбын-ульзин,
Кой-члал маарал-ульзин.

3) Эи кычуу.

Бу баланы ян-идым,
Жюрме беш яжин алгажин,
Анан мынан каап-тюряин,
Аа боо туштурун-тюряин,
Алдннан болзо, тил эртнези,
Архазынан чибик эртижин,
Корогхы тывьде каабылп-тюряин,
Эки колы кызыл кыпчак-тюряин,
Отус-беш ныха эткежи.

Омырууан ок албазын,
Яказынан эрэ тутпазын,
Яманга кожулбазын,
Эльдын эчичым болзын,
Тонин толчим болзын,
Эльдын-юйбин бажин бизын,
Элю япха эткежин,
Кара аркака караш болзын,
Кара аракыдан каран ульжо.

При началъ предсказаній всё бросаютъ шапки на землю подъ бубень.
По окончаніи каждаго предсказанія камъ говоритъ:

Куньду эрэтэ аиль барзын!

и, приподнявъ, бубень, стучитъ орбой, а народъ хватаетъ шапки, какъ-бы желая поймать упавшее въ нихъ предсказаніе. Если предсказанія худы—шапки отрываются; если хороши, то всё наперерывъ подхватываютъ скорѣе шапки и зажимаютъ. По окончаніи всёхъ предсказаній камъ кланяется Юючи и говоритъ:

Мерьгу, мерьгу энем Юючи,

Он козынен курюп-кан

Он аргнды бері-кан.

Пока камъ восходилъ на 4 и 5 небо, въ это время *бура* уснѣлъ поотдохнуть, выстопиться и потому запрошеъ шить.

Куньду эрдын кара сугат,

Кузильгэй миз кузюмэ

Ау, кам!

Ма-вак! (всхрапываетъ 3-жды).

Башгутханъ подаетъ чашку съ водой и свиститъ. Камъ, представляя *буру*, хрипитъ и бьется, потомъ пьетъ.

Пашьянпс, огъ схватываетъ чашку зубами и бубинго избрасываетъ ее къ верху.

Башгутханъ поднимаетъ чашку и окуриваетъ ее аржаномъ.

Потомъ камъ входитъ на *шестое* небо тымъ-же способомъ и поклоняется живущему здѣсь мѣсяцу:

Мерьгу, мерьгу!

Атты хатта ай ада

Мерьгу, мерьгу!

Съ этими словами камъ обгнаетъ вокругъ *таннм* и огни и кланяется на востокъ трижды, потомъ замѣняетъ бѣгущаго зайца и посылаетъ за нимъ *куралдак*:

Куралдай чабар курсуын

Бордук чабар пос чоз,

Позоро тошкени поз-ик

Чау-ук!

Куралдай кричить:

Калак! Калак!

Эм токой согул пады,

Уч токой согул-пады

У, у, калак! Калак!

Является новое лицо: *Келегей*, который ругает и передразнивает Куралдай:

То-те, то-те, то-те!

Аэй, аэй, абыхха!

ТЬ-ТЬ-ТЬ-те! Абыхха!

НЬ-НЬ-НЬ-не болды?

Кулагаж сертэбок-ят,

Каг, к-к-к казычагы, кагламб-ок-ят,

и, указывая на коня, продолжает:

Куйругажин шйиванб-ок-ят,

Адын трю ахтаны,

Не болды абыхха?

Аэй, аэй!

Ойдук эрдин ор койон

Тгь энез майрык койон

Чао-ок!

При последнем восклицании камь, представляющий Келегея, махнёт орбом снизу вверх. Куралдай гонится за зайцем и кричит:

У! У! У!

Эжы токой согулды,

У! У! У!

Уч токой согулды,

Калак, калак!

Ичи тырма койонук,

У! У! У!

Тучмуги тырал, койонук,

Калак, калак!

Келегей снова ругает Куралдай:

Аэй, аэй! Абыххана!

Адычагынын кози тушоуден-ок-ят,

Адычагынын аягажы сырак таб-ок-ят,

Чао-ок! (*орбом вверх*).

После неудачной охоты за зайцем, камь также удачно восходит на седьмое небо, как и прежде, поднимается здесь живущему солнцу так-же, как и вьсяду, трижды говоря:

Мерьгу, мерьгу

Тета хатта куй эне

Мерьгу, мерьгу!

После поклонения солнцу камь представляет *кукунку* и *Кочуана*. Присажив ктй лиду бубить, камь крикнеть въ него, вмьсто кукунки: *ку-ку!* Кочугань отбьивает: *кэм*. Когда оуп прокукукаетъ, тогда голову поднимаетъ вверхъ, какъ-бы присаживается.

Восходъ на 8, 9, 10, 11 и 12-е небо сопровождается тьми-же дьйствыми кама, какъ и прежде. Войдя къ Ульгэю, послъ известно: *махар-бана!* камь кланяется и при тихихъ звукахъ бубна поетъ:

Уч-ден кышту кан адык

Уч очукту бай Ульгэнь,

Курон турган кок тьльм,

Кокон-турган кок аие,

Кочудагэнь кок пулут,

Курон болбос кок тенгэрэ,

Алкап болбос аг аие,

Айак тьлдык уч сугат,

Уч матьру Ульгэнь-адам,

Аймалтавын мизон кыйлат

Аттын туйтагынан ийлян,

Чурураган эль янгач бай Ульгэнь,

Чууду-чубадыч, мал бергэнь бай Ульгэнь.

Текэ бербе,

Темкергэ адьырба,

Корюмекэ кургуене,

Курюмергэ настьырба,

Эрикьнду тенгориьдн,

Качча тэмьне Айлядучим,

Калычогым монь адулазын.

Отъ Ульгэня камь узнаеть, прьятна-ли жертва или нтъ и почему, а также узнаеть впередъ состоянне и измьненне погоды, каковъ будетъ сборъ оръховъ, урожай хльба и ловъ зврьбы, а также не требуется-ли еще отъ кого-либо жертвы. Жертва почти всегда требуется, если не отъ того, то отъ другого, той жисти или другой, такъ какъ камь— всегда человекъ бьдний и ничьмъ не занимающийся, то очень естественно, что вмьсто *такама* или пустаго *коча* дома, ему прьятнѣе есть самую жирную конину, какую только оуп самъ выбереть у своего соседа. На должности оуп снть и пьнать.

По объяненнй кама съ Ульгэнемъ *Баимтугань* всакивать, снимаетъ бубень и орубъ съ рукъ кама, который въ заключенне дьляетъ три щелчка по бубну пальцемъ, вмьсто орбы, и бормочетъ: *а-а-а-а-ы-ы-ы-а*, какъ-бы не можеть уннться, протираеть глаза, гладитъ волосы, опускаеть руки, выжмаетъ потъ изъ своей рубашки, потомъ здоровется съ зрителями, какъ-бы возвратившись изъ дальняго путешествия:

Эзень-салям, эзень-салям!

Вторымъ дьйствнемъ камлянея иногда заканчивается, а болъшее частью

окончание бывает на третью ночь, в которую пышетывают вполне достойно *айаана*. Огромные берестяные бубаны, в рост человека, с кумосом, айраном, абарткою и брагой опорожняются. Приготовление и расщепление идеологического айрана происходит в следующем порядке:

Когда еще не сделаны *сеомты*, готовится *айран* (сумь из молока), которого никто не касается и не имеет до окончания камлания. После двух вечеришек камланий, приносит сь иста, гдѣ мучена была жертва, 9 или 12 *кыиши* (ложки из бересты), соответственно зарубкам *таиты*. Ночь *сеомты* устилают коврами и войлоками, подлѣ *таиты* кладут кь двери огонь, вокруг которого ставят, по числу зарубок *таиты*, китайскія деревянныя чашки (*чокки-акк*), наливают айраном и позади каждой чашки развѣщают по человекѣ так: впереди, слѣва отъ двери, стоитъ камъ, подлѣ него, слѣва-же, *Баштурган-кыаси* (помощникъ кама), дагдѣ хозяйш и прочіе старики, у которыхъ въ тотъ годъ не было въ семьѣ покойника старѣе году. Сначала все зачерпываютъ кыишами айранъ и брызжутъ все въ разъ вверхъ на тагу, стоя все въ шапкахъ. Затѣмъ, бросивъ ложки, восклицаютъ: *чек!* Брызганіе это съ восклицаніями *чек!* дѣлается трижды. Въ послѣдній разъ брызжутъ, все бросаютъ ложки вверхъ, и, если чѣ упадетъ вверхъ дномъ, тому счастья въ тотъ годъ не будетъ, а у кого внизъ дномъ, тому — *жэи*. Послѣ чествованія *таиты* снова наливаютъ чашки айраномъ и выпиваютъ все вдругъ, при чемъ кама, выпивъ чашку, бросаетъ ее за дверь, и если она упадетъ вверхъ дномъ, то хозяйш будетъ худо.

Камлание *Эрику* и другимъ божествамъ, также камлание разныхъ племенъ, различается частностями, ивсѣмиками водными спенами, а въ сущности одно и то-же. Комплекснымъ спенамъ отличаетъ камлание *Ныкани* или *Намы* (Ною), которому приносится въ жертву *Блал* овца, на высокой горѣ, преимущественно весной, также при всякомъ камлании молятся ему, чтобъ проводилъ къ Ульганю. Въ 40 день по смерти кого-либо, *Ник-ган* призывается для ошеченія юрты, при чемъ къ постелѣ умершаго привязывается пѣтухъ, изображающій смерть, и изгоняется камомъ или шаманомъ. Оттого пѣтухъ у большей части инородцевъ, особенно Кузнецкихъ, въ пищу не употребляется. Еще призываютъ *Ник-хана* въ томъ случаѣ, когда не ведется скотъ. Инородцы вѣрують, что умершіе родственники уводятъ скотъ съ собою въ жилище мертвыхъ, откуда *Ник-хан*, при жертвоприношеніи ему, выгоняетъ его потопомъ. Камъ представляетъ, что онъ приходитъ будто-бы въ жилище душъ умершихъ родственниковъ (*узюлотъ эрики*) изъ того семейства, у коего камлаеть, разговоривъ съ ними, потопитъ ихъ снегомъ, напавша до-яныя, разговоры ихъ произносятся ихъ голосами и все дѣйствіе выражаетъ подобно имъ. Въ разговорѣ и пѣсняхъ камъ представляетъ: какъ умерше, написши, потопъ плени и проч., какъ притомъ внезапно входитъ потопъ въ жилище умершихъ, представляетъ смѣтеніе, ужасъ и безпокойство каждаго лица изъ умершихъ и прекращеніе понона слышаемъ земли и золь. Камъ при этомъ смѣтеніи уговяетъ у нихъ скотъ, умерше будто-бы кричатъ вслѣдъ ему и посятъ понону. Въ началѣ представля-

нія всехъ этихъ дѣйствій шаманъ мараетъ свою рожу сажей, чтобы умерше не упали его; когда-же они догадываются, что шаманъ пришелъ отъ ихъ живыхъ родственниковъ, то онъ убѣждаетъ, что ихъ совсемъ не знаетъ и т. под.

У сѣверныхъ инородцевъ камъ, называемый *наболома*, камлаеть въ обыкновенной одеждѣ, только голову перевязываетъ платкомъ, чтобы волосы не дѣли въ глаза при его кривляньяхъ. Присутствіе женщинъ, при жертвоприношеніи Ульганю, здѣсь не позволительно.

Нѣкоторые камы камлають съ открытыми глазами, но большая часть съ закрытыми. Многие камы шаргатагаитъ, а нѣкоторые дѣйствительно приходятъ въ экстазъ, и ничего не видятъ удивительнаго, что дѣйствуютъ подлѣ вліяемъ злаго духа. Были примѣры, что камы не могли пробудить кама, навашаго въ экстазѣ, нагайками, напротивъ, были примѣры (говорю по собственному опыту), что достаточно одного спявненческаго благословенія, чтобы мгновенно выпалъ бубенъ изъ рукъ навашаго кама.

Понятія алтайскихъ инородцевъ о душѣ.

Инородцы признають двойственность души. О человекѣ помѣшанномъ и разслабленномъ онъ обыкновенно говоритъ: *«курю-месь ании сузюмъ»* (потолтеуш — скрип, по-камыши — *оленки, тѣлмыш, худыи ала-тарчыр*, бѣсъ унесъ его душу*), вѣри, что человекъ долгого времени можетъ оставаться живымъ безъ души, что умесная душа можетъ быть возвращена выкупомъ, чрезъ камлание, и тогда человекъ выздоровѣетъ, такъ какъ, кромѣ означенныхъ названій души, остается въ немъ еще душа — *тми*. Впрочемъ, *тми* есть живанность, т.-е. такая душа, кака есть и въ животномъ и въ растеніи, или связь души съ тѣломъ. Если умесная душа долго не возвратится, то *тми* перервется — *узюлотъ-парар*, и потому душа умершаго человека называется *узюлотъ-тми*, перервавшись, исчезаетъ, *худюмъ-ядар*. Откуда происходитъ названіе души *куру*, названіе не собственное, знач. нѣчто терпящееся. Объяснимъ эти названія примѣрами:

1) *Тыи* происходитъ отъ *тымыи* — душу *Тыиант* — дыханіе. *Тыи тибектей* — душа какъ мелшца. *Тыи тамалын-да* — душа въ хачотѣ. *Тыи узюмалд* — духъ *ай-эри*: когда душа порвется, тогда раздѣлится все сослани. Суевѣрные алтайцы будто-бы слышатъ, какъ перерывается у умирающаго человека, потому у нихъ есть бравное выраженіе: *тымыи тыре этэи* — твою душу пусть сдѣлаетъ щельчотъ, т.-е. порвется и щельчатъ. *Тыи кошюмыи-ат* — душа смѣшивается, сливается. Это говоритъ, воспретая близо стоять подлѣ умирающаго, чтобы онъ долго не маялся, вѣри, что душа здороваго сообщается свою живанность умирающему. *Тымыи-даа быбэст* — и душа моя не знаетъ, т.-е. мнѣ все неизвѣстно. *Тындю аиан* — свѣжае, растущее дерево, *тындю элен* — свѣжая трава, *тындю болат* — острый (алмазный) булатъ. *Тысан аштын хамыра тмии хыры-ят* — послѣдній хлѣбъ отъ дождя оживляется,

освѣжается. *Тыным карда* — мой духа вошла, т.-е. я освѣжился, ободрился, укрѣпился.

2) *Суза* происходитъ отъ чагада *сузун* — черная вода, значить, ибѣто жидкое, способное быть вымерзнутымъ, или отъ словъ *су* — вода, *рѣка* и — *узак* длинный. Отсюда *суузак* — долговичный, здоровый, а потому *сузы* — сила необходима, чтобы здоровымъ, долговичнымъ, какъ человѣку, такъ и скоту. *Малдын сузын уэтир аман народа* — умершие унесли души скота, или плодovitость скота превѣдъ къ себѣ (въ свои жилища). *Кыжэтан сузы тэрип ят* — душа умершаго человека бродитъ.

3) *Кун* почти, то-же, что и *суза*, происходитъ отъ *кудун* — исчезаю, безъ вѣсти пропадаю, ивъ виду теряюся. *Кун* — сила жизненная (*vis vitalis*), плодородіе, счастливости, благоидность. *Кудун чымаи народа* — душа высокочивъ, т.-е. человекъ такъ испугался, что лишился ума, сдѣлался самъ не свой. Въ этомъ случаѣ камланиемъ возвращають ушедшую душу. *Малдын кудун уэтир аман-нарды жажэ кудун-нарды* — человекъ исчезъ, безъ вѣсти пропасть. *Эр кудун народа* — земля потеряла силу плодородія, стала бесплодною, лишилась красоты и вида. *Илэтан эр кудун народа* — живое мѣсто сдѣлалось несчаствливымъ.

4) *Тюла* происходитъ отъ *тооун* — рву, выдергиваю. *Кендыр толон-лодам* — лѣнь выдериваю. *Тюла* зная, эссенція, энектратъ. Въ животныхъ *тюла* ибѣт, а исключительно она только въ человекѣ. Эту душу представляютъ величиною съ ружейною пулю, бѣлочною, непрестанно движущеюся, кругленькою, какъ руть. Такою, по крайней мѣрѣ, какъ показываютъ шорландцамъ будто-бы поиманную ими душу на ладони своей при камлании.

5) *Сюр* отъ слова *сворен* — тоно, выколаю, значить, по саовопроизводству, то, что игонется, т.-е. изъ человекъ смертию, или изгнанію камланиемъ въ 40 дней дождъ смерти изъ юрты, гдѣ жилъ умершій, души его.

Сюрмет — видъ, изображеніе, картина. Въ этомъ значеніи употребляется и *сире*, которая есть и вѣсти. Инородцы предпологаютъ, что души животныхъ такъ-же переселяются на тотъ свѣтъ, какъ и умершихъ ихъ хозяевъ, которые такъ-же наутѣ ихъ въ жилищѣ мертвыхъ, какъ и здѣсь. *Сюр* значить также: гукъ, жиръ. *Сюрлю этэ* — тучное мясо. Значить: также: видъ, красота, величественность, важность, солидность. *Сюрю тожур-нэригэр* — видъ упалъ, лишился красоты, сдѣлался полумертвымъ. *Сюрлю кэжэ* — человекъ осанитетъ, съпринципальнымъ взоромъ. *Сюрю солэрин-ат* — душа умершаго востъ, не желаетъ разстаться съ тѣми предметами, съ которыми сроднился, живя въ тѣлѣ.

6) *Сюно* находится исключительно только у человека, происходитъ отъ *сэюэлэ* — собѣту, вразумлю. *Сюно* — разумная часть человека, которая, по выходѣ изъ тѣла, имѣетъ фигуру полного человека. *Кыжэтан сюно иновотыны боі* — душа человека есть члѣный его, его сущность. *Сюно тэрип-ат* — душа бродитъ, т.-е. по выходѣ изъ тѣла служажетъ по мѣстамъ, въ комъ прищика, живя въ тѣлѣ, и издѣетъ волны, слышимые будто-бы живыми, иногда зоветь къ себѣ ного-либо изъ живыхъ, называя его по имени, послѣ чего, по общему замѣчанію алтайцевъ, вскорѣ тотъ человекъ умираетъ.

Правы, обычаи и обряды.

Въ правахъ алтайцевъ есть хорошее и худое. Прежде всего надобно сказать, что они честны. Юрты ихъ заповоръ не имѣютъ, хотя-бы и никого въ аилъ не было. Если къ двери приставленъ обрубокъ бревна, въ ту юрту никто не войдетъ, хотя-бы она члѣный годъ стояла подъ этою охраною. Хлѣбъ инородцы оставляють на паншѣ въ зернѣ, гдѣ юнгъ и пребываетъ до тѣхъ поръ, пока хозяева по-немногу его не выберутъ для насущнаго употребленія, и всегда сохраняется въ члѣности. Оставшияся въ юртѣ вещи посторонняго человека, даже найденная на дорогѣ, но извѣстно, что ему принадлежала, возвращается непременно, хотя бы и чрезъ долгое время, при свиданіи. Во время плаванія по рѣкамъ, напр. по Иртышѣ, если случится остановиться на початкѣ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ аилъ расположенъ не на берегу, а на горѣ отъ 1—3 верстѣ отъ берега, въ такомъ случаѣ все вещи путешественника остаются на берегу безъ караула, только подъ прикрытіемъ лодки отъ дождя и собакъ (последнія не очень честны), и сохраняются всегда въ члѣности. Эти же честные люди бывають и безчестны, но всегда *козвенно*; напр. забирають въ долгъ, или подъ работу деньги и не уплачивають ни тѣмъ, ни другимъ, хотя никогда не запраивають въ долгъ. Особенно сѣверные инородцы склонны къ надувательству, только поддѣйся.

— Гостеприимны и радушии. Всякій вошедшій въ юрту человекъ признается какъ-бы семьяннымъ этой юрты. Если хозяева ѣдятъ, пьютъ и онъ; если пьютъ, пьеть и онъ безъ всякаго различія; а если гостъ изъ другого аила, — сважается пригомъ и запасомъ (аилъ); у алтайцевъ — скотовоювъ бараншюй, у сѣверныхъ — талканомъ. Если кому-либо изъ дѣтей дать ржаной сухаръ, который члѣтитъ здѣсь ивъ какъ не мянѣе конфеты, или кусокъ сахара, то полученный раздѣляетъ это лакомство между всѣми на мелкія части, и иногда съ задушною не бросаетъ.

— Въ спокойномъ состояніи кротки и услужливы, пока не стѣсняется ихъ свобода. Но быть слугами по инаиу они, хотя-бы и бдѣльнѣше, ни въ какомъ случаѣ не желаютъ. Каждый скорѣе умретъ съ голоду, чѣмъ лишится свободы. Одно имя „слуга“ уже позорно въ ихъ глазахъ и употребляется вмѣсто брани. Если-же обстоятельства какъ-нибудь вовлекутъ въ услуженіе немужагого ни родства, ни племени, то прислуживають всегда не охотно и мстятъ за потерю свободы воровствомъ.

— Начальству покорны; къ старикамъ очень почитательны и уважительны. Дѣти не пронозятъ имени своихъ родителей, какъ-бы считая себя не достойными этой чести. Жена своего мужа и также родныхъ вѣстѣ его не называетъ по имени; въ юрту отца своего мужа дальѣ порога ходить не сдѣетъ, голова и ногъ передъ нимъ не обнажаетъ; изъ рукъ въ руки ничего ему не подаеть, и наоборотъ, свекоръ свободно съ снохою не обрашается, иногда съ нею не шутитъ, въ ея присутствіи непристойностей не

проманосит и бьжитъ отъ нея, когда увидитъ, что она чешетъ волосъ, или разувается.

— Съ зайсанами и башлыками инородцы обходятся фамильярно: шапокъ не снимаютъ и въ юртахъ ихъ. Одинъ чубъ зайсана до того не прикосновенъ, что его никому въ руки взять нельзя даже и тогда, когда подстригаютъ ему волосъ.

— Въ супружествѣ инородцы большею частью вѣрны, вообще не развратны и чрезвычайны чадолобивы.

— Въ прихотахъ своихъ ограниченны, малымъ довольны и въ переисеии голода терпѣливы.

Вотъ все, что можно сказать хорошаго объ инородцахъ, остальное или безразлично, или положительно худо. И именно:

— Всѣ алтайцы очень дѣльны и правдолюбивы: сватъ, ничего не дѣлатъ, глядѣть неподвижно въ землю и курить табакъ—составляетъ ихъ наслаждение.

— Склонны къ пьянству, такъ что не пьютъ только тогда, когда нечего. Мужчины и женщины, хотя бы и съ грудными дѣтьми, засыпаютъ *абуртку, камань, байу, байрамъ*, вереть за 100 ташатае туда лѣтомъ верхомъ, а зимой на лыжахъ и пьнятуютъ день и цѣлую ночь до тѣхъ поръ, пока вся приготовленная аракъ истощится. Каждая оргія кончается непременно дракою, при чемъ болѣе всего достается пьянымъ женамъ отъ пьяныхъ мужей.

— Нечистоплотны до *водобоязни*. Одежда никогда не моется и не провѣтривается, бань нѣтъ, кушанье не терпимо. Посуда никогда не моется и съ каждымъ годомъ обрастаетъ новымъ слоемъ грязи. Руки не моются, въ промежуткахъ стричи имъ дается свобода почесать большое мѣсто, погладитъ рану и проч. Въ пищу, исключая свѣрвныя, употребляется и пашная скотина.

— Женщины вынимаютъ груди и кормятъ ими своихъ дѣтей при всѣхъ; дѣвцами обжакуютъ ногу далеко выше колѣна и скрутъ нитки тоже при всѣхъ безъ всякаго стыда.

— Всѣ неприязнательны и неблагодарны ни за кое благодѣанье; такъ, что и слова *«благодарю»* нѣтъ въ ихъ языкѣ. Въ попорашейтѣ назойливы, но нищими (*мербевель*) не называются, и милостыни не просятъ и самые бѣднѣйше, а просятъ какъ подарокъ или для дружбы пособие. За отказъ не обижаются.

— Въ гнѣвѣ бешены, но скоро успокаиваются; склонны къ отчаянью и самоубйству единственнымъ способомъ удавки на лѣнѣи.

— Легковѣрны ко всякой лжи; робки и суевѣрны.

— Къ животнымъ жестоки и безчеловѣчны, что обуславливается отвратительными мерзостями ихъ каманья и скотоподобнаго быта.

— И незнающіе русскаго языка ругаются неприличною русскою бранью; особенно коией на каждомъ шагѣ пріивѣтствуютъ этими скверными словами.

Свадебныя обряды у южныхъ алтайцевъ очень замѣчательны и дышатъ мѣстной поэзіей. Молодой человекъ, задумавшій жениться, къ родителямъ избранной имъ дѣвцы посылаетъ сватовъ, нѣсколько человекъ. По прибытіи въ юрту, одинъ изъ сватовъ становится предъ отцомъ невесты на колѣни и говоритъ слѣдующую рѣчь: «Я пришель, прелюбная колѣни предъ порогомъ твоимъ; я пришель, кланяюсь вѣрѣ твоей; я пришель и радуюсь твоему житью-бытью; я пришель къ голови просить! Пусть сватовство будетъ подобно шекамъ неразлучающимся; пусть будетъ, какъ желѣзная колѣчута съ воротникомъ не разрывнымъ, пусть будетъ родство между нами, подобно слоямъ березы, пусть будетъ, какъ шелковый шовъ! Я пришель просить черень для ножа, у котораго его нѣтъ. Назадъ тому девять колѣвъ война была; я пришель заключить миръ; пришель, радуюсь твоему житью-бытью, пришель, чтобы сватовство было между нами. Какой отвѣтъ дадите?»

Говори такль образомъ, первый сватъ, не вставая съ колѣней, держитъ предъ отцомъ трубку, набитую табакомъ, обративъ ее къ нему чубукомъ; другой сватъ въ то-же время держитъ зажженную древесную губку, чтобы тотчасъ-же зажечь, когда отецъ протянетъ къ трубкѣ руку, чтобы взять ее. Это—всѣи принятый знакъ, что предложеніе непротивно и что сватовство непременно состоится. Иногда случается, что этотъ знакъ подаютъ и не такъ скоро: отецъсылается на мать невесты, или что надобно посоветоваться съ братьями. Когда всѣ родные изъявятъ согласіе, тогда приступаютъ къ условію о количествѣ *каманя* (плата за невесту деньгами и скотомъ). Отецъ невесты, обращаясь къ первому свату, говоритъ: «Гласть мой глубокъ, и живить мой широкъ!» Сватъ соглашается на все безречесловно, и трубка мира и согласія мгновенно задымится. Въ это время первый сватъ вѣтаетъ съ колѣней, а другіе сваты, стояніе доселѣ неподвижно, проворно подносятъ *тангурамъ* съ кумисомъ и виномъ. Круговая чаша весело и скоро переходитъ изъ рукъ въ руки. Попировать прилично веселы, сваты прощаются столь-же высокопарными выраженіями, какъ и въ началѣ сватаанья, и вѣдутъ къ жениху; передаютъ ему условію о родѣ и количествѣ каманя. Безъ шутокъ, разумеется, не обходится и у жениха.

Когда все будетъ готово, тогда назначаютъ день, въ который невеста должна будетъ переѣхать къ жениху своему. Два молодыхъ человека (друзки) верхами подѣвжаютъ къ юртѣ невесты; у кажлаго изъ нихъ въ рукахъ по небольшой березкѣ, и къ нимъ прикрѣплена занавѣска. Подъ невесту подводятъ особа, осѣдланная лошадъ. Эти дружки поѣдутъ по сторонамъ невесты, держа передъ нею увеличенную къ березкамъ занавѣс до самой новой юрты ея жениха; во все это время она не должна вылезти ни дороги, ни новой юрты, прежде чѣмъ въ нее не войдетъ. Само собою разумеется, что еъ будетъ сопровождать большой поѣздъ.

Вотъ все готово къ отъѣзду. Юрта невесты биткомъ набита ея родными, подругами, знакомыми, любопытными. Отецъ и мать наотступуютъ ее благословеніями и наставленіями, какъ жить въ чужой семьѣ и проч. Потомъ входятъ въ юрту семь престарѣлыхъ каманьковъ, нарочито приглашен-

ныхъ для совершения обряда „Алтын-сезь“, благословенія невѣсты, который состоитъ въ слѣдующемъ:

Невѣста кланяется въ землю передъ богамишнимъ очагомъ, на которомъ въ это время непрерывно долженъ горѣть огонь, потомъ въ ноги отцу и матери и говоритъ:

„Они богатоу Ульгэня да видять меня;
Солнце и луна! Вамъ голова моя;
Семь старцевъ, благословите меня!“

1-й стар. Каан Кутайдын кози тыйзы!
Кары кыжынын алгыжи /этсін,
Узу Кутайдын кози тыйзы!
Улу кыжынын алгыжи /этсін!
Аддынан ай чалызын;
Арханнан кунь чалызын!

Да коснутся тебя очи Господа Бога;
Да придетъ на тебя благословеніе стараго человека;
Да коснутся тебя очи Великаго Бога;
Да придетъ на тебя благословеніе великаго человѣка;
Спереди тебѣ пусть мѣсяць свѣтитъ;
Сзади пусть солнце освѣщаетъ!

2-й стар. Тей'эръго уи' салгыи.
Яба болзо, юртап—ятмы,
Кыр'энь уюя дяду болзын,
Таш оч'эргы' эск болзын,
Одыи чоокту болзын!

На высококъ мѣстѣ поставь домъ твой.
Плотно утвердится домоцительство твое.
Пусть житье твое будетъ красиво,
Каменный таганъ твой пусть будетъ крѣпкоу,
Огонь твой пусть будетъ неугасимъ!

3-й стар. Конгон'эринь кокту болзын,
Талкан кулюн обо болзын,
Тешкен'эринь темір-дий болзын,
Ордын ізю болзын,
Пасхан'эринь байрамду болзын!

Стойбище твое пусть изобилуетъ пшеномъ,
Какъ толокно, пусть будетъ зола у тебя,
Земля, тобою попираемая, пусть будетъ тверда,
Мѣсто жительства твоего пусть будетъ согрѣто,
Мѣстохождение твое пусть будетъ исполнено веселья!

4-й стар. Ятханы' болзо узун болзын;
Яжйи болзо, мейкү болзын,
Юсь яш ажагыи,

Сагыжйи сенін омок болзын,
Тал чыап, корболон-турзын,
Тару чыап, кулагалан-турзын.
Коозму койдон коп болзын,
Баладу чайдан коп болзын!

Жизнь твоя пусть будетъ продолжительна;
Лѣта твои да будутъ безконечны;
Сто лѣтъ жни и здравствуй,
Ужь твой пусть будетъ веселъ;
Мысль твоя да будетъ свѣтла.
Подобно тальнику, развѣтляясь, разрастайся;
Какъ многообсемянное просо, становись,
Умножайся больше овцы многочисленной;
Множься больше глухара многочисленнаго!

5-й стар. Алды эдэгинь бала шасын
Арт-кыйи'эни' мал шасын,
Кунадан-малыи кууандан-турзын,
Төмөди малыи тельдэн-турзын;
Яла болзо, туудун-атысын,
Төбө'эргы' малын кутыи,
Албастан болзо, алын-тюрюгын,
Путнастан болзо, туудун-тюрюгын.

На переднія нозы твои чтобы дѣти наступали,
За подошмоу сзади пусть скотъ гонится;
Трехлѣтній кобылн твои пусть жеребятся;
Четырехлѣтній скотъ твой пусть плодится;
Что только родится, пусть живетъ и плодится;
На холмистыхъ мѣстахъ наши скотъ твой,
Хотя-бы гдѣ и нельзя получать прибыли, получай;
Хотя-бы гдѣ и нельзя было изловить звѣря, изловляй.

6-й стар. Якутга айтырбагыи,
Ириндуга шестырбагыи,
Тешкен'эжжэ темір-дий болзын,
Текэнь ажи аш болзын,
Тьерь-тири' көп болзын
Кийгэн көбин килебезин,
Кіэрэ көбин көп болзын
Югурок ат мыйгыи,
Ады болзо терлебезин,
Колын, архан уурабазын,
Колтынын сымтабазын.

Щекостому не будь предана на злословіе,
Плечистому будь не одолима;

Против наступающего на тебя будь крѣпка, какъ желѣзо;
 Съѣдшая тобою пища да будетъ питательна;
 Хлѣба-соли пусть будетъ у тебя много;
 Цѣлѣное платье твое пусть не марается;
 Поменное платье у тебя пусть будетъ много;
 На бѣгунахъ ъздя;
 Кони твои да не знаютъ устатка;
 Спина твоя и руки да не болятъ;
 Подмышки твои пусть не ноютъ.

7-й—стар. Кудайи сени нектезин;

Кубалада сени лязын;
 Кызына яил берѣин,
 Коодына берѣин—итсын!

Богъ твой да укрѣпитъ тебя!

Да умножится потомство въ слѣдовашия заботою;

Создавай чадъ твоихъ, въ красотѣ наследственной еще да при-
 бавитъ;

Къ блаженству ихъ пусть еще прибавитъ блаженства!

Послѣ произнесения этого *Амын-сезъ* невеста отправляется къ жениху. По прибытіи въ его юрту кланяется сперва огню, кладетъ въ него кусокъ мяса и кусокъ масла, также брызгаетъ на огонь брагой, въ видѣ жертвоприношенія.

У сѣверныхъ алтайцевъ, болѣею частью, воруется невесты, какъ и у предковъ нашихъ—славянъ, которые тоже „съ игрицы умыкаю женъ себѣ,“ и потому *Амын-сезъ* здѣсь нѣтъ. Женихъ, подговоривши невесту и получивъ отъ нея въ задатокъ платокъ, по взаимному условію прибѣгаетъ за нею ночью на хорошеѣ верховомъ конѣ, въ сопровожденіи холостыхъ молодыхъ людей. Скрывшуся изъ родительскаго дома невесту подхватываютъ эти молодые люди, сажаятъ на подготовленнаго коня и мчатся въ улусъ жениха или къ ближайшимъ родственникамъ, а по утру готовятъ супружескій *одак*, состоящій изъ 9-ти длинныхъ, тонкоствольныхъ березокъ, примѣрно 10 арш. вышины, съ очищенными отъ коры сучьями, а наверху оставленными въ видѣ метелик. Вершины всѣхъ березокъ связываютъ веревкою, разводятъ кони въ разные стороны, отчего и дѣлается остовъ юрты или пашала подъ вѣнкомъ березовыхъ листьевъ. Остовъ этотъ покрываютъ берестой съ помощію веревки, оставивъ въ него входъ. Женихъ съ невестою входятъ въ этотъ *одак*. Первый, прежде всего, долженъ разложить здѣсь огонь, который никакъ нельзя замѣстывать извѣдъ одаха, а непременно добить здѣсь-же изъ огива, причемъ замѣчается: въ одно-ли мѣсто искры прыдутъ въ труту, или не въ одно; послѣднее предвѣщаетъ скорое вдовство которой-либо половины изъ вступающихъ въ супружество. Пока женихъ высѣкаетъ огонь, невеста, стоя въ двери одаха, охлѣпаетъ всѣхъ, пособлажившихъ строить этотъ пашалъ, равно и всѣхъ тутъ присутствующихъ, по мѣдану козлы. Для этихъ подарковъ дѣвцы съ малодѣт-

ства запасаются кольцами и накопляютъ ихъ къ выходу въ замужество до сотни и болѣе. *Одак* или зеленая юрта стоитъ три дня, въ ней пребываютъ молодые безвыходно. По окончаніи 3 дней, бересту съ веревками снимаютъ, а остовъ относятъ въ чану дѣла, приставляютъ къ дереву, гдѣ онъ и стоитъ до еспіишя. Огни изъ одаха никакъ нельзя поажимствовать.

Пары по случаю вступленія въ супружество называются *байта*. Одна *байта*—главная празднуется у жениха, вокругъ одаха, и четыре у родителей невесты: 1) чрезъ 5—10 дней по украденіи молодой чета, въ сопровожденіи родныхъ мужа, съ большимъ количествомъ армы, отправляется къ родителямъ молодой жѣны—*миринься* и договориться—сколько слѣдуетъ внести за украденную дочь *калымомъ*. Воровъ встрѣчаютъ съ шельгой, которою хотя и не бьютъ, но страшатъ. Богатый зять платитъ калымъ разомъ, бѣдный платитъ калымъ свой постепенно, иногда нѣсколько лѣтъ. Случается, что всѣ калымъ родители невесты отдадутъ за нею въ приданое, присовокупляя къ нему и отъ себя, изъ своего имущества, значительную часть. Въ пособіе уплаты калыма принято народными помощами помогать бывшему своему товарищу до 1 руб. сер. Большому калыму однако-же нечего радоваться. Если жена, за которую несенъ богатый калымъ, оловѣтѣ, то ей положеніе, особенно въ первой молодости, очень горестно. Несмотря на то, что женатыя члены семейства живутъ каждый въ своей юртѣ, каждый располагаетъ своею полосою, засѣяною ячменемъ для насущнаго пропитанія, но только въ этомъ отъ и пополнаются, прочіе-же доходы отъ промысловъ и другіе всѣ отдаются главѣ семейства. Такимъ образомъ вдвое остается при одномъ ячменѣ и вѣчно невольничекъ своего свекра, купившаго ее какъ вещь, и который или одной копейки не сбавитъ съ новаго покупателя, если бы таковой выискался. А такъ какъ калымъ дорогъ, то охотниковъ на ячмень все же не находится. Счастіе сія, если она нѣвѣтъ возмужалаго холостого девера, который часто, по древнему закону *удевенъ*, возматываетъ сѣбя брата своего. Супружества возвращаются болѣею частью вѣсною. Если невеста выйдетъ прежде крина кукунши, то мировыя *байта* отлагается до тѣхъ поръ, пока не закукукаетъ эта птица печали. 2) Чрезъ мѣсяцъ по выходѣ дѣвцы бываетъ табачная *байта*, на которой родные молодого мужа дарятъ родственникамъ жѣны пашунами табаку. 3) Масная *байта* съ приводомъ короша или быка для закланія бываетъ у богатыхъ людей послѣ уборки хлѣба, у менѣе богатыхъ—чрезъ 1—2 года, а у бѣдныхъ—когда случится. 4) На послѣднюю *байта* приводится лошади для пришествіаго закланія. На всѣхъ *байтахъ* главную роль играютъ армы, общія со всѣхъ сторонъ, отъ родныхъ мужа и жѣны и отъ гостей, изъ которыхъ каждый везетъ или несетъ на *байту* эту же животельную власть по туесу (буракъ изъ береста). На *байтахъ* пьютъ, поютъ, пляшутъ, играютъ и бьютъ въ бѣга, выгрывая платокъ, халатъ или сапоги.

Естественное послѣдствіе супружескаго союза—*рожденіе дитяти*. Оно происходитъ при стеченіи народа, крикахъ и ружейной стрѣльбѣ. Если новорожденному дасть глава семейства, болѣею частью одинаково съ именемъ тою,

кто первый войдет в юрту после разбурения от брешни. Имена означают какие-либо предметы, напр.: *Мухом* — ружье, *Соры-баш* — желтая голова, и притом у южных алтайцев — в уменьшительном виде: *Позулак* — телепочка. У северных алтайцев много русских имен: *Иван, Николай, Петрушка, Педор* и проч. Если дети скоро умирают, то стараются дать им как можно похуже, предполагая, что с худшим именем долго будет жить, напр., *Тюкден* (сабачь зад. п.). — Отца из юрты, где есть поворожденный младенец, не берут до 40 дней, а больше гонящихся за счастьем — и в течение года.

Тяга умерших хоронят различно: или вкладут в деревянные срубы, утвержденные сверх земли на 4-х столбах, или закапывают в горы вместе с любимыми кошками покойников, или сожигают, или наконец пришиваются на сучья деревьев, в бересты. Покойники полагаются в полной одежде и шапках, и всегда с запасом в хмещек на дальнюю дорогу.

Лечение болъзней.

Хотя все внутрения боли, общее ослабление организма и упадок сил алтайцы, преимущественно, лечат камланием, но наружные болъзны, особенно у южных алтайцев, лечатся и естественными средствами.

1) *Бордовки (семя)* 1) мажут эмбной кровью; 2) конским потомъ; 3) показывать молодому мѣсяцу.

2) *Распоротый животъ* зашивают волосами болъзной и присыпают пепломъ изъ женскихъ его-же волосъ.

3) *Къ выводу, икотоду (уржик)* 1) пришиваютъ соли; 2) человѣчій калъ, смѣшанный съ курнымъ и порохомъ; 3) разрѣзавъ брюхо животу курны, держать во внутренности ея болъзной палецъ, пока не умретъ курна.

4) При *водной болъзни (нобуур)* 1) на многихъ мѣстахъ сожигаютъ такъ называемое *лоно (теом)*, т. е. кусочекъ труга или сердцевинный изъ бузины; 2) пьютъ свѣжую кровь небольшого сѣраго звѣрка *яман*, который водится по р. Чуь; у него задня лапы на 4 вершка длиннѣе переднихъ, что и способствуетъ ему сосать овцъ.

5) *Венерическiя боли (хырысналуу, яман налуу, жези)* лечатъ 1) порами киноари, 2) мазью изъ яри, 3) бобковымъ масломъ, 4) сулемою и 5) синимъ купоросомъ.

6) При *глазныѣ болъзахъ* 1) наскобывъ стружкою съ пера изъ крыльевъ птицы *тас-хуи*, варитъ ихъ въ коровьемъ маслѣ и мажутъ глаза; 2) порошокъ изъ перламутра съ краснымъ тловомъ (*танду-тана*); 3) въ гнѣздѣ птицы ребеза находятъ намершныя сосульки и, раставяя ихъ, пускаютъ въ глаза.

7) Отъ *тумжи* пьютъ свѣжую кровь куропатки.

8) При *запорѣ* пьютъ коровье масло.

9) При *запорѣ*, скрывшейся въ тѣлѣ, 1) привязываютъ къ ранѣ годовала залягаю сала, которое и вытаскиваетъ конецъ запозы наружу, или 2) прикладываютъ къ ранѣ мозгъ, вынутый изъ сырой кости козла; 3) за неизмѣнимъ же сала или мозга, употребляютъ и заячья кожа.

10) Въ *желтухѣ* купаются въ минеральныхъ водахъ, находящихся въ верховьяхъ рр. Катунь и Архты.

11) При *звѣньи-нарывѣ*, подобномъ болъзному чирью, красному и жесткому (*йан карзы*) 1) дѣлаютъ *имшакъ* — родъ тигора изъ свареннаго, захлашеннаго простоквашею молока, и горячимъ пришиваютъ до 3-хъ разъ въ день, отчего опухоль смитчается и пропадаетъ; 2) привязываютъ размоченную эмбную кожу, которую часто находятъ всюю въ камняхъ, или нарочно сдираютъ съ живой эмби, на что алтайцы — великіе художники. Обыкновенно въ этомъ случаѣ наступаютъ ногой на голову эмби и, отдѣливъ погнемъ кожу вокругъ шеи, въ одно мгновеніе сдираютъ всю, какъ чулокъ.

12) При *изжоги (сару)* 1) пьютъ круто насаленную воду, или 2) выпить стаканъ кришнаго вина, послѣдно бросаются на приготовленный шестъ и, перевернувшись на немъ внизъ головою, стараются произвести рвоту, помогая скорѣйшиму дѣйствию шестомъ въ горлѣ пальцемъ.

13) При *кашлѣ хасточномъ* пьютъ кровь куропатки.

14) При *запорѣ костей* 1) берутъ гнѣздо и пометъ выхуоли и, разваривъ въ водѣ, дѣлаютъ припарку; 2) если съ ломотою соединена и опухоль, припариваютъ травою василисникомъ (*Thalictrum*).

15) При *кровотеченіи* изъ свѣжнѣхъ ранъ пришиваютъ пепломъ собственныхъ волосъ болъзной; при кровотеченіи изъ носу и рта — трасутъ сыно болъзной и поятъ криквыи виномъ.

16) При *молягахъ (кату кунош)* употребляютъ тѣ-же средства, что и при запозѣ (см. 9).

17) *Моловница* у дѣтей (*амру*) есть неизбѣжная болъзнь въ Алтаѣ, какъ оспа, поражающая даже и 8-ми-лѣтнихъ. Впрочемо, это отряскъ венерическаго яда. Въ слабой степени ея: 1) мажутъ медомъ, но если это не помогаетъ, или болъзнь, скрывшись на время, вновь дѣлается опять открывается, то вкладутъ на темя головы *лоно* и заживаютъ; ядно, спорая, вытискиваетъ болъзненный ядъ и, доторивъ до тѣла, всакиваетъ вверхъ съ трескомъ на подобіе слабого выстрѣла; средство это повторяется до тѣхъ поръ, пока ядно не будетъ прискакивать; 2) если-же и это не приноситъ пользы, то отыскиваютъ въ трупномъ тѣлѣ былыхъ червячковъ (едели. около 1/2 вершка), и, раздвинувъ ихъ, мажутъ во рту болъзною; 3) если-же болъзнь застарѣла и упорна, то вырѣзываютъ изъ живой овцы сердце и горячее и еще блѣднеее вылагаютъ, на сколько возможно, въ ротъ.

18) *Наружныя болъзны* все вообще и даже глазныя, равно какъ и сухотку, лечатъ горячими внутренностями домашнихъ животныхъ, звѣрей и птицъ, избирая то или другое, смотря по величинѣ болъзной части и удобству, а не по светову болъзней или животныхъ. Разрѣзавъ у живаго жи-

вотного или птицы внутренность, точно же влагают большой член и держат, пока не останет. После этой животной припарки берегут большое место от прогуды.

19) При *ожоге* (*хуок*) или 1) употребляют ть-же средства, что и противу занозы (см. 9) или 2) мажут обожженное место медом, или 3) покрывают нетолстыми коровьим салом.

20) При *озноблении* (*оужук*) употребляют ть-же средства, что и противу занозы (см. 9).

21) *Ошенимиса оина* (*аракка кун-янтан кжеслер*) зимою кладут на грудь и подошвы ног сить или лед, а летом беззачувственно-пынных сажают в холодную воду; внутри-же дают молоко со ситьгом и просбиною золою.

22) Парни (*коодур*) лечат мазью из суркового сала, соли и сажи.

23) При *переломе костей* (*пертик, сымак*), 1) обвязав чьм-нибудь переломленный член, дают больному есть небольшую часть корня таинственной травы *одален* (огненная трава), которую рудкие знают и мало находят. Раненые или отравленные звери будто-бы вырывают корни этой травы, ъдят и выдворяливают. Судя по сказаниям инородцев, можно догадаться, что *одален*, если действительно существует в природе, а не в воображении только, принадлежит к семейству Асоница; 2) пьют вареный рыбий клей; 3) ъдят порошок красной мди.

24) При *волося* 1) ъдят березовый уголь, 2) порошок из пережженой не жирной говядины.

25) При *портхале* (*хэки*) употребляют: 1) ть-же средства, что и противу занозы (см. 9); 2) мазь из пера птицы *мас-куи*, сваренного в коровьем масле так-же как и для глазной болести (см. 6); 3) мазь из сваренных в коровьем масле голы ежа; 4) применяют пелом из сожженного гнзда ремеза; 5) мажут яйцом этой птицы и 6) прикладывают листья мягкой травы *бархатника*, цвет которой, выходящий сейчас со стаями ситьга, извьстень под именем сией *модунча*.

26) Раны заживляют: 1) таинственная трава *тыанду-тунта* или *каратедо*, которая будто-бы цветет зимою и летом, имеет корни трехцветный: красный, желтый и белый, как молоко; *тыанду* она называется потому, что если корень оторвать, то она застывает; 2) мажут раны кровью птицы *мело*, которая величина съ беркута; голова бьловата, сие пельнаго шьта, спина черная, орхо желтоватое, хвост долгий, вьст гнздо на несприступных утесах. Кромѣ крови и перья ее цѣлебны, и потому продают в Китай по 1 р. 50 коп. сереб. за перо.

27) При болах *стима* и *насином* пьют корень погнившей травы *карналем*. Это — лиственное растение, цветъ его — большой, тыльпоявонидный, желтый колокольчик.

28) При *укушении змеи* 1) жгут на ранѣ *дино*; 2) припаривают пещеной горелой рыбой, какая случится.

29) Укушенных *бывшими животными* заставляють по три дня не-

престано обнимать стоячи деревья, по 100 деревъ въ день, или подѣловать 400 человекъ, т. е. приуждаютъ къ сильному глѣдженію.

30) *Ури* (*натка*) маютъ солоною водою.

31) При *ушмъ* болахъ 1) влагаютъ въ большое ухо быющееся сердце, только-что вырванное изъ живой ошцы; 2) намазавъ бузагу саломъ, сьртывають ее въ воронкообразную трубку и, узкимъ концомъ наставивъ въ ухо, верхній широкій зажимаютъ.

32) *Чесотку* (*ел-журита*, воздушный червькъ) 1) нагряютъ распаренными на огнь, молодыми вѣтвями тальника и 2) нагрѣтою волчьего косяю.

33) *Чыры* (*чйкан*) и *отуголи* (*тжесю*) 1) прижигаютъ *дино*; 2) припариваютъ *пытакаомъ* (см. 11), 3) кладутъ на чыры живую лягушку и держать до тѣхъ поръ, пока не умретъ; 4) заколовъ какою-либо скотину, скоро вынимаютъ сердце и, раскусивъ посѣвномъ, прикладываютъ къ худому чырю *амаи-палу*; 5) противъ золотуннаго чыря (*тыюк-палу*) употребляютъ листенничную сѣчу, намазываютъ ее на тонкую кожу; 6) прикладываютъ накаленнымъ острымъ желѣзомъ, котораго конецъ, въ отвращение глѣбокаго прокола, пропускается сквозь досщечу.

ПРЕДАНИЯ.

А) Религіозныя.

1) О сотвореніи міра.

Когда еще не было ни неба, ни земли, былъ одинъ Ульгэнъ (по-ойротски—Кубустан—Акака). Онъ носился и какъ-бы трепеталъ надъ безбрежнымъ моремъ, распростершимъ, подобно негонуру, и не имѣть твердаго мѣста, гдѣ-бы стать. Тогда ошугилъ онъ голосъ внутри себя: „*адында тут, адында тут*—впереди хватай, впереди хватай“, и произнесъ эти слова, а вмѣстѣ съ тѣмъ, простерши руку, охватилъ передъ собою. И вотъ попался ему камень, высунувшійся изъ воды. Онъ сѣлъ на этотъ камень, продолжая произносить: „*адында тут, адында тут!*“ и думать, что творитъ и какъ творитъ. Вдругъ изъ воды выходитъ *Аи-не* (бѣлая мать) и говоритъ: „что предъ тебѣ на мысъ творитъ, скажи только: *этимъ, нотыма-ден*—сѣдальце, свершилось, такъ и будетъ; а не говори: *этимъ, нотыма-ден*, что и дѣлать, то-би не свершилось“. Снавалъ это, *Аи-не* скрылась и долге никогда никому не являлась. Поэтому-то Ульгэнъ, создавъ людей, давъ имъ повелѣніе: „*Бар немена, јок-ден айтана, бары-јок тэме, јок бар*—о томъ, что быть, не говори: „дѣтъ“; если-же скажешь: „дѣтъ того, что есть“, то и не будетъ“.

Ульгэнъ ошугилъ въ себѣ мысь и произнесъ: „*Э! јар нотисин, јар нотисин!* О! сотвори землю, о, сотвори землю!“ И земля сотворилась. Ульгэнъ, продолжая произносить: „*адында тут, адында тут!*“ взглянулъ вверхъ, произнесъ: „*Э! Тенере нотисин!*—О! Сотвори небо!“ и по слову его небо

сотворилось. Ульгэн все продолжал говорить: *«аддында тутт, аддында тутт!»* и твердил эти слова до окончания создания всех тварей. И слова эти: *«аддында тутт»* впечатались (*ягодт калды*) в человек. Поэтому человек не ходит задом, не берет назад, и все дѣлаетъ передъ собой, а не позади себя.

Такимъ-же образомъ Ульгэн создалъ въ морѣ три великия рыбы и утвердилъ на нихъ землю. Дѣл изъ рыбы поставлены по краямъ, а одна въ срединѣ подъ землею. Эта средняя стоитъ головою къ северу; когда она склоняетъ голову книзу, тогда на северѣ дѣлаются топи; если-же она сильно приклонитъ голову, то утопнѣтъ вся земля. Подъ жабы ея захвачеъ крокъ съ арканомъ, котораго концы протянуть на небо и тамъ завить на трехъ столбахъ такъ, чтобы можно было, перепуская съ одного на другой, подлигивать вверхъ или опускать внизъ голову рыбы. Этими дѣломъ управлять богатырь Ульгэн *Мандыиэре*. Когда онъ спуститъ конецъ аркана съ одного столба, то земля склоняется къ северу и дѣлаются топи, а если-бы перепустилъ со второго, то вся земля утонула-бы, какъ это было при всемирномъ потопѣ.

Во все продолженіе творенія міра Ульгэн пребывалъ на золотой горѣ, на которой сияетъ солнце и луна—*ай кунь шійэнь айны ту*. Эта гора съ неба навѣсилася надъ землею, и до земли не достаетъ только на человѣческое козлыно.

Твореніе міра продолжалось шесть дней. Въ эти дни Ульгэн творилъ, а седьмой день спалъ; въ восьмой день всталъ. Поэтому предки алтайцевъ обряды въ седьмой день утромъ совершали моленіе; мужчины и женщины, умывъ лицо и руки, прежде начали дѣла, а матери, не кормя дѣтей грудью, уставляя липомъ къ востоку; мужчины, преклонивъ оба козлына и держа обѣ руки назадъ, поклонялись къ востоку; женщины, преклонивъ оба козлына и держа обѣ руки впередъ, поклонялись къ западу и произносили: *«Проболно бурзанымъ»*, а женщины, ставъ на лѣвое козлыно и держа въ правую руку за правую косу, поклонялись также до земли и произносили: *«Тездыныи Кутам!»*

Предъ моленіемъ клали аржанъ на огонь и мѣдную кадышницу (*сеам-салыны*), утвержденную на четырехножкахъ, вышнюю въ поясъ. Когда грамотность въ народъ стала исчезать, это исполняли только старшіе и то не въ каждой юртѣ; нынѣ-же исполняется это у вожныхъ алтайцевъ только одинъ разъ въ году, въ общемъ собраніи, послѣ весенняго грома, на высокой какой-нибудь горѣ, брызгаютъ во все четыре стороны коровьимъ молокомъ и кланяются.

2) Обширность мірозданія.

Кромѣ нашего солнечно-луннаго міра есть еще 99 міровъ, имѣющихъ свою землю, свою землю и свой адъ. Въ каждомъ мірѣ свои управители и на каждой землѣ созданы люди. Главный и вѣснѣй изъ всѣхъ міровъ называется *кан-курбустан-темере*. Управитель въ немъ, поставленный отъ Ульгэна, — *Манзыян-матасы-бурсан*. Земля въ этомъ высшемъ мірѣ называется

айны теленэй. Адъ сего міра—*мансы-точірі-тамы*; главный управитель его—*Паттан-кара*. Средній изъ 99 міровъ называется *эрею курубстан темере*. Главнымъ управителемъ тамъ поставленъ *Бікмыян-кере-анту-Тюру-музакэй-бурсан*. Земля средняго міра—*айны ширка*; адъ, къ ней принадлежащій, — *топкесе-кара-тамы*; управитель его—*Паттан-кароккі* (губитель). Нашъ міръ—самый меньшій и самый низкій, *кара темере* (черное небо). Главный управитель въ немъ—*Майыере*. Наше небо имѣетъ 33 круга или словъ, одинъ выше другого. Принадлежащій нашей землѣ адъ называется *платтан-кара-тми*. Главный управитель въ немъ—*Керей-сан* (лютый).

3) О происхожденіи Эрлика и другихъ разумныхъ существъ.

Когда человекъ еще не было, Ульгэн усмотрѣлъ на морѣ плавающую, какъ льдину, массу земли и на ней приросшей слой глины, похожей на остоу мѣлука. Ульгэн снялъ отътой слой глины, какъ-бы отстригнувъ ножницами отъ плавающей массы, и сказалъ: *«что это такое бездушное? Пусть это будетъ человекъ!»* И стало такъ. Ульгэнъ назвалъ эту первую разумную тварь свою *Эрлик* (мужественный) и оставилъ его. Остальная масса, отъ коей взятъ ставъ *Эрлика*, сдѣлалася великою рыбою. Ульгэнъ назвалъ ее *исель* (таймень). *Эрлик*, осмотрѣвшись, отскакавъ Ульгэна и былъ сначала его товарищемъ и меньшимъ братомъ, а послѣ сталъ съ нимъ равняться и даже возвышались мыслію предъ нимъ и съ завистью помышлять: *«ахъ, какъ-бы я такіе-же твари, какъ ты, создалъ или еще лучше!»* И все болѣе и болѣе отдалялся онъ отъ Ульгэна сердцемъ и охлаждалъ и, наконецъ, сдѣлался противникомъ и врагомъ Ульгэну и всѣмъ его тварямъ. На мѣсто Эрлика Ульгэнъ создалъ себѣ другаго товарища, богатыря *Мандыиэре* (*ман-битъ*, быстраго, шире-престола), чтобы онъ всегда былъ съ нимъ и противоборствовалъ Эрлику. Для созданія *Мандыиэре* Ульгэнъ извлекъ изъ камня сокъ, изъ котораго сдѣлалъ металл—*куер* (смѣсь чугуна съ серебромъ) и устроилъ изъ него остовъ *Мандыиэре*, крѣчайшей камня.

Кромѣ *Эрлика* и *Мандыиэре* Ульгэнъ сотворилъ множество другихъ слугъ себѣ, поселивъ ихъ въ другихъ мірахъ. Въ нашемъ мірѣ, на нашей планетѣ, онъ сотворилъ вдругъ семь человекъ мужескаго пола и столько-же деревъ. Кости человекъ созданы изъ камня, а тѣло изъ глины. Устроивъ остовъ человекъ, Ульгэнъ дунулъ въ уши и носъ,—и человекъ сталъ живъ и разуменъ. Когда онъ дунулъ въ уши, тогда душа вошла, а когда дунулъ въ носъ—умъ вошелъ. Сотворивъ такимъ образомъ семь человекъ и, не отходя отъ мѣста творенія, Ульгэнъ обратился къ восточной сторонѣ, гдѣ находится золотая гора (*Аттын-ту*), создалъ еще одного мужчину и одно дерево и поставилъ на золотой горѣ липнезъ на западъ. Прежде, нежели дунуло въ этою восьмого человекъ душу и умъ, Ульгэнъ сказалъ ему: *«что я сотворю, добро-ли, худо-ли, ты надъ всѣмъ властивъ; кому убереть съ голоду, ты знай; кому съ стытоси умереть, ты знай; кому боль-*

ным быть, ты знай".—Создав 8 человек и 8 деревь, Ульгэн впродолжение 7 лѣтъ оставил их безъ наблюдѣн. Послѣ-же этого времени, посмотрѣвъ, увидѣвъ, что какъ было 8 человекъ, такъ и есть, а на 8 деревьяхъ выросло по семи отраслей, въ каждый годъ по одной, и сказать: „почему это такъ: дерево множитса, а человекъ нѣтъ? Тогда восьмой человекъ, поставленный на золотой горѣ, отвѣчалъ: „Тыжежъ (тыжежъ значитъ: *скаженка и женщина*) *дѣлано нѣтъ аси; не хон балымъ*!—Итъ что вырасти, когда скважини нѣтъ, какъ множитса? Ульгэн сказалъ: „при твореніи тебя и говоришь: ты знай, ты знай; кому голоднымъ быть, ты знай; кому расти, ты знай; доброе ты знай и худое ты знай; теперь ты иди къ остальнымъ семи, а я за тобой приду чрезъ три дня". Когда восьмой пришелъ къ семи, сказалъ самъ въ себѣ: „мені Ульгэн сень бѣвъ, сень-бѣвъ-темъгэн, лъды мені бѣлѣ-дамъ—ягъ Ульгэн говорилъ: ты знай, ты знай, теперь-же и буду знать, что дѣлать". И началъ творить женщины такъ-же, какъ Ульгэн творилъ его самого: изъ камыша—кости, изъ глины—тѣло. Но когда составъ этотъ сталъ у него раскалываться и разваливаться, тогда онъ сорвалъ траву *эринъ-элинъ*, измалъ ее въ рукахъ и, держа въ ладошкахъ, дунулъ въ нее,—сдѣлалася змѣя, которую онъ и обвилъ творимый составъ, чтобы не развалился. Въ это время пришла посланная отъ Ульгэна собака съ письмомъ въ зубахъ. Восьмой, взявъ письмо, прочитать: „Сеніи ады Майдере болзин оаюномъ болзин сень бѣвъ, Будь имя твоё *Майдере*; всѣмъ ты завѣдувай". На третій день, когда шелъ Ульгэн къ Майдере и когда устроившая послѣднимъ женщина была еще бездунною, Майдере послышалъ на-встрѣчу къ Ульгэну, препоручивъ собакѣ стеречь свое твореніе. Эрликъ того и ядалъ только: приплетъ къ этому неоконченному творенію, дунулъ въ носъ изъ желѣзной трубы *о семі ладъахъ (пяти костяхъ темір чочур)* и въ оба уха дудлъ, играя на желѣзномъ музыкальномъ инструментѣ *о 9-ти дзычхакъ (тоусъ тѣлду темір комуе)*, и вложилъ, такимъ образомъ, душу и умъ въ сею человека женскаго пола; но человекъ этотъ былъ не таковъ, какъ должно быть человекъ: дуна злоба, какъ змѣя, и всегда на 7 ладовъ, умъ — на 9 разногласныхъ языковъ и двобокъ — тѣло сирадно.

Майдере, не знаа этого прошептиса, встрѣтивъ Ульгэна, сказала: „ты мнѣ говорилъ: ты знай, ты знай, и по надеждѣ на это я сотворилъ человека-женщину, но души еще нѣтъ въ немъ; я пришелъ спросить: велишь-ли ты творить или нѣтъ? Ульгэн сказалъ: „иди скорѣе, бѣги назадъ". Майдере возвратился и, видя человека своего уже одушевленнымъ, сказалъ своему пританнику: „собака, такъ собака и есть! Загнѣ ты доуцетила Эрлика? Какъ онъ обманулъ тебѣ? Собака отвѣчала: „Эрликъ сказалъ мнѣ:

Ягъда суга каппае
Кышкыда сууга тобое
Тон берей;
Ийттай элбесъ

Такалу элюк берей,
Тамду агъ берей,
Антану тор ульбесин.
Тови семіре бербесин.

„Я дамъ тебѣ шубъ, которая сътоитъ отъ воды не будетъ смыхаться, живю отъ стужи не будетъ мерзнуть; дамъ тебѣ обувь съ подковками, которая никогда не изнаосится; дамъ вкусную пищу, при которой, и голодая, не умрешь, и насыщаясь, не будешь жирна".

Майдере сказалъ на то: „шуба, которую обѣщалъ тебѣ Эрликъ, это—шерсть, которая вырастетъ на шкурѣ твоей; обувь съ подковками—это будутъ когти на лапахъ твоихъ; вкусная пища, которой ты рада будешь отъ голода, это—будетъ всякая худая пища", и, проклиная собаку, Майдере прибавилъ: „питайся-же ты человѣческимъ пометомъ, изношеною и брошеною обувью, надалью и т. п.; человѣческой пищи тебѣ не будетъ отсель, и не живи съ этого времени въ жилищѣ человека, будь за дверьми его и караулъ снаружи; пусть человекъ бьетъ тебя, а ты не смѣй его оставить; если-же ты предъ нимъ провинишься, то смерть тебѣ—удавка". По слову Майдере такъ и стало, а прежде собака жила и ѣла все вмѣстѣ съ человекомъ и не имѣла ни шерсти, ни когтей, понимала ясно слова человека и сама могла ясно передавать человеку свои мысли и чувства.

Потомъ Майдере призвалъ 7 мужей и, представивъ имъ одушевленную Эрликомъ женщину, сказалъ: „кто изъ васъ возьметъ эту женщину? Въѣвъ молчали, Майдере сталъ спрашивать по одному и, взявъ одного изъ семи за руки, подалъ къ женщинѣ. Но подведенный сказалъ: „образъ этого человека иной и духъ отъ него иной, худой, несносный". Майдере подалъ другого, и этотъ сказалъ почти то-же; потомъ—третьего, и онъ отказался. Отказавшись, эти трое немедленно бѣжали и скрылись.

Между тѣмъ пришелъ Ульгэн и изъ числа четверыхъ оставшихся мужей одного назвалъ *Таринъ-Намо* и, взявъ изъ обоихъ боковъ его по дѣвъ реберныхъ косточки, тутъ-же сотворилъ изъ нихъ живую жену, назвавъ ее *Мунголайидъ*, и отдалъ *Таринъ-Тавнъ*.—Потомъ Ульгэнъ сказалъ всѣмъ живымъ существамъ: „кому какия травы, мхи, ягоды и другіе плоды вѣряться, тотъ то и ѣшь". А Майдере сказалъ ему: „что захохотъ творить, съюта-ли, вѣрять-ли, лодей-ли, яндо, меня не спрашивай, самъ твори", и ушелъ на золотую гору Ахтия-ту, превратительно дамъ имена изъ остальныхъ трехъ мужей одному—*Тидимъ-нинъ-бурганъ*, другому—*Шимъ-менъ-бурганъ* и третьему—*Тонгину-бурганъ*, оставивъ ихъ при себѣ писарями и помощниками.

Ульгэнъ отправился также на золотую гору и видѣтъ тамъ сидящихъ и читающихъ его книги трехъ мужей, которые убжали сюда, не стерпѣвъ худого запаха женщины, оживленной Эрликомъ. Они такъ обложили себя книгами, что головъ ихъ не видно было. Ульгэнъ полюбилъ ихъ и, замѣтивъ, что одинъ читаетъ лучше другихъ, сказалъ ему: „пусть имя твоё

будет *Тенкара*; ты будешь хранить души умерших и, не давая их Эркину, будешь караулить до конца века". Другого из них назвать *Шан-дима* и сказать: "ты будешь хранителем детей человека и животных; будешь их учить сосать, чтобы сосуньи не захлебывали молоко; будешь хранить птенцов; у птиц и животных к воспитанию не можешь быть траву; будешь пьяных людей оберегать, устаревших и дряхлых хранить от падения; ты будешь вразумлять людей на доброе и отвращать мысли их от зла". *Шан-дима*, исполнив свою должность, начует людей, между прочим, так: "если тот, кому ты должен, умереть, — не радуясь, что он умер и не думая, что ты освободился от долга и что умерший не может взыскать долгов. Если он во гробах умрет, то *Тенкара* пошлет тебя к умершему гробнику на расплату в *аминны оронто* (преисподний мир), где он будет находиться; а если замоданец был праведник, и душа его взята будет из *аруну сдоонь* (место, где жили первые люди, где хранятся души умерших до обинаго суда) в *кумонь* (место, окружающее *Алтын-ту*, на — вершину которой находится престол Ульгяна), то *Тенкара* и туда пошлет тебя на расплату; но дойти туда не сможешь, — путь туда через топи и болота; ты будешь тонуть и мучиться, и когда, утопая в болотах, будешь лежать, в тебя попыются и будут сосать твое *сары манис сорор* (желтые, быстро скачущие гады, широтно, саранга)". Третьего мужа Ульгянь называл *Пурдо-Сомко* и сказал ему: "когда будут войны, ты там будешь; кто нападет на свои силы и будет выходить против слабых с горделию, того д'зай победимым, а кто с надеждою на Бога выйдет, хотя и безсильный, тому помогай и д'зай победителем". Торговцев людей и других проходивших сохраняй от разбойников; промышленников защищай от лютых зб'рей; плавающих людей сохраняй от рыб и морских чудовищ и всех людей оберегай от напастей и бд'д. Злых людей отб'жай: у жена на конь языка утверждай ячменное зерно; на верхушке головы вора ставь зажженную свечу".

4) Ссылка Эркина, его нападения на человека; виновность человека и осуждение.

Майдере велеть своим помощникам написать и отнести к Эркину приказ: "приди и самь возьми твою женщину и уйдь с нею и народом ей прочь отсюда, а если не возьмешь, то ее и тебя сошлю в землю, лежащую между двумя морями, где не св'тит солнце и не доходит св'тъ луны". Шиль-мине отнес этот приказ. Эркинь отв'чал: "Разв' я сотворил этого человека? Я только пробовал, что будет с ним, если я дуну в него; дунуть, — и он ожил, а сотворил его не я, а потому и не беру его. Пусть Ульгянь отдаст мн' из сотворенных им друг его человека, тогда я согласен взять". Майдере, получив такой отв'тъ Эркина,

собрал всех людей, народившихся от жены, одушевленной Эркином, и пропалт ее со всеми домом и самого Эркина в землю, находящуюся между двумя морями, где не св'тит ни солнце, ни луна.

Хитрый Эркинь возвратился из места заточения подземным путем и, вышедши на поверхность земли к людям, хот'я създать *окурруй* (мах, каким ловят рукою мух) и схватить души живущих людей и унести. Но Ульгянь, предвидя это, прежде его пришел в *аруну-сдоонь* к людям и громко воскликнул: "жой!" и этим однозвучно, неоднократно кляпом назвал всех по имени так, что все услышали, и все в один раз откликнулись ему: "А!" Ульгянь протянул руку и за один мах схватил в горсть свою души всех людей, създав *окурруй*, и унес на Алтын-ту. Эркинь, пришедши съ нам'реніем взять души людей, видит, что все он уже в руках Ульгяна и не мог завладеть ник'мь. Ульгянь, опять пришедши на Алтын-ту, въ сопровожденіи Майдере, пропалт Эркина, сказав: "Пусть сауга Эркина ни уможаются, ни умьняются до конца века." Эркинь, возвративши ни съ ч'мъ и види, что его народ не прибывает, въ конец одобялся за то на Ульгяна, пришесть оинт въ его м'ръ и на каждом дереве и плодovitом растеніи к находящимся людям прибавил наполовину своихъ такихъ-же плодовъ, сказавъ: "кто мои ягоды будетъ есть, тотъ меня будетъ есть, и я буду входить въ твои челоуки". Кроме того Эркинь произрасталъ одно дерево съ плодами и сказалъ: "Сколько людей ни ч'мъ-бы плодовъ съ моего дерева, все будутъ мои". Майдере, пришедши отъ Ульгяна съ Алтын-ту чрезъ три года посмотреть людям, видит, что все деревья повредены Эркиномъ и что насаждено имъ новое его дерево, началъ признавать собаку, но собака не саушалась. Майдере самъ пошелъ звать своихъ псарей и, не дойдя еще до нихъ, окричалъ, — они тотчасъ явились. При ихъ помощи Майдере согналъ со всехъ деревьевъ, насаженныхъ въ видъ плодовъ, сауга Эркиновыхъ и, звавъ посаженное имъ дерево, вб'сѣлъ съ нимъ прогнавъ всехъ въ ихъ мрачную страну, между двумя морями. Предъ этимъ прошествиемъ, Майдере приказалъ ж'нью, чтобы она хранила его чернышью, заткнувъ собою. Прогнавъ-же Эркина со слугами и возвративъ, Майдере напелъ, что ж'нй дежитъ, какъ и прежде на отверстїи черныша; но, посмотр'въ въ нее, увид'въ, что она пуста и спросилъ ж'нью: "Кому ты отдала черныша?" Ж'нй сказала: "Жена Таргын-нама взяла, сказавъ, что ты приказалъ взять". Майдере, признавъ жену Таргяну, спросилъ: "Ты-ли взяла черныша?" Она отв'чала: "Мужъ мой вел'лъ взять по твоему приказанію, и я взяла и отдала ему". Майдере спросилъ Таргяна, и тотъ отв'чалъ: "Н'тъ, жена сама мн' прислала", и такимъ образомъ жена и мужъ слагали вину другъ на друга. Это произошло отъ того, что жена съзла ягуду съ дерева, известнаго въ Алт'з подъ именемъ *яунчи* (ягода жены), прозрачную Эркиномъ. Съ ягудою имелъ въ нее *курмессе* (злой духъ) и представлялъ ей образъ мужа, вел'вшего взять черныша и принести къ нему. Майдере, обративъ къ ж'нью, пропалт его, сказавъ:

„Кось курьбес очолорог тускичлау болзын.
 Кукуи бакшида чокун-тэин,
 Сангысан куйругуу угун-тэин,
 Тезьлэин сепи тези-тэин,
 Итэ каб-орбодо үзе согул-тэин,
 Кимди туштаза, бакшиа соксын,
 Теренди солызы,
 Эди миридал-итсын,
 Куньге кадын-калызы“.

„Ты будь для всех людей отвратителем и страшен так, чтобы глаза не глядели на тебя; пусть воронь клюет твою голову, пусть собака отрывает и съедает хвост твой, пусть коршунь тебя подхватывает и съедает; собака, разрывая тебя пополам, пусть хлещет тобою на бегу; если встретишься с человеком, пусть онь бьет тебя по голове; пусть снимает с тебя кожу на-выорот, и тыло твое пусть дежит, изнавая, оть солнца изымает“.

Потомь Майдере иреккэ человекку:

„Ар икин кату болзын
 Коксон чометьгу болзын,
 Сенен чихкан бакларин уурчи, дукачи болзын,
 Тюгучи, яман-санаула болзын,
 Бйлау эрду чихахалын-торзин,
 Кутай, кылинчекту-деп курьбес болзын,
 Бйя пуруду деп, курьбес болзын,
 Уфу согончи саягу болзын,
 Кобитин кожогду болзын,
 Икчи тигини аш болбозын кей болзын,
 Кытэини леп болбозын“.

„Вся дьла твои пусть будут для тебя трудными; внутренности твои пусть будут халотными; оть тебя проеходящи дьти пусть будут воры и плуты, жещи, злоумышленники; пусть живут на землэ подначальственной и терять наказания; пусть Бог милостиво и не ирекает на вас, а такь, какь на виновных, все члены твои пусть узнают болзени, и глаза твои пусть имьют болзени, пиша тебь пусть будеть не в сытость и здорье, и оджежа—не в красоту тебь“.

Потомь сказалл жонь:

„База табарда уч улу угру тапсын,
 Пуурунта чомет уру табызын,
 Энко тюрөгандэ туюдул уру табызын
 Эвезин узользе, улу берин,
 Узольбей калла чагырыл-алгын“.

„При рождении дьтей три сильныи болзени пусть схватят тебя, въ печени твои пусть приключается чалотка; въ легкомь и сердци пусть вселиется боль сь кашлем; если внутренность твою прорвется, то умри, ежели не изорвется, то роди, но сильнэе всьхь болей пусть будеть это дьторождение“.

Изрекни эти проклятия виновнымь, Майдере выгналл ихь изь Аруунь-сэдонь въ другую землю, знойную, гдэ неть ни деревень, ни камней и никакой тьни. Помошники его остались въ Аруунь-сэдонь, а самь онь ушелъ на Алтынту, къ Ульгэю.

5) Первая пища человекка по изгнании его изь Аруунь-сэдонь; вражда сь животными; происхождение огня, супружества и смерти.

Когда человекь былъ высланъ изь Аруунь-сэдонь въ знойную землю, Ульгэин показалл ему все травы и плоды, годные къ употреблению, сказалл: „Пробуй и њш, что тебь нравится“. Таргын-нама, отвьдавъ всякия растения, травы и плоды, нашелъ, что все они питательны. Вь продолжение дьта, пока человекь питался свьжими плодами и растениями, былъ онь свьжъ и здоровъ; осенью-же, когда трава стала засыхать, и человекь началл сохнуть, такь что первую зиму провелъ едва живой. На другой годь человекь, наученный горькимь опытом, сталъ готовить къ зимь свьжие плоды и зелень. Когда настала зима, къ его запасу стали сходиться разныя животныя; человекь, видл, что запасъ его скоро истребится, сталъ отгонять ихь и, не давая њсть, началл бить ихь палками. Обиженные зибри и скоты, пригласивъ птицъ и рыбъ, принесли жалобу на человекка Ульгэю. Ульгэин, чтобы расудитъ животныхъ сь человекомь, собралъ всьхь къ Таргын-намь и, выслушавъ жалобу и объяснение, сказалл: „Рыба и птици пусть њдятъ, что имь угодно; вы, животныя, њйте траву; а ты, человекь, њшь сьжманной хльбъ и мясо животныхъ; что потребно для животныхъ, ты не бери, а что потребно человекку, вы не берите; ты, человекь, убивай ихь, снимай сь нихъ кожи и отдавай ими, а мясо вари и њшь“. По этому суду животныя сь болыною отдавались оть человекка и стали враждовать противъ него.

Пока человекь питался травой и плодами, онь не имьлъ нужды въ огнь и не зналъ его. Послеь определения человекку иной пици, Ульгэин досталъ своему рукою сь неба два камня, бьлый и черныи, взялъ листь сухой травы и въ ладоняхъ взявалъ его, потомь, положивъ траву на одинъ камень, ударилъ другимь, огнемь вылетьл искры, и трава загорьлась. Разведши такимь образомъ первый огонь, Ульгэин, указавъ на него, сказалл: „Бу оть адамжин кучурин ташка тюрки-жан оть—огонь этотъ есть огонь, соощившиися камню оть силы жого отца“.

Вскорь люди и животная весьма размножились, а смерти еще не знали, и если бы долге оставались так, то было бы глшо на земль. Поэтому *Ира-Чечень*, слуга Ульгэня, былъ посланъ отъ него къ людямъ, чтобы, собравъ ихъ въ одно мѣсто, объявить имъ опредѣленіе—*яра* о концѣ жизни. *Ира-Чечень*, пришедши къ людямъ, вошелъ въ одну избу, гдѣ много было дѣвицъ. Лишь онъ вошелъ, все захохотали, потому что видъ его былъ чрезвычайно смѣшной. Тогда *Ира-Чечень*, осердись, сказалъ: «Меня Ульгэнь посылаетъ для того, чтобы всѣхъ назначить предѣлъ жизни, а вы насмѣхаетесь надо мной, за это вотъ что будетъ съ каждою изъ васъ:

«Кара бурун пашха болзын,
Кара ятта салаган болзын,
Эреонь бараан эді себян болзын,
Эне аданин эжігылэ Осълѣ,
Кабырганын саныгы, каранын кулды
Кень сезін-ол болзын,
Кедегин экм-айры болзын».

«Черная печень твоя пусть будетъ нямъ,
Вовсе на чужбинѣ пусть будетъ умъ твой,
Черное узорочье къ глзу твоему пусть будетъ приданнымъ,
При двери отца-матери не заростаи,
Обломокъ ребра, жеребушка старого коня,—
* Придаточное слово о тебѣ пусть будетъ это.
Коса твоя пусть будетъ раздвоенною».

Съ этого времени умъ и сердце дѣвицы измѣнились: онѣ стали выходить замужъ и отходить отъ родителей, а прежде все жили вмѣстѣ и плодились, какъ животная, не разбирая никакого родства и не зная законнѣ супружества.

Ира-Чечень собралъ всѣхъ тварей и назначилъ всякому роду свой вѣкъ. Рыбамъ опредѣлено жить долге всѣхъ тварей—до 800 лѣтъ, и что бы изъ каждой рыбы выходило по 800 рыбокъ за то, что онѣ оказались невинными въ судѣ противъ животнаго, т. е. не ѣли его запаса.

Ира-Чечень, разсудивъ, что, если тварю не увидитъ умирающаго, то не будутъ знать, какъ умирають, и потому счелъ нужнымъ показавъ имъ смерть на опытѣ. Онъ взялъ саблю и, ударивъ человѣка по шеѣ, отсѣкъ ему голову; но человѣкъ еще не умеръ и ходитъ на ногахъ; потомъ отсѣкъ ему обѣ ноги по коленную,—человѣкъ поймавъ руками за землю; наконецъ, отсѣкъ ему обѣ руки, и тогда человѣкъ уже умеръ—*улады*.

До этого опыта между людьми не было ни раздора, ни дракъ, а посты они стали имѣть между собою злобу, вражду и убійства.

6) Миръ Эрлика; брань Мангдышире съ нимъ и его силою; низверженіе Эрлика и слугъ его съ неба на землю и съ земли въ преисподнюю.

Эрликъ, будучи посланъ въ землю между двумя морями, гдѣ не свѣтитъ ни солнце, ни луна, снова пришелъ къ Майдере и спрашивалъ его, дозволятъ-ли онъ ему создать себѣ въ своей области свое небо и свою землю. Майдере позволилъ, сказавъ: «Область—твое, мы тебѣ отдали ее по влady; дѣлай тамъ, что хочешь». Эрликъ, возвратясь, устроилъ свое небо и землю перестроилъ, но, такъ какъ его народъ былъ лишены возможности умножаться, то новый миръ Эрлика былъ пустъ. Эрликъ пришелъ къ Ульгэню и сказалъ: «Я сотворилъ себѣ новое небо и устроилъ землю; позволю мнѣ наполнить ихъ жителями—*аданям* (миръ, народъ)*. Ульгэнь, знай, что у его слугъ отнять возможность умножаться, подсмѣивался надъ нимъ, сказалъ: «Пошли, наполни». Эрликъ, посѣбно поклонясь, сказалъ: «Пусть будетъ благословеніе твое на мнѣ!»—и ушелъ.

Возвратясь въ свою область, онъ сдѣлалъ себѣ молотъ, наковальню, мѣхъ, клещи и все кузнечные снаряды, раскалилъ желѣзо и сталъ бить молотомъ, и какъ только онъ ударитъ, тотчасъ выскочитъ *курюмьсэ*—бѣсъ (*нуртак-неме* или *кара-неме*) отъ каждого удара. Такимъ образомъ наковаль онъ множество духовъ—слугъ себѣ, что Ульгэню было непріятно. Богатыри Ульгэня, Мангдышире пошелъ посмотреть строеніе Эрлика, и при немъ Эрликъ сотворилъ трехъ животныхъ: медвѣдя, барсука и крота. Мангдышире пренятывалъ ему творить этихъ вредныхъ животныхъ; за это Эрликъ приказалъ своимъ двумъ богатырямъ *Керей-сану* съ мѣдинымъ переносомъ *Фэс хоньмару Керей-хан*) и тонкогуловинному наблюдателю *Караому* (*чичасьню бэй Керей*) прогнать Ульгэнева богатыря Мангдышире.

Потому они стали звать съ Мангдышире, пустили на него огонь, опалили у коня его гриву и хвостъ, и у самого его—волосъ и рѣсницы. Мангдышире вскакалъ въ шхъ стрѣлы, но, будучи ослѣпленъ, не могъ побѣдить и обратившись къ Ульгэню, разсказалъ все, что видѣлъ и что случилось съ нимъ, говоря: «Эрликъ сотворилъ медвѣдя; этотъ звѣрь силенъ и блудливъ; еще—барсука, этотъ земно портитъ, и крота, который портитъ дорожки, такъ что скотина будетъ протупаться и ломать ноги, и все дѣлаетъ вредное; если дать ему волю, то онъ еще хуже что-нибудь сдѣлаетъ». Ульгэнь сказалъ: «но-что ты пошелъ къ нему, не спросивъ меня, и не взявъ силы отъ меня? Пошли, а тебя посылаю, и какъ только скажу—пойди, такъ ты немедленно и ступай». Потомъ Ульгэнь махнулъ рукою и сказалъ: «иди!» Мангдышире выигъ пустился. Ему такъ стало легко, что, въ стремленіи, онъ едва не улетѣлъ къ нимъ прежде коня своего. Богатыри Эрлика встрѣтили его войной, но онъ смѣло поразилъ желѣзомъ Керей-хана и низвергъ

сь неба, потом тоже съдвѣять и съ Бй-Карамент. Наконепт, Эрликъ вышетъ самъ противъ него. Манды-шйре проиняетъ Эрлика изъ правое плечо желтзомъ, прошедшимъ насквозь въ лѣвое бедро и, приподнявъ, свергнуть его внизъ на землю и строение его разрушить. Слуги Эрлика, какъ градъ и дождь, посылались всѣгда за нимъ и пали: иной въ воду, и оинъ сталъ *су-эзи* (воляной), другой—на камень и сталъ *тани-эзи* (хозяинъ камней), на гору—*ту-эзи* (горный), въ лѣво—*аши-эзи* (лѣвой), на донтъ—*уй-эзи* (домовой), на скота—*мал-эзи*, на ровную землю—*эри-эзи*, на звѣрей, рабы, птицъ и на все живущее и существующее; кто куда попалъ, тому и хозяинъ сталъ. У Караша, при падении, изломалась спина и ребра, и онъ удержался только въ кожѣ, какъ мѣшки, потому и называется *Чикъсанду*. Эрликъ просилъ носъть того у Ульгъна мѣсто на землѣ во владѣние, говоря: „ты лишилъ меня моего дарства, по крайней мѣрѣ, дай мнѣ на этой землѣ одну равнину (*кообы*)“. Ульгънъ сказалъ: „нѣтъ тебѣ ни одной дугвинки“. Потомъ Эрликъ просилъ мѣсто съ десятину—*кразым*. Ульгънъ и въ этомъ отказалъ; затѣмъ просилъ въ квадратную сажень—*кшани*, и въ этомъ получивъ отказъ, просилъ съ четверть аршина—*карым*, и того не дано. Наконепт, Эрликъ просилъ, чтобы Ульгънъ далъ мѣсто столько, чтобы онъ могъ поставить конецъ своей пали. Ульгънъ на это согласился. Эрликъ, взявъ свою палу, воѣ забралъ ее въ землю, потомъ выдернулъ ее, и выгнѣвъ съ тѣмъ произвелъ изъ земли кабана, схватывающагося за палу зубами, за его хвостъ державшагося змѣю, за змѣю прицѣпившагося лягушку и множество другихъ нечистыхъ гадюкъ, одну за другою прицѣпившихся. Вытнувъ изъ земли такую цѣпь гадюкъ и предвѣщихъ животныхъ, сказалъ: „если вы будете враги человѣку“. Ульгънъ, видя то, сказалъ: „если-бы дать ему больше мѣста, онъ съдвѣять-бы еще не стѣно“, разгнѣвався и свергнуть Эрлика съ его силою въ преисподнюю, сказавъ: „дѣлай такъ, что тебѣ угодно“.

Тогда Эрликъ сказалъ: „ты меня и моихъ слугъ свергнуть съ неба на землю; они пали на 43 равная мѣста: на утесы, горы, воды, огонь, людей, звѣрей, скотъ, лѣсъ, желтзо, поле и проч.; теперь, хотя ты и съ земли меня низвергнуть съ имени, но изъ памяти тѣ мѣста на землѣ, на которыхъ они упали съ неба; они ихъ стали, — ты-же, вѣдь, на нихъ низвергнуть ихъ. Поэтому, я буду послать 43 рода своихъ слугъ *Аткерей* (духи, производящие папасты), и они будутъ дѣлать вредъ на этихъ мѣстахъ и гнѣснить людей на смерть, и каждый *Аткерей*, зная свое мѣсто, на которое упалъ съ неба, будетъ упираться съ людьми по-своему, какъ хозяинъ мѣста, будетъ доводить до смерти и умершихъ такъ-же ко мнѣ“. Такимъ образомъ, несмотря на предположение Ира-Чочина, кому, когда и какъ умереть, *Аткерей*, дѣлая вредъ людямъ на каждомъ мѣстѣ, стараются ускорить смерть, а Тынгалынъ-Алданъ или Уемеки (ангелъ смерти), слуга Эрлика, извлекаетъ души изъ умирающихъ.

7) Тюрюнг—Музыкаль; происхождение разноцвѣтныхъ камней и насъбокыхъ.

Когда Эрлику не удалось съдвѣять *он-край*, онъ, чтобы излить свою злобу, сотворилъ въ морѣ чудовище нечистого духа, называемое *Андалма-Муус*, которое вытнвало какъ изъ моря и, схватывая людей, пожирало. Манды-шйре, Тюрюнг-Музыкаль и Майдере, богатыри Ульгъна, видя то, согласились убить Андалма-Мууса. Тюрюнг-Музыкаль сказалъ: „никто сильнѣе меня не найдетъ и не побѣдитъ Андалма-Мууса!“ Сказавъ это, онъ сошелъ съ неба на землю, съдвѣаясь человѣкомъ, родившимся отъ дѣвочки *Эркъ-Шудомъ*, и называвъ *Тимаа-Тюрюнг*. Эркъ-Шудомъ была дочь *Чунтана* и его жены *Шааданай-коо*, изъ сеока (рода) *Кшани*. Когда Тюрюнгъ былъ еще не большимъ мальчикомъ и бѣгалъ по морскому берегу, Андалма-Муусъ, вытннувъ языкъ, схватилъ его и хотѣлъ угнать, какъ и другихъ. Но Тимаа-Тюрюнгъ схватилъ его самого за языкъ и такъ сильно потянулъ изъ моря, что земля потрусилась. Чтобы не потопить землю, Т.-Тюрюнгъ началъ пить воду изъ моря и столько выпилъ, что ноги А.-Мууса стали на-виду. Т.-Тюрюнгъ, схвативъ его за ноги, вытащилъ изъ моря и такъ сильно ударилъ о камни, что кровь брызнула, и внутренности его, разлетѣвшися, обгарили всѣ камни. Отъ этого камни и съдвѣались разноцвѣтными. Потомъ Т.-Тюрюнгъ, соизувъ оставъ А.-Мууса, какъ дугъ (т. е. въ дугу), и вынувъ ножъ, изстругалъ его на мелкія стружки. Оттого съдвѣались разные черни, мошки, пауки, комары *), саранча и другія насъбокыя.

Тюрюнг-Музыкаль, хотя былъ человѣкомъ и ходилъ по всей землѣ, но никто не зналъ, кто и откуда онъ. Когда же онъ пришелъ въ Китайскую землю къ хану *Мерлэдий-теджи-коо*, тотъ узналъ его и сказалъ объ его происхожденіи, т. е. что онъ правитель средняго изъ 99 мировъ. Тимаа-Тюрюнгъ сказалъ ему: „во всѣхъ дарствахъ я былъ, и никто меня не узналъ; оинъ ты узналъ меня. За это, въ благословеніи отъ меня, нусть забудетъ имя твое *Тюлькь-састы-Эден-ноуду* (Китайскій императоръ и донынѣ алтайскія называется *Эден-ган*). Но смотри, чтобы съ тобой никто не воевалъ, и ты янъ съ кѣмъ не воюй и не имѣй связи съ другими землями. Когда будетъ война на другихъ съ царствомъ твоимъ, тогда бѣзавъ будетъ кончина вѣсар! И отдавъ ему книгу о происхожденіи міра, полученную отъ небесныхъ писарей Тидынъи Шагынъи и Топшуну, составленную Майдере, удалился, неизвѣстно куда.

*) Материны коваровъ принаются также птицы, которыя кричатъ на подобіе кукушки, съ тѣмъ выдвѣлять, что звуки ихъ состоятъ изъ трехъ слоговъ. Алтайцы называютъ этихъ птицъ или старыми кукушками, или кукушкинъ-завками и утверждаютъ, что сколько разъ крикнетъ эта птица, столько развѣтъ вымрутъ коваровъ. Царскій крикъ кукушки-завкъ-бы подтверждаетъ неизвѣстные обряды коваровъ въ Сверхномъ Алтай.

8) О всемирном потоги.

До потопа (як) парем всеи земля бытъ хант. *Темь* (море). Въ шествование его быдъ славецъ по всеи землѣ челоуѣкъ, по имени *Нама*, которому Ульгънъ велѣтъ построить *кереи* изъ лезера *авира-садан-анаи* (испытанное сандальное дерево). Нама приказалъ своимъ тремъ сыновьямъ: *Соозун-ууду*, *Сар-ууду* и *Балыксъ* строить *кереи* на горѣ. Нама быдъ слабъ зрѣніемъ; поэтому, при строеніи керепа, распоряжался старшій сынъ его. *Кереи*, по повелѣнію Ульгъна, изнутри и снаружи обклали берестой со смолою; къ угламъ и стѣнамъ его Нама велѣтъ привазать 8 веревекъ, длиною по 80 саж., съ чугунными кружками на концахъ. Соозунъ спрашивалъ Наму: „для чего эти веревки?“ Нама отвѣчалъ: „мы узнаемъ по нимъ, сколько будетъ сутокъ, когда поднимется вода на 80 саж.“ Когда *кереи* быдъ построены, Нама собралъ всехъ людей, кого онъ любилъ, ибо такъ Ульгънъ сказалъ ему: „кого ты любишь, того возьми съ собою,—и все живое и дышащее, живущее на землѣ, и птицъ летающихъ“. Когда Нама съ своимъ семействомъ и друзьями своими вошелъ въ *кереи*, тогда приступили къ нимъ множество животныхъ. Нама приказалъ принимать приходящихъ звѣрей и птицъ въ *кереи*. Соозун-уудъ спросилъ: „вотъ здѣсь пришла зѣбра, позволишь-ли принять ея?“ Нама сказалъ: „всѣхъ принимаю, кто бы ни былъ, кто только уѣхать не хочетъ, кто только пожелаетъ за *кереи*“. Потомъ Нама спросилъ находившихся въ кереи: „звидите-ли что нибудь?“ Ему отвѣчали: „туманъ и тьма по всей землѣ“. Тогда изъ подземныхъ яздъ вода прорвалась и начала высвѣивать изъ ручьевъ, рѣкъ и морей и устремилась на землю. Съ неба полилась также вода. Когда *кереи* поднялся на 80 саж., а вода все прибывала, то веревки оторвались отъ привязаннаго груза, и *кереи* началъ плавать. Нама сказалъ: „вотъ уже седьмая сутка“. Когда минуло 14 сутокъ, тогда Нама приказалъ Соозун-ууду открыть *туунукъ* (труба или окно вверху свода) и посмотрѣть. Соозун-ууду, исполнявъ приказаніе, сказалъ: „все затоплено водою, только видны одиѣ вершины горъ“. Черезъ вѣсколко времени Нама еще приказалъ Соозун-ууду открыть туунукъ. Соозун-ууду, посмотрѣвши во все стороны, сказалъ: „ничего не видно, только небо и вода“. Наконецъ, кереи остановился на двухъ горахъ, близко стоящихъ одна къ другой: Чомолой и Тузутты *). Тогда Нама самъ открылъ туунукъ и вынулъ воровъ. Воронъ не возвратился. На другой день Нама вынулъ вору и она не пріѣзжала, въ третій вынулъ сороку, но безъ пользы; въ четвертый вынулъ голубя. Голубь при-

*) Южные вѣтаны отговаривались конемъ признавать своей мѣстности, указывая даде на указанный будо-бы обложокъ отъ коня на горѣ близъ устья р. Чивада. Напротивъ, северные вѣтаны утверждали, что конемъ обоихъ на сивной вершинѣ *Уау-данъ*, гдѣ видны (очами воображенія) огромные топи отъ коня.

летѣтъ обратно и принесъ березовую вѣтку. Нама спросилъ голубя о прежде-выпущенныхъ птицахъ. Голубь отвѣчалъ: „воронъ нашелъ марала (лось), завязаннаго въ каменьному ущелью, и класть глаза у него. Воруна нашелъ собаку и класть ей *кодъи* (задняя часть). Сорока нашла коня и класть хребетъ его“. Тогда Нама, проклявъ этихъ птицъ, сказалъ: „что теперь они дѣлаютъ, то пусть дѣлаютъ до конца вѣка: воронъ пусть класть глаза у паншей скотины, ворона—*кодъи*, а сорока хребетъ пусть класть. Ты-же (голубю), мой вѣрный слуга, благословляю тебя до скончанія вѣка жить вѣдѣть съ моими потомками—*менемъ калани калдыкъ была калани чана этре кожо юртаны-бедъ*“.

Послѣ потопа Наму изъ благоздрности и уваженія стали звать *Янчи* (воронецъ). По смерти его, потомки стали приносить ему жертвы. Сыновья его получили въ благословеніи отъ Ульгъна другія имена: *Томумъ*, *Шуаля* и *Туръ* *).

9) Происхожденіе шаманства; раздѣленіе языковъ и опредѣленіе безбрачства.

Послѣ потопа Балыксъ захворалъ и призвалъ къ себѣ челоуѣка, по имени *Тямару*, заставивъ его камлатъ. Обожъ изъ Эрлигъ сказалъ Балыксъ: „ты будъ слуга Эрлигу, потому что ты не мѣтъ приносить жертву, и послѣ смерти ты пойдешь къ Эрлигу“. Тямгара сказалъ въ отвѣтъ Ульгъно: „покажи, и я тебѣ такимъ-же образомъ буду приносить жертву, какъ Эрлигу“. Ульгънъ сказалъ ему: „отнынѣ будешь имя твое *Кам*. Кто будетъ попражтатъ тебѣ, тотъ не будеть имѣть богатства на землѣ“. Другихъ двухъ сыновей Намы, Соозун-ууду и Сар-ууду, Ульгънъ благословилъ и сказалъ: „отъ васъ произойдетъ народъ благоразумный, книжники и пророки, цари и ханы, и Соозун-ууду и возмужу къ себѣ на небо“. Обратившись къ Сар-ууду, Ульгънъ продолжалъ: „я пошлю вамъ пары съ неба. Они будеть паръ шарей, сила его будеть велика, никакой богатырь его не одолѣетъ, имя ему будеть *Калдан-каан*. Онъ не будеть воевать противъ шарей. Все шарей безъ войны ему покорится. У него будеть три богатыря: *Тамалло-ай-бербесъ-танъ-неко* (море-сплать, не поддающийся внезапному нападенію), *Таму-тилъ-не-паатаръ* и *Тенен-ула-паатаръ*“.

*) И донынѣ бѣгиче и кузнецкіе инородцы ежегодно приносятъ Наму, подъ именемъ *Ян-лока*, къ жертву бѣлую оленю, преимущественно весной, на высокой горѣ; также при всякомъ шаманствѣ молится ему, чтобы проважалъ въ Ульгъно. Въ 40-й день послѣ чѣй-либо смерти, Ян-ханъ приваживаетъ для ошней юрты, при чѣмъ въ постѣяхъ умершаго приваживается вѣтухъ, изображавшій смерть, и изгоняется шаманомъ; оттого вѣтухи инородцами не употребляются въ пищу. Еще приваживтъ Ян-ханъ въ томъ случаѣ, если не везется *свотлани*, або широды идурутъ, что умершеи языкъ растопыши упадетъ спотъ съ собою въ вѣдше жертвнхъ, отуду Ян-хантъ, при жертвоприношеніи ему, отпавляеть и выгоняеть его потонимъ.

Когда Нама-Яичи был в глубокой старости, жена его советовала ему умертвить всѣхъ людей и скотъ, спасенный имъ во время потопа, для того, чтобы они прежде ушли на тотъ свѣтъ, чтобы тамъ было надъ кѣмъ ему властвовать. Частые советы и убеждения жены поблѣтновали на него, онъ смутился. Соозун-ууль, зная объ этомъ, не свѣтъ давать совѣта и прямо охуждать злой совѣтъ матери, а пришелъ къ отцу своему и сказалъ: „И видѣть черно-синюю корову, почти совсѣмъ свѣшную человека, только ноги его видны останутся“. Яичи поналъ эту притчу, звалъ мечь, разсѣвъ жену по-поламъ, съ головы до ногъ, и, сказавъ Соозуну: „я и тебя возьму“, самъ ушелъ на небо. Черезъ три дня Соозун-ууль проналъ, а одежда его, какъ была на немъ надѣта, такъ и осталась: ни поясъ, ни завязки не развязались. Яичи поставилъ его соизвѣднѣ изъ 5-ти звѣздъ, а самъ служитъ посредникомъ между Ульгичемъ и людьми, разнощникомъ его благословеній и избавленій.

По отшествіи Яичи на небо, выросъ гѣбъ на обращенныхъ къ сѣверу скатахъ горъ—*ари*; народъ размножился и наполнилъ землю; всѣ говорили, впрочемъ, однимъ языкомъ. Люди, боясь потопа, вадумали сдѣлать гору. Богу это было непорочно. Онъ посылаетъ сильныя бури, такъ что и люди и камни сбрасывало сверху горы. Но они не унимались и продолжали создавать, расположившись въ 77 станахъ вокругъ горы. Тогда человекъ, по имени *Тивар*, сказалъ народу: „вы великое зло дѣлаете предъ Богомъ; я не согласенъ дѣлать гору“, и, сказавъ это, ушелъ, непозвѣстно куда, такъ что никто его послѣ не видѣлъ. Наконецъ, самъ Богъ сказалъ имъ: „вы не послушали меня и Тивара, коего я послалъ, за то вы будете говорить разными языками“. Какъ скоро Богъ сказалъ это, въ каждомъ изъ 77 становъ люди стали говорить совсѣмъ особеннымъ языкомъ, вовсе непонятнымъ для другаго стана. Не понимая-же словъ другъ друга, бросили они работу и разошлись, куда глаза глядятъ. Отъ этихъ 77 становъ произошло 77 народовъ. Тогда Эрликъ опредѣлялъ отъ себя къ каждому изъ 77 народовъ по одному особому эткерю и по одной особенной бѣлзани, чтобы каждый народъ могъ осматривать у Бога и прилагать къ себѣ особеннымъ, по его свойству и языку, способамъ, и такимъ образомъ завладѣть всеми народами. Богъ, видя это, далъ 74 народамъ грамотность и средства уничтожать дѣяствія приставленнаго въ каждому изъ нихъ эткера, а тремъ народамъ: сойндамъ, калмыкамъ (*аржаки*) и чернымъ татарамъ (*тугда*) не далъ, потому что они приняли отъ Эрлика бубенъ и камалыне. Богъ имъ сказалъ: „у васъ есть камни вмѣсто лекарствъ и лекарей и бубенъ—вмѣсто книги; какъ хотите, такъ и вѣдѣйте съ своими эткерями“.

10) О Тенгере-Тедьгечи (небоважкочителѣ).

Въ давній времена, когда однако-же образовались уже царства, жила на землѣ Тегер-Яичи. У него было три сына: *Тенгер-Тедьгечи*, *Тере-Керелты*

и *Шар-Жалты*. Въ то время всѣ народы ходили два раза въ годъ на горы и молились по своей вѣрѣ Богу, а Т.-Тедьгечи былъ съ ними не согласенъ: онъ писалъ на бумагѣ ученіе о вѣрѣ по-своему и спорилъ съ народами, говоря, что не слѣдуетъ такъ молиться, какъ они дѣлаютъ, что ихъ вѣра не правая, что вѣра истинная есть та, о которой онъ пишетъ.

Народъ его не слушалъ. Т.-Тедьгечи сказалъ: „*Меня слышъ кумонбесимъ тиабобасамъ*—когда такъ, то я долго вамъ не покажусь“. Сказавъ это, онъ вышелъ на дворъ и сидѣлъ 43 сутокъ, держа въ одной рукѣ книгу, а другую положивъ на лобъ, подобно молящемуся, и былъ какъ мертвый. Братъ его, Тере-Керелты, сидѣлъ съ нимъ вмѣстѣ во все это время и поддерживалъ его руки. Черезъ 43 сутокъ Т.-Тедьгечи всталъ и поналъ къ своему осѣланному коню, коего, впрочемъ, вродоженнаго безмольнаго сидѣна своего халина, ходилъ близъ него. Свѣши на коня, Т.-Тедьгечи поѣхалъ въ восточную сторону. Тере-Керелты на своемъ конѣ пустился за нимъ вслѣдъ и догналъ его. На пути ихъ была большая рѣка. Т.-Тедьгечи взыалъ своей мечь, ударилъ по рѣкѣ, и вода разступилась на обѣ стороны, и они перѣехали по сухому дну. Потомъ они увидѣли радугу, какъ столбъ, спустившійся съ неба и стоящую на землѣ. На томъ мѣстѣ, гдѣ утвердилась радуга, стоялъ осѣдланый конь, передними ногами на радугѣ, задними на землѣ. Подойдя къ этому коню, Т.-Тедьгечи сѣлъ на него, и не оглядясь, ни слова не сказавши брату, сталъ подниматься вверхъ съ громомъ. Братъ его, видя то, залапалъ и воскричалъ: „я не останусь, я съ тобой-же пойду“. Т.-Тедьгечи отвѣчалъ: „нѣтъ, тебѣ нельзя идти со мною; иди домой, а что нужно тебѣ—говори“. Тотъ сказалъ: „какъ я перейду рѣку?“. Онъ, бросивъ свою мечь, сказалъ: „какъ прежде я сдѣлалъ, такъ и ты сдѣлай, и перейдешь“. Т.-Керелты взыалъ мечь. Т.-Тедьгечи, поднимаясь выше, вскричалъ брату: „что на лицѣ земли есть, ты надъ тѣмъ властуй, а что надъ землею,—я буду властвовать надъ тѣмъ: худое-ли, доброе-ли, страшное или нѣтъ,—мой ходъ будетъ ужасенъ и громкооуенъ. Теперь ничто меня не увидитъ; только съ тобою буду встрѣчаться каждый годъ“. Сказавъ это, Т.-Тедьгечи ушелъ вверхъ изъ виду. Т.-Керелты остался, пошелъ назавѣтъ тѣмъ-же путемъ, и, пришедши къ рѣкѣ, взыалъ мечь, махнулъ имъ надъ водою, рѣка разступилась и пропустила его. На дорогѣ застигла его лочь, и тогда явился ему Т.-Тедьгечи, далъ ему книгу и сказалъ: „учи по ней народъ, я буду ежегодно приходитъ и смотрѣть, какъ ты учишь; читая эту книгу, не будешь о мнѣ тосковать и плакать“. Т.-Керелты, взявъ книгу, тутъ-же началъ читать и, почесавши здѣсь, на другой день дошелъ домой. Черезъ годъ Т.-Тедьгечи снова явился брату и спросилъ: „многихъ-ли ты научилъ?“. Тотъ отвѣчалъ: „я училъ всѣхъ, но одинъ народъ—*Тотор-аймак* не принимаетъ ученья“.—„А гдѣ у тебя мой мечь?“.—„Прощедшій годъ, когда я шелъ отъ тебя, я принесъ книгу и мечь и положилъ вотъ здѣсь, но вотъ теперь нѣтъ его“.—„Мечь мой укралъ у тебя Тантаи-Кара, чело-

въяв богатый, а у него перекарат нечистый дух—*Шумусе* и спрятали его под перьям слезки земли. Ты сам не можешь найти его, а только поглядывая около стойбища скота Тантанова, когда претешь туча съ громом и молнией. Пр ежде я назывался Т.-Тедягечи, а теперь буду называться Уаун-Кегези, у меня будет пологий ротъ огня и грудь моя будет полна грому. А ты, Т.-Керельты, будь заремь.* — Ибтъ, я не хочу быть заремь; для меня довольно книги Божией, я хочу помышлять только о Боге. Пусть братъ Шар-Жаалты будь заремь*. Вечером того-же дня поднялась большая буря и налетела черная тучи. Какъ только тучи накрыли то мѣсто, гдѣ находился скотъ Тантава, тотчасъ разразился громъ и засверкала молнія, чего до его времени не бывало. Т.-Керельты, услышавъ грозу, бросился въ юрту и ударился лбомъ объ дверь и три дня сидѣть тамъ безвыходно, въ страхѣ, помышляя о необычайной бурѣ и неслыханномъ громѣ, говоря въ себѣ: «если это отъ брата, то ничего, а если отъ Бога, то бѣды не миновать». На третій день является ему Т.-Тедягечи и спрашиваетъ: «что у тебя лобъ разбитъ?» «Я слышалъ третьего дня громъ и испугался такого неслыханнаго чуда». — «Развѣ я тебѣ не говорилъ: *умма патнае от болор*; *коксюма патнае ун болор*— у меня будет пологий ротъ огня и грудь моя будет полна грому. Пойди, посмотри теперь стойбище Тантава-Кары». Т.-Керельты побѣжалъ смотрѣть, и вотъ видитъ, что стойбище и скотъ Тантава провалились снова въ землю, и въ провалѣ томъ кишитъ желтая вода. Тере-Керельты, увидевъ все это, воротился домой въ изумленіи. Т.-Тедягечи спросилъ его: «что ты видѣлъ?» Т.-Керельты сказалъ все подробно. Т.-Тедягечи продолжалъ: «обязываю тебѣ; уцѣлѣвшаго скота Тантаванова не бери и не мѣшай съ своимъ скотомъ, потому что и самъ оны и скотъ его прокляты. Пусть скотъ его разойдется по пустымъ мѣстамъ и будетъ ширшео дикимъ звѣрямъ**). По прошестьи нѣсколькихъ лѣтъ, Т.-Керельты ушелъ въ пещеру большой горы, легъ на постель и сталъ, какъ мертвый. Ученики его нашли подъ постелью записку, въ которой написано: «когда тучи будутъ ходить всегда отъ востока на западъ и громъ гремѣть, начиная съ востока и оканчивая на западъ, тогда будетъ кончина въява».

11) Тенгере-Тедягечи въ царствованіе Шар-Жаалты 1-го.

Меньшій братъ Т.-Тедягечи, по смерти Т.-Керельты, сдѣлался жестоко и прогналъ изъ своего царства Тотор-аймаковъ, не признавши ихъ

*) Этотъ скотъ Тантавановъ и донынѣ водится въ Китайской землѣ. Одна часть его бродитъ въ востокѣ, а другая часть—ручья. Порода коровъ Тантавановыхъ—*орамыи*—имѣетъ грушу и хвостъ конской, голдовъ сапшой (бѣдъ зѣбра); ноги его—*пантунъ-чѣльмъ*, у конка хвостъ и грива коротка, потому что были оцѣлены молитвою; оны—*вожоръ и старор* (замѣнные бараны); кола—*олюи* и *павремъ* (свинѣ); изъ собакъ выискавъ *немои* (горбятки), съ колесчатыхъ хвосточкы.

старшаго брата. Тогда Т.-Тедягечи спустился съ неба и сказалъ брату: «если долгой пастыю учить скотину, то въямъ разобьешь—будетъ худо,—молока не будетъ». Шар-Жаалты полагая это пригучу, обличающую его жестокость къ подданнымъ. Потомъ Тенгере палъ на землю, сталъ кататься и сдѣлался китъ-рыболомъ, а всталъ съ земли опять человѣкомъ. Во второй разъ оны палъ на землю, катался по ней и сдѣлался огромнымъ лотымъ звѣремъ—*караумъ*, а вскочилъ съ земли человѣкомъ и трихулятъ рукавами, изъ которыхъ посылались большой и малый книги. Тенгере сказалъ своему брату: «возьми эти книги и все прочитай въ три дня», потомъ повернулся, сдѣлался снова карауголю, ударился о землю и, сказавъ: «чрезъ 7 лѣтъ выйду», скрылся подъ землю. Тамъ оны побѣдилъ нечистыхъ духовъ, производящихъ бѣшенство: однимъ оторвалъ головы, другимъ разбросалъ и проч. Вышедши изъ-подъ земли чрезъ 7 лѣтъ, оны опять явился къ брату своему Шар-Жаалты и спросилъ: «читалъ-ли книги мои?»—«Все прочиталъ, и ничего не показалося мнѣ тяжелымъ, только одно тяжело: тамъ показано, что я долженъ отъ 15 до 60 лѣтъ держать постъ».—«Когда это тяжело тебѣ, то держи постъ каждый годъ, только зимою, до того времени, когда оны встаетъ въ первый разъ загремѣтъ громъ, а лѣтомъ нѣтъ тебѣ поста».

Когда Шар-Жаалты сдѣлался старъ, тогда оны явился ему Тенгере и далъ ему книгу, длиною въ три саж., шириною въ $\frac{1}{4}$ арш., сказавъ: «читай эту книгу, теперь я вуюсь съ тобой въ послѣдній разъ, болѣе не приду къ тебѣ; эта книга взята со дна мори отъ царя—*бу бичи телье* *тобидо обдуръ каанымъ олин*. Если эту книгу уразумѣешь все, то на водѣ не будешь тонуть, хотя и съ войскомъ пойдешь, со дна мори полннется песокъ и будетъ какъ мость, и въ оны не сторгинь». Сказавъ это, отдалъ ему и мечъ свой, бывший у Тере, съ наставленіемъ: «кто придетъ воевать съ тобою, сражайся съ тѣмъ эмъло, не отступай, а самъ войны не иши»).

Паганины изъ царства Шар-Жаалты, Тотор-аймаки раздѣлились по въяв на-двое. Одинъ въяри въ шаманство, а другіе безъ камланыя принесли жертвы на vysokыхъ горахъ, брызгалъ молокомъ и куры аржаномъ. Ни къ той, ни къ другой сторонѣ не принадлежалъ одинъ только мальчикъ съ своей матерью, изучившій писанія Т.-Тедягечи. Мальчикъ этотъ сдѣлался болѣею у него распухли руки и ноги, и оны, устремивъ свой взоръ на небо, просилъ и ожидалъ помощи отъ Бога. Видя это, Тенгере совѣтъ съ неба, сдѣлался простымъ человѣкомъ и сначала явился къ камлающему народу, учить ихъ молиться такъ, какъ молится другая часть ихъ народа, которые были скотину и оцѣненные кости, сложивъ въ кучу, сжигаютъ съ куреніемъ аржана предъ Богомъ, а шаге камланые, говорилъ оны, не походить къ Богу и неправоу ому. Народъ сталъ спорить съ нимъ. Тенгере сказалъ: «если вы мнѣ не вѣрите, то будешь дѣлать *маран*»; на чей сто-

*) Поему китайцы ни съ въяв войны не начинаютъ, а только защищаются.

ронг будет правда, увидим. Если на вашу жертву сойдёт съ неба огонь и пожрет жертву,— то ваша правда, а если на мою, то моя правда". Так и согласились. Собрались камни и съ утра до другого утра, идёлы сутки, камлали на горѣ, признавая по-своему бога, но не сошлись огонь съ неба, и жертва ихъ осталась дѣлая.

Люди, не преданные шамметву, сдѣлали каменный жертвеникъ, положили на него жертвенныя кости, покровли араканою и стали молиться. Теигере былъ свидѣтелемъ и посредникомъ въ спорѣ между тѣмъ и другимъ народомъ. При молѣбѣ не-камлающаго народа раздался съ лоба громъ, заблестала огонь, какъ молнія, коснулся жертвенника, жертва вышухнула и сгорѣла съ самимъ жертвеникомъ: не осталось ни воды, ни даже пепла, а дыму даже не было. Тогда камлавыя сказали этому народу: „нѣтъ, мы не вѣрять вамъ, вашу жертву покровли горныя духи, а не огонь небесный". Теигере отвѣчалъ: „если вы не вѣрите этому чуду, то снимите съ этого большого мальчика жёлтныя узы (которыя видими были только однимъ камлавы), наложенныя на него злымъ духомъ, и свяжите или меня". Камы сдѣлать сего не могли, сколько ни камлали, и бѣсы не могли развязать большого и связать Т.-Тедигечи. Потомъ онъ самъ снялъ узы съ большого и связать или себя, отчего большой тотчасъ выздоровѣлъ. Тогда Теигере сказалъ: „если вѣра ваша правда и вашъ богъ силенъ, то снимите съ меня оковы, и пусть огонь вашей жертвы пожретъ меня, а если не снимите узы, то я не буду вамъ, улору въ свою сторону, а вѣсь плусть огонь пожреть". Камы стали камлать, посылали множество обѣтовъ на него; но ни одинъ не могъ близко подойти къ нему. Узы не развязались; огонь не коснулся его; между тѣмъ сави камни стали горѣть, руки у нихъ были какъ-бы скованы, и они не могли бросить ни бубна, ни орбы. Они бросались въ воду, катались по землѣ, но ни водой, ни землей не могли погасить огня, сожигающаго ихъ.

Теигере показалъ имъ красную гору, окровавленную ихъ жертвами, и сказалъ: „идите за мною на эту гору, гдѣ живутъ ваши боги; я теперь вашъ и иду къ вамъ богатымъ". Сказавъ это, онъ пошелъ среди пламени горящей земли, только сдѣлать его оставалось безъ огня. Заведши камовъ съ ихъ народомъ на эту гору, Теигере несеть. Велъ гора продолжала пылать до того, что, спорышъ, ослѣдъ и сдѣлалась равниной. Такъ всѣ люди, вѣривше камлавыю, сгорѣли, а за ними горѣли и нечистые духи, которые, хотя и покушались бросаться отъ пламени въ море, но тамъ Убусу-каан схватывалъ ихъ и бросалъ на ту-же гору; нѣкоторые изъ нихъ бросались въ преисподнюю, но оттуда Энгыс-каан опять ихъ возвращалъ на гору въ пламя. Гора эта называлась 36 тѣт^{*)}.

*) Гора эта—*Куйан-ту* въ Китайской землѣ, близъ степи *Курганъ*. И нѣмъ чужестранцы достигаютъ земли съ этой спорившей горы, чтобы, въ саухъ досады на кама, бросить въ него. Писавшій объ этомъ будто-бы несправданъ на кама.

12) Теигере-Тедигечи въ царствованіе Шар-Жаалты 2-го.

По смерти младшаго брата Теигере Шар-Жаалты, былъ избранъ царемъ одноименный ему Шар-Жаалты 2-й. Этотъ новый царь былъ жизни развратной, управлялъ народомъ слабо и беспечно, такъ что многие бѣдные умирали съ голоду и холоду. Однажды въ землѣ его былъ продолжительный голодъ, наступившій послѣ необыкновенно-непастающаго лѣта, въ которомъ было только 3 дня вѣдро, отчего всякое произрастеніе сгнило. Это несчастье было за то, что народъ ругалъ небо, когда шель дождь и, плававши, говорили: „пусть дню у тебя вывалюсь-бы". Теигере обличалъ за это народъ и сказалъ: „развѣ вамъ хочется, чтобы небо заперлось и вовсе не давало дождя? Пожалуй, и это будетъ". Ожесточившійся народъ сказалъ: „пусть будетъ, пусть небо остарѣется и будетъ вовсе безплодно". Такъ и стало. Одно лѣто и лѣтъ нѣсколько не было ни капли дождя, ни снѣгу. Въ то время богатыя прошли половину хлѣба, а бѣдные все прожили, что было, умирали съ голоду и стали грабить богатыхъ. Между тѣмъ, Теигере ушелъ изъ земли той, и чрезъ нѣсколько времени, снова возвращался на предѣлахъ ея встрѣтивша старуху, вошелъ въ ней въ дождь и просилъ у нея пищи. Она сказала: „нѣтъ нечего дать тебѣ; я сама умираю съ голоду".

— „Какъ ты говоришь, что у тебя ничего нѣтъ? Посмотри хорошенько".

— „Чего искать,— у меня ничего нѣтъ, кромѣ вшей".

— „Иди у себя за пазухой". Она изъ-за пазухи вытащила цѣлую горсть оныхъ. Онъ сказалъ: „тѣш". Старуха съ голоду, по его слову, начала вѣтъ. Ея показалась эта пища вкуса, сладка и сытна, какъ то-локно, а разсмотрѣвши эту вкусную пищу, она увидѣла, что это—просо былое. Теигере сказалъ:

— „Посмотри, нѣтъ-ли чего еще у тебя съ-бѣснаго?"

— „Нѣтъ".

— „Посмотри вонъ въ томъ кувшинѣ съ отбитымъ краемъ".

— „Ничего тамъ нѣтъ".

— „Да посмотри-же!"

Она посмотрѣла и видить, что кувшинъ полную толченого проса. Ея стало стыдно. Теигере велѣлъ сварить изъ этого кашку, которую они оба ѣли, а кашка не убывала, равно и просо изъ кувшина не убывало. По-ѣвши, онъ пошелъ далѣе, спросивъ старуху: „нѣтъ-ли у кого въ селеніи чего-нибудь лишняго?" Она отвѣчала: „за третьей стѣной живетъ Молодой,— развѣ у него есть?". Теигере пришелъ къ Молодому въ домъ. Хозяинъ спросилъ: „откуда ты?" Онъ отвѣчалъ: „я иду изъ *Курганъ*; нѣтъ-ли у тебя чеченя; дай мнѣ написать". Жена Молодого сказала: „*Куртаныи ок тѣкэ кажи трайныи?*— Вѣлый козель *Курганскій*, куда ты пошелъ?" Онъ отвѣ-

чать: „когда так, то я пришёл пасти твоих козлов“. Когда-же женщина эта пошла доить своих коз, то видит, что привязаны как бы так, и осталась, но ни одной ни козы, ни козла нигде. Упешли от Молодо, Тенгере ходить по разным местам и потом опять пришёл к прежней старухе и, давши ей чашку ягменю, велел послать, равно и просо, которое съе преаного его прихода было для неё не убывавшего шипшо. Она пошла съять поды ртчию, потому что засуха еще продолжалась, но онъ велел ей съять на горѣ. Она отвѣчала, что на высокомъ мѣстѣ ничего не родится, а если и взойдетъ, стиблетъ отъ засухи. Онъ сказалъ: „сѣй тамъ, гдѣ я велю; сѣй сегодня, чрезъ три дня будетъ дождь“. Такъ и случилось. Хлѣбъ у старухи родился такой чудесный, что она сколько ни жала, но его не убывало; велба жать всѣмъ жителямъ того селенія; всё нажали себѣ довольно, а хлѣба на полось все еще оставался.

Молва объ этомъ происшествіи дошла до царя. Царь дивился и потребовал Тенгере къ себѣ. Когда онъ былъ представленъ къ царю, царь заключилъ съ нимъ въ темницу—*найжм*, въ коей нисколько не было свѣта, испытывалъ его разными вопросами и разговорами, и оказалось, что Тенгере знаетъ все, что у царя на умѣ, больше самого его. Всю ночь царь разговаривалъ съ нимъ и, наконецъ, сказалъ: „тенгере, я думаю, уже раскѣптался“. Тенгере отвѣчалъ: „нѣтъ, тенгере полденъ; солнце прямо противъ этого мѣста“, ткнувъ пальцемъ въ стѣну, и вдругъ оттого сдѣлалось окно. Вышедши изъ темницы, царь сталъ пить чай и подалъ Тенгере; пила она, по у густа, сколько онъ ни пилъ, чай не убываетъ и хлѣба не уменьшается. Царь, видя эти чудеса, подумалъ въ себѣ: „не это-ли Тенгере-Тедэгечі? Но тотъ былъ великъ ростомъ и величественный видомъ и взоромъ, а этотъ маленький и изъ себя не видный“. Навишшею чаю, Тенгере сказалъ: „миѣ нужно посмотрѣть своей скотъ, какъ-бы онъ не погибъ“. Царь догадался, что онъ говоритъ притчу, потому что не смотрѣлъ за народомъ, не радѣлъ объ его управленіи, проводилъ время въ играхъ и забавахъ и былъ жестокъ съ людьми и животными, такъ что накануне свиданія съ Тенгере, прогубиваясь, выщипъ бичемъ глаза коюю. Когда царь провожалъ Тенгере изъ дома, въ самыхъ воротахъ, прилетѣлъ ему въ лицо какой-то прутникъ и ударилъ въ глаза. Царь зажжалъ глаза рукою. Тенгере сказалъ ему: „у тебя, царь, есть руки, и вотъ ты зажжалъ глаза, а у коия руки нѣтъ, хотя и вовсе наступишь ему глаза бичемъ, онъ зажжетъ его не можетъ“. Въ назаваніе за жестокою царь окривѣлъ. Тенгере велѣлъ царю строить каменную стѣну, вышиною въ 80 саж., вокругъ своего царства, такую обширную, чтобы и известная старушка съ шапкою была внутри крѣпости, въ которой тогда было 8 воротъ и 8 молитвенныхъ домовъ—*сѣмъ*. Царь обидѣлся. Тенгере самъ поставилъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ должно устроить церкви, но одному каменному столбу, вышиною по 40 саж., и сказалъ: „если устроишь такую стѣну, то никакой народъ не можетъ преодолѣть тебя. Если кто придетъ къ тебѣ во-

вать, я помогу тогда тебѣ побѣдить, и приходщій народъ будетъ твоимъ подданнымъ. Будетъ время, когда эта крѣпость—*каемъ* наполнится жителями, и тогда будетъ конецъ народамъ“ *). Наконецъ, когда царь не переставалъ вести развратную жизнь, Тенгере, пришедши къ нему, сказалъ: „ты не пенешься о народѣ, а только прутешь и развратничаешь, ты не достоинъ быть царемъ; лучше поставь другаго царя“.

— „Выбирай, кого хочешь; я не умю лучше управлять народомъ.“

— „Изъ твоего народа никто не можетъ быть управителемъ.“—всѣ такіе-же, какъ и ты.“

При этихъ словахъ одинъ изъ народа—*Амын-Кылан*—сказалъ: „почему не управити? Только царь должонъ ежедневно выходить на смотръ народа и пройти городомъ отъ востока до запада.“ Услышавъ это, Тенгере, указавъ престолъ на Амын-Кылана, сказалъ; „ты можешь управлять народомъ,“ и Амын-Кыланъ былъ поставленъ царемъ.

13) Тенгере-Тедэгечі въ царствованіе Амын-Кылана.

По избраніи Амын-Кылана царемъ, Тенгере собралъ людей, умершихъ при прежнемъ слободѣмъ царѣ отъ члѣнства, голода, мороза, и склавъ въ кучу, далеко за городомъ, тамъ, гдѣ прежде камы испрашивали огня съ неба, выкопавъ яму длиною 7 саж. и глубиною 1 саж., свалилъ въ нее всѣхъ и сожегъ. Возвративъ въ городъ, онъ узналъ, что вновь провозано 4 камня: двое изъ народа Шар-Каалты 2-го (*кара кидат союкму*) и двое отъ Амын-Кылана (*ак кидат союкму*). Онъ съ гнѣвомъ сказалъ: „я уничтожаю худыхъ людей; откуда-же они явятся?“ и велѣлъ вѣсть этихъ камовъ и увезъ на то мѣсто, гдѣ сожжены тѣ умершихъ, привозъ туда на верблюдахъ дровъ, сбросилъ въ яму, распалилъ ихъ, и какъ только дрова перегорѣли въ угли, огонь приказалъ, чтобы камы, ходъ въ этой ямѣ по огню наладъ и впередъ, камаши, сказали: „кто изъ всѣхъ цѣлъ останется, тотъ правъ и пусть останется свободнымъ.“ Три камы сгорѣли тамъ, а одинъ, изъ рода *Аккидат*, остался цѣлъ. Тогда Амын-Кыланъ, разгнѣвавшись, сказалъ: „если каждый день по 3 человека сжигать, то неперестано оравъ будетъ.“ Тенгере отвѣтилъ: „всякій звѣрь беретъ свою шерсть, и ты берешешь свой народъ. Если тебѣ не нравится мое распоряженіе, то я отоиду отсюда, хотя не далеко, на 7 дней.“ Царь спросилъ: „въ которую гору ты хочешь уйти?“ Тенгере, протянувъ руку, указалъ со словами: „вотъ въ эту гору**“) пошу,“ и ушелъ. Чрезъ 7 дней ожидали его, но онъ не пришелъ. Прошло 7 седмицъ, но онъ не возвращается. Чрезъ 7 мѣсяцевъ послали двухъ чело-вѣкъ искать его, боюсь его гнѣва. Посланные, нашедши его, звали изъ горы, но безуспѣшно. Послѣ, въ продолженіе 7 лѣтъ, царь посылалъ къ Тенге-

*) Одна половина крѣпости въ настоящее время уже заселена.

***) Съ вершины р. Катуня эта гора, называемая *Пабая—Дурриди*,—видна.

ре трижды по два человекъ, но онъ не хотѣлъ идти. Черезъ 7 лѣтъ Тенгере самъ пришелъ къ царю и сказалъ ему: «если найдутся у тебя въ царствѣ камни, сожигай ихъ, какъ и я сожгу, а кто изъ огня выйдетъ живъ, тотъ пусть живетъ, это и есть истинный ядро.» Царь отвѣчалъ: «какъ ты скажешь, такъ и будетъ.» Тенгере помыслаъ ладонь пепломъ, а запястья— черною землею и, держа наискось эту руку, продолжалъ рыть: «тоже будетъ съ твоимъ царствомъ (при этихъ словахъ представлялся царю, что земля повернулася на бокъ), если ты не исполнишь моего совѣта.» Сказавъ это, отправился онъ на прежнюю гору съ приказаніемъ, чтобы никто къ нему не приходилъ туда. *)

14) Тенгере-Тедьгечи въ царствованіе неизвѣстнаго китайскаго царя, побѣдившаго въ единоборствѣ богатыря Мормо.

Однажды пришелъ къ Китайскому царству Мормо съ войскомъ, подошелъ къ самой стѣнѣ и требовалъ сраженія. Китайскій царь устранился и отвѣчалъ: «нѣтъ проливать кровь народа, лучше выйдемъ мы на полебитокъ, лучше умереть одному!». Согласился. Китайскій царь, видя, что Мормо-богатырь великоросломъ¹⁾, ужаснулся. Мормо-же сѣлою подошелъ къ нему и сказалъ: «ну, руби меня саблей!». Тотъ ударилъ, но сабля отскочила,—Мормо былъ въ латахъ. Мормо, наклонивъ голову, сказалъ китайскому царю съ насмѣшкою: «смотри, ты не отрубилъ мнѣ голову, чтобы она не повалилась по землѣ». Тенгере, видя такое униженіе своего царя, внушилъ мысль ему, ничего не боясь, тлпнуть по шеѣ. Тотъ ударилъ, и отсекъ голову богатыря. Послѣ его единоборства Тенгере явился къ китайскому царю и далъ ему камень съ гуеиною ядро и приказалъ, чтобы люди въ его царствѣ непрестанно катали этотъ камень въ ладоняхъ, передавая другъ другу. «Когда этотъ камень будетъ съ зерно рыбой икры, тогда сойдеть съ неба царь и будетъ владѣть всѣмъ царствомъ, тогда и я приду въ послѣдній разъ; а когда этотъ камень изотрется до того, что ничего не останется, тогда будетъ кончина вѣка**»). Сказавъ это, Тенгере помыслаъ заграницу Китайской земли. На пути ткнулъ онъ своимъ посохомъ въ землю, отчего пошла вода. Вокругъ него Тенгере началъ обмазывать глиной, образуя родъ чаши. все выше и выше, и сдѣлалъ холмикъ, наполненный водою, широко съ гуно и, закрывши его, сказалъ: «пустъ вода не прибываетъ и не убываетъ». Такъ и остается это доселѣ. Холмикъ съ выдой

*) Китайцы, монголы и соенцы, издавъ сморли на эту гору, появляются ей, но никто войти къ ней не можетъ, потому что она окружена множествомъ адонитыхъ гадюкъ: змѣй, ашерипъ, сары колдуи, идланю. Трое когальскихъ камовъ пытались восходить на эту гору, но провали безъ вѣсти.

**) Имяъ этотъ камень съ ядро кувуши.

находится въ Китайской землѣ, отъ одного южнаго пограничнаго караула въ 10 верстахъ.

15) Кончина вѣка съ ея признаками.

Чѣмъ далѣе тянется вѣкъ, тѣмъ грѣшнѣе становится мѣръ и умножается зло. По мѣрѣ умноженія грѣховности, Ульгэнъ болѣе и болѣе удаляется отъ человѣка, смердящаго грѣхомъ, вверхъ, дѣлается холоднѣе къ людямъ и загнаваетъ уши, чтобы не слышать молитвъ ихъ. А Эрликъ изъ пренеподной поднимается выше и выше и приближается къ Карашу, стоиму подъ верхнимъ слоємъ земли, ближе къ людямъ. Такимъ образомъ, при концѣ вѣка, Эрликъ приближается къ самой землѣ, а Карашъ выдѣтся на поверхность земли. Тогда народъ забудетъ Ульгэна. Карашъ, вышедши на верхній слой земли къ Тенкарѣ, еще заѣе будетъ спорить съ нимъ о людяхъ. На помощь Карашу выдѣтся за нимъ, на поверхность земли, Керей съ тѣмъ, чтобы непременно завладѣть людьми; пошлетъ съ неба богатыря Мангышпире. Между тѣмъ, какъ Тенкара съ Карашемъ будутъ продолжать споръ между собою, Мангышпире будетъ рвать все тѣло Кереево на куски, отчего Керей застонетъ. Эрликъ, услышавъ стоиъ Керей и узнавъ, что Керей не можетъ устоять противъ Мангышпире, самъ выдѣтся на поверхность земли и убьетъ его. Ульгэнъ, видя то, пошлетъ на землю богатыря Майдере, сказавъ: «иди и не сражайся, а только стой и угонаривай людей, чтобы не склонялись къ Эрлану, хотя онъ и будетъ склонять ихъ къ себѣ и мучить. Да смотри-же, разгнѣвавшись, не убей Эрлана или кого-либо изъ его богатырей: это тебѣ будетъ грѣхъ. Пусть Эрликъ убьетъ тебя, тебѣ не будетъ больно и страшно: я приду, и ты возвратишься назад!». Когда Майдере сойдеть съ неба, Эрликъ при его глазахъ, будетъ принуждать людей, чтобы они предались, и скажетъ: «кто броситъ предо мною лестовку (эрекэн) и предастъ мнѣ, тотъ будетъ свободнымъ мой слуга, а кто не покорится мнѣ и не будетъ вѣровать мнѣ, тотъ будетъ мучимъ разными муками». Эрликъ будетъ называть преданныхъ ему на тонкую проволоку (эзми), а кто не покорится, тѣхъ будетъ бросать въ огонь, бить желѣзными прутьями, садить на коня и проч. Когда Эрликъ будетъ такъ мучить не склоняющихся къ нему, имъ не будетъ больно, хотя замучатся до смерти. Майдере будетъ угонаривать людей чить Ульгэна и склонитъ большую половину на свою сторону. Эрликъ, видя это и замучивъ не склоняющихся къ нему, разъярится на Майдере и скажетъ: «я имю силу и тебѣ убить мечемъ¹⁾, и поразить его. Кровь Майдере, брызнувъ, обгиритъ всю землю, хоти онъ и невеликъ станомъ, и толчатъ отъ тѣла и крови его всплхнеть пламя, обжигаетъ всю землю и взойдетъ на небо. Тогда сойдеть съ неба самъ Ульгэнъ, ударитъ въ ладони и воскликнетъ: «Кийден! Встаньте, мертвые!» Отъ клеча и дыханія Ульгэна мертвые встанутъ съ тѣлами,—

земля, огонь, вода, зѣври и рыбы возвратятъ гѣла людей, кто изъ нихъ что истребилъ. Изъ усть Ульгона выйдеть пламя и воспомянитъ всю землю. Земля, сгорѣвъ, не вся истребится; а только верхій слой, нечистый, по которому ходилъ дѣволъ (*күрүмөс*); чистая земля, какъ была глина, находящаяся подъ чернымъ слоемъ, останется, и изъ нея Ульгонъ создастъ новую землю. Выбѣстъ съ черною зѣвдур сгоритъ самъ Эрликъ, его сила и преданное ему люди; всѣ они, сгорѣвши, сдѣлаются безплесными злыми духами. Ульгонъ проклянетъ ихъ, сказавъ: ты, Эрликъ, со всей силой твоей или въ предсловія пропасти адскія—*Маныч тичири тавымын тобиш тоюсем*, и тебѣ предавшиеся люди пусть дѣлать, какъ мошки, за тобой*. Такъ Эрликъ и сила его превратится въ муку, въ адскія пропасти и исчезнутъ изъ виду, а вѣрные Ульгона останутся съ нимъ и будутъ въ его жилищахъ.

Признаки вѣдичия въка по преданіямъ:

а) Телегутовъ:

Калганчи чак колердо
Тенгере таѣри болуп-падар.
Эрь тесъ болуп-калар
Каал-каанга калгичар
Кызык кылака сана жар,

Кату таш одулар,
Кату агаш какшалар,
Калык-оль пузулар, *Кыжи жерымъ*
карыча болар
Эрьтежесы эрь болар
Эрь таскыны кыска болар
Ляктын папша, бий турар
Ата баласын таныбас,
Бала агатын таныбас,
Пагыр башха чигар,
Ат бажича алтын.

Лякту анша гурбас,
Али-алдыган алтын чигар,
Аны алар кыжи-юк болор.

Когда придетъ кончина въка,
Небо затвердеетъ, какъ желъзо.
Земля, какъ мѣдъ, будетъ тверда,
Царь на царя востанетъ,
Народъ на народъ будетъ злоумыш-
лять.

Твердый камень сокрушится,
Крѣпкое дерево раздробится,
Всѣ народы возмутятся,
Человѣкъ будетъ съ локотъ,
Съ большой палецъ будетъ мужъ,
Поводъ мужской будетъ коротокъ. *)
Кромѣ ноги, все будетъ начальникъ,
Отецъ дитя свое не спознаетъ,
Сынъ не будетъ узнавать отца,
Головка *сидуны* **) будетъ стоять го-
ловы человѣка,

Слитокъ золота съ конскою головою
Не будетъ стоять чашки хлѣба.
Подъ ногами будетъ валиться золото,
Но брать его будетъ не кому.

*) Т. е. человѣкъ будетъ сѣвенса.

**) Горный лугъ, Алтын витанъ.

б) Калмаковъ:

Калганчи чак колерда,
Кара эръ отко калларда,
Кайракан аба-Кутай
Кулагын аба туларар,
Ол чахта орон бузулар,
Фрыи уреш узюлоп-калар,
Кутурдайлын куу салкын,
Кыжын кубусулар,
Төрө бузулар,
Тенгосек чайкалар.
Темір узенгы туюбо тежіар,

Темене-ір үдйи тарылар,
Калык-йонбузулар,
Кара курт канат тагынар,
Кара кузюк кан чабылар,
Кара су кан-была агар,
Эрь тыгысар, ту тескинер,
Эмирт эмирлар,
Тенгере тырлар,
Тенгис чыкалар,
Эрь анданын кыргыж эрө болор,

Энгис кодоралын, югы капар,
Тенгере теремин тыгы ачлар,
Тенгис чабылш, тобою куршоер,

Тенгис тобынъла тогус айры кара
таш
Тогус эрдэн узюлар,
Тогус эрдэн узюльзе,
Тогус курчуду кыркыч чигар,
Тогус теміре атту кыжи анан чигар,

Аны ажузі балчи болор.
Алардын мингөн аттары,
Урушкаан уз-сары,
Нирозыиеси кыжын болбос кыл сары.

Когда послѣдній вѣкъ настанетъ,
Когда черная земля огнемъ будетъ опа-
Мистивный отъелъ, Богъ, [лаема,
Зажметъ оба свои уха,
Тогда народы возмутятся,
Наслѣдство и родство преевскуютъ,
Лютый вѣтеръ возмутится,
Будеть людей воодушевлять,
Всѣ природа возмутится,
И малыя кочки будутъ дрожать.
Подножка въ желѣзныхъ стременахъ

изотрется,
Уши большихъ иголь прорвутся,
Общества народовъ распадутся,
Черный червь (человѣкъ) окрыляеться,
Злобные глаза его налиются кровью,
Источники съ кровью потекутъ,
Земля встанетъ, горы воскоблелются,
Стремнины обрушатся,
Небо звонко загремитъ,
Море вволюется,
Земля извратится верхнимъ слоемъ на-
выворотъ,

Мохъ собьется, лишь пылъ останется,
Небо тронется и разверзится,
Море всколыхается и дно его видѣть-
ся будетъ,

На днѣ морекоемъ черной камень 9-раз-
дѣльный
Изъ 9-ти мѣстъ исторгнется,
По исторженіи изъ 9-ти мѣстъ,
Выидеть янискъ о 9-ти обручахъ,
А изъ него выйдутъ 9 человѣкъ на

желѣзныхъ ковахъ,
Изъ нихъ двое будутъ предводители.
Верховые колѣи ихъ
Иры и весьма желты,
У одного изъ нихъ—свѣтло-желтый,
крѣпкое, такъ что трудно сво-
ротить его.

Алдыңгы колдору ылышту болор,
Арт куйругу уалдыло болор,

Агашха табаара, агашты эңдир,
Тындуга табаара тындуды эңдир.
Алабаты-Йонго амыр-Йок болор,
Апта, кунго аркан-Йок болор.
Агаш тазылыан кодоылар.
Алапай балазынан айрылар.
Экин узумоюн, уренй пузылар.

Эне, эркезин айрылар, эри ок калар.

Эрьдэ конкул-тогонь олен узерь.
Эленен сары мангыс чгарар,

Малга табаара, малды сорор.
Ол чакта Шандимы кый салаар:
„Верй курьган Мангды-шпире!
Бирь полужань откандыр!
Конкул тогонь эленин тазымы
Конгр тгган тпир.“
Мангды-шпире учукинае.
Анин болбозо, Майдерез кый салаар:

„Ян-Каан алабатызын таштады.

Яхши айгыр урюзин таштады.

Яр тэирейин, суу ооолды,
Якауд тон элеп, аказы тгрьдыды.

Якаралу юрт акайык калды.

Уялу куш, узам таштады,

Туруду кий туруун таштады.

Балалу калыт, балазын таштады“.
Майдере учукинае.

Эн-кйилдэ Эрлэтин паатырлady
Карам-была Керей

Спереди ноги ихъ будутъ съ саблями,
Сзади у хвоста будетъ мечъ, обоюду
острый.

Найдеть на дъсь, деревья сосинеть,
Постигнеть живыхъ, живыхъ поинеть.
И подланному народу не будетъ мйра,
Въ дунъ и солцъ не будетъ свѣта.
Дерево поторнеться изъ корня.
Отенъ будетъ разлученъ съ дѣтми.
Трава будетъ вырвана и сѣмя ея истре-
бится.

Мать, съ питомцами разлученная, оста-
нется безъ мужа.

На землѣ выростеть трава конкулъ.
Изъ сей травы произойдетъ желтая
серапча,

Падеть на скотъ, скотъ изсосеть.
Въ то время Шандимы издасъ кличъ:
„Мангды-шпире, взгляни сюда!
Окажи помощь!

Корень травы конкулъ
Есть змйй коурь (самый алой“).
Мангды-шпире будетъ молчать.

Не получать помощи, къ Майдере
воззоветь:

„Великий паръ оставяя своихъ поддан-
ныхъ.“

Наналучий жеребець бросилъ свое
стадо.

Берега осматились, вода исчезла,
Съ воротникомъ оджеда изветшала и
воротникъ изворзалиа.

Подначальный народъ остался безъ
начальника.

Птица, свинья гнѣздо, гнѣздо оста-
вила.

Звѣрь, ижъоний жилье, бросилъ жилье
свое.

Дѣтняя жена оставила дѣтей своихъ“.
Но Майдере не даетъ отвѣта.

На-последокъ богатыря Эрлика—
Карашъ и Керей—

Эрь-устоно чгаралар.
Алар эрь устоно чкаанда,
Мангды-Шпире-быле-Майдере
Алар-былан тгула-жарга
Тенгерде тоужалар.
Майдеренин канынан
Эрь отхо калай.
Калганчй чак анды болор.

Выйдутъ на поверхность земли;
Когда они выйдутъ на землю,
Мангды-шпире и Майдере
Воевать съ нами
Сойдутъ съ неба.
Отъ крови Майдере
Земля воспламяетъ огнемъ,
И тогда будетъ кончина вѣка.

В) Историческая, богатырская и проч.

1) О подданствѣ Россіи Телеутовъ.

У Телеутовъ известны два сказанія о времени ихъ подданства Россіи. Одинъ утверждаетъ, что послѣдній ханъ ихъ *Кондайчи* имѣлъ у себя двухъ женъ и 7 дѣтей: отъ первой жены—сына *Шюну* и дочь *Шождва*, а отъ второй—5 сыновей, изъ коихъ известны по имени двое: *Амарзана* и *Табачи*. По смерти Кондайча, между дѣтми возгорѣлось несогласіе. Противъ Шюну ставился заговоръ его братьевъ; но сестра, узнавъ объ этомъ, предупредила Шюну спастись бѣгствомъ. Онъ убѣжалъ подъ покровительство Бѣлаго Царя Алексѣя Михайловича и принялъ подданство Россіи. Злопучная сестра убита заговорщиками за открытіе ихъ умысла. Между остальными братьями согласіе также не было: трое изъ нихъ погибли въ междоубіи, но Арфазана и Табачи продолжали еще спорить между собою о правленіи, пока первый не послѣдовалъ примѣру Шюны, преданнаго Россіи, а послѣдній съ своимъ народомъ отключался въ Китай.

Въ разсказахъ другихъ *Шюна* играетъ главную роль. Онъ былъ богатырь и мудрецъ въ восточномъ вкусѣ. Отенъ его Кондайчъ имѣлъ еще сына Калдана. Шюна жилъ съ вдовою женою *Кара-кызъ*, въ которую влюбился братъ его, и на ней женился. Оскорбленный Шюна пригласилъ своихъ 12 друзей разлучиться по хребтамъ Алтая. Отецъ хвѣтъ на одну версту отъ своего жилища, онъ повѣдалъ имъ свое горе, наткнулъ лукъ и, въ видѣ насмѣшки и безчестія, пустилъ стрѣлу въ юрту брата. Стрѣла возилася въ дверь. Братъ сейчасъ-же узналъ, кому принадлежатъ она, и пожаловался отцу. Кондайчъ признаваетъ къ себѣ Шюну, вечеромъ возвратившагося съ охоты, обвинилъ его, приказалъ вырватьъ лопатки (плечныя кости), руки и ноги связалъ смиротными ремнями, засадилъ въ подземелье, глубиною на 70 сажень. Никто не зналъ, куда пропадетъ любимецъ народа; только одинъ старикъ, входяій въ хату, ночью въ чѣмъ дѣло, сдѣлалъ отъ своей юрты подкопъ къ темницѣ и продолжение 7 лѣтъ питалъ узника. Кондайчъ былъ могучъ и славенъ; многие ханы покорялись ему, но одинъ изъ нихъ—Черный-Калмыкъ,—свѣдѣвъ, что не стало мудраго богатыря Шюны, при-

сылаетъ къ нему двухъ сорокъ, изъ которыхъ одна была действительная, а другая искусными камаи превращенная изъ вороны, съ условіемъ, если Конгдайчъ отличитъ одну птицу отъ другой, то онъ будетъ ему платитъ дань по-прежнему, а если нѣтъ, то перестанетъ. Конгдайчъ запечалился. Но старикъ, приносъ Шюнь пищу, рассказываетъ ему о горѣ отъ его и получаетъ отвѣтъ: „велика-ли это мудрость, чтобы отличить сороку отъ вороны; ты посоветуй моему отцу оставить шесть, а близъ него навѣстъ, и въ несчастное время выпуститъ обихъ птицъ; сорока подъ навѣстъ полетитъ, а ворона сидеть на шесть и закарается“. Такимъ образомъ птицы разгаданы, и Черный-Калмыкъ остался данникомъ Конгдайча. Но, спустя два года, Черный-Калмыкъ опять присылаетъ къ Конгдайчу кусть таволожника для различия корня отъ ррнныи, на прежнемъ условіи. Шюня чрезъ старика своего опять сообщилъ, что если пуститъ кусть въ воду, то онъ вершиною пойдетъ впередъ, а комлею назадъ. Но чрезъ годъ Черный-Калмыкъ, оставивъ шатать мудрость, обратился къ Шюня: присылаетъ желѣзный лукъ, чтобы натолкутъ его, но никто не могъ сдѣлать этого; брался даже и 30 человекъ вмѣстѣ, но все безъ успѣха. Тогда Шюня началъ старика заглаживать предъ ханомъ и народомъ со словами: „своего богатыря мнѣ рѣшили сами, и теперь должны покориться даннику“. — „Да не живъ-ли онъ, — отвѣчаетъ отецъ, — надобно поскорѣе“. Вытаскиваютъ несчастнаго Шюня изъ-подъ земли. Онъ обрѣсъ тамъ мохомъ, плечи зажили, только не могъ взглянуть на близкій свѣтъ, и поэтому цѣлыхъ полдня пролежалъ внизъ лицомъ. Отецъ приказалъ вымыть его верблюжьимъ молокомъ и парить. Сынъ спрашиваетъ: „для чего ты, батюшка, меня мертвецъ, пошевелилъ?“ Но отецъ, вмѣсто отвѣта, подаетъ ему чару вина въ полуведро. Богатырь выпиваетъ однимъ духомъ. Подана другая чара, — богатырь выпилъ, зарушился и закупилъ цѣлыхъ барановъ. Тогда отецъ рассказалъ ему свое горе. „Неси, роднелъ, лукъ“. 30 человекъ принесли. Онъ заложилъ тетиву однимъ мизинцомъ (лучъ погнулся) и сказалъ: „ну, родимый батюшка, благословляй меня на путь, а тебѣ больше не сытъ, ты мнѣ не отецъ“. И съ этими словами отправляется съ прежними друзьями своими въ Коканъ къ дѣду своему по матери; но этотъ, назавъ тому 2 мѣсяца, какъ померъ, не оставивъ по себѣ наследника. Коканцы единогласно избрали его своимъ ханомъ. Но чрезъ нѣсколько времени донгѣтъ до него слухъ, что его стали называть бродягою. Тогда онъ собралъ весь народъ и сталъ отказываться отъ ханства. Одни молчали, а другіе упрашивали быть ханомъ. Последнихъ онъ поставилъ по правую руку, а первыхъ по лѣвую, развернулъ своей, въ 12 разъ сложенный, булатный мечъ, махнулъ — и лѣвая сторона обезглавлена, буштъ прекратился. Избралъ одного изъ 12 друзей своихъ, сдѣлалъ его ханомъ, а самъ отправился къ Бѣлому Царю Алексѣю Михайловичу. Русскій Царь полюбилъ его, назвалъ *Краснощекии* и отвелъ дворецъ ему. По отбѣгнн его изъ родины, сдѣлался буштъ въ на-

родѣ, и ханство Конгдайча распалось на двѣ части: одна осталась въ Кузнецкомъ округѣ, а другая ушла въ Томскъ и приняла магметанство. Конгдайчъ, притѣненнымъ соседними ханами, бѣжалъ съ своимъ сыномъ Калданомъ къ одной горѣ, выкопалъ самъ палатъ (отсюда Семипалатинскъ) и хотѣлъ здѣсь укрѣпиться, но Черный-Калмыкъ, выгнавши его, прогнать въ Бухарю.

Вотъ еще вариантъ этихъ сказаній: Былъ царь *Оброта*, коего подданные назывались *обротами*. По смерти его, возгорѣлся вражда между его двумя сыновьями: имя старшаго — *Калдан-черю*, имя младшаго — *Уто-кайтми-Карфула*. Последний былъ богатырь могучій. Оба они хотѣли царствовать. Но когда открылась война между ними, Карагула одолѣлъ старшаго брата и убилъ его въ сраженіи въ нѣвышнихъ предѣлахъ Китайскаго государства. Народъ *Калдановъ-Телеути* — убѣжалъ отъ Карагулы подъ покровъ Бѣлаго Царя. Карагула погнался за ними съ своею женою-богатыркомъ, которая была въ то время беременна. Одинъ изъ воиновъ Калдана пустилъ стрѣлу въ нее; стрѣла распоролъ ей животъ; она умерла. Карагула, отрянувъ половину у лошади своей, бросилъ ей волосы и сказалъ: „довольно, теперь я не хочу знать людей Калдановыхъ“, и возвратился. Памятникъ этого событія — утесистая гора въ Алтай *Тибетини*, недалеко отъ р. Песчаной.

Примечаніе. Многія имена этихъ сказаній принадлежатъ исторіи.

1) *Конгдайчини* Конгайма есть владѣлецъ Джунгарскій. Если здѣсь разумеется отецъ Галдана, то онъ назывался *Батор*, умеръ въ 1654 г., оставивъ послѣ себя 12 сыновей, изъ коихъ замѣчательнѣйшими въ исторіи остались: *Пинек*, *Батор*, *Сонз* и *Галдан*. Изъ нихъ Сэнгэ наслаждалъ Тибетъ, хѣ, по принятіи духовнаго званія, воспринялся на Далая-Ламѣ. *Галдан-шрэн* былъ умный, но хитрый и коварный государь. Онъ, по полученіи извѣстія о насильственной смерти своего брата Сэнгэ, возвратился изъ Тибета въ прежнее свое покоелище и объявлялъ себя въ 1677 г. ханомъ. Такъ какъ послѣ Сэнгэ остались два сына: *Цован-Рабтан* и *Соном-Рабтан*, законные преемники ханства его, то *Галдан*, желая обезснѣжить свой престолъ отъ новыхъ покушеній со стороны нѣхъ, нашелъ случай младшаго изъ нихъ отравить ядомъ. По устраненіи домашнихъ враговъ, *Галдан* обратилъ вниманіе на внѣшнихъ. Востоложили его замыслы клониться къ соединенію Монголы подъ единодержавіе, и потому тѣхъ изъ монгольскихъ владѣтелей, которые признавали зависимость Китая надъ собою, почитались за враговъ и были предметомъ военныхъ дѣйствій. Сношенія нашего правительства съ ними были часты. Онъ, между прочимъ, упорно возставалъ противъ заведенія линіи по Иртышу, пока смерть не постигла его въ 1745 году.

2) *Табачи* или *Давани*, при жизни Галдана, былъ ухѣльнымъ княземъ, и такъ какъ ухѣль его состоялъ изъ земель, лежащихъ на сѣверѣ отъ Чу-

гучака, то русское начальство часто было в сношениях с ним. Табаачи слыт в Джуггарском народѣ, какъ разсудительный и наиболее умный нойон; послѣ смерти Галдан-Церена въ Урѣ, т. е. въ столицѣ Джуггари, которая находилась тамъ, гдѣ нынѣ городъ Кульджа, начались беспорядки, и когда престоломъ овладѣлъ незаконно-рожденный сынъ его, Табаачи оскорбился, такъ какъ принадлежалъ къ чистому царскому роду и бѣжалъ въ киргизскую степь вмѣстѣ съ *Амурсала*. Усилившись посредствомъ побѣдчиновъ и удачивъ лучшее время, Табаачи внезапно овладѣлъ Джуггарскимъ престоломъ; но не шло въ удовлетворенный, жадный, корыстолюбивый Амурсала снова началъ раздоры, призвалъ китайцевъ, погубилъ независимость своего отечества и бѣжалъ въ Россію, гдѣ умеръ въ 1756 г.

3) Богатырь *Шюна*, являющийся у телеутовъ баснословнымъ героемъ, есть интересная, загадочная личность Киргизско-Джуггарской степи. Онъ былъ современникъ не Алексѣя Михайловича, а Елизаветы Петровны. Китайцы о немъ ничего не знаютъ, но въ Киндермановскомъ архивѣ, находящемся въ Омскѣ, Г. Н. Потанинъ (см. „Томск. Губ. Вѣд.“ 1856 г., № 38) нашелъ цѣлое показаніе одного башкиря, нарочно посланнаго для разспросовъ о немъ въ Киргизскую степь оренбургскимъ губернаторомъ. Неяснымъ.—Шюна объявлялъ себя братомъ Галдан-Церена и рассказывалъ про себя, что онъ отличался силою и потому при жизни отца, Цеван-Рафтана, уже намекалъ на свое преимущество предъ старшимъ братомъ. Котайна, опасаясь беспорядковъ послѣ своей смерти, хотѣлъ смирить Шюну; онъ взыскалъ его такъ крѣпко, что взыскалъ донаги и лишилъ возможности по-прежнему натравливать лубъ; потомъ далъ ему 40 слугъ и окружилъ стражей; но Шюна пробился съ 40 человекими и бѣжалъ на Волгу, къ Аюкб-хану (ум. 1724 г.). Галдан-Церентъ, съдвинувши Джуггарскимъ котайнию, сталъ требовать у Аюки выдачи Шюны. Аюка, бившійся силами Галдана, хотѣлъ уже выдать Шюну, но сестра послѣдняго, бывшая замужемъ за Аюкою, одѣла его въ платье убитаго калмыка, а его уговорила бѣжать на Кубань. Отсюда Шюна поѣхалъ въ Константинополь, въ Петербургъ и Москву и явился въ Башкирїю подъ именемъ Карасаала. Здѣсь онъ произвелъ известное возмущеніе 1740 г., угнетенное генераломъ Бахметовымъ. Карасаалъ бѣжалъ въ Киргизскую степь и здѣсь былъ принятъ двумя биями, получилъ отъ нихъ людей и ночевалъ въ 1745 г. около вершинъ р. Сарысу, называя себя уже Кара-ханомъ, но у киргизовъ известенъ въ настоящее время подъ именемъ *Сна-Тамыр*.

4) *Каракыя*—черная дѣвушка—напоминаетъ лико-именную киргизку (кара-киргизку), мать ламы Доржи, который былъ незаконно-рожденнымъ сыномъ Галдан-Церена.

5) *Каракула*, ханъ Чаросскій, стремился къ единодержавно надъ раздробленными монгольскими владѣніями. Онъ старался возвысить государство вторичнымъ соединеніемъ Элютовъ въ одно политическое цѣло и укрѣ-

пить сей союзъ единствомъ власти и законовъ. Поэтому, обоснаывая союзниковъ уменьшеніемъ ихъ владѣній, увеличивая на счетъ ихъ свои собственные; напротивъ, владѣтѣи поколѣній, довольно сильна сами по себѣ, не хотѣли быть подъ его распоряженіемъ и объявили себя независимыми ханами. Отъ этого произошли неудовольствія, превратившіяся, наконецъ, въ явный разрывъ. Вотъ время и случай, который не мало способствовалъ Россіи завоеванію южныхъ земель губерній Томской и Енисейской, принадлежавшихъ Чжунгарскимъ монголамъ.

2) О подданствѣ Россіи Телеутовъ-Скедамовъ.

По случаю междоусобной войны, два князя телеутовъ, *Мамыт* и *Балык*, отделились отъ кочовавшихъ вмѣстѣ съ ними тербетцовъ и пришли къ р. Томи, гдѣ расположились на лѣвомъ берегу противъ г. Кузнецка. За ними погнался тербетцы съ войскомъ, подъ предводительствомъ двухъ князиковъ своихъ. Телеуты попросили помощи у русскихъ, которые и отразили тербетцевъ, причемъ одинъ князекъ былъ раненъ, а другой, будучи пресѣдуемъ и догнавъ храбрыми Алагачиномъ, предводителемъ войска Мамытова, былъ убитъ.

Вскорѣ послѣ этого происшествія Мамытъ и Балыкъ, объявивъ о подданствѣ своемъ Русскому царю, положили, что надобно которому-нибудь изъ нихъ лично явиться къ царю для того, чтобы не обложилъ ихъ большимъ ясакомъ и чтобы за свое добровольное подданство получить награду. Балыкъ, будучи хитеръ, совѣтовалъ Мамыту, что ему, какъ старшему, лучше остаться при народѣ, и предлагалъ вмѣстѣ свою услугу—съѣздить къ царю въ качествѣ его ирѣного слуги и посланника. Совѣтъ былъ принятъ; но Балыкъ, прѣхавъ къ царю, изымалъ Мамыту, назвавъ себя главнымъ начальникомъ телеутовъ, получить знанъ отличій—ирѣнскъ и суконникъ, обложенный галуномъ, кафтанъ. Возвративъ къ Мамыту, онъ объявлялъ себя начальникомъ, а его (Мамыта) своимъ подчиненнымъ.

Мамытъ, оскорбленный обманомъ Балыка, поднялся съ своимъ народомъ на партію Балыка и приказалъ своему богатырю Мылтыгъ-ахшѣ схватить ирѣролманаго брата и убить. Мылтыгъ-ахша, принявъ порученіе, сказалъ: „пойду, исполню твое приказаніе въ послѣдній разъ; сердце мое чувствуетъ, что я отрублю голову Балыку, но и самъ живой не вернусь.“ Мылтыгъ-ахша окружилъ ночью стагъ Балыка, сорвалъ его юрту, одѣвши арканомъ, и отсѣкъ голову. Но войско Балыка и русскіе погнались за богатыремъ и, не допустивъ его до Мамыта, сдѣлали схватку. День былъ жаркій, потому Мылтыгъ-ахша, носившій колычугу, часто уклонялся подъ тѣнь березы. Заутильнъ это, одинъ изъ русскихъ воиновъ скрылся подъ лежащую близъ той другую березу, и когда Мылтыгъ-ахша приближалъ подъ тѣнь березы и под-

наль съ лина кольчугу, русеѣй выстрѣляли ему въ лобъ и убить. Отрадь Мылтык-ашии былъ вѣнчъ.

Мамитъ оправдался предъ русскими тѣмъ, что его намѣреніе было только убить Балыка за обманъ, и остался въ нашемъ подданствѣ. Погосту народъ Балыка отдѣлился отъ Мамыта и поселился ниже по р. Томи, получить названіе *Скедамовъ*.

Примечаніе. Скедами, какъ и Бачатскіе телеуты, были идолопоклонники; но, соединясь съ татарами—ташкентцами, живущими въ гор. Томскѣ въ недавнее время, не болѣе 50 лѣтъ, обратили муллами въ магометанство.

Магометане—телеуты и Бачатскіе телеуты, находясь въ близкихъ сношеніяхъ съ томскими татарами, приняли отъ нихъ нѣкоторыя измѣненія въ своемъ нарѣчій.

3) О междоусобной войнѣ Амыр-Санаги съ Чаган-Наратаномъ, о происхожденіи народа Тургуты и о подданствѣ Росіи алтайскихъ калмыковъ.

Когда *Ойрот-хан* умеръ и когда отъ междоусобныхъ войнъ царство его распалось на части, главнымъ начальникомъ Ойротскаго войска въ то время былъ *Амыр-Санага*, а начальникомъ надъ частью народа алтайскаго (въ родѣ губернатора)—*Чаган-Нараттан*, живущій въ Тарбахатахъ. Чаган-Нараттанъ произвелъ ревизію у алтайцевъ и другихъ Ойротскихъ племенъ и задумалъ всю власть надъ народомъ и войскою присвоить одному себѣ. Амыр-Санага во-время узналъ объ этомъ и поспѣшно отдѣлился отъ него съ своимъ войскомъ. Поднялась жестокая междоусобная война. Послѣ многихъ незначительныхъ покушеній съ той и другой стороны, оба войска сошлись, наконецъ, на р. Чарышѣ, гдѣ произошла между ними рѣшительная битва: Чаган-Нараттанъ, не дожидаясь конца сраженія, сбѣжалъ съ своими приближенными, въ числѣ 62 человекъ, и скрылся въ пещерѣ, находящейся близъ устья р. Усеи, на правомъ берегу р. Катунь. Между тѣмъ алтайцы, подъ начальствомъ Коо-Каплина, одержавъ побѣду, лишились въ тоже время и этого начальника. Прогнанный Амыр-Санага за р. Иртышъ, они, не найдя между убитыми Чаган-Нараттана, развелись по горамъ для его поисковъ. Наконецъ, открыли его убыжце. Питаясь и отсюда убѣжать, Чаган-Нараттанъ былъ однако-жъ пойманъ на одной маленькой рѣчкѣ, которая и называется теперь вслѣдствіе этого *Бій-тутка* (начальникъ пойманъ), а пещера, гдѣ онъ скрывался, названа *Бій-ишиси* (защита или крѣпость начальника). Она находится на горѣ *Тармак* (пороховая). По угадъ этой пещеры въ настоящее время названы нѣсти животныхъ, должно быть, идоложертвенныхъ. Камешныя стѣны пещеры какъ-бы потѣютъ: это отъ испаряющаго свойства, она застываетъ и осыпается, цвѣтъ ея темно-сѣрый.

Говорятъ, что калмыки изъ этой осеми, сдѣлавъ порошокъ, варили

въ водѣ съ сѣрою и углемъ и получали изъ этой смѣси порохъ, прибавляя медвѣжьё или сурковую желчь. Раздраженныя грустностью Чаган-Нараттана, алтайцы сказали ему: «Если ты во время войны оставилъ насъ, то мы оставляемъ тебя и во время мира; ты не жалѣть насъ и бросить, теперь и мы не жалѣемъ тебя и не признаемъ своимъ начальникомъ.»

Другіе два начальника Ойрот-хана, жившіе при вершинѣ р. Чуи, *Курдон-Убан* и *Шерен-Убан*, указывая отъ войны между Чаган-Нараттаномъ и Амыр-Санага, продолжавшейся три года, ушли съ своимъ народомъ къ *Эдэн-сану* (китайскій императоръ). Когда они переходили большую рѣку въ китайскихъ префѣлахъ, ихъ застигла осень, вода стала покрываться льдомъ. Большая часть народа Убанова уцѣла перейти рѣку, а малая часть осталась за рѣкой и вовсе отсталъ отъ своихъ. Рѣка эта получила названіе *Тургуты*, а народъ—*Тургуты* (*тунгус-ханан*—остался). Курдон-Убанъ сталъ называться *Талай-лемюмъ*, потому что онъ *талайланча-кырленъ*, т. е. поднято или вооруженно рукою вошелъ въ китайскую землю. Ханство его находится въ смежности съ землемъ сойонцевъ, на р. Кемчурѣ, отъ китайскаго пограничнаго знака *Каму-обо* до столпий Талай-хана 1 день ѣзды. Союины, во время путешествія въ Пекинъ съ податю, проходятъ чрезъ землю Талай-хана; народъ его называется *Тербет*. Тургуты-же размѣнились во все стороны: въ Вухарію, Коканъ, есть и около Тобольска. Чаган-Нараттанъ-таймаи также ушелъ вѣдѣть Курдон-Убана къ Эдэн-хану и поселился съ своимъ народомъ въ земляхъ Талай-хана. Амыр-Санага лишился убитыми до двухъ третей своего войска и съ остальными, какъ сказано было, скрылся за Иртышъ. Тамъ, соединившись съ тургутами, поступилъ въ подданство Росіи, въ царствованіе Екатерины II, принявъ, какъ дворянствъ, и названъ *Краснокошкымъ*.

По угодъ Чаган-Нараттана въ Китай, предводитель монголовъ *Чадок*, сынъ Эзена, вторгнулся въ Алтайскій горъ и хотѣлъ покорить подъ свою власть оставшихся безъ начальника алтайцевъ; но предпріятіе его не удалось: разбитый алтайцами, предводителями храбрыми Тѣдетомъ, на голову, онъ не далеко отъ р. Чуи, между рр. Улегономъ и Лламаномъ, на полѣхъ *Мунчи-лаан*, оставилъ такой намятникъ, изъ котораго можно видѣть о многочисленности его войска при вступленіи въ Алтай и о малочисленности при отступленіи. Это два холма, состоящіе изъ булыжника: алтайцы говорятъ, что, идя впередъ, Чадокъ приказалъ каждому воню бросить по камню, отчего состанися первый большой курганъ, а идя назадъ съ разбитыми остатками войска, онъ вѣдѣлъ опять каждому воню взять съ прежняго кургана по камню и бросить потѣтъ, отдѣлюсь; отъ этого образовался курганъ вторе менѣе перваго. Но чтобы еще болѣе отбить охоту нападать на Алтай, Чадокъ описалъ исторію несчастнаго своего похода на скалѣ *Бѣсѣту-лая* (писанъ

*) Вѣроятно, *тюркитъ*, *тюркитъ*—однѣ изъ союзныхъ народовъ ойротства.

ная гора), на правом берегу р. Катуня, въ одной верстѣ отъ устья р. Чуи. Огромный этотъ утесъ синю вездѣ, гдѣ есть ропное мѣсто, весь писаный частыми строками и разнородными изображеніями птиц и животных. 4)

Между тѣмъ алтайцы, хотя и обитали отъ недритѣи, но и сами потеряли большой урочъ. Болея поважъ нападеній со стороны монголовъ и видя, что нельзя имъ оставаться безъ хана, они поспешили въ подданство Русскаго царя.

И тогда-то они, взоидя на гору *Ялмыскъ* (вѣчная гнива), изъ которой вытекаютъ рѣчки *Себи* и *Короты*, и видя Алтай опустошеннымъ, безъ жилищъ и жителей, восгѣли:

Устуртун курэдо и т. д.

(см. дагѣе, р. Пѣсн⁴, № 1).

4) О Телецкомъ озерѣ.

Въ давно-минувшія времена во всемъ Алтайѣ былъ голды. Одинъ калмыкъ обладалъ большимъ слиткомъ золота, но обидя весь Алтай съ своимъ скоровищемъ, не могъ приобрести на него ни одного куска хлѣба. Раздосадованный богатырь брѣднѣе бросилъ свой слитокъ въ озеро и самъ погнбъ въ волнахъ его. Оттого Телецкое озеро на языкѣ алтайцевъ называется *Алтын-нор* или *Алтын-кумъ* (золотое озеро).

5) Мрасскій порогъ.

Въ 100 верстахъ выше устья р. Мраси бурлитъ и странно клочкочетъ извѣстный *Мрасскій порогъ*, на протяженіи 7 верстъ, соединенный между горами. Волны выше сажени вздымаются чрезъ разбросянные на днѣ огромной величины камни, отъ рева ихъ не слышно и громаго разговора. Такіе же камни находятся и по обоямъ берегамъ, равно какъ и на горѣ съ правой стороны, имѣющей видъ развалинъ. Плоты и лодки, освобожденные отъ клади, спускаются чрезъ порогъ на веревкахъ, а кладь переносится на тропѣ, съ правой стороны проложенной по камнямъ. По обоямъ берегамъ вѣяются остатки исковерканныхъ плотовъ и осколки золоты, свидѣтельствующіе о небезопасности путешествія.

По преданію мрасскихъ инородцевъ, въ древности рѣчка протекала сквозъ гору мрасчанъ ущельемъ, въ которое проходили съ закованнымъ смольемъ; но подобный прохощъ прежи ихъ нашли не удобнымъ и обратились чрезъ

4) Впрочемъ, мѣтлы о писателяхъ и содержаніи написаннаго различны. Некоторые утверждаютъ, что это писалъ Еврот-ханъ исторіе своего наречіи. Другіе говорятъ, что это написано не болѣе, какъ лѣтъ 60 китайцемъ Талыемъ, который описалъ здѣсь не только жителей Алтай, но зверей и птицъ, живущихъ по горамъ, и трудная надъ этимъ ронно два тѣла. Не зная китайскаго языка, рѣшить трудно. Подобная-же *Вѣстникъ* имъ есть на устьѣ р. Карагола.

своихъ шамановъ къ хозяйну горы—*ту-ээи* съ моленьемъ: „Нельзя-ли уничтожить это ущелье?“ *Ту-ээи* велѣлъ имъ принести ему въ жертву одну старую женщину, по имени *Манакъ*, опустивъ ее въ ущелье на *салмыкъ* (небольшой плотъ), безъ огня. Такъ и сдѣлано. Когда Манакъ доплыла до средины ущелья, гора съ шумомъ и трескомъ налетѣла на нее. Эта ужасная гора, у подошвы которой находится порогъ, и доселѣ носитъ названіе своей жертвы—*Манакъ*.

6) Богатыри р. Катуня.

Два Катунскихъ богатыря, отецъ съ сыномъ, задумали прославить свое имя постройкою прочнаго моста чрезъ бурную Катуню. Работа началась съ исполнской силой. Добрый духъ Ульгэня помогалъ имъ, но съ условіемъ, чтобы во время работы они держали себя въ чистотѣ. Огромные камни посылались съ той и другой стороны своевольной рѣки; осталось не болѣе сажени на срединѣ для арга, подъ которою предвзначено течъ водѣ. Но днѣ, вечернѣе, мощные труженники прелатаются усалитанному отдохновенію; добрый духъ Ульгэня охраняетъ ихъ покой. Вотъ они пробуждаются. Отецъ, схвативъ кривыми руками брѣмя камней, сплнннлъ къ трудямъ своимъ, но видящъ, что много камней въ насыпи поглождено Катунью, потому что сынъ его не соблюлъ условій добраго духа. Отецъ богатырь, съ негодованіемъ на челѣ, садится на ближайшій камень и грустно смотритъ на недооконченное предпріятіе. Слѣды его сидѣнья и огромныхъ боюхъ ногъ отпечатались на камняхъ и съ остатками насыпи сохранились доселѣ выше устья р. Чемала.

7) Богатырь горы Катуня. 1)

Въ 70 верстахъ отъ г. Кузнецка, на правомъ берегу р. Кондомы есть гора *Катуня*. Вершина этой горы вѣчнаея каменнымъ утесомъ; у подошвы ея находится утѣсъ Подкатунскій, мѣсто рожденія въ древній времена извѣстнаго между инородцами богатыря. Богатырь этотъ еще въ отрочествѣ

1) Алтайскій горъ, зазначательная или своею высотой, или опасностями, были до потопа богатыри. Нѣкоторые изъ этихъ богатырей, еще до потопа-же, владѣли родителемъ или другихъ завалитъ, были превращены въ горы.

Послѣ потопа земля лишилась первоначальной своей твердости и не могла держать на себѣ богатырей, поэтому все они превратились тѣлами въ горы, въ которыхъ присутствуютъ духи ихъ, подъ именемъ *ту-ээи* (алт.) или *та-ээи* (аван.)—хозяинъ горы, горный духъ. Алтайскіе—значитъ этия горымъ духамъ казались и приносили жертвы, устремлять предпріятія (бессонной ночью), предъ примѣтнѣе тиши перваго тра дожи видности брѣднѣе на воздухъ въ честь золотыхъ горъ, съ восклицаніемъ: *чотъ!* (алт.) *чотъ!* (аван.). Изъ долготной жизни богатырей (въ пародіяхъ предѣлахъ) особенно обращено вниманіе на свадьбы и войны ихъ. Слабѣйше, какъ и всегда, уступили и платили данъ. Меньшія горы, хотя не были богатырями сами, но были свидѣтелями героическихъ подвиговъ богатырейскъ и остались памятниками замѣчательныхъ событій.

ужасал во всё необыкновенною силою: въ дѣтскихъ играхъ, кого онъ схватитъ за руку, рука прочь, за голову—голова летитъ; медвѣдей зягътъ новый Самсонъ разрывалъ руками. Бывало, отецъ приказитъ ему загнать корону, онъ схватитъ ее въ охапку и принесетъ домой; приказитъ, шута, принеши огромную сосну на дрова, дерево трещитъ и съ корнями мчится по назначенію. Такимъ образомъ богатырь нашъ достигаетъ 10-ти дѣтняго возраста. Сила его, годъ отъ году, возрастала; только къ огорченію родителей и ужасу окружающаго его общества, ума у него не хватало. А сила безъ ума, равно какъ и власть, дѣло—*чабаа* (злохо). Родители и сосѣди задумали порицать эту безумную силу слѣдующею хитростью: на утесѣ Катуня, въ теченіе 6-ти ноцѣвъ, раскаляютъ большой камень, и потомъ отецъ сказалъ сыну: „Ну, милый смѣхъ, поиди, встань на берегу рѣки и смотри на утесъ, мы оттуда будемъ гнать красного оленя, а ты его хватай и держи до моего прихода.“ Раскалившейся камень летитъ съ Катунскаго утеса, богатырь его хватаетъ; камень жегетъ его богатырское сердце, но онъ говоритъ самъ себѣ: „Пусть всего меня ты изожжешь, а умъ и тебѣ не выпуну, пока не придетъ батюшка,“ и, дѣйствительно, не выпустилъ, но зато и попластала своею жизнью. Изъ дальнихъ родственниковъ этого богатыря—мальчика въ настоящее время сохранились только двое: инородецъ улуса Подкатунскаго *Киштея* съ своею сестрою ¹⁾).

8) Гора Катунь.

Гора *Катунь* такъ-же замѣчательна въ метеорологическомъ отношеніи, какъ и гора *Вабурин* (въ 60 верст. отъ г. Бѣска, на лѣвомъ берегу р. Катуня).

Обѣ эти горы заблаговременно предвѣщаютъ измѣненіе погоды: первая—необыкновеннымъ восемъ, а послѣдняя закрываетъ высокое чело непроницаемымъ туманомъ. По преданію, одна татарская женщина, лишившись любимаго своего супруга, взвѣхала на каменный утесъ и, завязавъ коню своему глаза, припорила его и ринулась въ бездну. Съ тѣхъ поръ свидѣтель этого печальнаго происшествія, въ воспоминаніе, возмъ спидѣть олдываиваетъ погибшую жену и, въ воспоминаніе о ней, получилъ названіе *Катуня* (Катунь—жена). По другому сказанію, Катунь была женою Мустага (см. ниже, № 9), котораго она оставила за облые у лѣн ный.

У лѣн было 18 словей: 1) Улуу-дагъ—при р. Учучельн, 2) Шобалынъ—въ вершинѣ р. Тешива, 3) Контга-узу, 4) Контга-кѣи—при р. Учучельн, 5) Шобар—при утесѣ р. Тешива, 6) Кученеш—при утесѣ р. Тама-

¹⁾ Между тѣмъ уже всѣхъ подготуиваетъ прѣвѣствителю: „*Алы Катунь ая! Кымы даяи кучастыаа куралымъ кувѣн. Палытмъ мѣнъ чѣпѣра жысамъ.*“ (Гуцунимъ—катуци! Вы держали въ своихъ объятіяхъ красный (отъ огня) камень и прогнати себѣ брѣкю, а у ребитъ выдывали мотъ.“

лы, 7) Ачулогъ—между рр. Тазомъ и Тельбесемъ, 8) Уек, 9) Кара-губо, 10) Таз-анк и 11) Таселабие—недалеко отъ р. Ачулуга, 12) Тору-даг и 13) Назій—между рр. Тазомъ и Кунделемъ, 14) Кызы-гаа—при утесѣ р. Тава, 15) От-аттыгъ—при р. Кояломъ, 16) Карагайы-дагъ—при р. того-же имени, 17) Улуу-шобар и 18) Кѣи-шобар—близъ улуса Подкатунскаго, рядомъ съ своею матерью.

9) Мустагъ, Карабуръ и Абганъ.

Гора *Мус-таг* (единная гора) находится къ сѣверу отъ хребта Абаканскаго. Въ дологоное время Мустагъ, оставивъ въ своемъ владѣннѣи наместника, самъ отправился въ Китай для женитьбы на высватанной имъ *Кенди*. На возвратномъ пути, близъ села Салтона, на границѣ Бѣскаго и Кузнечкаго округовъ, встрѣчаетъ его наместникъ его и объявляетъ, что въ его отсутствіе *Абаган*, пришедши съ вооруженною силою, завоевалъ его владѣнія. Мустагъ вѣпонахахъ бросилъ молодую жену свою, которая и теперь стоитъ близъ села Салтона и замѣчательна тѣмъ, что, при самой тихой погодѣ у полошны, на ея вершинѣ лѣтомъ дуютъ вѣтры съ необыкновеннымъ шумомъ, какъ-бы отъ плеска волны, а зимою свирѣпствуютъ бурани. Это Кенди олдываиваетъ своего друга Мустага, прибывши домой, встаетъ въ бой съ Абаганомъ, но неудачно, и обращается за помощію къ старшему сыну своему *Карабуръ* (гора въ 45 верст. отъ Мустага), который, обидѣвшись на то, что не былъ приглашенъ къ началу сраженія, не пошелъ на помощь. Побитый отецъ снова проситъ о помощи горлаго сына. Карабуръ уничижается; прѣвѣтъ, заглядъ въ трубу (*ири*), и Абганъ, не стерпѣвъ трубнаго звука, вышелъ изъ владѣннѣи Мустага; но этого мало для Карабура, онъ шутитъ не любить и въ догонку просадилъ прага своего богатырской силой въ 9 мѣстахъ, отчето образовалось 9 *тасамъ* (сопки), которая и до сего времени стоитъ на г. Абганъ, но слидѣтельство его поражениа. По дорогѣ Карабуръ взялъ еще изъ владѣннѣи Абагана за понесенная военная издержки 4 тайги: *Сабивади*, *Кыыр-Сабивади* (*кыыр*—кривой), которая хотѣла-было убѣжать назадъ, но завоеватель тайъ ловко ударилъ ее по шее, что она скривилась на бокъ. *Шеръ* и *Пазы*.

Шаманы въ своихъ волшебныхъ дѣйствіяхъ призываютъ на помощь себѣ всѣ замѣнныя горы и, когда подходятъ къ сѣдитому Карабуръ, представляютъ страхъ, пятаия назадъ, особенно во время осенней *абурткы*, при обновленнѣи бубна. Карабуръ всегда остается на доволонъ бубномъ, требуя большаго размѣра. Памятъ подобострастно оправдываетъ неизмѣннѣи большаго величинны моралины, которую обтнвываетъ бубны, тотъ выноситъ книги величнннн по сажени, отыскиваетъ тамъ подробное описаніе бубна, но, умилостивленнѣи абурткою, умоляетъ.

Мустагъ, оставивъ Кенду, привсватала за дочь богатыря *Шанчѣмъ* (гора на лѣвомъ берегу р. Мриси). Этогъ не отдадъ. Оскорбленнѣи Мустагъ.

откололь свою богатырскую саблей большой кусок отъ Шангъиха и вдалъ дочь его силою. Откололь этотъ и до его времени стоитъ рядомъ съ горой, отъ которой отрѣзанъ.

Младший сынъ Мустага *Кізей* (грубый) часто проигрывалъ отца, и за это былъ прогнанъ въ дальнюю сторону отъ родительскаго дома. На дорогѣ въ изгнаніе попалъ ему г. Ульи и стала любопытствовать, отчего произошло у нихъ несчастье съ отцомъ? Это неумное любопытство и непрошенное вѣзвѣстельство въ семейный дѣла еще болѣе раздражали и безъ того уже огорченнаго Кізея, и потому съ досадою онъ такъ хватилъ Утью, что въ вершинѣ ея пробилъ окно, величійно съ большою дымъ. Прогнанный Кізей въ настоящее время покоится при р. Музасѣ.

10) ^{Азрадаш} Азрадаш.

Абаганъ держалъ въ подчиненіи Мустага. Однажды Мустагъ замедлялъ оборотъ дани съ своихъ подчиненныхъ и послалъ своего почталіона Азрадаша попросить у Абагана отсрочки, съ наказомъ посланному, чтобы онъ не медлялъ несколько въ дорогѣ. Азрадашъ летитъ къ Абагану, но на р. Кондомѣ встрѣтилъ красивую женщину съ распущенными волосами, прельстился ею и замедлялъ. Абаганъ, соскучаясь дожидая дани, не видя и извѣстія, напалъ на Мустага, разбилъ его и отобралъ отъ него саблю, которые и до сихъ поръ водятся преимущественно на Абаганѣ. Мустагъ, въ казаніи, превратилъ Азрадаша съ прельстившею его женщиною въ раздвоенный камень, который и по настоящее время возвышается изъ Кондома, пониже устья р. Там-су, верстахъ въ 11 выше Спасаекаго золотого промысла.

Въ мирное время Абаганъ съ Мустагомъ поигрываютъ въ карты, и, смотря по проигрышу, бѣди и другая проигранная пушина переселяются то съ Абагана на Мустага, то наоборотъ.

11) Туралыгъ.

Каменная гора *Туралыгъ* находится въ 10 верст. ниже Мрасскаго порога, на правомъ берегу. Однажды она направилась къ черныиъ породчымъ вверхъ по р. Мрасѣ. Туралыгъ началъ бросать въ нее камнями. Она превратилась въ двухъ змій и ползала по горѣ, но Туралыгъ не вдался въ обманъ. Онъ приволазилъ змій къ утесу, которыя и до сихъ поръ, въ видѣ двухъ черныхъ извилистыхъ полосъ, отражаются на желтоватомъ камнѣ. Въ признательность за это благодѣяніе Туралыгъ чувствуетъ шаманами во время ихъ суевѣрныхъ дѣйствій паравитъ съ другими горами, чѣмъ-либо знаменитыми.

12) От-аттыгъ тапъ.

От-аттыгъ тапъ (стрѣльный камень) находится на правомъ берегу р. Кондома, въ 55 верст. отъ г. Кузнецка, названъ во времена отдаленныя, когда въ Алтаѣ жила безпокойная Чудь и дѣлала набѣги на острогъ Кузнецкій. Во время перваго нападены своего, Чудь, дошедши до юрта татарина *Кузедей* (отсюда уездъ Кузудескій, въ 60 верст. отъ г. Кузнецка, на лѣвомъ берегу р. Кондома), кочевавшаго съ своими стадами въ 7 верст. отъ остроконой, отвѣсной скалы, принудили его быть вожатымъ до острога Кузнецкаго. Кузедей уступилъ сыну и, противъ желанія своего, повелъ многочисленную Чудь. Поронившись со скалою, онъ похвально прехдъ Чудью своею локотью стрѣлять изъ лука: пуцелная ивъ стрѣлы воткнулась въ самую вершину скалы, отчего послѣдья и наименована *Стрѣльнымъ* камнемъ. На этомъ камнѣ произрастаютъ, между прочимъ, *розень, бадьяры, каменный зверобой, казаніи можжевельникъ* и особенный видъ лили, на подобіе кандыку, очень красивый и болѣе въ Алтаѣ мнѣ нигдѣ не встрѣчавшійся. За этииъ утесомъ и до сихъ поръ видна глубоко выбитая конскими копытами тропа: это, по преданію, путь Чуди.

13) Китаѣйскій богатырь Садагай.

По преданію ииородцевъ Кузнецкаго округа, живущихъ по р. Мрасѣ (впадетъ съ лѣвой стороны въ Томь), въ старые годы, на ихъ мѣстѣ жили китаѣйцы. Памятникомъ ихъ существованія осталосъ: *завѣдка китаѣйца*— два большыа камня на лѣвомъ берегу р. Мрасы, въ 37 вер. выше ея устья. Былъ у китаѣйца и богатырь *Саданай*, который падлъ на словомъ конѣ необыкновенной величины, такъ что, въ переѣздахъ чрезъ глубокія рвыи, вода никогда не достигала выше стремянъ. Въ семействѣ Садагаа было 9 женъ, которыхъ онъ бралъ одну за другою, въ надеждѣ имѣть дѣтей, но за многоство Богъ отказалъ ему въ дѣтяхъ. Однажды жены его, собирая въ лѣсу дрова, увидѣли огромнаго медвѣдя и, прибѣжавши домой, съ ужасомъ рассказали объ этомъ своему мужу. Садагай приказалъ княжить воду въ котлѣ, обидѣвшись сейчасъ принести имъ на варено мясо этого медвѣдя, но выпало не такъ. Въѣсто одного часа, онъ провелъ въ единоробѣтѣ съ медвѣдомъ трое сутокъ и, наконецъ, обезсиленный, былъ растерзанъ звѣремъ. Поразивши богатыря, кровожадный звѣрь бросился и за конемъ его. Солонку 4 дня бѣгалъ отъ медвѣды, но на 5-й выбѣлся тоже изъ силъ, былъ пойманъ и брошенъ съ горы такъ сильно, что, отъ его паденія, образовался подземный провалъ, наполненный водою, существующій и донынѣ, подъ именемъ *курмъ* (заливъ) на лѣвомъ берегу р. Мрасы, въ 12 вер. отъ ея устья.

14) Тохнак-ажингы.

Расположение горы при рывках бывает самое разнообразное; часто рывка прямо упирается в гору и гйаветь круглой поворотъ въ сторону, отчего нердко приходится обигать горы кругомъ, дйлая извилину отъ 5—15 верстъ. Эти кроки называются *тогнак-ажингы* (*тогнак*—дровоколотная палка, *ажингы*—перевалившаяся чрезъ гору). Въ подобныхъ извилистыхъ рывкахъ богатыри, обыкновенно, имйли *защды* для рыбной ловаи. Дровоколотная палка у сосйде—богатырей, промышляющихъ рыбу съ двухъ противоположныхъ сторонъ одной и той-же горы, обыкновенно, бывала общая и требовалась часто обоимъ богатырямъ. А такъ какъ обходить гору за палкою далеко, то они перекидывались ею прямо чрезъ гору, отсюда и название *тогнак-ажингы*.

15) Столкновение Абагана съ Бобыргомъ.

Бобырган—гора на йвномъ берегу р. Катуня, противъ устья р. Майны. Бобырганъ вздумалъ жениться и посылался за дочъ Абагана. Абаганъ много запрашивалъ калыма. Бобырганъ видящъ, что калыма въ запрошенномъ количествй ему не найдти, рйшился съдйлавать повороче: укралъ невйству и побжзалъ. Абаганъ погнался за нимъ. Бобырганъ, недалеко отъ вершины р. Салтона, носкользнулся и едва не былъ достигнутъ Абаганомъ. На этомъ мйстй образовалась чрезъ р. Бюю (въ 30 верстахъ отъ Те-гид). Абаганъ гонится; для облегченйя Бобырганъ бросаетъ свою невйству и удираетъ одинъ. Абаганъ, догнавши свою дочъ, хотйлъ ее зарйзать, но она взмолилась: „Кесе!“ (не рйжь!). Гора Кесе находится близъ деревни Лебяжьей. Абаганъ пожалйлъ свою дочъ, оставилъ ей жизнь и, взявъ ее съ собою, продолжалъ гнаться за Бобырганомъ. Но такъ какъ дочъ обременала его во время погони, то онъ привязалъ ее. Мйсто это—сонка *Пурманан*, въ переводъ: „привязать“ (между деревнями Красноярной и Березовкой). Абаганъ послй того, какъ привязалъ дочъ свою, сталъ обозрывать мйстность и, увидявъ бйгущаго Бобыргана, сказалъ: „допъ онъ красивйтъ“. Мйсто, куда онъ указалъ—*Мазаракъ* (красивйющая)—гора между селениями Быстринскимъ и Бардинскимъ. Бобырганъ, услышавши голосъ Абагана, побжжалъ вправо, но направленно къ деревнй Сростамъ и, замйтивъ удобную переправу чрезъ р. Катуня, перескочилъ ее и побжжалъ далйе. Но отъ испуга или отъ прыжка оборвался у него йвноторая часть тйла; именно *тажакъ*, и тутъ образовался круглый пригорокъ на обширной ровной степи, близъ деревни Стовки. Абаганъ, увидйвши это, не сталъ переправляться чрезъ р. Катуня, хлопнутъ себя по бодрямъ, расхохотался и возвратился домой.

16) Кылагы.

При р. Кылай-зу, выходящей въ Кобыр-зу, на одной сторонй находится гора *Кылагы*, а на противоположной сторонй рывка—утесъ отъ семи гриваихъ. Кылагы былъ вдова, имйла семь дочерей. Одинъ богатырь полюбился за одну изъ дочерей. Кылагы подеромлилась, и за это богатырь забралъ себй всйхъ ея дочерей, которая, въ видъ семи отдйльныхъ гривей, и доднесь поживають при р. Кызымырк-голт.

17) Мазаракъ.

На правомъ берегу р. Мрасы, противъ устья р. Онзаса, находится *Мазаракъ*, сражавшійся съ китомъ (*кър-башкы*), заплывшимъ въ р. Мрасу и потопившимъ-было прибрежныхъ жителей. Мазаракъ бросилъ двумя большими камнями, которые и теперь лежатъ, высушувшимся изъ р. Мрасы, въ видъ воротъ, о которыхъ иногда разблваются плоты. Этими камнями богатырь такъ сильно ранялъ кита, что онъ, немного проплывши, издохъ на томъ самомъ мйстй, гдй протекаетъ рукавъ Мрасы—*Омекъ* (узершй), противъ улуса Сосновой Гора.

18) Кызыл-гай.

На правомъ берегу р. Мрасы, въ пяти верстахъ выше улуса Сосновой Горы, издали красивйтъ гора съ твердого охромъ красного цйфта. По преданйо, здйсь жили въ пражняа времена народцы Панской волости, въ числй 470 домовъ. Въ одномъ семействй было 9 братьевъ, изъ которыхъ двое пошли промышлять въ тайгу и до того увлеклись охотою, что позабыли и время, спустились съ бйжковъ и увидйли, что рывки очистились отъ льда и зеленъ вышла въ колйно. Ясно, что весна, но которая? Можетъ быть, уже вторая послй ихъ отлучки изъ дома, потому что на бйжкахъ время года узнать мудрено: тамъ вйчная зима. Припомнивъ о своей добычй, они соорзили, что дйло недалеко, такъ какъ изъ 9-ти убитыхъ ими медвйдей не оказалось ни одной самки. Они спйшлись домой, какъ только можно спйшлись йвшею ногою и притомъ съ порядочною ношей за плечами. Пришли домой неожиданно. Семейства ихъ перестали считать ихъ живыми. Жена одного изъ вернувшихся звйрлововъ вступила во второе супружество. Заволявшие промышленники, рассердившись за такйо непорядки въ домъ, убий жуенызмйщину съ нарушителемъ супружеской вйрности. Судитьея такого преступленйя—*Кызыл-гай* обгабралась кровью (отчего и теперь красна), на всю Панскую волость ошло проклятие: родъ ихъ былъ одного сына въ семействй никогда не производилъ. Изъ *сйбкы* (покоявня) девяти братьевъ и десятъ живы въ улусй Чувашей (на Мрасй) Семень Кушевей и Павелъ Падивей.

19) Улу-тар.

При устьи р. Мрасы, впадающей в Томь, замѣчательны скалы изъ камня—песчаника съ галькою, вдавленною какъ-бы въ цементъ. Скалы эти имѣютъ причудливыя формы колоннъ съ наривами, слышущихъ подъ именемъ старинныхъ богатѣй. Все гора съ каменными витаями называется *Улу-таи*, а одинъ круглякъ, якобы растущій вверхъ, — *Каролчукъ* (караульничекъ). Одинъ камень, по сказанью, имѣлъ форму человѣка, но воевода города Кузнецка выслалъ на погубленіе его десять человѣкъ вооруженныхъ солдатъ, которые и отрѣзали ему голову. Срѣзанная голова, похожая, впрочемъ, не на голову, а на толстую плиту, валается у подошвы горы и донысь. Въ отищеніе за это, губители успѣли только перенравиться на другую сторону (лѣвую) р. Томи и тамъ всѣ померли, исключая одного, который-бы сказалъ о случившемся.

20) Курт-як-тап.

Впадь устья р. Вугучи, впадающей въ Мрасу, на правой сторонѣ стоитъ стражемъ утѣсь *Курт-як-тап* (камень-старуха), который выше себя не пропускаетъ шукъ. И дѣйствительно, выше этого утѣса шукъ въ Мрасѣ почти нѣтъ. Если-же которая изъ оттаявшихъ шукъ забереетъ выше стража и попадетъ въ ловушку, то ее, изъ опасенія смерти, выпускаютъ на свободу.

21) Ак-гая.

Ак-гая (бѣлый камень) стоитъ на лѣвомъ берегу р. Кондомы. Были два соменныхъ кама: старшій *Ак-гая* и младшій *Ак-гая*. Меньшій *Ак-гая* ѣздилъ шаманить къ большому Тайнгинѣ, облегчилъ его болѣзнь и получилъ въ подарокъ халатъ. Старшій *Ак-гая*, за характеристики котораго должно сказать, что онъ ковалъ раскаленное жѣлѣзо одними своими руками, употребляя пальцы вмѣсто щипцовъ, а кузакъ вмѣсто молота, — возренивалъ, что отъ него отбиваютъ доходъ и провратилъ младшаго своего брата въ камень, который и донысь стоитъ рядомъ съ старшимъ братомъ, а до этого случая онъ жилъ выше устья р. Блдрана.

22) Панто-газая.

Утѣсь *Панто-газая*—при р. Кондомѣ, недалеко отъ устья р. Корды. Утѣсь этотъ замѣчательнъ тѣмъ, что былъ змѣною столпкою богатѣйра Ольгудека. Было время, когда Аладатчи (черныя татары Кузнецкаго округа) дани никому не платили. Но вотъ напали на нихъ ойроты, завоевавъ ихъ и обложивъ ясакомъ. Одинъ только аладатчій богатѣйра Ольгудекъ не подчинился ойротамъ, стараясь вѣчноски избѣгать ихъ. Жителство богатѣйра

было бѣнѣт Спасекаго золотого промысла, и именно лѣтомъ при р. Кылданѣ (въ 15 веръ), а зимою на утѣсѣ Панто-газая (въ 100 саж.). Ойроты долго искали Ольгудека безуспѣшно, наконецъ застали его на рыбалкѣ р. Кондомы. Ольгудекъ, завидѣвъ ойротовъ, бѣжалъ отъ нихъ на гору Карабуртъ и свѣрзался въ пещеру неприступнаго утѣса. Ойротскій богатѣйра, одвѣтъ въ колуцугу, встрѣлялъ въ Ольгудека, но стрѣла не долетѣла до него. И Ольгудекъ съ своей стороны не дремалъ: онъ выстрѣлялъ въ ойрота, прострѣлилъ его насеконъ, такъ что стрѣла воткнулась въ камень. Ойроты подхватили убитаго своего богатѣйра, привязали въ торока и увезли домой. Потомъ для поимки Ольгудека прѣхали съ большими силами, взяли его въ плѣтъ, руки и ноги связали смротными ремнями и повезли въ свою сторону. На среднѣ ихъ пути стоитъ камѣнь, величиною съ корову, похожий на нее и видомъ. Не долѣвая до этого камня трехъ верстъ, ойроты предложили Ольгудеку соизгаться съ ними въ стрѣльбѣ, прицѣливаясь въ камень-корову. Сначала стрѣляли ойроты, но ихъ стрѣлы не долетали до камня. Ольгудекъ просилъ развязать его, пустилъ стрѣлу, разбилъ камень на двое и воишалъ стрѣлу въ среднюю большую березу, которая стояла за камнемъ. Прибывши въ ойротскую землю, спутники Ольгудека объявили своему народу о силѣ и ловкости своего плѣнника. Ойроты, желая убѣдиться въ справедливости разсказовъ своихъ одноплемениковъ, предложили Ольгудеку пустить стрѣлу въ теленка на расстоянїи 10 верстъ, съ тѣмъ условїемъ, что если стрѣла угодитъ въ лобъ теленку, тогда отпустятъ его, богатѣйра, домой. Ольгудекъ просилъ ойротовъ развязать ему руки. Желаніе его исполнено. Ольгудекъ стрѣляетъ разъ, но стрѣла не долетѣла до теленка 5-ти сажень; стрѣляетъ онъ во второй разъ,—стрѣла полетѣла мимо теленка, упавъ въ 5-ти саженьхъ далѣе его. Тогда Ольгудекъ просилъ дозволить ему попробовать своего счастья въ третій разъ, но съ тѣмъ, чтобы развязали ему и ноги. Получивши на это согласіе, онъ отставилъ отъ себя ногу на аршинъ, прицѣлился и хватилъ теленка прямо въ лобъ, навывалъ въ задній проходъ. За это въ поднѣтъ ойроты чрезъ три года (такъ-какъ онъ стрѣлялъ три раза) отпустили Ольгудека въ сопровожденїи войска въ 300 человѣкъ. Немного не долѣвая до мѣста своей родины, Ольгудекъ захворалъ и померъ. Братъ его Олакъ, услышавъ о смерти Ольгудека, настоялъ на томъ, чтобы, вмѣсто умершаго брата, взять кого-либо изъ провозащихъ ойротовъ и женить на вдовѣ посѣб Ольгудека. Отъ этого ойрота и вдова богатѣйра произошла поколѣнїя *пантыка* (золотой старшина) Шорской волости *Эбиски*, впоследствии крестника моего Иаы Васильевича Томашева, который кочевая свои бѣнѣт Спасекаго золотого промысла считалъ наслѣдственнымъ въ своемъ родѣ и очень обожался на мастеровыхъ служителей этого промысла, стѣбнвшихъ его въ покосахъ, какъ-бы игнорируя его богатѣйрское происхожденїе. Иаы Васильевичъ, кромѣ своего происхожденїа, замѣчательнъ былъ тѣмъ, что служилъ несмѣннымъ пантыкомъ около

30 лет и носил, поверх новой ситцевой рубахи, большую золотую медаль на анисовой ленте, пожалованную императором Павлом дядю его Токмашу, тоже бывшему паптыком, или *кьянмо* (как сказано во *ордер*) Шорской волости, и перешедшую по наследству к нему *Эбисей-Иай*.

По другому сказанию, Олгудек женился в плъну на ойротке, имела от нея сына и, убоянная его, часто распевала самая печальная пьесы о своей милой родине. Ойроты скакали над ним и отпустили его домой съ женою, снопом и провозкатами. Но он не достиг родины, умер в дороге. Жена его вышла замуж за одного из провозкатых, от которого и произошли многие шорцы, гордящиеся своим происхождением не меньше Крыловских гусей.

23) Казырган и Кедеге-даг.

Два брата *Казырган* и *Кедеге-даг* жили вместе у родителей и были богатырями. Но потом поссорились и разошлись. Мать долго старалась о них примирения, но не успела, и потому, разсердившись, зачала их: „будьте-же вы горами!“ Богатыри милоვნено превратились в горы и дохлещ стоят: Казырган в вершинь рьки Абакаана, а Кедеге-даг при рьки Кемчинь. Кондомы боятся Казыргана и считают его сердитым. Зырролову, ноющему на этой горь или близь нея, нурьдо слышится неустовый хохот на горь: это означает, что тот человек скоро умрет.

24) Увас-каа-бакы.

Увас-каа-бакы, съ которой имьет начало р. Увась, была свидетельницею зырроловнаго убийства богатыря Аладана. Богатырь этот имьет двух жен: старшую и младшую. Берет он лук, пьвших двух собак своих и отправляется на зырриный промысел на означенную гору. Шестеро неприятелей Аладана, явившись к нему в доме, стали расширивать старшую жену богатыря: „куда отравился мужь, когда возвратится, чьмь вооружен и когда спускает съ пьней собак своих?“ Старшая жена на все вопросы недоругов не дала никакого отвьта. Неприятелы обратились съ тьмь-же вопросами къ младшей женѣ, которая все разболтала. Враги Аладана, получивши отъ его младшей жены нужная свидьния, стали дожидать богатыря на Увас-каа-бакы. Аладан, замьтивъ ихъ, сталъ натягивать лукъ, но второпалъ, сильно натягнувши, переломилъ его, бросилъ къ замку пьныхъ собакъ своихъ, чтобы спугнуть ихъ, но въ послъпности проврнуть ключъ въ замкъ. Враги напали на безоружнаго Аладана и убили его, старшую жену его—тоже, а младшую увези къ себѣ въ плънъ.

25) Мнѣе о происхождении верблюда и осла.

Въ неизвѣстномъ мьстѣ жить народъ *Тобет-манат*. Китайцы знади о существовании этого народа только по книгамъ, а гдѣ онъ находился, не

вѣдали. *Тобет-манат* былъ народъ необыкновенный: почти ничего не ѣлъ, кромѣ древеснахъ почечь, ничего не дѣлалъ, а, устремивъ взоръ свой на небо, только стоялъ и молился.

Китайцы послали путешественниковъ, чтобы отыскать землю *Тобет-манат*. Посланные нашли эту землю, но проникнуть въ нее никакъ не могли, потому что множество летучихъ змьй-зѣдьянокъ (по алт. *оюллан*, по-ойрот. *новкиншарба-дьян*), которыя прострѣиваютъ свозъ человекъ, окружаютъ ее. Впрочемъ, одинъ изъ китайцевъ вылезалъ пролѣзть туда, о чемъ и было немедленно донесено царю. Царь, призвавъ къ себѣ этого человека, спросилъ: „какъ ты можешь попасть туда, скажи?“ Вызванный человекъ, не объяснивъ способа, только уверялъ, что попадетъ. Царь ему сказалъ: „чтобъ ты не обманулъ насъ, что быть въ землѣ *Тобет-манат*, въ удостовѣреніе наше, приведи оттуда человека къ намъ.“ Онъ согласился на это предложеніе, пошелъ и дошелъ благополучно: никакой змьй ему не вредилъ, хотя и много ихъ ударялось объ него, но все отскакивали.

Вошедши въ страну *Тобет-манат*, китайецъ увидѣлъ стоящій и молящійся обоимъ пола народъ, который произносилъ и повторялъ одно только слово: „*Кутай*.“ Домовъ и никакого жилья этого народа не имьетъ; богъ-незъ никакъ ихъ не знаетъ. Китаецъ взялъ ихъ человека, успелъ съ нимъ въ свое отечество. По уходѣ его, у жителей *Тобет-манат* появились разная болъзни, за что они послали на Китайское царство проклятія (*иль-темир*); собравъ ихъ все вместе и составивъ видимую гору изъ нихъ, пустили по воздуху.

Китайцы узнали объ этомъ какъ-то по книгамъ и также собрали свою гору проклятіи и пустили къ царству *Тобет-манат*. Эти двѣ горы проклятіи встрѣтились и вступили въ борьбу: грызали, глодали, кусали, терзали на части и, наконецъ, извели другъ-друга до того, что гора, пущенная отъ народа *Тобет-манат*, стала величиною съ верблюда и соединилась этимъ животнымъ—*тег* (отъ глагола *теучит*—вляно въ себя, пожрало), который и пришло въ Китай. Агора китайцевъ осталась съ осла и сдѣлалась осломъ—*зьядьян* (значитъ „народъ ѣлъ“), который и пошелъ въ землю *Тобет-манат*. И доселѣ верблюда водата у китайцевъ, а ослы у тобет-манатовъ.

26) Алтайская Чудь.

По всеобщему преданію алтайцевъ, во времена отдаленныя, Алтай населенъ былъ *Чудью*, не имьвшеи ни хановъ, ни зайсановъ. Въ то время не было ни одной березы. Какъ скоро появилось это небывалое дерево, Чудь умовазаклучила, что ей не слоборвать. Выкопали амы, утвердили въ нихъ столбы для потолка изъ камней и земли, заборазилъ въ эти амы, подрубилъ столбы и тьмъ, безъ дальнихъ хлопотъ, все дѣло покончили. Кургановъ или большихъ конусообразныхъ ягъ, обложенихъ камнями, которыя

инородцами признаются за могилы предшествовавшего имъ народа, въ разныхъ мѣстахъ Алтая весьма много, а особливо по рр. Чарышу, Абаю, Уркулу, Чуь и устью Кенги.

Внутри некоторыхъ кургановъ видны деревянные срубы и были найдены мѣдныя стрелы, монеты и другія металлические вещи.

За то-ли, что *береза* изгнала Чуль изъ Алтая, или за другое, только она въ священномъ почтеніи у низшихъ алтайцевъ. Мы видѣли (см. „Взрванія“), что большая часть орудій, употребляемыхъ при шаманствѣ, непременно изъ березы, такъ *токаек*, *насок*, *шуре*, *кыи-сай*, *сомо*, *алама* и проч.—все изъ березы. Кроме того кузнецкіе инородцы каждую весну справляютъ березовый праздникъ—чичи: наварятъ браги, высадятъ аракы, нарядятся въ лучшія одежды и собираются каждый улусъ у одной своей заѣтной вѣтковой березы, навѣшиваютъ въ жертву ей тряпочки и конскихъ волосъ разныхъ цвѣтовъ. Одинъ изъ толпы, свѣдущій, брызжетъ нѣсколько разъ брагою на березу, призывая демоновъ, чтобъ они не поускали змѣй въ улусъ, отвращали болѣзни, давали-бы рыбы побольше и допуск.

27) Происхожденіе оека Мундусовъ и Теолессовъ.

Послѣ войны въ одномъ мѣстечкѣ осталась живою одна только дѣвица. Она послѣ сильнаго дождя нашла лядинку (*мис*) и два пшеничныхъ зернышка, лежащія вмѣстѣ, которая подняла и съѣла. Сдѣлавшись отъ того беременною, дѣвица вышла изъ своего удивленнаго мѣста, нашла человѣческое общество и тамъ родила двухъ близнецовъ мужскаго пола, названныхъ *Мундус*, вышла потомъ замужъ, и у нея родился еще сынъ. Эти три брата возмужали и стали дѣлится. При раздѣлѣ оказался лишнимъ одинъ верблюдъ (*тео*) и одинъ баранъ (*кис*). Тогда меньшій братъ сказалъ: „я пасъ верблюдовъ, неужели не отдадите мнѣ одного верблюда лишняго?“ Отецъ отвѣчалъ: „ты хочешь взять лишняго верблюда (*тео*), называйся-же ты и твои потомки *Теолес*“. Одинъ изъ близнецовъ сказалъ: „я пасъ овецъ, уежели не отдадите мнѣ одного лишняго барана?“ и, осердившись, поймалъ барана за рога и вывернулъ ихъ (куча музунъ *кодору таргаи*). Отецъ назвалъ его: „*Коткор-Мундус*“. Другой близнецъ сказалъ отцу: „что ты благословилъ мнѣ взять, тѣмъ я и буду довольсвъ“. Отецъ на это сказалъ ему: „ты будь *Чурум-Мундус* (настоящій, летовый Мундусъ)“.

У каждаго оека есть свой фамильный богъ. Потоми Мундусовъ и Теолессовъ, воспоминая свое происхожденіе отъ лядинки, приносятъ жертвы преимущественно *Тото-Паан*, владыкѣ града, грома и дождя, величая его такъ:

„Ты, какъ пшеница волнуешься,
Какъ ледяной горохъ сыплющийся,
Отъ ледяной гороха ты произойдешь!

Музы-ган ханы тези,
Ады Тотой теңере!
Ай каагетти яныи,
Алтай суурь сайган!

Куи каагетти яныан
Кумош суурь сайган!

Айлыжа ай кайрган,
Колейже кун кайрган,
Он-еки танта таптулу,
Он-еки катта ойду,
Он-уч сырык кубатулу,
Коромолыга бергѣймени?

Козына лягаймиш?

Паеминикъ ты царь—владыка льда,
Отецъ мой небесный Тотой!

Съ той стороны, откуда идешь

Ты, поставляющій мѣсяцъ себѣ въ золотой покровъ!

Ты преслѣдуешь мѣсяцъ, вмѣстѣ враждаешь,

Ты преслѣдуешь солнце, заходи вмѣстѣ.

О 12-ти ступняхъ вхождъ къ тебѣ,

На 12-мъ небѣ ты имѣешь веселие.

Нахъ 13-тью мѣстами ты алуешь,

Не дай-ли мнѣ на мой убытокъ?

Не сотворишь-ли по твоей красотѣ?

28) Участь грамотности алтайцевъ.

Алтайцы утверждаютъ, что у нихъ прежде былъ языкъ *ойротскій* и были книги. Большая часть ихъ народа ушла къ Саратовскія степи—*Сарт-аймакъ* и унесла съ собою книги. У телутоговъ оставалась одна только книга, но у ту, когда она была замочена и разложена для просушки на полѣнницу, *хорова съела*.

29) Люди, превратившіеся въ звѣрей и птицъ.

(Изъ естественной исторіи алтайцевъ).

1) *Медведь*. Въ человѣческомъ естествѣ онъ былъ силенъ, но простоватъ и при томъ ѣлъ много, такъ что семья оговаривала его. Однажды, разсердившись на упреки семьи, онъ отправился съ веренкою въ лѣсъ за дровами, но домой болѣе не приходилъ, а превратился въ звѣря. Веренка его и до сихъ поръ виситъ на деревьяхъ (переплетенные стволы хмѣля). На переднихъ лапахъ медвѣды, копыте котей, есть якобы очевидные признаки шерстяныхъ перезавокъ, которыя онъ носилъ отъ ревматизма.

2) *Кукушка*. В давни времена была въ одной семь алтайских инородцев дѣвушка по имени Куку. Она захотѣла пить и попросила у своей снохи; та, на что-то разсердившись, отослала ее въ шайтану, отчего дѣвушка, превратившись въ птицу, испорнула въ отверстие наверху юрты. Кто-то изъ семьи хотѣлъ поймать ее и схватилъ за ногу, но въ рубѣ ловца осталась одна только обутка дѣвушки. Оттого, по всеобщему убѣренію алтайских инородцев, у кукушки одна нога красная (разутая), а другая черная (въ обуткѣ). Удивительно, какъ Брэмъ не замѣтилъ этого обстоятельства! Вить глѣзды кукушка и до сихъ порт не умбегъ, такъ какъ это занятіе не входило въ кругъ ея дѣвичьскаго рукодѣля, и чтобы узнали ее, постоино прозвонить прежнее свое имя: Куку! Куку!

3) *Иволга* (*сво энъ су ариа*). По какому случаю Иволга стала птицею—не извѣстно. Но что она дѣйствительно была человѣкомъ татарскаго происхожденія, это доказуетъ крикъ самца: *сольнъ су ариа* (т. е. *алария*), означающей: куда надобно ставить! На что дѣлывалъ суррта его всегда отвѣчаетъ отрицательно: *чоокъ!*

4) *Гушгаръ*. Въ человѣческомъ видѣ онъ былъ грубъ и заблудливъ, за что былъ превращенъ въ птицу, величиною съ быка. Но и въ этомъ попомъ видѣ гушгаръ не умался, а многихъ невинно обижалъ. За это Богъ убавилъ его и на счетъ его прибавилъ другимъ голенамъ птицъ: курицу, рябка и проч., которыя прежде того были менѣе величиною. Благое мясо въ этихъ птицахъ образовалось отъ избытковъ гушгара, который безъ слезъ не можетъ вспомнить о своей утратѣ, отчего и глаза у него красны.

5) *Карастель*. Ячѣи, сотворивши всѣхъ тварей, погуздася въ огнѣ, но не зная, какъ добыть его. Посему дѣлаетъ совѣтъ изъ всѣхъ сотворенныхъ существъ. На это общее собраніе не явился одинъ чиновникъ (едва ли не завѣдатель) Карастель, за болѣзнію спины и ногъ. Но Карастель, какъ человѣкъ грамотный и безъ умку краснорѣчивый, былъ здѣсь необходимъ—это въѣ чувствовалъ. Посылаютъ за Карастелемъ, но онъ отказывается. Впрочемъ, на третье приглашеніе, прихрамывая и перегибаясь, онъ явился въ собраніе: Ячѣи зная, что Карастель имбегъ смѣшную походку и притомъ кругъ нравомъ, поэтому предупредить членовъ собранія, чтобы никто не смѣялся при видѣ его. Несмотря на предупрежденіе, сорока, увидавши Карастеля, захотѣла во все гораю. Карастель повернулся и, не сказавъ ни слова, отправился домой. Ячѣи, зная за Карастелемъ привычку саморазлагательства, почему послать къ нему стрижа—узнать, что Карастель будетъ бормотать самъ съ собою? Стрижь полетѣлъ. Засылавъ свистъ крыльямъ стрижа, Карастель замолкъ, догадавшись, что его подслушиваютъ. Велѣвшею такой неудачи, Ячѣи вызываетъ охотниковъ изъ птицъ подлетѣть къ дому Карастеля тихо, безъ малѣйшаго шума. Вызвасъ мякорокныи оова и подслушала ворчанье Карастели: «чего не умбѣютъ сдѣлать, а еще смѣются, ударили камень о камень, вотъ и будетъ огонь!»

Ячѣи, выдѣвая отъ Карастеля тайну происхожденія огня и не нуждася болѣе въ немъ, за его упрямство и кругой нравъ, превратилъ его, г. Карастеля, въ птицу.

Богатыри въ сказкахъ алтайцевъ.

Богатыре фантазіею и досужимъ временемъ, алтайцы любятъ читать въ сказочномъ мѣрѣ. Рассюди ихъ похъ духотрунну балаалатъ (*кайтчанъ кабуе* или *шерте комуе*) дребезжакою октавою расказываютъ, часто импровизуя, дѣлныя богатырей-хановъ, также героевъ, хотя не силы, но ума и хитрости, или проводить какую-нибудь идею. Въ ихъ сказкахъ замѣчаются черты, принадлежащія индо-европейскому слою.

Богатыри, болѣею частью, были владѣтельные ханы. Владѣльцы ихъ находились на землѣ, подъ землею и на небесахъ. Въ сказкахъ упоминается о ста небесахъ: на 3-мъ небѣ владѣнія Ай-Алтана, на 7-мъ—Узун-Кары и Пады-Кереде, на 9-мъ—живутъ десять творцевъ, на 10-мъ—владѣнны дзухъ братьевъ-богатырей: Ой-Молота и Ак-Молота; на 30-мъ—Кускун-Алпы и Алтын-Моко; на 40-мъ—Кантоа; на 60-мъ—семи братьевъ богатырей. Владѣнны одного Алтын-хана простиралась на 60 небесъ. На 70-мъ небѣ—владѣнны Облас-хана (безсмертнаго); на 100-е небо былъ копсій бѣтъ съ 9-го неба. Темное царство злаго божества Эрлика и владѣнны хана Чылан-Могуса находились подъ 7-ю слоями земли.

Владѣтельные ханы имѣли у себя много подданныхъ народа (*албаты кѣсѣ, калъ кѣсѣ*) и стада скота. Многочисленность людей саривается съ травомъ, а скотъ съ гнданми. Ихъ окружали наредворцы (*саидутъ, сайитъ*) и чиновники (*нѣй кѣсѣ*). Жили они: Ай-ханъ, Ай-алтыгъ и ханъ Перенъ въ золотыхъ дворцахъ; ханъ Эки-Моосъ въ бѣломъ дворцѣ; ханъ-Тана—въ желтомъ домѣ; сирота, покровительствуемый лишицею, жилъ въ каменномъ домѣ.

Происхожденіе богатырей. Некоторые богатыри не имѣли у себя ни отца ни матери и прозишли на свѣтъ сами собою. Таковы: Алтын-Эрбекъ, Катванчыла, ханъ Перенъ и ханъ Алшыгъ; иногда изъ костей отца являлся сынъ, наприм., Кызыл-Тасъ.

Предсказанія о рожденіи богатырей. Отчего хана Июда былъ бездѣтенъ и часто плакалъ и причиталъ: «Нѣтъ у меня ни сына, ни дочери, нѣтъ брата, съ которымъ-бы поговорить, и не кому похоронить меня». Вотъ онъ однажды пошелъ проводить свой скотъ и на возвратномъ пути увидалъ птичку на деревѣ, которая ему сказала: «старикъ, не плачь! Съ возвращеніемъ твоимъ въ домъ у тебя родится сынъ, у котораго грудь и спина будутъ золотыя, а задъ серебряный». Какъ птичка сказала, такъ и случилось.

Опасности, которымъ подвергались богатыри во время матерей своихъ. Ханъ Кокъ думаетъ про себя: «На тридцатомъ небѣ живетъ другъ мой Алтын-Моко, я побуду сражаться съ нимъ, отобью у него жену и скотъ». Ханъ-Кокъ осѣдлалъ своего бѣлосиваго коня и отправился во владѣнны Ал-

тын-Моко; проишли до третьего неба, Кокь встрѣтился случайно съ тѣмъ, къ кому отправленъ, поздоровался. Послѣ взаимныхъ привѣтствій Алтын-Моко спросилъ: «куда отправился?» — «Отправился я убить Алтын-Моко и завладѣть его жоноу». — «Ты, должно быть, другъ мой, съ ума сошелъ, — развѣ ты еще не слышалъ, что богатырь Чылань-Могуеь укралъ у тебя половину скота и зарожденнаго во чревъ жєны твоея сына».

Богатыри болемюе частою рождаелись отъ престарѣлыхъ родителей. Ай-хань родился отъ старика Солончу-Пагена; Алтын-Тайчи отъ 70-лѣтнаго Ак-хана и 60-ти лѣтней жєны его, Каратты-Перченъ — отъ 105 лѣтнаго Алатырь-хана и старухи жєны его; Арань-Тайчи — отъ 70-ти лѣтнаго Кока и 90-лѣтней жєны его; хань Падей былъ сынъ престарѣлыхъ родителей.

Ростъ богатырскій и дѣтская сила. Мальчикъ (впоследствии хань Пудей) жилъ у одной старухи — воспитательницы; къ этой старухѣ неоднократно подходили волки и выли: «что намъ съѣсть у тебя—единственнаго питомца или корову?» Старуха отвѣчала волкамъ, что сына не отдастъ, а пусть съѣдятъ корову. Мальчикъ спросилъ у своей воспитательницы: «чего требуютъ волки?» Старуха отвѣтила. Мальчикъ, лежа въ забѣскъ, сказалъ старухѣ, чтобы она велѣла приходить волкамъ чрезъ 7-мь сутоки и обещалабы выдать имъ сына. Старуха исполнила. Забѣвъ мальчикъ разбилъ желѣзную зыбку, всталъ, растопталъ ногами чугунный котелъ о 70-ти ухахъ и изъ обломковъ его сдѣлалъ боювую стрѣлу о 90 острыхъ конкахъ, еще растопталъ чугунный же котелъ о 6-ти ухахъ и сдѣлалъ изъ него шести-конечный булатный мечъ, растопталъ чугунный котелъ о 7 ухахъ и сдѣлалъ 7-ми конечное булатное копье. Мальчикъ вышелъ изъ дома, обомелъ шесть горъ, нашелъ шесть роговъ тика (дикаго козла), свилъ ихъ въ зыбку и сдѣлалъ лукъ. Потомъ взялъ складной ножикъ и пошелъ вверхъ по одному озеру и увидялъ на одной горѣ лежавшаго громаднаго марала (олень), у котораго рога достигали до неба. Мальчикъ пошелъ въ ноздри марала, добрался до сердца и разрѣзалъ его, но маралъ не умеръ. Видя это, мальчикъ вышелъ изъ марала и замигивалъ на лбу у него красное родимое пятно (мен), которое онъ разрѣзалъ и такимъ образомъ убилъ звѣря, ибо въ этомъ пятнѣ заключалась его душа. Сотравни кожу съ марала, мальчикъ всю ея употребилъ на тетиву къ своему богатырскому луку и, осѣдлавши бычѣна, отправился на охоту за волками, перешелъ шесть горныхъ вершинъ, и на седьмой увидялъ лежавшихъ въ снѣгу волковъ и сказалъ имъ: «лишь теперь мальчика, котораго вы требовали, и этого бычѣна!» И съ этими словами прокололъ ноздри у волковъ, продѣлъ крючкѣ, привявалъ ихъ къ хвосту своего теленка и отправился. На дорогѣ волки подошли, мальчикъ оборалъ ихъ и, возвратившись къ старухѣ, сказалъ: «вотъ тебѣ, матушка, 7 волчиныхъ шкуръ; шєй изъ нихъ семь паръ рукавиц!» Раздѣлавшись съ волками, мальчикъ отправился на звѣринъ промиселъ. Во время охоты за звѣрями онъ нашелъ на мѣсто, покрытое сѣдыми скотомъ, котораго еще ябѣтъ, и на юрту безъ хо-

зювъ. Онъ спрашиваетъ у своей воспитательницы: «куда дѣвались люди и скотъ, тамъ бывшіе?» Старуха сказала, что тамъ были пладѣны его отца, но ихъ опустошилъ богатырь царь-левъ. Услышавъ это, мальчикъ такъ громко зашѣмлялся, что отъ согрѣянаго воздуха развалилась близъ стоявшая каменная скала, а когда заснѣвались она на разные лады, тогда привелъ въ трепетъ венное животное существо. — Хань-Печетти собралъ народъ свой и предложилъ: «Въ седьмой небѣ живеть Падъ-Кереде, кто съѣдитъ туда, возьметъ у него дочъ и привезетъ ко мнѣ?» Никто не выказалъ, потому что никто не зналъ дороги. Но одинъ старикъ сказалъ: «въ забѣскъ лежитъ у меня сынъ — ребенокъ, онъ поѣдетъ.» Неси его скорѣй! Старикъ возвратившись домой, заплакалъ. Сынъ спросилъ: о чемъ плачешь? — «Хань Печетти посылаетъ къ Падъ-Кереде, парскій-же посылъ съ дороги не вознаграждаетъ, какъ и душевная стрѣла не отскакиваетъ (йгонъ елчи пйденъ аймакъ, атканъ окъ таунтанъ аймакъ)». — «Не плачь. Я поѣду». Ребенокъ вышелъ до звѣздъ небесныхъ. Пока мальчикъ (впоследствии Тана) сѣлалъ жеребенка, ему исполнилось два года, пока извудувалъ—три года, пока садился—четыре года, и тогда прѣхалъ онъ къ хану. Тана сѣлъ на желѣзную лавку, переомелъ ее и погнулъ хана. — Поворожденный Каратта-Пургенъ скрытъ былъ матерью въ погребѣ. Враги его создали семь человѣкъ, чтобы выгнать его изъ ями, но не могли, пришли девять человѣкъ и все-таки не въ силахъ были выгнать ребенка и не могли лишить его жизни ни саблей, ни копьемъ, такъ какъ и та и другое отскакивали отъ него. Чрезъ семь дней мальчикъ сталъ ходить. — Красавица Алатырь-Аричъ сидитъ во дворѣ своемъ, входитъ къ ней ханъ Кырчыганъ и предлагать: «я возьму тебя за себя, а съ тобой и весь народъ твой и скотъ твой», и началъ хватать красавицу. Она заплакала и говоритъ: «хоть убей, но не пойду за тебя». Въ это время прокатился чрезъ комнату въ дѣрѣ мальчикъ, который на улицѣ всталъ на ноги, и, взиравъ плетъ, толкнувше въ брєно, возвратился въ комнату и сказалъ богатырю: «я ударю тебя этой плетью, и если ты останешься живъ, то возьмешь сестру мою», и съ этими словами ударилъ плетью такъ сильно, что пробилъ дворецъ, вышвырнулъ Кырчыгана на среднюю степи, гдѣ онъ и умеръ. — Трехлѣтний Алтын-Ергекъ отправился къ Кара-Могуею мститъ за смерть отца своего. — Мальчикъ (впоследствии Арань-Тайчи), выкраденный изъ чрева своей матери и приворожденный въ лиственникъ, достигъ семи лѣтъ, сорвался съ дерева и схватился съ своимъ врагомъ Чылань-ханомъ. Чылань-ханъ схватилъ мальчика и ударилъ его о жолѣзную лиственнику, но мальчикъ опять схватился съ нимъ и бросилъ его къ небу. Пока летѣлъ Чылань съ неба, мальчикъ, не допуская его до земли, разсѣлъ его въ семь мѣстахъ, и Чылань (жѣль) издохъ.

Василій Паридичъ, будучи младенцемъ, положенъ былъ въ бочку съ жѣлѣзными обручами, опущенную въ море. На одномъ островѣ бочка осталась, Василій Паридичъ потонулъ, и обручи спали съ бочки, она раз-

сыпалась.—Мальчи́к (впоследствии Айманъсь) отправился на промысел, и на его счастье попался ему 9 оленей, оны выстрѣли въ нихъ и убили всѣхъ. Добычу свою онъ ввезалъ себѣ на спину и привезъ домой.

Богатырские кони. Мальчикъ (Тана) выбираетъ себѣ коня изъ сотни лучшихъ лошадей отца своего. Но по мысли своей не намерѣе. Возвратившись домой, онъ спрашиваетъ отца: «Итъ-ли еще коней?»—По ту сторону молочнаго озера есть гора Суруу, на хребтѣ этой горы насется чубаря кобыла съ недавно родившимся жеребенкомъ, который не иначе можетъ съосать свою мать, какъ приложивъ кобылу. «Если у тебя есть сила—сидись; если не хватаетъ силы—умри». Мальчикъ овладѣлъ жеребенкомъ и ѣздилъ на немъ.—Мальчику (Алтын-Тайчи) говоритъ старикъ: «какъ займется утрення заря, твой блый конь самъ придетъ и будетъ стоять у коновязи». Алтын-Тайчи, соснувши, вышелъ на утренней зарѣ на улицу и, дѣйствительно, увидалъ заведеннаго и привязаннаго къ золотому столбу бѣлаго коня съ богатырскою одеждою въ торовахъ.—Не успѣла сестра кончить рѣчи о Кара-Могусѣ, какъ коновязь у дверей треснула. Мальчикъ (Алтын-Ергекъ) вышелъ и видитъ стоящаго обведеннаго бѣло-соловаго коня, который отремендовался: имя мое Аранчула, тремъ поколѣтнимъ служилъ, никто не хваталъ меня крыломъ и нивакому дуку я не поддавался». Алтын-Ергекъ сѣлъ на Аранчуду и отправился во владѣнія Кара-Могуса. Въ виду дворца Кара-Могуса конь говоритъ своему хозяину: «ты привязалъ меня, въ противномъ случаѣ враги наши убьютъ коня, ибо итъ ли одного хана, который бы не зналъ меня, служившаго тремъ поколѣтнимъ твоихъ предковъ».—Козийке отправился на конѣ своемъ къ невѣстѣ. Чтобы не допустить его къ своей дочери, будущи́й тещъ поставилъ на дорогѣ въ одномъ мѣстѣ двухъ волковъ, а въ другомъ—двухъ медвѣдей. Звѣри, завидѣвъ Козийку, хотѣли съѣсть его, но солового-коня его выпустили изъ ногъ своихъ по саблѣ и зарубали ихъ.—Каратты-Переню надобно отыскать своего дядю Оры-Куатая. Но онъ не знаетъ, гдѣ его найти. Въ такомъ затрудненіи онъ съѣдаетъ своего темно-синяго коня, садится и даетъ волю коню идти, куда хочетъ. Конь вскопалъ до подшебсыя, гдѣ живетъ богатырь Алтын-Ергекъ и увидалъ тамъ Каратты-Переню, своего дядю.—Жилъ старикъ съ молодою женою, имѣли они одного сына. Шведскій царь совѣтуется съ женою старика убить мужа и сына и выдти за него, царя Шведскаго. Жениху спрашиваетъ царя: «какъ же мы рѣшимъ старика?»—«А чтобы намъ рѣшить старика, прежде надобно рѣшить его главнаго помощника—бураго коня. Ты притворись больною и скажи, что тебѣ нужно напиться крови отъ бураго коня, и тогда тебѣ будетъ легче». По утру старикъ всталъ; жена охаетъ, нездорова. «Старикъ спрашиваетъ: «зѣмъ табаку погѣлѣть?»—«Кровью отъ бураго коня». Прежде, нежели мать забрала крови бураго коня, сынъ ей пошелъ во дворъ и слышитъ отъ любимаго своего бураго коня такія рѣчи: «если меня убьютъ, то и ты не будешь живъ.»—«Кто же убьетъ тебя?» «Мать твоя совѣтуется

со Шведскима царемъ наперехъ убить меня, а потомъ и тебя со старикомъ. Попроси у отца погилать со мной и на улицѣ увидиши бураго-же коня, купи его, пусть они убьютъ его вмѣсто меня». Мать продолжаетъ хворать. Старикъ соглашается заколотъ бураго коня. Сынъ-мальчикъ говоритъ: «такъ-какъ у насъ итъ коня бурка лучши, то дай мнѣ его въ послѣдній разъ погулять на немъ по улицамъ». Отецъ согласился. Мальчикъ отправился, увидалъ другаго бураго коня и спросилъ у хозяина его: «не продажай-ли?»—«Продаю.»—«Что стоить?»—«200 рубѣ.»—Мальчикъ взялъ коня, а своего бурку оставилъ въ замогъ у продавца. По возвращеніи мальчика на новомъ конѣ домой, старикъ убилъ этого коня, наполнилъ кровью жену, и ей стало легче. Прошло нѣсколько времени, мальчикъ говоритъ, что онъ видѣлъ на улицѣ весьма похожего коня на бурку и просилъ отца купить его. Отецъ, освѣдомившись отъ сына о цѣнѣ, согласился. Мальчикъ выкупилъ своего коня и привезъ домой. Много-ли, мало-ли прошло времени, мальчикъ приходитъ во дворъ и видитъ, что бурка повѣсила голову и запечалилась.—«Что ты, бурый конь мой, запечалился и похуль?»—«Если ты умрешь, кака-же мнѣ будетъ жизнь?»—«Какъ умру?»—«Мать хочетъ рѣшить тебя.»—«Какъ рѣшить?»—«Завтра ты возвратишься съ нами, мать будетъ ласкать тебя, истощитъ баню, притоготитъ чистое бѣлье, но въ этомъ бѣлѣ будетъ положенъ ядъ, какъ только ты надѣнешь его, такъ и умрешь. Лучше надѣнь опять черную рубашку, а чистую не надѣвай». Мальчикъ ушелъ на баню, къ вечеру возвратился домой; баня готова; мать встрѣчаетъ сына, ласкается (никогда такъ ласкова не была), посылаетъ въ баню. Мальчикъ пошелъ въ баню, посмотрѣлъ на рубашку, ничего не видно, а направилъ ее противъ солнца, замѣтилъ, что рубашка вся исчерена ядомъ. Мальчикъ вымылся въ банѣ, надѣлъ на себя черную рубашку, а чистую замаралъ въ навозѣ. Мать встрѣчаетъ его, ласкается и спрашиваетъ: «почему онъ не надѣлъ чистаго бѣлья?» Мальчикъ отвѣчаетъ: «я положию бѣлье въ передбанникъ, скотина уронила его, втоптала въ грязь и замарала». Избавившись отъ бѣды, мальчикъ отправился къ своему совѣтнику—бурому коню и видитъ, что бурка дозволяетъ и шерсть ложится на него. Конь совѣтуетъ мальчику взять благословеніе отъ отца и скрыться изъ родительскаго дома. Раннимъ утромъ мальчикъ сѣлъ на бураго коня и оставалъ свой домъ.—Вѣрность коня: Каратты-Перень ержася съ морскимъ чудовищемъ Пуспаеъ-Пузаномъ 30 лѣтъ, и въ продолженіе всего этого времени конь его ходилъ по берегу, дожидаясь своего хозяина.

Богатырское сиде. Золотая сѣдла были у Алтани-Самыъ-Салама, хана Тироя, Тектебей-Мереня и богатыря Незнайка; серебряное—у Каратты-Переня. Всѣ принадлежності къ сѣдлу были прочныя: у сѣдла Каратты-Переня было три подпруги и три потвенъ; стремена у Алтын-Ергекъ были литыя, толдиною въ четыре палца.

Вооруженіе богатырское. Богатыри въ ерженіихъ надѣвали на себя

кольчуги (куйак). Онъ были простыя и въ нѣсколько рядовъ. У хана Пергена кольчуга, равно какъ и сапоги, были тридцать-рядныя. Луки были большіе, черныя и кривіе (ортакимъ) съ желѣзною стрѣлою. Стрѣлы были 60-ти и 90 конечныя. У хана Тюден лукъ былъ изъ рога тина (сага sibirica), а тетива изъ дѣльной маральскаго коня.

Подобные луки богатыри натягивали по два и семи дней. У хана Пергена была стрѣла золотая и мыслящая. Когда коварная сестра его Каль-Арго пустила его стрѣлу—убить брата, тогда ханъ Пергенъ закричалъ: «смотри, стрѣла, не ошибай, вѣдь я—ханъ Пергенъ!» и стрѣла возвратилась къ нему въ домъ и стала у его кровати. Богатырскія стрѣлы употреблялись не только въ битвахъ, но служили богатырямъ и для другихъ цѣлей. Когда Аранчула-конь Алтын-Эргеки далеко отлучился отъ своего хозяина, потому что за нимъ гнались чужіе богатыри, и встрѣтился съ другомъ своего господина, богатыремъ Алтын-Перисте, то онъ спросилъ коня: «какъ-же ты теперь найдешь своего хозяина? Впрочемъ, я помогу тебѣ. Смотри, вотъ теперь я пушу стрѣлу, ты и слѣдуй за нею, она приведетъ тебя къ Алтын-Эргеку». Алтын-Перисте спустилъ стрѣлу, за стрѣлою помчался и конь. Стрѣла летитъ черезъ горы и моря, конь не отстаетъ. Стрѣла прилетѣла во владѣнія Кара-Могуса и напалъ Алтын-Эргека. Алтын-Эргекъ звалъ знакомому ему стрѣлу, положилъ ее въ свой золотой карманъ, немедленно за стрѣлою-же предсталъ предъ нимъ и Аранчула. Богатыри употребляли стрѣлы также вмѣсто вышнѣшнихъ телеграммъ. Когда ханъ Кокъ разговаривалъ съ своимъ сыномъ, они услышали, что затрещала золотой косякъ двери. Отецъ съ сыномъ выбѣжали изъ дома и увидѣли, что въ золотой косякъ воткнулась стрѣла съ письмомъ: «другъ-вашъ Алтын-Моко, если не сегодня, то завтра умереть». Стрѣла прилетѣла съ тридцатого неба. Алтын-Тайчи садится на своего чубарого коня и отправляется на тридцатое небо, пробѣжалъ разными тридцатью народами, достигъ до владыи Алтын-Моко, помогъ ему и возвратился домой. Но по прошествіи нѣкотораго времени, Аранъ-Тайчи услышалъ трескъ золотого столба (коновязи), вышелъ изъ дома и увидѣлъ воткнутую въ столбъ стрѣлу съ письмомъ: «другъ твой находится въ опасности. Если онъ сегодня останется живъ, то завтра умереть». Аранъ-Тайчи опять отправился на тридцатое небо, и помогать другу. Но всѣ стрѣлы нѣмѣли одинаковую силу. Алтын-Моко, намереваясь отправиться во владѣнія Чалан-хана, позанимствовалъ стрѣлу у старика хана Кока и, пустиши ее въ лѣственнику, на которой томился уже семь лѣтъ привоженный сынъ его (Кока), освободилъ его. Самострѣлы (свадак и коста), по волю богатырей, ходили, какъ предметы одушевленные, и разили враговъ. Если врагъ уже умеръ, то эти самострѣлы, обомледи все землю, опять возвращались къ своему хозяину. Богатыри употребляли въ дѣло еще конья *гана чада* одноконечныя, трех-конечныя, лики (*межелік*), бузатныя сабли (*кымын*) объ одномъ и

шести концахъ. У хана Пергена была сабля золотая. Пускались въ дѣло также и пали (кыч) одноконечныя и двенадцатоконечныя, простыя и съ угольщеннымъ концомъ (*табуруч*).

Наречіе имени. Важный шагъ въ жизни богатыря—это получеіе имени. Имена даются не сейчасъ по рожденіи, а когда богатырь уже ощутитъ въ себѣ силу и готовится къ провяіенію ея въ битвѣ. Имена даются на сраженіи или послѣ подготовъ бранныхъ. Имя дается собраніемъ народа. Въ исключительныхъ случаяхъ самъ Богъ лично нарекаетъ богатыря (Ай-маньса), или богатырскій конь нарекаетъ своего господина (Аранчула-Алтын-Эргека), или богатырь самъ себя называетъ (Ай-Мого и Аранъ-Тайчи).—Ханъ Одончу Пагай собралъ свой народъ и просилъ, чтобы прислали имя его сыну, такъ какъ онъ намеревается посмотреть свой народъ и проѣхать за границу своихъ владыи. Но никто не могъ назвать парскаго сына. Наконецъ, одна старуха-вдова сказала: «пусть будетъ ему имя Ай-ханъ. Ладно-ли?» Все согласилось. Одончу Пагай, въ благодарность за названіе сына, напалъ на старуху шельковую одеяла и подарилъ ей табукъ коней.—У старика былъ сынъ. Ему надобно было отправиться на седьмое небо, во владѣнія Пары-Керде. Но онъ еще не имѣлъ имени. Поэтому старикъ собралъ народъ, по никто не могъ дать имя сыну его: дать худое имя боіись, а хорошее—не находилось. Все разошлось, только остался одинъ старикъ и сказалъ: «я назову».—«Назови!».—«Пусть будетъ владыи на брѣмъ конѣ—Тана. Это имя хорошее».—Синъ Ай-хана задумалъ отправиться на военное поприще и говорить отцу съ матерью: «дайте мнѣ имя». Ай-ханъ собралъ свой народъ, но никто не находилъ хорошаго имени. Народъ весь разошелся, а мальчикъ такъ и остался безъ имени. Когда мальчикъ вышелъ на улицу и пристально посмотрѣлъ кругомъ, тогда увидѣлъ старика съ бѣлою бородой, до того длинною, что онъ наступалъ на нее. Мальчикъ думаетъ: «что это за старикъ»? Побожалъ, взявъ за руку старика и привести къ своей домъ. «Старичекъ, или, дай мнѣ имя!» Старикъ говоритъ: «дита Ай-хана пусть будетъ владыи на вѣномъ конѣ—Алтын-Тайчи. Гдѣ-бы ты ни пробѣжалъ на этомъ конѣ, по вѣдъ-ли, въ чуждомъ-ли народѣ, пробѣжалъ-бы безъ препятствій, богатырямъ не поддавайся».—Эри-Кузатай, послѣдствій своего племянника—сироту, при наступленіи его общественаго служенія, поймалъ саврасую кобылу, посидѣлъ на нее свою жемъ и навѣчилъ девять кованыхъ мѣховъ вина и самъ съ племянникомъ съѣлъ на коней и отправился на тридцатое небо, гдѣ стоить тридцать домовъ, принадлежащихъ тридцати богатырямъ. «Вино унесите къ большому дому изъ этихъ тридцати, а мнѣ»,—говоритъ Эри-Кузатай,—надобно подняться на эту золотую гору къ живущимъ тамъ девяти творцамъ». Взошедши на гору, Эри-Кузатай возгласилъ: «девять творцовъ! сходите съ горы ко мнѣ на пиръ и нареките имя сыну Алтынъ-хана». Девять творцовъ сошли съ горы и назвали сына Алтынъ-хана: «владыи на вѣдомъ-симвѣ конѣ—Каватты-Пергенъ».—

Юнона отправляется молить за смерть отца своего. На дороге он заплакал и говорит: „Нить уя ми отца, ия матери, кто даст миь имя?— Некому“. Конь говорит: „Бог даст тебь имя“. Послеь этого разговор, прохвывая сажень пашь, юнона услышал, что из-за березы кто-то закричал: „стой юнона, не бди!“ Юнона остановился, посмотрел на дерево и видит, что на березе сидит белолапый старец и говорит: „стой, сын мой, я нареку тебь имя; пусть будет оно: Айманьс“. Юнона спросила: „что ты за человек, нарекий миь имя?“— „Что я за человек? Я— Творець, Бог! Я нареку имя сиротъ, у котораго нить отца. Твоего отца убил богатырь Чесекъ, взявший собь народъ и угнавший скотъ его“.

Богатырская язда. Богатыри вообще ъздани такъ быстро, что ямь изъ-подъ копыть поднималась съ земли къ небу, а съ неба падала на землю. — Когда враги хотѣли сожечь ребенка—сына Алтын-хана и уже разложили огонь, какъ съ высоты тридцатаго неба раздался звукъ конскихъ копытъ, и не успѣвъ пройти этотъ звукъ, какъ появился и самъ конь—пѣго-сараясий, безъ сѣдла и на немъ хозяинъ его, въ одной рубашкѣ, Эр-Култай, дядя ребенка, и вырвалъ его. Этому-же Эр-Култай однажды прохвлялъ вокругъ девети небевъ девять разъ въ одинъ день. — Каратчи-Пергенъ перескакивалъ на своемъ конѣ съ одного неба на другое, въ тридцать скачковъ попадавъ на тридцатое небо.— Ай-Ного не успѣвъ попарить стремня, какъ пролетѣть на седьмое небо, а въ шесть скачковъ угодилъ на шестидесятое.— Алты-Эргекъ перескакивалъ чрезъ синее море.— Мальчикъ (именъ сѣдластвн ханъ Подель) нымалъ бѣло-синаго коня, осѣдлавъ его золотымъ сѣдломъ, надѣвъ на себя носовой лукъ, отправился въ дорогу—путъ, стегнуть коня по небытамъ ногамъ, осадить его—неукротимаго, хлестнуть плетью бѣло-синаго, понесся конь ниже облака бѣлаго, выше облака синаго. Нарымъ трава не колыхается, перенеланя трава не шелохнется. Ыдетъ плавною поступью—молокю не сносится. Высокой горы предъ нимъ низились, глубокия воды мельни. Переѣхавъ онъ шестидесять горъ, перешелъ онъ быстрыя рѣки, рысью поднялся на летуную гору.

Богатырская сына. Богатырь Сайчаръ кулакомъ разбилъ желѣзную дверь въ домъ хана Печетни.—Одинъ изъ шести братьевъ богатырей переломывалъ шестигланного быка чрезъ заборъ.—Ханъ Пергенъ, гнавши марала вонъ изъ-подъ утеса, устроившаго семью богами, хотѣлъ ударить плетью по маралу, но, промахнувшись, попалъ въ утесъ и разбилъ его въ дребези.—Мать Каратчи-Пергена, богатыря, носила на рукахъ своихъ ребенка, тогда какъ простые люди, десять человѣкъ, не могли поднимать его.—Каратчи-Пергенъ на войнѣ однимъ замахомъ саблн отсѣкалъ 60 и 70 головъ.—Алты-Эргекъ вывернулъ золотую гору и переброшилъ ее за Бѣлое море.—Василій Паридчикъ носилъ шапку въ 60 пудовъ и подирился костюмемъ въ 60-же пудовъ.—Богатырь Пезанайка, дернувши за хвостъ лошады, всю шкуру здиралъ съ нея и приносилъ угамъ у домыль.—

Арань-Тайчи, возвращаясь изъ подземельныхъ владѣній Чылан-хана, топать отъ своей тяжести въ мерзлой землѣ по колѣна, и попадавшими подъ ноги камнн—булажники корушалаь ногами.—Ханъ-Тудей, встрѣтивъ препитивъ, продолжалъ путь къ Желтой скаль, вынулъ изъ своего богатырскаго лука мѣдную боевую стрѣлу о 60 коняхъ, со словами: „что будетъ мой дорота, о которой скала прокляеть до позднѣйшихъ поколѣннй.“ Стрѣла раскляса сауду по срединѣ и проломила путь богатырю.—Моульс-Пакай, возвращаясь съ охоты, приносилъ въ каждой рубѣ по маралу (зюль) съ рогами о 12-ти и 18-ти отросткахъ.—При борьбѣ богатырей земля дрожитъ и горы рунатся.—Когда сила у богатырей въ сраженняхъ ослабѣвала, тогда она прибавлялась извнѣ, посредствомъ дуновения теплаго вѣтра. Богатыри по смерти своей могутъ передавать свою силу и простымъ людямъ. Солдаты Агеевъ, послеь разныхъ приключеннй съ нимъ, входятъ въ гостиницу одного города и называютъ себя купцомъ. Гостиница была пуста и находилась въ завѣдываннй одного только караульщика, у котораго Агеевъ, въ ожиданнй якобы обозовъ съ товариша, питался въ кредитъ. Однажды Агеевъ, прогуливаясь по городу, увидѣвъ у парекныхъ воротъ два труна виснщихъ людь. По возвращеннй въ гостиницу, Агеевъ говоритъ караульщику: „вашъ парь, должно быть, людь проваиваетъ, какъ мясо.“—„Это онъ повѣсилъ своихъ сыновей.“—„За что?“—„У него была еще дочь, которая пропала безъ вѣсти. Два сына паря немали себѣ смерти съмъ зѣвъ, изоржали три корабля золота и не нашли, за это и повѣснли.“—„Довольно ли паря похоронитъ своихъ сыновей?“—„Не знаю.“—„Ступай, попроси.“ Караульщикъ отправился во дворѣкъ въ парю и объявляеть желанье куша Агеева. На это парь отвѣтилъ: „если отдашь три корабля золота, то пусть хоронитъ.“ Агеевъ, услышавъ отъ караульщика отвѣтъ, построилъ большую ограду и позвотилъ ее, ударилъ шапкой-невидимкой по землѣ, изъ-подъ которой и вышли три корабля золота. Агеевъ доставилъ золото парю и получилъ труны его сыновей, положижъ ихъ въ золотые гробы, схоронилъ въ своей оградѣ и насыпалъ на могилы разныхъ цвѣтовъ. Ночью пришла къ Агееву душа старшаго царскаго сына, разбудила его и говоритъ: „ѣдемъ и отпущаю тебѣ?“—„Не надобно мнѣ платы.“—„Пойдемъ къ могилѣ, я передамъ тебѣ свою силу.“ Пошли. На могилѣ душа дунала Агееву въ ротъ три раза, отчего онъ и сдѣлался богатыремъ. „Если тебѣ пожелаеца куда ѣхать,“—говорила душа,—„то синиги богатыремъ повенствою и къ тебѣ прислаеца мой золотной конь, ирней конь въ сѣдлѣ.“ Агеевъ, возвратившись съ могилъ, легъ на свою кровать, но она не могла поднять его богатырскаго силы и развалилась. Караульщикъ проносуетъ отъ гресна кровати и говоритъ: „ты чего-же надѣлавъ? И теба откорилъ даровымъ хлѣбомъ, такъ что тебѣ и кровать не стала поднимать. Пойду жаловаться царю.“—„Не ходи, кровать я исправилъ.“ Но Агеевъ уже не надѣлся и на исправленную кровать и заказалъ себѣ другую—желѣзную. На другую ночь раз-

будила Агеева душа младшего царского сына, привела его на могилу, дунула три раза в рот и сказала: «мой золотогривый конь будет в твоих услугах по первому богатейшему повелению». Пришедши сь могилм, Агеев лег на свою железную кровать, но и она не могла выдержать его двойной богатейской силы, затрещала и развалилась.

Богатырские битвы. Богатыри редко вражались сь войсками, но большею частью ринали дло единоборством друг против друга, или одного сь двумя, тремя и семью богатырями. Причина битв были: 1) жадность кь приобретенным чужим владениям и искусства, 2) мнение за смерть отца и разорение своего гнѣзда, 3) изъ-за женщин и сь женщинами — своими невестами, 4) помощь друзьям, 5) похвртаться славы, 6) показат свои силы, 7) для испытаня силы, особенно жениховъ, 8) озарство, 9) предупреждение нападений другаго, 10) честь семейства и 11) иногда посылают богатыри подраться сь сильѣйшимъ его сь коварною дѣлю—сбить его сь руки. Битвы продолжались три года, семь, девять и пятьдесятъ лѣтъ и кончались или смертью противника, или, если замѣна вь дѣло женщина, то она иногда примиряет противников, выходи замуж за побѣдителя.— Богатырь Ческъ убилъ отца Айманьса и ввзл въ плѣнъ его народъ и скотъ. Какъ только мальчикъ подросъ и получилъ коня и имя, то и отправился выручать свое наследство. Много-ли, мало-ли онъ ѣхалъ, какъ увидѣлъ множество народа и табуны скота. Этотъ народъ и скотъ принадлежали отцу его. Подъѣхав къ воротамъ дома, принадлежащему владѣльцу, Айманьсъ увидѣлъ здѣсь множество богатырей, славящихъ дань. Онъ сошелъ съ коня, вошелъ въ домъ и видѣтъ растянушагося хозяина, котораго и привѣтствуетъ: «Здравствуй, другъ! Хозяинъ, не вставая, съ пренебреженіемъ спрашиваетъ: «ты кто такой?» Айманьсъ его перебиваетъ: «дѣтъ, тебѣ какъ зовутъ, убійца моего отца?»—«Мени какъ зовутъ? Я—богатырь Ческъ, владѣйщій на рыжежъ конѣ».—«За что ты убилъ отца моего?»—«За то, что твой отецъ не платилъ мнѣ дань; впрочемъ, твой народъ и скотъ здѣсь, и если угодно, то возьми ихъ и будемъ друзьями».—«Ты убилъ моего отца, а теперь я убью тебѣ, и тогда уже уведу народъ и скотъ».—«Чтобы намъ не убивать другъ-друга,—возьми мою сестру за себя». «Нѣтъ, будемъ драться на смерть», и ударилъ Ческа. Завязалась борьба, стала драться, стрѣляться. Долго-ли, коротко-ли они билась, какъ подошла къ нимъ сестра Ческа и говоритъ: «и останите драться; я пойду за Айманьса». Айманьсъ посмотрѣлъ на дѣвучку и замѣтилъ, что она красавица, и потому пересталъ драться, вошелъ въ домъ и задалъ ширь. Послѣ пришегла Ческъ говоритъ: «Айманьсъ! У тебѣ теперь есть жена, а у меня нѣтъ; мнѣ нужно жениться. Я знаю одну дѣвучку, побѣдомъ—повсѣтасема». Отправился. Много-ли, мало-ли онъ ѣхалъ, добхали до невесты, у которой народъ и скотъ—премногого множество. Невѣста, по имени Наръ-дѣвица (Кач-ныс), вышла къ нимъ на встрѣчу и говоритъ: «богатырь Ческъ! Давая сначала подерсеа: если ты

одолеѣшь меня, то я пойду за тебѣ, а если я одолѣю, то—убью». Бышли они на единоборъ: стали драться, стрѣляться, сражаться въ продолженіи семи лѣтъ. Черезъ семь лѣтъ богатырь Ческъ былъ побѣжденъ. Потомъ вышелъ Айманьсъ, схватился сь дѣвчцею и тоже дрался, боролся, стрѣлялся и сражался въ течение семи лѣтъ. Черезъ семь лѣтъ и Айманьсъ былъ побѣжденъ. На смѣху его опять положилъ Ческъ и схватился сь дѣвчцею: стали драться, барахтались и стрѣлялись въ течение 3 лѣтъ. Черезъ три годъ Ческъ сказалъ: «много было во мнѣ силы, но теперь, кажется, не могу одолѣть эту госпожу»; впрочемъ, опять схватился. Дѣвица ослабѣла и сказала: «силы мои болѣе не хватаетъ, пойду за тебѣ». Боръ окончился. Пришелъ Айманьсъ, сдѣлалъ ширь, сыграли свадьбу. Богатырь Ческъ сказалъ: «пора намъ ѣхать домой»; забранъ приданое, народъ и скотъ и втроемъ отправились въ домъ Ческа. Подъѣхавъ къ дому, Айманьсъ замѣтилъ, что у воротъ стоитъ вороной конь, Айманьсъ говоритъ своимъ спутникамъ: «вы здѣсь подождите, а я посмотрю, кто тамъ прѣхалъ—богатырь или простой человекъ». Айманьсъ входитъ въ домъ и видѣтъ, что тамъ сидитъ богатырь, который сказалъ: «здравствуй, другъ Айманьсъ! Ты ввзл мою невесту». Айманьсъ спросилъ его имени богатыря. Тотъ отреккомендовался Алтынъ-Эргекомъ (золотой олень). «Жену мою я не отдамъ; подерсеа, кто изъ насъ будетъ сильнѣе, тотъ пусть ее и возьметъ». Они схватились, дрались, стрѣлялись. Айманьсъ ослабѣлъ, заплакалъ отъ досады, что не могъ убить Алтынъ-Эргекъ и сказалъ: «убей меня скорѣе и жену мою возьми!» Но подошелъ къ нимъ Ческъ и сказалъ: «не убивай его (Айманьса), лучше меня убей». Алтынъ-Эргекъ дрался, боролся сь Ческомъ три года,—Ческъ погибъ. Оишь пришелъ Айманьсъ на борьбу: стали драться, изъ лука стрѣлялись, мечамъ биты; Айманьсъ опять ослабѣлъ; но убить его не удаеся, хотя онъ и повторялъ, чтобы Алтын-Эргекъ убилъ его и ввзл его жену.—Жилъ-были старикъ со старухою; дѣтой у нихъ не было. Старикъ (его звали Арсланъ) сказалъ старухѣ: «я пойду—умру на войнѣ съ Еки-Моосомъ» и отправился. Запустѣло царство Арсланово; запустѣла земля мужа «силнаго» Старикъ поднялся на ледяную гору, съ корнемъ вырвалъ тамъ железный топоръ и вѣхалъ съ нимъ на Еки-Мооса, сталъ золотить его до того, что железный топоръ разбился вдребезги. Но Еки-Моосъ какъ-то изловчился и убилъ Арслана; топоръ разорвалъ гору и завалилъ его тѣло Арслана. Еки-Моосъ возвратился съ побѣдой въ свой домъ, а жена Арслана, на старости лѣтъ, разрылась сыномъ. Мальчикъ, нѣсколько подростки, спросилъ мать: «дѣд мой отецъ?» Мать пролочала. Но вотъ, мальчикъ однажды игралъ съ своими сверстниками: они сначала боролись, а потомъ подрались. Мальчикъ одолѣвъ всѣхъ своихъ товарищей и снявъ съ нихъ шубы. Товарищи ему сказали: «шубы ты снимать ловокъ, но если ты такой богатырь, то что-же ты нейдешь искать своего отца?»—«Я отдамъ ваши шубы, только скажите, гдѣ, по вашему мнѣнію, мой

отец? — «Твоего отца убил Еки-Моосъ». Мальчик, услышавъ это, припелъ къ матери и говоритъ: «мама, мама, и слыхалъ, что отца моего убилъ по злобѣ Еки-Моосъ. А ты, матушка, захвѣй мнѣ не сказала обо этомъ? Я поймаю бѣло-сиваго коня, засѣлаю его золотымъ сѣдломъ и поѣду искать отца своего». Мать, заплакавъ, сказала: «то ты, дитя мое, у тебѣ еще ребра не крѣпки, подреберья твои еще слаба; царство наше останется пустое и мать твою будешь плакать, куда-же ты поведешь, дитя мое?» Но мальчикъ остался непреклоненъ и отправился. Выдали, за мѣсяць ѣзды, показався бѣлый дворецъ Еки-Мооса и при немъ стоятъ двѣ пары пѣтихъ лошадей. Мальчикъ (онъ уже теперь ханъ Пудей), доѣхавши до дворца Еки-Мооса, сошелъ съ коня, привязавъ его поводъ пѣтихъ коней и, идя въ жилище Еки-Мооса, оглянулся и видитъ, что ушелъ его бѣло-сиваго коня нынѣ ушелъ пѣганокъ, а задъ его коня на ибѣтѣу сажень длиннѣе тѣхъ. Ханъ Пудей, вошедши въ домъ, поздоровался. Еки-Моосъ, вскочивъ съ постели, сказалъ: «Кѣмъ позво, тутъ болор! Кѣмъ болзо атту болор! Ады юланды айдыл нер! Кайдан ѳурен кѣкѣйи? (Если зѣврь, то бываетъ съ шерстью, если человекъ, то — съ имением!) Объясни: кто ты, откуда и куда направишься?» — Ханъ Пудей отвѣчалъ: «Я — сынъ Арслана; мое имя — ханъ Пудей; я ѣзжу съ богатырями потагаться, съ силачами побороться». Сказавши это, ханъ Пудей схватилъ Еки-Мооса за широкое; схватился также и Еки-Моосъ: сѣвшился два богатыря. Прошло 6 мѣсяцевъ, они все еще держатъ другъ друга за шею. Прошло 6 лѣтъ: на тотъ, ни другой не одолѣлъ. Прошло 7 лѣтъ и много переѣвъ произошло: крѣпкія деревья высохли, черные берега размыслись, степные звѣри бросили свои стойбища, замузжия жены раздружились съ своими дѣтми. Наконецъ, ханъ Пудей поднялъ Еки-Мооса къ поднебѣю — выше облака синяго, ниже облака бѣлаго, ударилъ и разбилъ его о широкий камень. Не осталось отъ Еки-Мооса ни крохи понавать собакъ, ни кости поבודатъ коровъ. Ханъ Пудей взялъ жень Еки-Мооса, забравъ народъ его и имѣніе, поднесъ табуны и сказалъ: «отпустилъ я за отца. Народа теперь въ своихъ мѣстахъ, пора къ своимъ водамъ.» — На владѣнія хана, ѣздяго на ворономъ конѣ, началъ Кара-гуда (царь-Левъ) и убилъ его, жень его со скотомъ взявъ въ пѣлѣгъ и угнавъ въ свои владѣнія. У побѣдима хана оставался малодѣтній сыночекъ, который, получивши имя Пудея и испросивши благословеніе Черной тайги, отправляется во владѣнія Кара-гуды — самаго могущественнаго изъ всѣхъ богатырей и царей, побѣждаетъ его, беретъ себѣ подданный народъ Кара-гуды, скотъ, имѣніе, жень, по имени Толы-Кере, съ дочерью Алтынь-Че-чекъ (золотой цвѣтокъ) и возвращается благополучно домой. По возвращеніи домой, ханъ Пудей задумалъ жениться на дочери Тенгере-хана (неба), по имени Темень-Око, и отправился. Онъ пробѣжалъ два неба, спустился въ подземныя владѣнія Оранка, откуда вообразилъ на третье небо къ Тенгере-хану и объявлялъ ему ибѣлъ своего прѣдѣла. Тенгере-ханъ объявилъ хану

Пудею, что онъ опоздалъ съ своимъ предложеніемъ, ибо дочь его высваталъ Царь-Зѣвль, и если ему не отдать ее, то онъ разгнѣвается и предложитъ хану Пудею повоевать съ Царемъ-Зѣвлемъ. Ханъ Пудей согласился и живо побѣдилъ Царя-Зѣвля. Но встрѣтилось еще препятствіе: Тенгере-ханъ сказалъ Пудею, что еще сватался за его дочь два богатыря Узунъ-Кыланъ и Кыска-Кыланъ, которые теперь сердятся на него, что онъ не отдалъ имъ дочери, приходится тебѣ сразиться съ ними. Ханъ Пудей отправлялся къ Кыланамъ, но Кыска-Кыланъ струсилъ и на войну не вышелъ. Узунъ-же Кыланъ встрѣтилъ хана Пудея на вершинѣ Бѣлой тайги, гдѣ они и сразились. Боролся 9 мѣсяцевъ: изъ крови образовалась рѣка, изъ мертвыхъ тѣлъ составилась гора, народъ Узун-Кылана побѣдилъ мечемъ, какъ трава, а самого Узун-Кылана ханъ Пудей поднялъ на небо и смертельно ударилъ о землю, дворецъ его разрушилъ, очажъ его разбилъ, владѣнія его пожегъ и зоду развѣялъ, угнѣвѣнный отъ пораженія народъ и скотъ его угнавъ и покорилъ Тенгере-хану. По и владѣнія хана Пудея не были въ покоѣ; на нихъ началъ Седеней.

Ханъ-Пудей выѣзжалъ на встрѣчу Седеней и, подивившись на томъ Бѣлой тайги, закричалъ: «кто пришлево ко мнѣ и захвѣмъ?» — «Воевать съ тобою, выходи!» Схватились два богатыря, сражались, стрѣлялись и билась 50 лѣтъ. Ханъ-Пудей, наконецъ, убилъ Седеней, изъ пролитой крови котораго образовалось море, а изъ трупъ — гора. — Была вдова Кара-Тасъ. Она имѣла сына, богатыря Алакайта и дочь Кулумъ-Кару. Обѣ эти женщины вступили въ связь съ ханомъ Пудеемъ и задумали събытъ съ рукъ Алакайта. Мать притворно заботилась зубами и послала сына за лекаремъ — сердцемъ могучаго богатыря Монусъ-Пакайа. Алакайтъ новиновался и, встрѣтившись съ возвращающимся съ охоты Монусъ-Пакаемъ, сказалъ: «Токта! Токта! Ер полза ербектежи тангыттан, аз полза кѣптежѣи тангыттан, сенѣ адимъ кеу? (Стоит! Погоди! Коня знакомого обкновенно нежною, а люди — разговоруемъ. Какъ тебѣ азунтъ?)» — «Мое имя Монусъ-Пакай, а твое?» — «Алакайтъ». Послѣ этого короткаго, вымышленнаго разговора схватились и начали драться. Въ ихъ борьбѣ прошло нѣсколько времени года, которыхъ они называли зимою по иному на своихъ воротникахъ, а лѣтомъ по ростъ на подолкахъ. Подъ ихъ ногами твердая земля треснула. Силы были равны: ничто не поддавалось и оба желали подкрѣпиться пишемъ. Монусъ-Пакайтъ поѣлъ борщонника (травы), а Алакайтъ отравился въ тайгу, одной стрѣлой убилъ зю зѣврь, поѣлъ, насытился, пожирѣлъ даже и возвратился на мѣсто поноща. Принимъ сюда и Монусъ-Пакайтъ. Опять сѣдились и дрались. Наконецъ, Алакайтъ схватилъ Монусъ-Пакайа, бросилъ его и выдернулъ у него каменно-железное сердце и положилъ на коня, очего конь сдѣлался величійю съ жеребенка. Алакайтъ, возвратившись домой и узнавши въ чемъ дѣло, рѣшился отпустить хану Пудею, отправился къ нему въ домъ, но не засталъ

дома. Подей был на охотѣ, съ которой возвратившись, самъ занялся къ Азактаю и сказалъ: „я, сильный богатырь, задумалъ убить тебя и женитца на твоей матери и сестрѣ“.— „Что ты говоришь? И, не дожидаясь отвѣта, ударилъ хана Подей на шею такъ сильно, что все го его ослепенуль.— Ханъ-Перень, бывши на охотѣ, напалъ на слѣдъ марала (олень) и погнался за нимъ, догнавъ его до владѣй Мѣднаго богатыря и убитъ. Потомъ вошелъ въ домъ Мѣднаго богатыря, поздоровался, отреккомендовался. Въ разговорѣ хозяина съ гостемъ обмѣнялись, что маралъ былъ прирученный, котораго Мѣдныи богатырь послалъ, чтобы привлечь хана Переня въ свои владѣнія. „Для чего-же я тебѣ нуженъ?“ спросилъ ханъ Перень.— „Давай, поборемся и подеремся, поборемся силами. У кого окажется силы больше, тотъ пусть убьетъ малосильнаго и завладѣетъ его народомъ и скотомъ“. Предложеніе принято съ готовностью. Хозяинъ и гость вышли изъ дома, схватились, изъ луковъ стрѣлялись, саблями бился въродоленіе 9 лѣтъ, но побѣдить другъ друга не могли. На ихъ единоборство смотрѣлъ съ высокой горы пріятель Переня Ханъ-Алыпъ и когда замѣтилъ, что Мѣдныи богатырь сталъ пересылать Переня, немедленно спустился съ горы, отстраняя Переня въ сторону, схватился съ Мѣдныимъ богатыремъ и сказалъ ему: „ты называлъ хана Переня обманомъ и хочешь убить его, но этого не будетъ, пока не убьешь меня“. Начали биться. Ханъ Алыпъ сталъ ослабѣвать. На выручку его опять явился Перень и напалъ на Мѣднаго богатыря, котораго, выбившись изъ силъ, запротестовалъ пощадить. „Ты меня одолѣлъ, прошу тебя не убей меня, весь мой народъ, весь мой скотъ возьми себѣ, только меня не убивай“. Ханъ Алыпъ, подошедши къ противникамъ, повелъ такую умузю рѣчь: „У Мѣднаго богатыря есть дочь хорошая дѣвушка, ты возьми ее за себя, а его, пріятель, не убивай; если убьешь, то тебѣ смерть будетъ. Перестаньте драться, пойдите лучше въ домъ“. Соперники перестали драться, помирились и ушли къ байгу (пиршеству).— Коварная сестра ханъ Переня Арго, въ отсутствіе брата, вышла замужъ за Карамоса и въсѣтъ съ мужемъ обокрала его. Тогда разгнѣванный ханъ Перень сразился съ двоимъ зятемъ и изрубилъ его саблей.— Жилъ-былъ старикъ Алтынъ-ханъ; дѣвъ у него не было. Жена его старуха плачетъ. „О чемъ плачешь, старуха?“— „Пришла наша старость, придетъ съ высоты 80-го неба твой другъ Кукуунъ-Алыпъ, тебѣ убьетъ и будетъ выглядывать твой скотъ“. Старикъ рассердился и задумалъ ѣхать на встрѣчу врагу своему и отправился. На пути, дѣйствительно, онъ встрѣчается съ Кукуунъ-Алыпомъ, который сказалъ: „я пришелъ убить тебя и забрать твой скотъ“. Послѣ такой откровенности ударились враги саблями, сдѣлались и не разминались 7 дней. Алтынъ-ханъ былъ убитъ. Жентѣ Алтынъ-хана выкололи глаза и вали въ плѣвъ. Въ плѣну у Кукуунъ-Алыча старуха родила сына, и когда ребенка хотѣли жесть на огнѣ, явился дядя его Эрѣ-Кулатай и главный зачинщикъ—врагъ племянника, Кукуунъ-Алыча и Кичи-Ничиги посадилъ на колы и приставилъ къ огню въ видѣ

пашымаковъ³⁾, а племянника унесъ на рукахъ. По достиженіи племянникомъ семи лѣтъ, Эрѣ-Кулатай поѣхалъ съ нимъ на 7-ю во владѣнія Узуи-Кары и шилъ такъ много. Сынъ Узуи-Кары, мальчикъ Кормогонги, играя съ племянникомъ Эрѣ-Кулатая, побилъ его. Дядя изъ-за племянника завѣялъ ссору съ Узуи-Карою и ударилъ его, завладевъ драка, въ который Узуи-Каръ полатился жизнью. Племянникъ Эрѣ-Кулатая, возмужавши и получивши имя „Каратты-Перень“, всегда заступался за дядю и воевалъ вмѣстѣ съ нимъ. Однажды Эрѣ-Кулатай на золотой горѣ, стоящей на 7-мъ небѣ, сразился одинъ съ семью богатырями, такъ что они во время войны затоптали золотую гору и прервали ее въ степь. Шесть богатырей Эрѣ-Кулатай положилъ на мѣстѣ, а съ седьмымъ долго возился. Но Каратты-Перень, заслышавъ на 7-мъ небѣ браняныя знакомой колчуги, доспѣшилъ на выручку своего дяди и, прискакавши, отдержуль ослабѣшаго Эрѣ-Кулатая отъ его соперника, и самъ сразился съ нимъ, убилъ и скрмылъ тѣло въ камняхъ золотой горы. На владѣніи Эрѣ-Кулатая напалъ Алтынъ-Тасъ съ войскомъ, Эрѣ-Кулатай защищаясь храбро: ударилъ сюда — голову 60-ти человѣкъ летитъ, обернется туда — 50 головъ летитъ. Повоиничи съ войскомъ Эрѣ-Кулатай схватился съ Алтынъ-Тасомъ, который, не нашедши на свою силу и будая хорошии конемъ, обратился въ бѣгство. Эрѣ-Кулатай погнался за нимъ. Алтынъ-Тасъ, со страху, спустился подъ землю. Эрѣ-Кулатай — за нимъ, но догнавъ не можетъ и воскликнулъ: „эхъ, великия мой племянникъ, котораго я отъ волковъ избавилъ и отъ непріятелей освободилъ, былъ со мною!“ Каратты-Перень не заставилъ долго жить себя, какъ изъ земли выросъ и схватился съ Алтынъ-Тасомъ, вмѣсто своего дяди. Дрались три дня. Пакочень, Каратты-Перень поднялъ своего противника къ небу, а оттуда бросилъ на землю и записѣ до смерти. Богатырь Кандотъ укралъ дочь Алтынъ-хана и прожилъ съ нею семь лѣтъ, богатырь Ак-Молатъ, желая получить хорошии выкупъ съ Алтынъ-хана, отобралъ дочь отъ Кандота и доставилъ къ отцу. Алтынъ-ханъ, увидя дочь свою съ Ак-Молатомъ и не разобравши дѣла, ударилъ Ак-Молата семиконечнымъ копьемъ и держалъ его подъ копьемъ семь лѣтъ. На владѣніи Ай-Моко напали два хана: Кола-Киратыи и Тебѣръ-Киратыи. Съ первымъ Ай-Моко дрались три дня и, подливши его къ небу, ударилъ о землю и убилъ. Со вторымъ дрались четыре дня и кончили такъ-же, какъ и съ первымъ. Два друга, Ай-Моко и Ак-Молатъ, сдѣлали между собою военный союзъ—идти войскою на Кандота. Прошли они земли сорока народовъ и взобрались на 40-й слой небесной—жилище Кандота и стали вызывать его на бой. Но Кандотъ самъ, лично, уклонился отъ войны, а выставилъ свое войско противу нападающихъ. При каждомъ взмахѣ Ак-Молата

³⁾ Пашымакъ — кусокъ мяса, преимущественно баранины, приставленный къ огню на палкѣ для жаренія.

летит неприятельская голова, а махнёт Ай-Моко—детят семь голов. Воевали друзья в Кандотомо царствит семь дней и, забравши сея собою много народа и скота Кандота, возвратился домой. На владыка Алтын-хана напад Кара-Могузъ и убил его и царство разрушил. Но у Алтын-хана была снть, который достигнув трехъ лѣтъ и получивши имя „Алтынъ-Ергекъ“ и коня—Аранчузу, рѣшился отомстить за смерть отца своего. Приѣхавши во владыка Кара-Могуса, Алтынъ-Ергекъ зарубил саблею, какъ самого владыку, такъ и многихъ изъ его подданныхъ. Пока онъ расправлялся съ Кара-Могусомъ, дѣти сего послѣдняго, три богатыря, хотѣли завладѣть Аранчузою и погнались за нимъ. На дорогѣ они встрѣтили еще трехъ богатырей, которые спросили,—зачѣмъ они гонятся за чужимъ конемъ? „А вы развѣ хотите заступиться за него?“ И съ этими словами ударили богатырей плетями, разсѣли имъ головы, и они умерли. Послѣ расправы съ богатырями, вмѣшавшимися въ чужое дѣло, дѣти Кара-Могуса встрѣтились съ другомъ Алтынъ-Ергекъ, ханомъ Алтынъ-Перисте и на вопросъ: „кто ты?“—получили въ отвѣтъ: „Взлѣдич на семи-саженномъ, красно-рыжемъ конѣ, ханъ Алтынъ-Перисте“. Три брата подняли плети и разомъ ударили Алтынъ-Перисте. Богатырь на это приветливо не моргнулъ и сказалъ: „ну, теперь я ударю“, и ударилъ по головамъ богатырей плетью, разсѣвъ имъ головы, и они умерли. На богатыря Алтынъ-Моко нападато дѣти Чылакъ-хана, богатыри, имѣющие одно имя: „Шайхъ-Сесп“. На выручку Алтынъ-Моко являлся другъ его Аранъ-Тайчи, который и занималъ до смерти обонкъ противникомъ. Въ благодарности за помощь жена Алтынъ-Моко предлагала—было себѣ въ жени Аранъ-Тайчи, но онъ утѣдился такого предложенія и, не пинши вина и не выши, возвратился домой. Впрочемъ, жена Алтынъ-Моко, при сѣдующемъ свиданьи, поправилась и, обративъ на шутку свое предложение, сказала: „Великій ханъ обыкновенно женится на дѣвицѣ, а не на женщинѣ. Отсюда на тридцатомъ небѣ живутъ семь братьевъ-богатырей, до владыки которыхъ не дозвжалъ ни одинъ ханъ. Младшая сестра ихъ, по имени Очи-Карачини,—настоящая красавица. Ее возьми за себѣ. Если ты действительно богатырь—возвратившись съ тридцатаго неба, если слабый ханъ—умрешь“. Алтынъ-Моко, подтвердивши слова жены, согласился сопроводить своего друга. Отправивши и уже достигши тридцатаго неба, какъ Алтынъ-Моко струсилъ и, боясь встрѣтиться съ богатырями, возвратился домой. Аранъ-Тайчи же сказалъ: „и хотя и умру, а не вернусь“, и вышелъ къ красавицѣ Очи-Карачини: „Здравствуй, Аранъ-Тайчи!“—„Здравствуй, красавица Очи-Карачини!“—„Возмешь-ли ты меня за себѣ?“—„Возьму“. „Но какъ-же ты возьмешь, когда уже сватался за меня богатырь Саръ-Алтынъ и братья мои думаютъ отдать меня за него? Впрочемъ, я желала-бы лучше выйти за тебя, нежели за Саръ-Алтына, но боюсь, что онъ убьетъ тебя“. Послѣ объясненій съ дѣвушкой Аранъ-Тайчи вышелъ отъ нея и встрѣтился съ Саръ-Алтынсомъ, который, обнявъ мечъ, спросилъ

его: „ты, ханъ, зачѣмъ входишь къ дѣвушкѣ? Не успѣлъ онъ отвѣтить на вопросъ, какъ подошли и братья—семь богатырей, подлорванные съ Аранъ-Тайчи и спросили,—куда онъ отправился? Аранъ-Тайчи отвѣтилъ: „Приходило мѣ сватать красавицу Очи-Карачини, младшую сестру семи богатырей“. На это Саръ-Алтынъ замѣтилъ: „съ боку привязанный торсуку (кожаный мѣшокъ для жидкостей) на сторонѣ и оставаться долженъ. Ужели тебѣ, пришедшему со стороны, звать эту дѣвушку?“ Старший изъ семи братьевъ возразилъ: „Два богатыря, Аранъ-Тайчи и Саръ-Алтынъ! Предлагаю намъ рѣшить жребій въ единоборствѣ между собою: мертвый пусть въ землю идетъ, а оставшійся—дѣвушку беретъ (олгону, берге парзин! Калганы кысалзин!).“ Богатыри схватились такъ сильно, что земля задрожала и ближайшая гора разрушилась. Били другъ-друга по щекамъ и сражались шесть дней; наконецъ, въ седьмой день Аранъ-Тайчи поднялъ Саръ-Алтына и бросилъ его къ небу, и, не допуская до земли, разсѣлъ его на семь частей. Когда Аранъ-Тайчи поконичалъ съ Саръ-Алтынсомъ, тогда и семь братьевъ-богатырей дружно, всё вмѣстѣ, напали на него. Сражались тоже семь дней и точно такъ-же, какъ Саръ-Алтынъ, пометѣли къ небу, и при паденіи пораженны.

Старуха сказала: „все сбруи у Страмдуса привязана на одной веревкѣ, на концѣ которой привязанъ колоколъ-чичъ, вотъ тебѣ ножки, отсѣки эту веревку, захвати сбрую и живо бѣги“. Мальчикъ, но наставленію старухи, овладѣвъ сбруею Страмдуса, который свѣтился, какъ солнце, и доставилъ ее царю. По прошествіи нѣкотораго времени, старшій братъ научилъ солдата донести царю, что младшій братъ его похвалится поймать и привести къ царю самого Страмдуса. Царь призвалъ мальчика и, несмотря на его отреченіе, угрозою принудилъ отправиться за Страмдусомъ. Мальчикъ зашелъ къ старухѣ и заплакалъ, рассказавши свое горе. „Не плачь, мальчикъ! Вотъ тебѣ двое ружанчинокъ: войлочная и кожаная. Если тебѣ будетъ жарко, закройся кожаными ружанчинокъ, а если холодно—войлочными. Вотъ тебѣ еще двѣ дюжины булавы и красная. Когда завидишь Страмдуса—съѣшь бѣлую ягуду, а когда нужно будетъ съѣсть красную, самъ узнаешь“. Мальчикъ отправился, съ помощію ружанчинокъ преодолевъ и жаръ, и морозъ и увидѣвъ Страмдуса, который ходилъ около своего дома. Мальчикъ съѣлъ бѣлую ягуду и превратился въ сѣдаго старика, подошелъ потомъ къ Страмдусу. Страмдусъ спросилъ: „кто и за чѣмъ?“ Старикъ (т.-е. мальчикъ) сказалъ: „на той сторонѣ ключа, во владыки царя пришелъ страшный богатырь, который всѣхъ убиваетъ, я убѣжалъ отсюда и пропущу твои зашиты“. — „Ладно. Неужели тотъ богатырь сильнѣе меня?“ — „Не знаю, ты сильнѣе-ли, а тотъ богатырь влѣзетъ въ бочку, утѣтсея ногами, и бочка разламывается на куски“. Страмдусъ заставилъ своихъ прислужниковъ сдѣлать бочку, влѣвъ въ нее, уперся ногами и бочка разлетѣлась. Старикъ (мальчикъ) говоритъ, что тотъ богатырь залезитъ и въ желѣзную бочку и разламываетъ. Страмдусъ приказалъ сдѣлать желѣзную бочку, за-

твѣзъ въ нее, заперли его замкомъ, сталь упираться въ бочку, но она только краснѣть и дѣлается огненною, но не ломается. «Нѣтъ, старикъ, не могу изломать, отвори!» Но старикъ съѣлъ красную ягоду и, превратившись опять въ мальчика, поклатил бочку. Страдусъ ужасно закричалъ и вальгъ мальчику остановиться, потому что Богъ запретилъ ему переходить ручей. Но мальчикъ не обратилъ вниманія на возраженія Страдуса и провалитъ бочку въ городъ. Царь и народъ собрался къ бочкѣ, но болѣе подойти близко. Мальчикъ сказалъ, что онъ выпуститъ Страдуса изъ бочки, и тогда онъ съѣстъ всѣхъ и Страдусъ подтвердилъ изъ бочки, что если выпустятъ его, то онъ рѣшитъ всѣхъ и оставитъ живымъ только одного мальчика. Царь и народъ стали просить мальчика, чтобы онъ не выпускалъ Страдуса изъ бочки, и всѣ единогласно избрали его себѣ даромъ. Страдусъ попросилъ шить. Мальчикъ растопилъ смолоу и вальгъ ее въ ротъ Страдусу, отчего онъ и померъ. Мальчикъ женился на царской дочери, сдѣлался царемъ и отсѣкъ голову старшему брату. — Мальчикъ, по имени Тарданакъ, былъ на своей паншѣ. Приходить къ нему семилетній Ельбегень и приказываетъ ему ѣздить въ мѣшокъ. Тарданакъ ѣздитъ. Ельбегень везетъ въ мѣшокъ Тарданака въ свой домъ, но на дорогѣ легъ отдохнуть и поспуеъ. Во время его сна Тарданакъ вылезъ изъ мѣшка, набилъ мѣшокъ вѣтромъ себя травой и возвратился на свою паншу. Ельбегень пришелъ, принялъ домой. Дѣти его, увидя мѣшокъ, сказали: «отецъ приноситъ травы въ мѣшокъ, давайте на ней играть!» — «Нѣтъ, дѣти, въ мѣшокъ вѣдъ не трава, а сидитъ Тарданакъ.» Но, отперши мѣшокъ, онъ увидѣлъ въ немъ действительно траву, и пошелъ опять на паншу къ Тарданаку и опять посадилъ его въ мѣшокъ и завалилъ. Пришли домой, Ельбегень покормилъ мѣшокъ и отправился за дровами. Во время его отсутствія Тарданакъ сказалъ дѣтямъ Ельбегеня: «ребята, развяжите меня; за это старшему изъ васъ я сдѣлаю большую стрѣлу, а младшему — маленькую». Дѣти съ удовольствіемъ развязали его. Тарданакъ всѣмъ имъ отрубилъ головы, которая рядкомъ уложилъ на постели, въ половину прикрывъ ихъ одеждою, а трупы положилъ въ котелъ и сварилъ, и бѣзъ онага проложилъ сквозной выходъ подъ юрту. Ельбегень возвратился съ дровами и хотѣлъ было знать Тарданака, но увидя, что въ котлѣ варится уже мясо, котораго поивъ немного, онъ сказалъ: дѣти, вставайте скорѣе ѣсть мясо!» Дѣти молчатъ, не встаютъ. Ельбегень подошелъ къ постели, открывъ дѣтскія одежды и увидя, что головы дѣтей лежатъ, какъ шишки. «Это что такое?» — Догадался, что въ котлѣ варилось мясо дѣтвоего, заплакалъ и закричалъ: «Тарданакъ! Куда ты ушелъ?» Тарданакъ отвѣчаетъ съ ушницъ: «я пошелъ собирать дрова». Ельбегень вышелъ на улицу и, не видя тамъ Тарданака, кричитъ: «Тарданакъ! Ты гдѣ?» Тарданакъ, прошедши изъ юрты прокопаннѣмъ имъ ходомъ, отвѣчаетъ: «я разоужо огонь подъ котломъ». Ельбегень вошелъ въ юрту и, не видя тамъ Тарданака, усѣвшаго обратясь изъ юрты своимъ ходомъ, опять закричалъ: «Тарданакъ! Ты куда

ушелъ?» Тарданакъ отвѣчаетъ съ ушницъ: «я собираю дрова». Ельбегень разсердился и спросилъ: «ты какъ-же это невидимо выходишь на улицу?» Потомъ началъ осматривать юрту и замѣтилъ близъ огня яму, пошелъ въ нее и завязалъ. Тогда Тарданакъ ѣбжалъ въ юрту, опрокинулъ на ельбегеня котелъ съ мясомъ и кипящемъ жиромъ и сварилъ его. — Ельбегень погнался за мальчикомъ Маншаркомъ, а тотъ успѣлъ залѣзть на желѣзный дубъ. Ельбегень сталь рубить дубъ и усталъ; къ нему подошла красная лисица и предложила свои услуги — дорубить за него; Ельбегень обрадовался помощницѣ и заступилъ. Въ это время лисица, вѣсто дуба, стала бить по топору камнемъ и, иступивши, бросила его въ озеро. Проснулся Ельбегень и какъ только досталъ топоръ изъ озера, лисица, перебивши свою красную шерсть на черную, опять подошла къ нему и просила топоръ, чтобы рубить дубъ. Ельбегень сначала отказывался и укорялъ ее за то, что она иступила топоръ и забросила его въ озеро. Но лисица убѣдила его, что то была не она, добрая, а другая, худая лисица. Ельбегень повѣрилъ словамъ доброй лисицы, но она иступила топоръ хуже прежняго, забросила его въ самую середину озера. Ельбегень усамъ своими вытщилъ топоръ, тотчасъ его и опять принялся за прежнюю работу. Маншаркъ смотритъ на небо и видитъ въ десяти тучахъ летить вороны, такъ что изъ-за нихъ закрылось солнце. Ельбегень, заслышавъ вороной крикъ, спустился въ озеро. Первую тучу прилетѣла къ Маншарку и спросила: «дѣвъ Ельбегенъ?» Онъ указалъ на озеро. Главнйя воронъ сказала: «смотри-же, если по озеру будетъ разливаться черная кровь, то не бойся, если-же красная, то намъ будетъ бѣда, и тебѣ тогда не уйти». Маншаркъ смотритъ и видитъ, что появилась красная кровь. Онъ заплакалъ и сказалъ: «должно быть, погибнуть и мнѣ!» По эта кровь вышла изъ ноги одного ворона, которая изломалась при битвѣ. Потомъ пошла черная кровь и вышла изъ береговъ озера, а у каждого ворона изъ десяти тучъ оказалось по кости съ мясомъ, величиною по 8 вершковъ. Вороны улетѣли, а Маншаркъ съелъ съ дерева. Всѣ люди приходятъ отъ Маншарка. Воронъ посылалъ Маншарку-рогачонкашкоу людей, за это онъ и питается пшеномъ со стола человѣка: мясомъ и рыбою. — Не смотря на то, что богатыри силовъ, а другіе герои хитростью, побѣждали ельбегеня, но все еще было много ихъ. Поэтому само небо обратило вниманіе на этотъ предметъ и послало солнце ловить и жечь ельбегеня. Вотъ солнце бросилось за однимъ ельбегенемъ, но ельбегень скрылся въ глубокую, доходящую до центра земли пещеру. Мѣсяцъ, повстрѣчавшись съ солнцемъ, спросилъ: «дѣвъ ельбегеня?» Солнце созналось, что ничего не могло подбѣзть съ ельбегенемъ. Мѣсяцъ сталь спуститься съ неба и видитъ, что ельбегень гонится за однимъ мальчикомъ-сиротомъ, чтобы съѣсть его, но мальчикъ зарылся на высокую талину; ельбегень сталь у талины и дожидается мальчика. Когда мѣсяцъ спустился на землю, ельбегень схватился за талину, вырвалъ ее съ корнемъ и вѣзѣтъ съ сидѣвшимъ на ней мальчи-

комь бросился въ озеро. Мѣсяцъ, не будь плохъ, сейчасъ же отхватилъ у себя правое плечо, потюкъ лѣвое, и, такимъ образомъ, ушибрувшися, бросился за ельбегенемъ, и когда сталъ воевать съ нимъ, то брызги изъ озера летѣли чрезъ бѣлизъ—стоящую гору. Мѣсяцъ, схвативши, наконецъ, талину съ ельбегенемъ и мальчикомъ, унесъ ихъ на небо. На мѣсяцъ, увидяють инородцы, всегда можно видѣть ельбегеневу голову и талину: мѣсяцъ свѣтлый, а эти предметы потемнѣе.

Купецъ.

У одного купца было три сына. Они видѣли сны о своихъ невѣстахъ. Старшему приснилось, что онъ взялъ за себя купеческую дочь, среднему приснилось бодрская дочь, а младшій увидѣть во снѣ лягушку.

Сны ихъ действительно исполнились: старшій и средній братъ женился на тѣхъ, кого видѣли во снѣ, и младшій братъ привелъ въ домъ лягушку.

Отецъ, для испытанія своихъ невѣстокъ, заказываетъ своимъ сыновьямъ, чтобы старшая невѣстка пришла для него куртку изъ мердущекъ, средняя—шаровары, а младшая—сапоги. „И,—сказалъ отецъ,—завтра къ царю пойду“.

Два старшихъ сына объявили своимъ женамъ приказаніе отца, а младшій, не надѣясь на лягушку, сталъ доставать изъ ящика деньги, чтобы купить на нихъ сапоги. Лягушка спросила: „ты для чего берешь деньги?“ Младшій сынъ отвѣчалъ: „отецъ отправляется завтра къ царю и приказалъ, чтобы ты пришла для него сапоги“. Лягушка сказала: „деньги не трошь! Сапоги я изготовлю“. Младшій сынъ опять положилъ деньги туда, гдѣ взялъ, и легъ спать. Понутру рано лягушка разбудила его и сказала: „Вотъ сапоги готовы!“

Всѣ три сына явились къ отцу съ работою своихъ женъ. Работа старшихъ невѣстокъ отцу не понравилась, а сапоги очень понравились, и отецъ двинулся, что въ нихъ не видно даже шва.

Отецъ дѣлаетъ еще заказъ, чтобы старшая невѣстка приготовила булку, средняя—сухари, а младшая—ржаной хлѣбъ.

Когда это все было изготовлено, сыновья опять явились къ отцу. Отецъ, увидявши ржаной хлѣбъ, отъ удивленія спросилъ: „что это такое бѣлое?“— „Это хлѣбъ, изготовленный моею женою—лягушкою“,—отвѣчалъ младшій сынъ. Отецъ похвалилъ искусство младшей невѣстки, а булку и сухари, приготовленные старшими, бросилъ собакамъ.

Въ третій разъ всѣ три невѣстки, по приказанію отца, явились къ нему съ тѣмъ. Лягушка, превратившись въ красавицу, пришла послѣ всѣхъ. Пѣние ей до того очаровало отца, что онъ схватилъ ее старшею надъ всеми, а мужа ей—спомни мальчикомъ, старшихъ же сыновей заставилъ пасти скотъ. а ихъ женъ опредѣлялъ быть кухарками. Значитъ:

Человѣка не познаешь по одеждѣ,

А коня по потнику.

Алтан-Сайн-Саламъ.

Жили-были старикъ со старухою. У нихъ были сынъ да дочь. Старикъ умеръ: братъ и сестра остались сиротами. Они плакали и говорили: „какъ мы будемъ жить? Есть чего и носить ничего“. Мальчикъ сдѣлалъ небольшой лукъ съ деревянною стрѣлою и отправился на звѣриную оубель. Сестра сдѣлала себѣ веретено и стала прядть конюплю. Братъ убилъ какого-то звѣрыка и, возвратившись съ нимъ домой, мясо звѣрыка отдалъ сестрѣ, та сварила это мясо и оба поѣли. Мальчикъ подумалъ: „хоти бы одинъ былъ конь у меня, я на немъ и возить бы звѣриную добычу, а то на себѣ таскалъ ее—свина заболитъ“. Заплакалъ и ушелъ. На другой день опять отправился на промыселъ и застрѣлилъ лось. Отрѣзавши кусокъ мяса отъ лося, принесъ его домой. По возвращеніи домой, онъ видитъ привязаннаго къ дереву коня съ золотымъ сѣдломъ. Конь этотъ имѣлъ кличку: рыжий Айкымъ-Сайкымъ. Юноша, отъязывая коня отъ коновязи, замѣтилъ, что изъ трапы виднѣется чорный, крѣпкій лукъ съ желѣзною, большою стрѣлою. Юноша взялъ этотъ лукъ; натягалъ—натягалъ и сказалъ: „ахъ если-бы этотъ лукъ былъ мой!“ И думаетъ: „какого-же богатыря этотъ конь и лукъ?“ Возвелъ онъ въ домъ и тотъ-же вопросъ задаетъ сестрѣ своей. Сестра отвѣтила: „Вѣроятно, и конь и лукъ твой“. Юноша, побывши немного дома, садится на Рыжку-Айкымъ-Сайкыма и похвѣлъ такъ быстро, что пыль изъ-подъ копытъ поднималась съ земли къ небу, а съ неба падала на землю. Юноша на короткое время остановился и поправилъ на себѣ досѣлки: лукъ падѣлъ себѣ на спину, а стрѣлу взялъ въ руку. Нахвѣвши на звѣрное стойбище, онъ перебилъ всѣхъ случившихся тутъ лосей, мясо ихъ положилъ на коня и, возвратившись домой, передалъ оное своей сестрѣ, а самъ опять на Рыжку-Айкымъ-Сайкыма и на промыселъ. По эта вторая поездка кончилась несчастіемъ: конь упалъ и юноша не успѣлъ на немъ и, при паденіи, сломилъ себѣ шею и умеръ. Конь безъ сѣдла возвратился домой. Сестра юноши встрѣтила коня, который ей прохвѣлъ: „оставиши безъ сѣдла, я рысью прибѣжалъ домой“. Сестра заплакала. Рыска, увидявши это, пошелъ къ ней и пасть на колѣна. Девушка заплакала—поплакала и слѣла на коня. Рыска побѣжалъ рысью, направляя путь своей хозяйкѣ. Сестра дохѣла до того мѣста, гдѣ упалъ братъ, увидяла, что у него шея сломлена и опять заплакала. Поплакавши, обратилась она къ близъ-стоящей скалѣ: „Горькій мамонтъ, раскрой! Глазкая скала, расколеси! Я положу въ тебѣ моего брата“. Скала раскрывалась и сестра положила въ нее своего брата, а сама переодѣлась въ его одежду и отправилась къ Царю-Солнцу. Только пыль пошла столбомъ вверхъ, сверху падала на землю. Ыхала-ыхала и увидяла, что нѣсколько богатырей остаются въ стрѣльбѣ. Цѣлью поставлена игла, утвержденная въ желѣзной лопатѣ, а въ вознагражденіе побѣдителя обѣщана красавица—средняя дочь

царя. Когда она подыхала къ богатырямъ, они сказали ей: „глазъ у тебя опухъ, а спина что топкавата. Ты кто такой, ловкий молодецъ? Не угодно-ли тебѣ попробовать стрѣлять въ цѣль? Переводчикъ дѣльца пришла на себя и имя брата своего: Алтайн-Сайн-Саламъ, и сказала богатырямъ: „Стрѣляй-то я готовъ, только мнѣ еще не до стрѣльбы: я вѣтъ хочу.“ Богатыри дали ей кусокъ мяса и чашку буряна. Мнимый Алтайн-Сайн-Саламъ когда наелся, взялъ лукъ, натягалъ его съ утра до вечера и на слѣдующее утро все еще натягалъ. Когда окончательно натянулъ, прицѣлился, спустил тетиву и стрѣлою отшибъ ухо у илаи и расколотъ желѣзную лопату. Послѣ этого подвиза мнимый Алтайн-Сайн-Саламъ пришелъ къ Царю-Солнцу и потребовалъ собѣ въ жены дѣвучку, изъ-за которой было состязаніе. Царь-Солнце согласился, но выдать еще отсрочилъ на нѣкоторое время. Царь-Солнце похвѣлъ да въѣхалъ въѣхалъ и приѣхалъ во владѣніе Царя-Мѣсна, гдѣ опять ночью на состязаніе въ стрѣльбу за среднюю дочь этого царя, и выигралъ ее. Взавши съ собой дочь Царя-Мѣсна и захѣхавши съ нею за дочерью Царя-Солнца, вѣтъ втрохень приехали домой. Но здѣсь произошло недоразумѣніе: оба жени требовали супружескихъ правъ въ раздѣленіи ложа, но отиухъ прагъ не добились. Поэтому отпросились на нѣкоторое время въ домъ своихъ родителей, и уѣхали. По отправленіи своихъ женъ, мнимый Алтайн-Сайн-Саламъ похвѣлъ къ скалѣ, въ которой погребенъ былъ братъ. Приѣхавши въ скалѣ, сестра залпала и сказала: „Горькій камень, раскрой! Гладкій камень, откройся. Я возму моего единственнаго брата“. Скала раскрылась и сестра вынула отсюда своего брата, привезла его домой и положила въ бѣлую юбку. На ладони брата написала записку: „У Царя-Солнца и Царя-Мѣсна и взяла духъ среднихъ дочерей: пусть онѣ будутъ тебѣ женами, а сама я, сдѣлавшись зайцемъ, ушла въ чашу лѣса“. — Двѣ жены мнимого Алтайн-Сайн-Салама, погостивши у своихъ родныхъ, возвратились къ своему мужу. Подыхавши къ дому и еще не входя въ него, жены закричали: „Алтайн-Сайн-Саламъ, выходи сюда! Не слышишь!“. Въ другой разъ закричали: „Алтайн-Сайн-Саламъ, выходи!“. Опять не слышишь. „Это что такое?“. Дочь Царя-Мѣсна вошла въ домъ и думаетъ, что Алтайн-Сайн-Саламъ спитъ. Жена кричитъ: „вставай!“. Онъ не встаетъ. Опять закричала: „вставай!“. Опять не встаетъ. Жена потрпала его одежку: Алтайн-Сайн-Саламъ лежитъ, какъ мертвый. „Теперь нѣтъ никакой надежды разбудить его“, говорятъ дочь Царя-Мѣсна, и залпала: „въ былое время никакіе богатыри не могли открыть его подола, а теперь злой вѣтеръ его открываетъ“. Вышла изъ дома, а на мѣсто его вошла другая жена, дочь Царя-Солнца. „Вставай!“. Не встаетъ. Дочь Царя-Солнца начала бить плетью своего мужа, отчего тотъ, какъ будто пошевелился. Обѣ жены попеременно входили, выходяли, плетями били своего мужа и, наконецъ, достигли того, что онъ всталъ. Алтайн-Сайн-Саламъ, проснувшись, сказалъ своимъ женамъ, чтобы онѣ дали ему воды умыться. Но только онъ приготошилъ

ладони для принятія воды, какъ сейчасъ же замѣтилъ письмо своей сестры — *Кара*. Умывшись, онъ послалъ своихъ женъ въ чашу лѣса, чтобы онѣ впрямомъ выгнали отсюда бѣлаго зайца, а самъ, взявши лукъ со стрѣлою, сталъ дожидаться этого зайца на чистомъ мѣстѣ. Когда жены выгнали зайца изъ чаши, Алтайн-Сайн-Саламъ подстрѣлилъ его въ ногу, поймалъ, принесъ домой и приказалъ обѣимъ женамъ хорошо кормить его.

Заяцъ однажды обрываетъ подола одежды мужа Алтайн-Сайн-Салама. Жены рассердились, и въ отсутствіе своего мужа на промисель, убили зайца. Алтайн-Сайн-Саламъ, возвратившись съ промисля, узналъ, что заяцъ убитъ, оплавая его, положилъ въ три ящика (ящикъ въ ящикъ) и на верхнюю ящикъ золотыми буквами написалъ: „Домаръ, выходи этого зайца!“ Этотъ тройной ящикъ пустилъ онъ въ море. Троемѣнь воды ящикъ принесло къ владѣніямъ Царя-Мѣсна, и онъ остановился въ томъ мѣстѣ, гдѣ подданные этого царя обыкновенно берутъ воду. Слуга царя, пошедши по воду, замѣтилъ ящикъ, вынулъ его изъ воды и принесъ къ царю. Царь прочелъ надпись, вскрылъ ящикъ, вынулъ зайчика, пригласилъ лекаря и оживилъ его. Заяцъ, по окликанію, превратился опять въ дѣвучку, и на ней женился сынъ Царя-Мѣсна.

По прошествіи 7 лѣтъ, Алтайн-Сайн-Саламъ отправился на поискъ своей сестры, захѣхалъ и во владѣніи своего тестя, Царя-Мѣсна, гдѣ увидѣлъ, что сноха царя держитъ на рукахъ ребенка и забавляется съ нимъ. Рыжка-Айым-Сайгимъ, увидавши молодую жену съ ребенкомъ, сильно заржалъ. Кара узнала своего коня и залпала, встрѣлила своего брата. Сначала оба полпалали, потомъ убили скотину и сдѣлали пиръ. Послѣ пира Алтайн-Сайн-Саламъ возвратился домой.

Кара-Канъ.

Жилъ-былъ царь по имени *Кара-Канъ*. У него было много народа и скота, а дочь только одна, по имени *Дѣвица-Армыя*. Царь состарился и говоритъ: „сыновей у меня нѣтъ, силъ не стало; дочь моя управляетъ многочисленнымъ народомъ не можетъ и усмотрѣтъ за всѣмъ скотомъ не сумѣетъ. Пусть же половину моего народа и половину моего скота возьметъ себѣ подзаемный отецъ“. Дочь возражала: „почему-же мнѣ не управитъ всѣмъ народомъ и скотомъ?“. — „Потому что не можешь“. — „Если ты не отдашь мнѣ мой народъ и мой скотъ, то я жить у тебя не буду, уйду въ другую землю“. И отправилась. Отецъ и мать оплавали свою дочь. Она приѣхала въ царство одного богатыря, зашла къ нему въ домъ, она поздоровалась. Богатырь спросилъ: „Скажи мнѣ, чья ты дочь?“. Дѣвица отвѣчаетъ: „Я — дочь Кара-Кана, по имени Алтын-Армыя; а тебя какъ зовутъ?“. Богатырь отвѣчаетъ: „Дѣвиц! мое имя: Благомыслищій Алтын-Канъ. Куда ты идешь?“. Дѣвица отвѣчаетъ: „Я приѣхала сюда издалека и отсюда побѣду далеко; мнѣ нужно найти и убить

Царя-Змѣя. Если ему назначено умереть — умереть, если мнѣ, то я умру. Онъ — царь сильный, побѣдилъ многихъ царей, собираетъ дань съ разныхъ земель, чужестранные богатыри его боятся, плачутъ и платятъ дань. — Много-ли — мало-ли Алтын-Арычъ ѣхал, но достигла до владыи Царя-Змѣя и самого его увидела на необитаемой долинь. Одна губа пасти Царя-Змѣя лежала на землѣ, а другая на небѣ. Подойдетъ-ли богатыря, зѣвря или птица — все лѣзетъ ему въ ротъ. Алтын-Арычъ тоже подошла и вошла въ пасть, какъ и другіе. И видать тамъ много живыхъ людей, зѣвря и птицъ. Алтын-Арычъ дошла до сердца Царя-Змѣя, взяла это сердце и, обращаясь къ богатырямъ, говоритъ: «какъ бы его убить?» Одинъ изъ богатырей отвѣчаетъ: «госпожа! ни убить его не можемъ, не понимаешь ли ты свои силы?» Дѣвушка спросила мечъ. Богатырь подаетъ. Она ударила по сердцу Царя-Змѣя, но не умертвила его, потому что мечъ изломался. Дѣвушка взяла свой собственный мечъ и закричала богатырямъ: «смотрите теперь, что будетъ!» Съ этими словами ударила мечомъ и змѣй издохъ. Когда Царь-Змѣй умеръ, дѣвушка вышла изъ его пасти, птицы вылетѣли, зѣвря выбѣжали и богатыри вышли и сказали: «Да будетъ жизнь твоя долговѣчна и могла твоя возмущена! Ты сдѣлала для насъ благодѣяніе, ты спасла насъ, тебѣ мы будемъ платить дань». Дѣвушка отвѣтила: «Богатыри! дань вашей мнѣ не нужно; гдѣ вы прежде жили, тамъ и живите». Простой-же народъ и скоть Алтын-Арычъ взяла себѣ и возвратилась въ домъ отца и матери. По случаю ея возвращенія учинилъ пиръ: пили, ѣли, веселились. Отецъ спросилъ ее: «гдѣ ты была, дочь моя?» Дочь рассказала, гдѣ она была и какъ убилъ Царя-Змѣя. Отецъ похваливалъ ее и сказалъ: «хорошо, что есть у тебя сила, и ты избавила души птицъ, зѣвря и богатырей; отлаю тебѣ и мой народъ и мой скоть, потому что я уже сталъ слабъ и думаю умереть». Дѣвушка получила полное наслѣдство, а отецъ скоро умеръ. Дочь похоронила отца, сдѣлала поминки, плакала, рыдала и горевала о своемъ одиночествѣ. Послѣ того много-ли, мало-ли прошло времени, какъ приходить къ ней богатырь, поздоровался и говоритъ: «пойдешь-ли ты за меня?» Дѣвушка отвѣчаетъ: «что ты за человекъ? Если-ли у тебя отецъ съ матерью?» Богатырь говоритъ: «нѣтъ у меня ни отца, ни матери, имя мое: Вздвиги на зѣвъ-копѣ Клиткичъ». Алтын-Арычъ согласился. Сдѣлалъ пиръ. Послѣ пира богатырь привязался, что у него нѣтъ своихъ владыи и согласился жить въ имѣніи своей жены. Жена отвѣчала: «народъ-ли мой, имѣніе-ли мое, — пусть будетъ въ твоёмъ распоряженіи». И стали жить.

Айманысь. *)

Жилъ-былъ мальчикъ. У него не было ни отца, ни матери, онъ былъ сирота. У него не было одежды — онъ былъ нагъ. У него не было нищи — онъ былъ голодный. У этого мальчика была тетка вдова, которая его вскормила.

*) См. выше, стр. 146 и 148.

мила. Немного подросши, мальчикъ отправился на промыселъ, и на его счастье попалось ему 9 оленей; онъ выстрѣлялъ въ нихъ и убилъ всѣхъ. Добычу свою онъ ввязалъ себѣ на спину и принеся домой: шкуры сняли и пошилъ себѣ одежды изъ нихъ, а мясо съѣли и стали сыты. Мальчикъ сожалѣлъ, что у него нѣтъ коня. Но вотъ онъ однажды, послѣ утренняго пробужденія, вышелъ на улицу и видитъ тамъ, что стоитъ конь, впрочемъ безъ узды и безъ сѣдла. «Здравствуй, молодецъ», — говоритъ конь, — можешь ли ты съѣсть на меня? Ююша отвѣтилъ: «почему-же и не съѣсть?» Конь подошелъ къ нему. Ююша съѣлъ. Тетка, увидѣвши это, заплакала, зарыдала и говорила: «не сядешь, конь убьетъ тебя; нѣтъ у тебя ни сѣдла, ни узды, какъ-же ты удержишь его?» Но Ююша протесалъ съ теткой и отправился въ дальній путь. Ѣхалъ — Ѣхалъ и прѣхалъ къ морскому берегу. На берегу стоялъ красивый березъ. Конь говоритъ: «вотъ стоитъ хорошее дерево, но чему-же лодъ нимъ?». Конь остановился, Ююша сошелъ съ него и тотчасъ заснулъ подъ тѣнью березы. Когда онъ пробудился — разсвѣло: солнце взошло. Конь стоялъ уже въ уздѣ и сѣдлѣ. Ююша всталъ, поздоровался съ конемъ, обрадовался и говоритъ: «зѣвно, Богъ намъ помогаетъ: не было нищи, и явился вкусная пища; не было одежды, и явился отличная одежда; не было коня, и добрый конь явился; не было ни узды, ни сѣдла, а вотъ теперь нашлись превосходная узда и сѣдло». Ююша заплакалъ и продолжалъ: «нѣтъ у меня ни отца, ни матери, кто дастъ мнѣ имя? — Не кому». Конь говоритъ: «Богъ дастъ тебѣ имя».

— «А едъ этотъ Богъ? Если бы онъ здѣсь былъ, то дать бы мнѣ имя».

— «Сядешь живье на меня: намъ торонтисъ надобно». — Ююша сѣлъ на коня, отъѣхалъ 5 сажень и услышалъ, что изъ-за березы кто-то закричалъ: «Стой, Ююша, не ѣзди!» Ююша остановился, посмотрѣлъ на дерево и видитъ, что на березѣ сидятъ бѣловолыіе старцы и говорятъ: «стой, сынъ мой, и нареку тебѣ имя; пусть оно будетъ: Айманьсы». — «и съ тѣхъ поръ Ююша сталъ называться Айманьсомъ. Ююша спросилъ: «что ты за человекъ, парекій мнѣ имя?»

— «Что я за человекъ? Я — Творецъ-Богъ! Я нареку имя сиротѣ, у котораго нѣтъ отца. Твоего отца убилъ богатырь Чекъ, взыши себѣ народъ его и угнавши скоть его. Ты, кажется, намъ вреняешься выручить свое наслѣдство, но если ты погоняешь за нимъ, то умрешь, такъ-какъ у тебя силы мало».

— «Я рѣшился возвратитъ свой народъ и свой скоть; смерти не боюсь, потому-что плакать о мнѣ никому: я — человекъ одинокой». Съ этими словами Айманьсъ сѣлъ на коня и отправился. Много-ли, мало-ли онъ ѣхалъ и наконецъ подоѣхалъ къ высокой горѣ. У этой горы конь заплакалъ. Айманьсъ спросилъ: «конь мой! о чемъ ты плачешь?» Конь отвѣчаетъ: «я плачу о томъ, что кости твоего отца сдѣлались горою, поэтому я и плачу». Айманьсъ поздоровался съ горою и отправился далѣе. Много-ли, мало-ли

онг ёхалз, какъ увидѣлъ множество народа и табуны скота. Этотъ народъ и скотъ принадлежали отцу его. Подъѣхал къ воротамъ дома, принадлежавшаго владыку, Аймансы увидѣлъ здѣсь множество богатырей, однопыхъ дань. Онъ сошелъ съ коня, вошелъ въ домъ и видитъ въ немъ растолкувагося хозяина, котораго и приветствуетъ: „Здравствуй, другъ!“ Хозяинъ, не вставая, съ пренебреженіемъ спрашиваетъ: „ты кто такой? Аймансы его перебиваетъ: „нѣтъ, тебѣ какъ зовутъ, убійца моего отца?“

— „Меня какъ зовутъ? Я—богатырь Чеекъ, ѣздящій на рыжемъ конѣ“.

— „За что ты убилъ моего отца?“

— „За то, что твой отецъ не платилъ мнѣ дани; впрочемъ, твой народъ и твой скотъ здѣсь, и если угодно, то возьми ихъ и будемъ друзьями“.

— „Ты убилъ моего отца, а теперь я убью тебя, и тогда уже уведу народъ и скотъ“.

— „Чтобы намъ не убивать другъ друга,—возьми мою сестру за себя“.

— „Нѣтъ, будемъ драться на смерть“, и ударилъ Чеекъ. Завязалась борьба: стали драться, стрѣлялись. Долго-ли, коротко-ли они билась, какъ подошла къ нимъ сестра Чека и говоритъ: „доростайте драться; я пойду за Аймансы“. Аймансы посмотрѣлъ на дѣвушку и замѣтилъ, что она красавица, и потому пересталъ драться, вошелъ въ домъ и задалъ пиръ. Послѣ пируества Чеекъ говоритъ: „Аймансы! У тебя теперь есть жена а у меня нѣтъ; мнѣ нужно жениться. Я знаю одну дѣвушку, подемъ, покатаемъ ее за меня“. Отправился. Много-ли, мало-ли они ёхали, доѣхали до невѣсты, у которой народа и скота пренемного множество. Невѣста, по имени Царь-дѣвица, вышла къ нимъ навстрѣчу и говоритъ: „богатырь Чеекъ! давай сначала подемся: если ты одолѣешь меня, то я пойду за тебя, а если я одолѣю тебя, то убью“. Вышли они на поединокъ: стали драться, стрѣляться, бороться въ продолженіе 7 лѣтъ. Черезъ 7 лѣтъ богатырь Чеекъ былъ побѣжденъ. Потомъ вышель Аймансы, схватился съ дѣвицей и тоже дрался, боролся, стрѣлялся и сражались въ теченіе 7 лѣтъ. Черезъ 7 лѣтъ и Аймансы былъ побѣжденъ. На сибуню его опять подошелъ Чеекъ и схватился съ дѣвицей: стали драться, барахтаться, стрѣляться въ теченіе 3 лѣтъ. Черезъ 3 года Чеекъ сказалъ: „нико было во мнѣ силы, но теперь, кажется, не могу одолѣть эту госпожу;“ впрочемъ, опять схватился. Дѣвица ослабѣла и сказала: силы моей не хватаетъ, пойду за тебя“. Бой кончился, пришелъ Аймансы; съѣхали пиръ; съиграли свадьбу; ёли мясо, пили вино, пиروвали 7 дней. Богатырь Чеекъ сказалъ: „пора намъ ёхалъ домой;“ забрали народъ и скотъ и втроёмъ отправились въ домъ Чека. Много-ли—мало-ли они ёхали, и доѣхали. Подъѣхалъ къ воротамъ дома Чека, Аймансы замѣтилъ, что тутъ стоитъ вороной конь. Аймансы говоритъ своимъ спутникамъ: „вы здѣсь подождите, а я посмотрю: кто тамъ прѣхалъ—богатырь или простой человекъ“. Аймансы входитъ въ домъ и видитъ, что тамъ сидятъ богатыри, который сказалъ: „здравствуй, другъ

Аймансы! Ты взялъ мою невѣсту“. Аймансы спросилъ: „какъ тебя зовутъ и кто твой отецъ?“

— „У меня нѣтъ ни отца, ни матери, мое имя: *Алтын-Эрекъ*, ѣздящій на ворономъ конѣ“.

— „Жену мою я не отдамъ; подемся, кто изъ насъ будетъ сильнѣе, тотъ же и возьметъ“.

Они схватились, дрались, стрѣлялись. Много-ли—мало-ли прошло времени, Аймансы ослабѣлъ, залкалъ отъ досады, что не могъ убить Алтын-Эрека и сказалъ: „убей меня скорѣе, и жену мою возьми!“ Но подошелъ къ нимъ Чеекъ и сказалъ: „не убивай его (Аймансы), лучше меня убей“. Алтын-Эрекъ дрался, боролся съ Чеекомъ 3 года; Чеекъ погибъ. Опять пришелъ Аймансы на борьбу: стали драться, изъ дуковъ стрѣлялись, мечами бились. Аймансы опять ослабѣлъ, но убить его не довелось, хотя онъ и повторилъ, чтобъ Алтын-Эрекъ убилъ его и влалъ себя его жену. Въ то время, какъ Аймансы ослабѣлъ, подошли къ противоборнѣмъ два пѣвца и стали пѣть: „пустъ не умираетъ Аймансы, насъ убей моего его“. Они пѣли—пѣли, какъ вдругъ Алтын-Эрекъ и конь его превратился въ каменные скалы. Аймансы подошелъ къ пѣвцамъ, поздоровался и спросилъ:

— „Откуда вы?“

— „Мы люди твоего отца. У насъ нѣтъ ни отца, ни матери; мы сами собою появились на свѣтъ“.

Старцы эти оживили Чека, вошли въ домъ, ёли мясо, пили вино, боролся, пиروвали 3 дня. Послѣ пируества Аймансы съ своею женою, своимъ народомъ и скотомъ возвратился въ юрту своей тетки и здѣсь задалъ пиръ, на которомъ жена Аймансова раздала бѣднымъ деньги. Послѣ пира жили мирно и нкуда уже не странствовали.

Царь-дѣвица.

Въ давнее время жилъ-былъ царь. У него былъ сынъ—юноша. Отецъ говоритъ сыну: „лучшя глубина моря и зоюина неба“. Сынъ поѣхалъ и встрѣчаетъ на дорогѣ одного старика, который сообщаетъ ему, что „лучшій конь царя томится взаперти, возьми его и ѣзди на немъ“. Юноша отправился въ то мѣсто, гдѣ заключенъ былъ конь, нашолъ его, пересѣлъ и отправился. Ёхалъ—ёхалъ, прѣхалъ въ другое царство и пришелъ къ царю. Царь съдѣлалъ ему порученіе—ёхалъ къ Царь-дѣвицѣ и принести отъ нея винокурную чугунную чашу. Юноша отправился, прѣхалъ къ Царь-дѣвицѣ и попросилъ у нея эту чашу. Царь-дѣвица не отдала, но когда заснула, юноша похитилъ чашу, привезъ ее и отдалъ посланнику его царя. Царь сказалъ юношѣ: „если ты принеешь отъ Царь-дѣвицы ея винокурный чугунный кувшинъ, тогда я выдамъ за тебя дочь свою“. Юноша во второй разъ отправился къ Царь-дѣвицѣ и, по ея несогласію отдалъ добровольно кувшинъ,

отнял его и привез к царю, но, вместо дочери царской, получил отъ царя новое поручение опять отправиться къ Царь-дѣвницѣ и привезти отъ нея золотой самоваръ, за что, въ вознагражденіе, подтвердилъ свое обѣщаніе—выдать дочь свою. Юноша въ третій разъ отправился къ Царь-дѣвницѣ и попросилъ у нея самоваръ, но она не согласилась отдать его. Когда Царь-дѣвица уснула, юноша похитилъ у нея самоваръ и съ нимъ отправился. Но Царь-дѣвица, проснувшись, узнала о похищеніи, погналась за юношею, догнала его на дорогѣ и спросила:

- Ты увезъ у меня золотой самоваръ?
- Увезъ.

— Этого самовара ты не отдавай никому другому. Взавѣшй мой самоваръ непремѣнно долженъ жениться на мнѣ. А когда придетъ къ тому время—я извѣщу тебя письмомъ.

Послѣ этого разговора они разстались. Но юноша не поѣхалъ къ тому царю, отъ котораго было порученіе о самоварѣ, и не женился на его дочери, а отправился къ своему отцу и привезъ ему золотой самоваръ. Черезъ нѣсколько времени Царь-дѣвица прислала юношѣ ожидаемое письмо, и они женился на ней.

Стоженецъ Ханъ Бекитты.

Жилъ-былъ Ханъ Бекитты, имѣвшій 100 женъ. Однажды залетѣлъ въ его владѣніи орелъ. Ханъ спрашиваетъ птицу:

- Зачѣмъ ты прилетѣла къ намъ?
- На краю есть Царь-богатырь, у котораго растеть дочь, подобная солнцу и мѣсяцу. Ступай къ Богатырю-царю и возьми его дочь.

Ханъ Бекитты, и безъ того имѣвшій уже 100 женъ, самъ не поѣхалъ за предлагаемую дѣвицей, а поручилъ привести ее сыну своему. Сыну, по приказанію отца, отправился, поднялся на край неба и достигъ до царства Богатыря-царя. Богатырь-царь спрашиваетъ гостя:

- Зачѣмъ ты пріѣхалъ, сынъ мой?
- Я пріѣхалъ свататься за твою дочь.
- Согласенъ. Но только, если ты пожелаешь имѣть меня своимъ тестемъ, то сначала привези мнѣ золотого пещу съ большого озера, находящагося на краю неба. Если-же этого не исполнишь, то дочери моей не получишь.

Юноша исполнилъ порученіе будущаго своего тестя: съѣздилъ на большое озеро, привезъ оттуда золотого пещу, получилъ дочь Богатыря-царя и отправился съ нею въ домъ свой. За 1 версту отъ своего дома вышелъ къ нему навстрѣчу отецъ его и, когда увидѣлъ дѣвцу, заплакать оттого, что была красавица, сіюющая, какъ солнце, блестящая, какъ мѣсяцъ. Когда они вошли въ домъ, отецъ сказалъ сыну:

- Эту жену слѣдуетъ взять мнѣ.
- Идти, я привезъ ее для себя, а не для тебя.
- Если ты хочешь получить жену свою, то выгони и привези мнѣ рога черного быка, который пасется на краю неба, за 7 горами, при истокахъ 7 рѣкъ.

Юноша, взявши трехъ-копечное копые, поднялся на небо, переѣхалъ тамъ 7 горъ, пріѣхалъ къ истокамъ 7 рѣкъ и увидѣлъ черного быка. Кроваващій быкъ съ яростію выскочилъ навстрѣчу юношѣ. Юноша, ипроче, не утрашился, но и самъ пошелъ навстрѣчу быку, вознилъ въ него копые, убилъ его и выдернулъ его рога. Но рога были столь тяжелы, что юноша не могъ поднять ихъ, а привелъ 5 лошадей, взвалилъ рога на сани и повезъ ихъ. Везъ онъ, везъ и домой привезъ. Бекитты обрубилъ топоромъ широкіе концы роговъ и съ боковъ отбесалъ ихъ. Потомъ приказалъ своимъ 100 женамъ насидѣть вина и надѣлать чегена (кумисъ изъ коровьяго молока), и вылить эти жидкости въ рога, стать угодать вѣсъ своихъ домашнихъ. Вѣсъ омылился. Но самъ Бекитты поддерживалъ и вѣвалъ мечъ, домиль омылившіхъ сына своего и 100 женъ своихъ и женился на красавицѣ — своей снохѣ.

П Ъ С Н И.

Алтайцы очень склонны къ пѣнію и музыкѣ. Много изъ нихъ импровизаторовъ. Тонъ пѣсенъ заунывный, выражающій грусть и безнадежность. Стихъ начинается спороговоркой, далѣе — продолжительное повѣшаніе на одной нотѣ, потомъ — еще повѣшаніе, и кончается каждый стихъ крутымъ обрывкомъ. Поятъ алтайцы и хоромъ, но всякій про свое и на свой ладъ; рѣдко-рѣдко они нечаяно сойдутъ въ мотивъ, и всѣ голоса сольются въ одинъ печальный гулъ. Въ пѣсни непремѣнно требуется два условія: 1) чтобы она имѣла сравненіе и 2), чтобы строфы изъ двухстишій или четырехстишій начинались всегда съ одной и той-же буквы. О хростакѣ (римакъ) алтаецъ не тужитъ, у него были-бы согласны голыни. Пѣсни часто поются и съверныхъ инородцевъ подъ звуки балаляки, а у южныхъ—двухструнной скрипки, которая по формѣ есть ничто иное, какъ длинный деревянный уполонникъ или поваренка. Внутренность этого инструмента закрыта бараньей кожей, изъ которой на среднѣ кружечъ и 6-тъ малыхъ отверстій, между которыми урылены подставки подъ струны. Дискантовая струна сдѣлана изъ трехъ конскихъ волосъ, а басъ—изъ шести. Смычекъ тоже изъ волосъ. Подъ эту-же скрипку алтайскіе импровизаторы обыкновенно сказываютъ сказки дребезжащей октавой, раставивъ каждое слово. У алтайцевъ, какъ и у всакого отдаленнаго племени, есть свои народная пѣсни: религиозныя, историческія, печальныя, веселыя, плясовые и проч. Вотъ нѣсколько экземпляровъ разнаго содержанія:

1. О разворении Алтая.

Устьуртун курёрдо,
 Уч толукту Каан Алтай.
 Тоорозина курёрдо,
 Тогус пулунду Каан Алтай.
 Каадаю узунан курёрдо,
 Камчи сынду Каан Алтай.
 Кайран Алтайм-деп
 Камгым кызы туюлгызым!
 Тон пухакту карагай;
 Капна ярдак айлазым.—
 Кайран туткызы Алтайм!
 Куску конгон юртуна,
 Капна ярдын ийлазым!
 Курон чепкызы туюжогондун Каан Алтай,
 Тубуз таткызы Алтайм!
 Тонго юрдон айлазым!

Когда помотришь (на Алтай) сверху,
 Хань Алтай показывается треугольником;
 Если взглянешь на него со стороны,
 Десяти-гранным кажется хань Алтай.
 Если со ската горы смотреть будешь,
 Как плеть расцветившая, гнутся хребты твои, хань Алтай.
 За тебя, славный Алтай наш,
 Многие множество крови пролито!
 Красная сося твои околены.
 Лучше-бы не смотреть на такое оголение!
 Величественные кадры твои стоят обожженные от зеленых ветвей;
 Лучше-бы не видеть такого обожжения
 Нашего стройного батушки—Алтая!
 Как коричневым сукном, весь покрыт ты (т. е. выжжен);
 Как-бы не видеть вперед такого опустошения!
 Как мрачная осень, в жилищах твоих, хань Алтай;
 Лучше-бы не видеть нам такого обезглавления
 Нашего прекрасно-устроенного, царственного Алтая!

2. Тюремная дѣсна алтайскаго богатыря Капны.

Каптан туруп алтыкан,
 Канзаны ады баж адам
 Капдапенке эттырбай,
 Казак ады баш пурды.

Пуненный въ бѣгъ со склона горы,
 Кошъ господина Капны первенство ваять.
 Кошъ русскаго, не достигни капдалена,
 Вернулся назадъ.

Турдан туруп алтыкан

Канзаны ады баж адам.

Тыгту айра эттырбай

Капак ады баш пурды.

Стъ горы пуненный въ бѣгъ,
 Кошъ Капны первенство ваять.
 Не достигли и рѣчки Тыгту,
 Кошъ русскаго вернулся назадъ.

Кускуи яман, кун болун

Кууды тэптым, тэгойле,

Капак юрты бай болды

Канзаны тутдун, тэгойле!

Воронъ негодный, сдѣлавшись птицей,
 Ужь скажеть: „я лебеди шибъ“.
 Русскій народъ, оставъ господиномъ,
 Скажеть, на-вѣрно: „Капну я поймалъ“.

Карга яман, кун болун

Касты тэптим тэгойле.

Капак яман юрт болун

Канзаны тутдун тэгойле.

Злая ворона, сдѣлавшись птицей,
 Ужь скажеть: „я гуся сразилъ“.
 Русскій невѣдннй, въ народы попалъ,
 Какъ-же не скажеть: „Капну я поймалъ“.

Орустан эткан турамы

Оорчокъ башту болуп-тыр;

Орус бѣлгашъ Капна бий

Орус колна янады.

Русскій построилъ теремъ
 Стъ верхомъ, покрытымъ шатромъ;
 Русскимъ владѣвшимъ Капна-господишь
 Въ русскіи руки несчастью попалъ.

Казактын эткан туради

Кайракъ башту болуп-тыр

Казакъ бѣлгашъ Капна бий

Казакъ колна янады.

Русскій построилъ шатеръ
 Стъ верхомъ, покрытымъ, какъ лишкъ.

Русскимъ владѣвшій Канаа-господинъ
Въ русскія руки несчастно попалъ.
Тертъ толыктан уй кескен,
Тобаян палта курч эмгир
Терт-ой аймак жунадан
Тере-бий куч эмгир.

Тяжелый топоръ, остеръ, вѣрно, онъ.
Срубилъ онъ мнѣ домъ въ четыре угла.
40 народовъ собравшій въ одно
Русскій Владѣтель, силенъ, вѣрно онъ.

Алты толыктан уй кескен,
Аймакты мым куч эмгир.
Шести-угольной, срубившей мнѣ домъ,
Широкой сѣкиры остро лѣвнѣ.

Собравшій въ одно 6 десятковъ племенъ
И лавъ съ нихъ берущій царь, силенъ, знать, онъ.

Камду чѣпан нар чѣлп,
Казынып чѣгар кунъ кайда?
Кыжі колон нек таргын,
Канзы январ кунъ кайда?

Но гдѣ мой тотъ день, чтобъ влѣйти подрагъся,
Какъ роется выдра въ снѣгу?
Гдѣ-же тотъ день, чтобъи, крѣпче подругу стянзуть,
Канзѣ воротиться домой?

Кумдус—чѣпан кум вазып
Кубулун чѣгар кунъ кайда?
Кушкан колон нек таргын
Канзанып январ кунъ кайда?

Гдѣ мой тотъ день, чтобъ могъ я скрыться,
Какъ кроется собиръ, копыль въ песокъ!
Гдѣ-же тотъ день, чтобъи, крѣпче подругу стянзуть,
Канзѣ воротиться домой?

Архамдалы ак лргак
Алты орозор болзочі!
Алты карындаш бар болуп,
Артымнан келер болзочі!

О, если-бъ на плечахъ мой бѣлый кожанъ
Кругомъ-бы мени обвился шесть разъ!
О, если-бъ шесть братьевъ моихъ,
О, если-бъ они прибѣжали за мной!

Шеймдэгы нек яргак
Беш орозор болзочі!

Беш карындаш бар болуп,
Кішімнен келер болзочі!
О, если-бъ на спишъ мой крѣпкій кожанъ
Кругомъ-бы мени обвился пять разъ!
О, если-бъ пять братьевъ моихъ,
Ида по слѣдамъ, сыскаанъ-бы мена!

Алты улоо сыр комыргай
Кель абазын тартгалы,
Ай, чолмон чѣкмажн
Кель абазын кайталы!

Въ шести-составную дудку,
Приди, поиграемъ, отецъ;
Когда-же мѣсяцъ съ зарницей взойдетъ,
Приди, побѣжимъ, мой отецъ!

Оты-улоо сыр комыргай
Кель абазын тартгалы,
Оттыгон чолмон чѣкмажн
Кель абазын кайталы!

Въ семи-составную дудку,
Приди, поиграемъ, отецъ;
Когда-жъ взойдетъ семизвѣзды,
Приди, побѣжимъ, мой отецъ!

Торсуу пік ар нулан
Эш Том кѣсѣтѣй оле-беръ.
Ада тѣролі тушпаза
Эзень-салам айдып-бар.

Трехлѣтняя лосъ, съ длиною бабкой,
Къ матери Томи, направься, бѣги;
Если-же встрѣтишь родныхъ гдѣ-нибудь,
То миръ и поклонъ скажи отъ мена.

Торсуугу пік тор булан
Тобыл кѣсѣтѣй оле-беръ,
Боім торгогон тунтаза
Эзень салам айдып-бар.

Длинная голень—трехлѣтняя лосъ,
Къ Тобуду направься и рясью бѣги;
А встрѣтишь гдѣ родные мои,
Имъ миръ и поклонъ скажи отъ мена.

Аташтан лине чѣкмазын,
Ададан лине сыспазын,
Эмьлэдон лине туубазын.
Пусть не выходитъ отъ дерева отграсъ одна,

Пусть одиноко струя не течетъ отъ отца,
Пусть отъ Эмиля отрасль одна не растетъ,
Пусть не родится отъ матери сынъ одинокой.

Ак карчига бар болзо
Шанжагай эдэ кийимзия
Ада торолим бар болзо,
Сурагай эдэ юртыман.

Если-бы бѣлый летребъ здѣсь былъ,
Онъ прожужжалъ-бы слѣдомъ за мной;
Если-бъ кто былъ мнѣ родной по отцу,
То спросилъ-бы онъ обо мнѣ въ народѣ моемъ.

Кок карчигам бар болзо,
Шанжагай эдэ кийимзия
Кокшин торолим бар болзо,
Сурагай ада юртыман.

Если-бы свѣтій летребъ здѣсь былъ,
То прожужжалъ-бы онъ слѣдомъ за мной;
Если-бъ по дѣду кто былъ изъ родныхъ,
То про меня-бъ онъ спросилъ у людей моихъ.

Орустын сокон содон палта
Ончо агашка откурун,
Орустын айткан тильдөрү
Омырткам тозин йоктойдур.

Скованный русскимъ острокопечный топорь
Всѣ деревня проходитъ насквозь;
Русскія рѣчи, что сходятъ у нихъ съ языка,
Больно скребутъ по хребту моему.

Казактын сокон палта
Чалу агашка откурун
Казактын айткан тильдөрү
Кайыргам тозин йоктойдур.

Скованный русскимъ топорь,
Проходитъ сквозь твердыхъ деревъ.
Русскія рѣчи, что сходятъ у нихъ съ языка,
Носятъ отъ нихъ въ подреберья моемъ.

Канза минчи кара калтар,
Кастыка иба каткайыл
Калмын бѣлген Канза иб
Казак эринде ольгайыл.

Конь черный мухургай, что вѣздитъ Канза,
Поводъ завянуть ему, — иссохнетъ теперь.

Владѣвшій народомъ Канза-господиномъ—
Теперь уже умереть онъ на русской землѣ;
Орустын эткен терезе
Канза кайнар терезе
Казактын эткен терезе
Канзынын элор терезе.

И эта тюрьма, что выстроена русскимъ,
Тюрьма для страдающихъ Канзы,
И эта тюрьма, что построилъ казакъ,
Тюрьма, гдѣ Канза умереть.

3. Вородастый Тень-бегей³⁾.

Тюльгу сень берген
Тюменгей кагам тюльгу берген
Каму берген канакай кагам,
Пасамад куйнек кийдергам
Торгодо куйнек икдерген
Булан этъ тин-ден
Мунгайтанъ кунге болды
Поозго тои кар чихты
Пазаддм тевин йол чихты
Булан нажим бурдумет;
Эль этъ тин ден
Энгейгон кунге болды
Лик бажим пургаймет
Ингенем кой кар чихты
Эни ады темин йол чихты
Сармай берзе тибей-зен
Сарин мөнх ухай-зен
Сагалдан тарза турбай-зен
Тень-бегей сагал-йок — ульды.

Ты привезъ мнѣ динцу;
Я слыла шапку, и народъ мой шапкъ дивилася.
Привезъ и выдур, я слыла опять шапку.
Привезъ кусокъ шинковой ткани —
Я слыла себѣ шелковую рубаху,

³⁾ Тень-бегей былъ богатырь и отличный вояка. За жестокосердие къ людямъ, по волю Ульгена, былъ вянуть съ земли на лулу. Телесуты и теперь его видятъ тамъ, подобно какъ наши русскіе простодушныи видятъ на лулѣ Кана и Авели. Тень-бегей и на лулѣ продолжаетъ гонить досей и козъ. Посмотрите попристальнѣе, говорятъ Телесуты, — ясно видно.

Захотѣлось мнѣ ѣсть лосинаго мяса,
Но, видно, въ несчастный день:
Выпала снѣжь вровень съ порогомъ,
На символъ конѣ дорогу онъ топчетъ,
Ѣдетъ Тень-бегей лосей гонять.
Захотѣлось мнѣ мяса козлиного,
Но, видно, въ несчастный день:
Ѣдетъ онъ воловъ гонять,
Но опять падаетъ снѣжь еще глубже.
Уже на двухъ коняхъ онъ дорогу топчетъ,
Но теперь — вотъ даю тебѣ мясо — не ѣшь.
Пою тебѣ пѣсни — не слушаешь,
Держу тебя за бороду — не встаешь.
Бородастаго Тень-бегея не стало: онъ умеръ.

4. Плачь о потерѣ мужа.

Баянымъ барда кийгонъ тонымъ,
Яказы алтынъ тон, мандыкъ тонъ эды
Боярымъ йохта кийгонъ тонымъ
Куддар кийбесъ куяру болды!
Баярымъ барда ичканъ ажимъ
Кытайдан кыларду эди!
Баярымъ йокто ичканъ ажимъ
Куддар ипесъ салау кочо
Чичечекъ байду баярымъ сыду.
Ой ордыннинъ толозы эды
Отъ алказыннынъ толозы эды;
Куу тижурбесъ колыю,
Кускунъ яманъ тошкейля.
Тужуна кельбесъ умандар,
Турганъ мені тейгелля.
Кас тижурбесъ колыю!
Карга яманъ тошкейля.
Кажина кельбесъ ямандар,
Талхынннъ мені тейгелля;
Сепилъ Бали-батыръ Эртігил!

Когда былъ у меня Баянъ-богатырь, носила я шубу
Капфову съ золотнымъ воротникомъ.
Не стало боярина моего, стала я носить —
Какой и рабыни не носить — бѣдный кожанъ.
Когда былъ мой бояринъ, ѣла я хлѣбъ,

Китайское просо (рисъ) я ѣла.
Не стало моего боярина, ѣмъ хлѣбъ мой —
Какого не ѣдятъ рабы — крупу неточеную.
Баянъ — бояринъ былъ египтянинъ, красивыя соборы,
Постель моя съ нимъ была полна утѣхъ;
Кладовья мои были полны богатствъ,
Лебеди не смѣли съѣсть на его озеро.
Теперь прожорливый воронъ будетъ садиться.
Лиходѣи мои не смѣли подходить близко,
Теперь придутъ и скажутъ: «все, что есть, наше!»
Гуси не смѣли садиться на его озеро,
Теперь нечестный воронъ будетъ садиться.
Люди, близко подойти не смѣшите,
Мнѣ скажутъ: «и ты наша,
А твой Баянъ-богатырь въ Иртышѣ!»

5. Жалоба влюбленнымъ.

Казымъ! кажи талбайанъ,
Каванданъ тейинъ талдырынъ?
Капранымъ! кажи барзынъ,
Каланганъ тюрекъ каладипъ?
Куумъ кажи талбайанъ,
Куруунынъ тейинъ талдырынъ?
Кубуйду! кажи барзынъ,
Куйк тюректы куйдуропъ!

Гусь мой! Куда ты маешься,
Утомляя мышцу крыль твоихъ?
Сердечный мой! Куда идешь ты,
Обоженное мое сердце обижая?
Лебедь мой! Куда ты маешься,
Утомляя мышцу вертуговы твоихъ?
Утѣха мой! Куда идешь ты,
Опазненное сердце мое опаяя?

6.

Ясы куйгонъ эрт-ошконъ,
Ялындаръ меня тюрөгымъ.
Лында кельгенъ куш-ошконъ
Яйнайдыръ менинъ ол козымъ,
Кускуду куйгонъ от-ошконъ,

Куйдыр меня тюркым,
 Кукудэ кельтэн кун-ошкон,
 Куйнедыр меня ол козим.
 Какъ палы, весною горячие,
 Пыдактъ къ тебѣ мое сердце,
 Какъ птица весною ищетъ гнѣзду,
 Тоскливо ищутъ тебя глаза мои,
 Какъ огонь, пылающей осенью,
 Горятъ къ тебѣ сердце мое.
 Какъ птица, отлетающая осенью,
 Завидуютъ глаза мои твоимъ спутникамъ.

7. Похвала супругѣ.

Алтын-дый порю тюгульгөн,
 Ак кай бедыр, бу бе дыр?
 Архадагы чачи янган,
 Алганым бедыр, бу бе дыр?
 Кумуш-тый порю тюгульгөн,
 Кок терек, бедыр, бу бе дыр?
 Коксиндеги чачи янган,
 Курганым бедыр, бу до дыр?
 Какъ золотиственная
 Береза бѣлая—не она-ли это?
 Распустившая по синиѣ волосы,
 Не моя-ли это взятая (т. е. жена), не она-ли это?
 Какъ серебриственная
 Тополь зеленая—не она-ли это?
 По плечамъ волосы распустившая,
 Не моя-ли это усмотрѣнная, не она-ли это?

8.

Ак таш пойлодым, пойлодым,
 Ак таштан сызык таппадым,
 Аймак ыгдадым, ыгдадым,
 Ай сенен сылу таппадым,
 Кок таш пойлодым
 Кок таштан сызык таппадым.
 Ходилъ я, ходилъ по бѣлому камню,
 Трещины въ бѣломъ камнѣ не нашолъ.
 Выбиралъ я, выбиралъ породу,

Ахъ, красивѣ тебя я не нашолъ!
 Ходилъ я, ходилъ по синему камню,
 Щели въ синемъ камнѣ не нашолъ.
 Выбиралъ я, выбиралъ изъ многихъ,
 Тебя умнѣ не нашолъ.

9. Разлука съ супругою.

Аг элен бакан кури кашкан
 Акнозым, кайда тюрези?
 Архада чачи саргарын,
 Алганым, кайда тюрези?
 Кок элби бакан коп калхан,
 Кок пором, кайда, тюрю-не?
 Коксинде чачи саргарын,
 Курганым, кайда, тюрю-не?
 Верхушка сочной травы жално хватившей,
 Синя мой, гдѣ ты находишься?
 Съ желтѣющими по синиѣ волосами,
 Взятая моя, гдѣ ты находишься?
 Верхушекъ зеленой травы много хватившей,
 Сѣрко мой, гдѣ ты, живя, что-ли?
 Съ желтѣющими по плечамъ волосами,
 Подруга моя, гдѣ ты, живя, что-ли?

10. Грустные чувства на чужбинѣ.

Йехымд Кабан салкыны,
 Йргакту туруп, чѣдабас
 Йтэн ичнде тюрэнде,
 Йман айттарга, чѣдабас.
 Куськи салкын кайанда,
 Кунексен туру, чѣдабас.
 Коптан ичнде тюрэнде,
 Коп лман айтса, чѣдабас.
 Весеннего вѣтра
 Въ Кочкы не стерпиль;
 Нашолас на чужбинѣ,
 Злословія нельзя терпѣть.
 Противъ осеннего вѣтра
 Въ одной рубашкѣ не устоитъ;
 Нашолас между чужими,
 Многого злословія не вытерпѣть.

11.

Экы агаш тымарыт
Элим кеспелн тюзонен;
Эльдин чинде тюргондо,
Элим айтпазын кийимнен.
Янызак агаш тымарыт,
Идым кеспелн тюзонен;
Итмы чинде тюргондо,
Идым айтпазын кийимнен.

Два деревца черемухи
Не срубили-бы кто нодь корени;
Тогда, когда нахожусь въ народѣ,
Народѣ не сказали-бы чего (худого) въ слѣдѣ.
Одичѣшенька стоитъ черемуха,
Съ корня ее чужіе не срубили-бы;
Тогда, когда нахожусь среди чужихъ,
Чужіе не сказали-бы мнѣ чего во слѣдѣ!

12. Признательность въ родителямъ.

Торкочин тюрдын куран,
Тон эткэн устар;
Томыкчаны кыжы эткэн
Торынбаган энейлер.
Камканы тюрдын куран,
Каптал эткэн устар;
Камісчаны кыжы эткэн
Кайран арынбаган адаар.

Скропавъ шелковые лоскутки,
Мастера составили шубу;
Насъ, бывшихъ съ кофинуую чашечку, сдѣлали людьми
Неутомимы матери.
Скропавъ канфовы лоскутки,
Мастера составили халатъ;
Насъ, бывшихъ съ бабу, вывели въ люди
Сердечные, не изнуримы отцы.

13. Безполезность имѣнія по смерти.

Яныдан тыкэн бу тоным,
Янгурду куньдо не туза?
Яйнан талхан малымын

Ядар куньдо не туза?
Эскындан тыкэн тоным,
Эргонь куньдо не туза.
Эвэлін талхан малымын
Эретор куньдо не туза.

Хоть и нова я на мнѣ шуба,
Но въ дождливый день что польза въ ней?
Отъ трудового имѣнія моего
Какая польза, когда я умру?
Старая моя шуба
И въ жаркій день мнѣ бесполезна.
Трудовое мое имѣние
Въ день моей смерти также бесполезно.

14. Жалоба на одиночество.

Аркада тоным тюкачак,
Аякса тонуп калбай,
Ада туганым аскычак
Айдиннай улоп калбай,
Коксюмде тоным тюкачак
Куруга тонуп калбай,
Кокшин туганым аскычак
Курюшей улоп калбай.

На спишь шуба у меня тонехонка,
Какъ-бы и въ-ведро мнѣ не замерзнуть!
По отцу родныхъ маленько у меня,
Чтобы не умереть, не поговоривши,
На груди шуба моя тонехонка,
Не замерзнуть-бы отъ нее?
Старшихъ родныхъ у меня маленько,
Не умереть-бы, не выдаться!

15. Воспоминаніе о товариществѣ.

Аг-элѣн-былган биргѣ эскөн,
Ак сыртак ачу эмес бе?
Аргакъа биргѣ тал эскөн
Аргаким! Ачу эмес бе?
Ког элѣн-блѣн биргѣ эскөн
Кобьыргѣн ачу эмес бе?
Курдже биргѣ тал эскөн
Курьгизым, ачу эмес бе?

Съ хорошею травою вѣстѣй выростаѣ,
Бѣлая чемерица развѣ не горька?
Въ товариществѣ вѣстѣй ровней взрослѣй,
Товарищъ мой, не жалко-ли тебя?
Съ зеленою травою вѣстѣй вырослѣй,
Луковый бутонъ развѣ не горекъ?
Въ дружествѣ вѣстѣй ровесникомъ взрослѣй,
Пріятель мой, не жалко-ли тебя?

16. Воспоминаніе о родныхъ и знакомыхъ.

Ада Алтай тамырачъ,
Ак пором тізі тадучакъ.
Ада тууганам асхинчакъ
Айыкпн кельзек, аичинчак!
Куню Алтай тамырачъ,
Кок-пором тізе, тадучакъ
Курьган тууганам асхинчакъ;
Курюжун кельзе,— аичинчак!

Батюшка-Алтай малотравень,
А поѣсть мой сивка сладко.
По отцу родныхъ моихъ маленько,
Какъ сойдемся, поговоримъ славно!
Почтенный Алтай низкотравень,
А поѣсть мой сивка сладко.
Родныхъ, которыхъ я знаю, мало у меня,
На свиданіе придемъ,— либо!

17.

Терсінен салман каканда
Терменгэй камын каканда
Терменгэй камын баптары?
Текні тууганды саназам,
Тежизьгөн косьтон яш келет.
Онынан салгын каканда
Ойшкэй камын баптары
Оңчо тууганды саназам
Олган косьтон яш келет.

Когда вѣтеръ дуетъ снизу,
Какъ не колыхаться вершинамъ камыша?
Если подумаю о родныхъ моихъ,
Изъ худыхъ (продравленныхъ) глазъ слеза идетъ.

Когда вѣтеръ дуетъ сверху,
Какъ-же не прыгнетъ вершина камыша?
Если подумаю обо всемъ родствѣ,
Изъ худыхъ (проколотыхъ) глазъ слеза идетъ.

18.

Каазахъ алына каразамъ
Кара тал бажы курюнетъ,
Карындажым саназамъ
Кабыртамъ тѣзі кайжатъ.
Оруо алынан каразамъ
Оңчо агаш бажы курюнятъ,
Оңчо тууганамъ аэзаамъ
Омырткамъ тѣзі ойжатъ.

Какъ смотрю и на крестьянское поле,
Видны только вершины чернотала;
Какъ подумаю я о братѣ,
Основанье реберъ моихъ плетса.
Какъ смотрю я на русское поле,
Видны вершины всѣхъ деревъ.
Какъ вспомню все мое родство,
Основанье хребта моего изгибается.

19.

Туманду куньде кыштезе,
Тулбарым уно тамылу,
Тушман эриде тюркюндэ,
Тууганым уно тамылу
Карачкы тоньде кыштезе,
Калтарым уно тамылу
Калык эриде тюркюндэ,
Карынтам уно тамылу.

Если въ туманный день заржеть
Мой заводскій конь, его голосъ я узнаю.
Въ чужой землѣ находиасъ,
Голосъ родственника я узнаю.
Хоть-бы и въ темную ночь заржалъ
Мухомортка мой, я его узнаю.
Находиасъ въ землѣ другого народа,
Братиниго голосъ узнаешъ.

20. Ожиданіе роднаго.

Сандыган учат саз—заію
 Саска поктоң тал—заин,
 Санаган тууган келет деп.
 Сахтап—курерым йол—заин.
 Куйзек учат коль заин
 Кольго поктоң тал—заин
 Курьган тууган келет—деп
 Курерг чіткым йол заин.

Истребокъ летаетъ по болотамъ,
 По тальнику, растущему на топахъ.
 Идетъ-же родственникъ, занимающій мысль мою;
 Ожидая его, буду смотрѣть по дорогамъ.
 Стрелеть, летящій по озерамъ,
 По при-озернымъ талинамъ,
 Идетъ, слышно, мой близкій родственникъ,
 Вышелъ я смотрѣть по дорогамъ.

21. Плачь о потерѣ сына.

Адан ак чечек, ак чечек,
 Анарбас эрьго чігисын
 Ада балазы тууганым
 Айдышас эрьго барысым!
 Курюмзоло кок чечек
 Колонгы эрьго чігисын
 Кожин балазы нирь тууган
 Курюшпос эрьго барысым!

Ахъ ты, бѣлый цвѣтъ, бѣлый цвѣтъ,
 Взошелъ ты въ мѣстъ неизвѣданномъ,
 Дитя мое, любимое отцемъ,
 Ушелъ ты въ страну, не имѣющую сообщенія!
 Прелестный голубой цвѣтокъ,
 Вышелъ ты въ мѣстъ отъиенномъ.
 Дитя старости, однородное,
 Ушелъ ты туда, гдѣ нѣтъ свиданія!

22. О дружелюбии и согласіи.

Язым! Келезін ырванан;
 Яш агапъ бажі пурьеленн
 Яш угландар ойнольдар

Яман айдыжп керек—йок.
 Кузою! Келезін курленнп,
 Кои агапъ бажі пурьеленн,
 Кучу угландар ойнольдор!
 Кои айдыжп керек—йок.

Весна моя, ты, приходи, сіешь,
 Сѣвѣя деревья одѣвашь листьямъ.
 Молодые ребята, станемъ-те играть,
 А ссориться не должно.
 Осень моя, ты, приходи, тучи ѣшь,
 Верхі многихъ деревьевъ оголашь.
 Малые ребята, будемъ-же играть,
 Много взорить не надобно.

23.

Карчига кустын незі артык?
 Канатха поткэнъ тѣмъ артык
 Кармыдантапн незі артык?
 Кашпін айтхан сѣз артык.
 Посторкой кустын незі артык?
 Поюна поткэнъ тѣмъ артык
 Поюм туганым незі артык?
 Постоп—айтхан сѣз артык.

Что всего лучше у птицы сокола?
 Перья въ его крыльяхъ—лучше.
 У брата что лучше?
 Съ чувствомъ произносимое слово.
 У птицы жаворонка что лучшее?
 Перья, его покрывающія.
 Въ своемъ родномъ что лучше?
 Съ молбою сказанное слово.

24. Нужда въ пѣсенникѣ.

Сайга чабак туонангыр
 Сайбыр чортоны кайда—тыр?
 Сайдуут улус туонан—тыр
 Сарынчим кайда тыр?
 Кумга чабак туонан—тыр
 Кудбыр чортоны кайда—тыр?
 Кубуялу улус туонан—тыр
 Кубуялу сарынчи кайда—тыр?

Собрались чебаки къ плесу,
Гдѣ-же шуки этого плеса?
Собрались хорошие люди,
Гдѣ-же гвсеники?
Собрались чебаки на мель,
Гдѣ-же ловкая шука?
Собрались люди веселые,
Гдѣ-же весельчакъ-гвсеникъ?

25. Надежда сироты.

Кулунчак тайм ат оской
Куйроты ялм тэн оской
Кюкшинэн калган бис кучу
Кунуга тюре, тыжи оской
Ябага тайм ат бскай
Ялм куйроты тэн оской
Яхшидан калган бис аштар
Яйнай—ялай кыжй бска.

Молодой мой жеребенокъ вырастаетъ съ коня,
Хвостъ и грива вырастутъ.
Мы, отъ стариковъ оставшихся малыши,
Живя въ печали, сдѣлались людьми.
Однолѣтній мой жеребчикъ будетъ конемъ,
Вырастутъ въ разъ хвостъ и грива его.
Отъ добрыхъ людей оставшихся въ малолѣтствѣ,
Мы, умоляя-плача, вырастемъ и тоже будемъ людьми.

26. Ожиданіе родителей.

Айга тыкэнь кожогон
Алтын курювэн козонгэ,
Алтап—берыгэнь ардабисъ
Ада юртунда эш болзын.
Куньгэ тыкэнь кожогон
Кумми курювэн козонгэ.
Кузеп—алган экинэр
Кургонгэ эш болзын.

По мѣсяцу спитый твой завафсъ,
Золотомъ пусть покажется глазами твоимъ;

Съ благословіеніемъ выданное чадо наше
Въ юртахъ мужниныхъ родныхъ другомъ пусть будетъ.
При солнцѣ спитый твой завафсъ
Серебромъ пусть покажется глазами твоимъ.
Съ сердечнымъ желаніемъ взятая
Мужу своему подругой пусть будетъ.

27. Разлука съ дочерью.

Алды балазын таабалбай
Арнын—тюре, кунь алгай
Ардазын юртва тюжурон,
Адазы ййлик, кунь алгай.
Элик балазын таабалбай
Эналін-тюре, кунь алгай
Эркезін юртва тюжурон,
Эвезі ййлик, кунь алгай.

Зиѣр, не находя своего дитяти,
Въ скупленныхъ хода, дни проводитъ;
Взлежянное свое въ люди выдавая,
Отецъ въ слезахъ проводитъ дни,
Нѣжное свое въ люди отпуская,
Мать въ слезахъ проводитъ дни.

28. Состраданіе къ птицамъ.

Карчига куштын узмы
Канчада, тэжет, балазы
Качачан салтын какажин,
Какшйдыр анын балазы
Каробаринтын узмы
Кактыйда, тэжет, балазы
Карый салтын какажин,
Каастайдыр балазы.

Гнѣздо птицы сокола
И дѣти его, слышно, на утесѣ.
Какъ подуетъ вѣтеръ холодный,
Вопоютъ птицы его.
Гнѣздо скворца
И дѣти его, говорить, въ дуплѣ.
Когда подуетъ завывающій вѣтеръ,
Жалобно никаютъ птицы его.

29. Орадый или Урей.

(Подражательная пьеса вечерам в Рождество).

Аг—алтгнда ак полбан

Орадый! 1)

Сустан турган уюн
Тондыбень турзун.
Чардык булка ма берзын
Чардык шулан мал болзын
Ай чипар яма торь шигеви
Кум чипатан яман борь чигсин
Туюк булка ма берзын
Туюк шулап мал болзын.
Алтын топчи, шир топчи
Каргал кыжино кут болзын
Кумюн топчи, шир топчи
Алган кыжино кут болзын.
Аркты толтра кеп болзын
Уйго толтура бада болзун.
Сундука толтра акча болзын
Топши—быде семь берзье
Тондыбень конзун
Кумюн-тай бек болзын
Пуру аймер мал болзын
Чайбала найдурун най болзын
Тибекте тыман нек болзын
Айга тыкань уюнды
Алтын курчалзын,
Куньго тыкань уюнды
Кумюн—была курчалзын
Орадый!

Какъ передъ мѣсяцемъ заринна.
Сия, стоить твой домъ.
Живи-же безъ опибки!
Пол-булки дай мнѣ,
Пол-двора у тебя пусть скота будетъ.
Съ той стороны, гдѣ восходить мѣсяцъ съ солнцемъ,
Пусть у тебя все расцвѣтъ и зеленѣетъ.

1) У северныхъ народовъ *орадый*, у тесутовъ *урей*—привѣтъ послѣ каждаго стиха. Напечатанные курсивомъ стихи взяты у тесутовъ.

Цѣлую булку дай мнѣ,
Цѣлый дворъ у тебя пусть скота будетъ.
Золотая пуговка, моржаинъ²⁾ пуговка!
Старцу твоему счастье да будетъ.
Серебряная пуговка, моржанная пуговка!
Женѣ твоей счастье да будетъ.
Полная жердь одежды пусть будетъ.
Полный домъ пусть будетъ дѣтей.
Полный сундукъ денегъ пусть будетъ.
Если ты дашь сельнице,
Живи безъ опибки, не плшой!
Если ты дашь чашкой,
Живи не на вѣтеръ (не расплескивай!)
Будь крѣпко, какъ серебро.
Пусть будутъ у тебя коней табуны,
Всегда будь богатъ, никогда не разоряйся.
Душа твоя пусть будетъ крѣпка, какъ толчинка,
По мѣсяцу ставленный, твой домъ
Пусть золотомъ поднимается;
По солнцу, солнцу ставленный, твой домъ
Серебромъ пусть обвѣстят!

ПОСЛОВИЦЫ.

Тенгарены кужи тудай—ден, не знайзын?
Тэныстын балгыян тудай—деп, не салайзын?
Что минь схватить небесную птицу?
Что думашь схватить морскую рыбу?

Тэконь мууэ тенгереэ тэканэи кэм курьгэн?
Тэонны куйрэгэ эрэг тэтэканэи кэм курьгэн?
Кто выдать у козы рога до неба?
Кто выдать у верблюда хвостъ до земли?

Карчиганын учужыны танылу,
Калтабастын пазыгыны танылу.
Соколь видѣть по полету,
Молодецъ по походкѣ.

Терголас Ноа пузар,
Айдалбас сѣз пузар.

Не ъздокъ дорогу портить,
Не говорокъ слово портить.

Алабугада минь—йок
Алу выжиде ой—йок.
Отъ окуни ухи,
Отъ дурака ума—не жди.

Паганни пазыгн курь-туруи,
Телегнн не сурадын?
Видя прятъ агушки,
Что требуешь прятн отъ нея?

Атпасты оогы алты кулаш.
У не-стрѣльца стрѣла въ шесть саженъ.

Незны кйязн, аны кйй, аркан куньтэ куйбозн.
Что-бы ни ъль, то ънн, только зубами обь камень не хватя;
Что-бы ни надѣтъ, то надѣнн, лишь-бы синна отъ солнца не го-
рѣя;

На чемь-бы ни ъхаль, на томъ поѣзжай, только-бы не бить о
землю ноги.

Ат карзын сугуттык,
Эрь карзын элмтык.
Старай копъ—на убой,
Старай мужъ—на смѣхъ.

Куру набоак ууска ярашбас.
Сухая ложка ротъ дереть.

Керэ солегэнъ кечкэ этпесъ,
Керэ алтаган уйтэ этпесъ.
Высокумный до вечера не дожидеть,
Широкошагающий до порога не дойдетъ.

Тео-че, кара санаганын
Теошь-че ак санаганы артык.
Лучше добрая мысль съ ямно,
Нежели худая дума съ верблюда.

Карга касха тэмекн,

Пуду чушнган тогаш.
Воропа, равняясь съ гусемъ,
Ногу оторала-де.

Яваны куроп, ялсаба,
Эьскны куроп эркъе.
Видя новое, не льстись,
Видя старое, не скучай.

Тандаты казы-была картадан,
Бугуным опко акнн.
Сегодняшняя печенка съ легкимъ
Лучше завтрашнего салчуга съ жиромъ.

Пойдонны мойнын пйт тюръ
Талхан-таргынганын итэ тюръ.
Шею холостого вощъ заѣсть,
А ичѣнне его собака съѣсть.

Отбѣскты шлббе,
Укнасты сулббе.
Тунцу не точи,
Неслуха не учи.

Уелдым-деп, этпегн тетэеппе,
Кочодым-деп, кочон тетэеппе.
Собираясь умирать, хлѣбъ не бросай;
Собираясь спочивать, щи не выливай.

Каранын сезнй каппа сук,
Япанын сезнй янчыка саз,
Улудын сезнй укка сук.
Слово старина въ мѣшокъ прячь,
Слово набольшего въ карманъ кладн,
Слово начальнича за чулокъ заткнн.

Тон ичнда эрь тюрек; аны кэмблер?
Товым-алдында ат тюрек; аны кэмблер?
Человѣка по одеждѣ,
А коня по потнику не узнаешь.

Эльдин эчизим, тоним толчим.
Миротворецъ въ народѣ, что твоя пуговка у шубъ.

Коп болуп чоп болгыча,
Ас болуп ус болзын.
Хоть мало, да будь дѣльно,
Чѣмъ много, да какъ соръ.

Инины азан-кйй,
Эсѣины эштен-кйй.
Новое съ бережью надѣвай,
Старое съ починою носи.

Салкынду куньдо энчу—йок,
Салгышту куньдо уютку—йок.
Бури покой отнимаетъ,
Дума сна лишаетъ.

Иман-даа болзо, уюн болзын
Иман-даа болзо, кочон болзын.
Хоть хузя, да была-бы изба,
Хоть постыня, да были-бы ци.

Алтын башту кадьттан
Аркы башту эрь артык.
Мужчина и съ пустой головой
Лучше женщины съ золотой головой.

Эрь тискині узун-тэгөнъ,
Ат туйгагы язъ тэгөнъ.
Мужской поводъ дологъ-де,
Конское кольцо широко дескаты.

Армы-даа болзо, семіеко шала
Ас даа болзо, кошко шала.
Хоть и тонцй, да за жирнаго почти,
Хоть и мало, почти за велико.

Ажі-тузым ас болды,
Божю бажі тас болды.
Какъ только хлѣба-соли моея стало мало,
Такъ и голова моя стала плѣшина.

Соок-былан мельдешикѣн кулагы-йок,
Бйй былан мельдешикѣн бажі-йок.
Кто борется съ морозомъ, тотъ будетъ безъ уха;
Кто тажесть съ начальствомъ, тотъ будетъ безъ головы.

Аргалу алты конор,
Текеלו беш конор.
Гдѣ честный человекъ живетъ 6 сутокъ,
Тамъ плутъ живетъ только 5-ть.

Йобом башты кылыш кепсеъ.
Покорную голову мечъ не счѣтъ.

Яныс атту ырыгичі,
Ярак тонду курегичі.
Кто объ одномъ когѣ, тотъ охотникъ до бѣговъ;
У кого шуба-хованъ, тотъ охотникъ до борьбы.

Керкып гудунуп керішкѣ чіпка.
Уругун гудунуп урушка чіпка.
Держась за книжаль, не выходи на ссору;
Держа петлю въ рукѣ, не выходи на драку.

Су курбейчі, эдюк чече.
Не выданиши воды, обуши не скидай.

Темір тонду улюм-тыр,
Тере тонду калыч-тыр.
Въ желѣзномъ одѣвнии умираеть,
А въ овчинной шубѣ остается.

Аш ічкычѣ мендеб,
Атха мынъзе тохтобо.
Пока не поѣтъ, не торопись;
Сѣвши на коня, не мѣшай.

Угу-йок кыжі болбос,
Ульгузі-йок эдюк болбос.
Человекъ не безъ ролу,
Обувать не безъ наметки.

Кіик болзо, туюкту болор,
Кыжі болзо, адту болор.

Если звѣрь, то—съ шерстью,
Если человекъ, то—съ именемъ.

Иманнин колтына берьгынче,
Яхшынн Яолына сал.
Чѣмъ злomu въ руки отдавать,
Лучше добромu на дорогу положить.

Иманга якши этне
Тюурга пок сюртле.
Не дѣлай добра злomu,
Гнилую рану не мажь пометомъ.

Иман кыжи туюда туза тэгэн.
Злой человекъ на войнѣ годенъ-де.

Яхшаа яманшан, яхшымъ тогар
Иманга яманшан яманн тогар.
Съ добрымъ поведешся, добро переймешь;
Съ худымъ поведешся, худое переймешь.

Тѣмъ тугуругы башха,
Аяк тугуругы ашха.
Скорь на языкъ—себѣ на голову.
Скорь на ногу—будешь съ хлѣбомъ.

Айлан-даа болзо, Яол кугын,
Айлю-даа болзо, кыз алгын.
Хоть и вокругъ, все-же дорогой ступай,
Хоть и беременную, да дѣвку возьми.

Балык андыган, байбас,
Тюбедэги кургабас.
Рыбакъ богатъ не будетъ,
Хотя подошь у него и не просмхаэты.

Темірымъ болзо, кысха кесъ,
Агапты болзо, узун кесъ.
Если желѣзо, то отсѣвай короче;
Если дерево, то отсѣвай длиннѣе.

Атазы—Йохто уул баштак,
Энезі—Йохто кыс баштак.
Безъ отца—сынъ шалупъ,
Безъ матери—дочь.

Ат май—былан,
Кыжи кешъ—былен.
Конь беретъ жиромъ,
Человекъ—платемъ.

Конь адны мерганъ болбоє
Конь адны чеченъ болбоє.
Отъ многого стрѣльня въ будешь стрѣлецъ,
Отъ многого болтанья не будешь краснорѣчивъ.

Кыжи тоны кырчи,
Кыжи ады терчи.
Чужое платье марко,
Чужой конь потливъ.

Ойлан бергэнъ, сійрын алар.
Кто сначала подаритъ, тотъ послѣ одберетъ.

Энезі яманни кызын алба,
Эжигы яманн уюна кырбе.
Не бери дочь худой матери,
Не входи во дворъ худого человекъа.

Каба-тонду, бий эмгыр,
Кабын сураза, кул эмгыр.
Тюльгу тонду бий эмгыр
Тубин сураза ит эмгыр.
Но дохъ похожъ на господина,
А провѣдай карманъ—сталь слуга.
По лисьей шубѣ можно почестъ господиномъ,
А еси спроситъ о происхожденіи,—вышелъ собака.

Чин узерды кам албас,
Торо узерды бай албас дедын-бе?
Кому назначено умереть, того камъ не отниметь;
Кому съ голоду умереть, того и богатъ не спасеть.

Артык айтга,
Азира паспа.
Лишиго не говори,
За границу не лагай.

Балычмын колу ак,
Малчымын тюзю ак.
У рыболова бѣлы руки
У скотовода—липо.

Улдуу уюпта,
Янды убырба.
Старого не поноси,
Большаго не тогчи.

Тѣлѣ балуу ойбос,
Агап балуу опор.
Рана отъ дерева заживаеъ,
Отъ злаго языка—никогда.

Ихши айлыч кельгэнчлѣ, эзѣ тойор.
При хорошемъ гостѣ и хозиншъ сыгъ будетъ.

Ихши тѣлѣ арым аттын паазы.
Хорошее слово стогитъ половинну лошади.

Рак сааркын,
Тюухтан аларкын.
Дальше положень,
Бажке возьмешъ.

Амырлаган айлык,
Кудуаурегенъ кундукъ.
Миромъ—на мѣсяцъ,
А насилемъ—на день.

Ашин-тузун ийин-отур,
Агыдын айдын-отур.
Халыбъ-солъ Ышъ,
А правду рѣжъ.

Каза пасхан-аза базар.
Здравани голову, тотчасъ споткнешься.

Яман итъ тубелди кабар,
Яман кыжы ямадан тудар.
Злая собака хватаетъ за подолъ только,
Злой человѣкъ—за воротникъ.

Уюпчуи яхшимъ курьбесъ,
Ажѣ-тузунду курерь.
Не красна ѣза углами,
Красна она пирогами.

Кунъ яманы кѣтар,
Кыжѣ яманы кѣтмесъ.
Худая погода пройдетъ,
А злоба человѣческая—никогда.

Саяк тюрбасъ, таяк тѣрбъ.
Будешъ жить худо, будешъ грызть палку.

Яман кыжынын аягы сегизъ, бажѣ тогузъ.
У худаго человѣка восемьъ ногъ и девятьъ головъ.

Ялку кыжѣз ялгудун ажѣ этпесъ.
Лѣвшому человѣку нѣтъ и корки огорѣлой.

Эскы наньджыны курюп-эрише,
Ины наньджыны курюп-ипсъркаба.
Старого друга увидишь—не отрекайся,
Къ новому не прилѣпляйся.

Яхши ямады бѣльбѣйт,
Яман кыжѣ яхшимъ бѣльбѣйт.
Добрый человѣкъ ала,
А худой добра не помятъ.

Бурьку яхшимъ курюп-алгышка,
Кубу яхшимъ субар ал.
Не смотри на благовидность стана,
Уважай родъ добрый.

Янас котургу кой мун койны атартты.
Одна паршивая овца дёлое стадо портить.

Актак курьзон тигебас,
Сотур курьзон, кыбакур.
Видишь-ли хромата, прихрамывай,
Видишь-ли сгынаго, прищуривайся.

Ас кыжиде теп-была
Агын суда сал-была.
Въ малолетствѣ легко соблазны согласіе,
По течению воды легко плотомъ плыть.

Он катап кэндэ,
Пирь катап кэс.
Десять разъ пригнѣрай,
Однажды отрубь.

Акырын барган абра тау устынхьда болор.
Тише ѣдешь, дальше будешь.

Кадын-кыжынын чаѣ узун, агылы кыска.
У женщины волосъ дологъ, да умъ коротокъ.

Кайзи игадан акан су,
База кайдып-агар.
Если вода побывала на лугу,
То и опять разольется.

Баз тутхан бармагын ялар.
Въ меду пальцы—венки самъ у себя оближеть.

Ач катырын ток бильбесъ
Ирды катырын бай бильбесъ.
Сытый голоднаго,
Богатый бѣднаго—не разумѣють.

Ынгыры уланган акымдала ортэнкы уланган акыл артык болор.
Утро вечера мудренѣе.

Агач тюзжаган курт назар;
Юбанш кыжын сѣзъ назар.

Мягкое дерево червь точить;
Смирнаго человека—грубое слово.

Кыжи сени тап-былан атса,
Сень аны май-былан адныс.
Когда бросятъ въ теби камень,
Ты брось мяслозь.

Кыжыны куназын ачма
Узанын кунап абылар.
Чужой кровли не раскрывай,
Своя будетъ закрыта.

Кыжио чуурчак касма,
Узин чуурчака тюзерзин.
Не копай для другаго ямы,
Самъ въ нее ввалишься.

Кыжи йол курьзедарь
Азык берьмесъ.
Чужой человекъ дорогу укажетъ,
А занасу не дастъ.

Ачуга ачинба
Сююншюэ сюуньбе.
Въ горести не унывай
И радости не слыхномъ предавайся.

Йиргал ын-былын этпесъ
Ачу аял-алдынан чигар.
Радость въ годъ не придетъ,
А горестъ изъ-подъ ноги выскочитъ.

Эткерь тен-учунда,
Коромжо кол учунда.
Печасъте только въ рукавъ,
А убытокъ уже въ руку лѣзетъ.

Улу-Бийди рактэбе, Кутайды биктэбе,
Кудай брѣ болзо, кузю тюмень,
Улу Бий рак болзо, бисъ анын алыканда бисъ,
Кутайдын колунда бисъ.

Не думай, что до Царя далеко, до Бога высоко;
Богъ хотя и высоко, но внизу Его око;
Царь и далеко, но у него на ладони,
А у Бога въ рукѣ.

Баш ярыла, бюрюк-ичида,
Кол сына йен-ичида.
Голова-ли проломлена,—подь шапку ес;
Рука-ль переломлена,—въ рукавъ ес.

Атазы яман озо сѣгорь,
Ады яман озо чабар.
У кого худой отепь, тотъ ругаться любить;
Худой конь любить впереди ѣхать.

Бий биарды кул биар,
Сулемькэ эркы йок.
Рабъ иногда знаетъ и больше господина,
Да воли его языку итъ.

Кускуи кускууну кузюн тешиесь.
Воронъ ворону глазъ не выколетъ.

Уюку кось тежерь,
Уят баш ярар.
Лишній сонгъ глаза выколетъ,
А постыдное дѣло голову сломить.

Тандагызын тан биер
Тан-аткажин кутай биер,
Завтрашнее завтра знаетъ,
Что будетъ на разсвѣтѣ, Богу извѣстно.

База куш учат-учат,
Конорогъ агажин тапнай.
Молодая пгнла и дѣтаетъ,
Да гдѣ почевати, не знаетъ.

Кудайгъ иженен,
Боюн яншаба.

На Бога надѣйся,
А самъ не плומай.

Улчунган кыжй уйче кара таптан кылар.
На молчаливаго человѣка хоть черной камень съ ибуу упадетъ,
онъ и тогда дѣлгъ останется.

Кымчадан кымылтан кырык изъ тюрерь.
Отъ бѣдоваго часа уцѣлѣнный, 40 лѣтъ будетъ жить.

Майдадын терин палтырга сюртерь,
Палтырдын терин майдагга сюртерь.
Потомъ лица мажъ икры у ногъ,
Потомъ икры мажъ лобъ,
Если такъ будешь трудиться, будешь богатъ.

Тюлюк люю конор,
Йол табар.
Лисина и ночь переночуетъ,
А сѣдѣ найдеть.

Йман атха мун камчи,
Йхши атха пирь камчи,
Йман кыжиз мун сѣзъ айт
Йхши кыжиз пирь сѣзъ айт.
Худой лошади—тысяча плетей,
Хорошей лошади—одна плеть.
Худому человѣку тысячу словъ говори,
Доброму—одно слово скажи.

Ачуду курьбейчи тагуды тибесъ,
Соопа тонбойчи, толуду кыйбесъ.
Не видавши горькаго, не будешь ѣсть сладкаго,
Не померзнувъ на холодѣ, не узнаешь тепла.

Йказы-йок тон болбое,
Йргазы-йок бий болбое.
Шуба безъ воротника,
А начальникъ безъ разсудка—негодны.

Эртэ пасхан кыжи,
Эмъ казан черь.

Ранняя птичка носикъ очищаетъ,
Поздняя лишь глаза продаиваетъ.

Вѣй бирьзыни тыжін
Ачін курьбесъ.
Князь не смотритъ въ зубы тому,
Кто даритъ ему.

Косъ кмчу тѣбу тэрэн.
Глазъ и мать, да дно глубоко.

Сагада санаа-йокъ.
Бородой ума не мѣряютъ.

Суудагы саньзын,
Эрэгъвѣдѣ тілі-былан чігаратъ.
Что у трезваго на умѣ,
У пьянаго на языкѣ.

Эзюм менін ят болды,
Ойогум менін смрт болды.
Грудь моя синюю стала,
Рождественникъ—бужамыномъ.

Сыйляжарда ят якші,
Сыхтыжарда усь якші.
Прии шуръ, прии бражжъ всѣ дружины,
Прии горести нѣтъ никого.

Дерт туйгаку ат-даа сюрнузетъ.
Конь и о четырехъ ногахъ, а спотыкается.

Найджыны мекелерэин,
Курсакты мекелебесін.
Друга обманешь,
А брехо не обманешь.

Колун-былан берегеле,
Пудан-была ноборзын.
Отдаешь (въ домъ) руками,
Устанешь ногами (выхаживать).

Кэдэ барардын кыздынынъ,
Ильгэры кыздынынъ гиттининъ.
Подальше отойдешь отъ снохи,
Счастливо придешь отъ собаки.

Атхан ок таштан яласъ,
Игонъ элчи болдон яласъ.
Пущенная стрѣла не ворочается отъ камня,
Посолье не возвращается съ дороги.

Алсакъ одунун кулъ ачу,
Яман кыжынынъ тиль ачу.
Зола осиноваго дерева ѣдка,
Еще злѣе худой человѣкъ.

Яй кэлэт, яини,
Кыш кэлэт, кылыжын тудунунъ.
Весна приходитъ—крылья распускаетъ,
Зима приходитъ—саблю держитъ.

Отго салаз, куйбесъ
Туга салаз, акпасъ.
Въ огонь теби положить—не горнишь,
Въ воду положить—не топишь.

Кысха болгыча узун болзын,
Яман болгыча, якші болзын.
Чѣмъ быть короткимъ, лучше—долгимъ,
Чѣмъ быть худымъ, лучше—добрымъ.

Тонун элгынынъ тудул-кыибесъ,
Икъланн тудун-кызаръ.
Не съ полова одежку надѣвають, а съ воротника,
Не у глупаго совѣта просить, а у умнаго.

Су яриан акинъ талы болбосъ,
Кыжъ ѡвжы таштан каан болбосъ.
Рѣка, вышедшая изъ береговъ, не будетъ море,
Человѣкъ, бросивши умъ, не будетъ ханомъ.

Алды мойнун ок кэзеръ,
Эрѣнынъ мойнун йокъ кэзеръ.

Шею звіри нули р'яжуть,
Шею челоўка—бідность.

Арам бар болуп йол таныдым,
Адым бар болуп йол таныдым.
Отець у меня былъ—народъ зналъ,
Копь былъ—дорогу зналъ.

Колун берэин, бажин анда.
Гдѣ твоя рука, тамъ и голова твоя.

Учшыны бек тутъ,
Кожонны уру тутна.
Держи себя крѣпко,
Сосѣда ворогъ не зови.

Съшьныи сыгырмады,
Менъ мунда блын-аларым.
Ты тамъ только свисти,
А я здѣсь ужъ и смыслю.

Пирь ат эдэръ,
Мун ат алар.
Одна лошадь догонитъ,
Возьметъ 1000 лошадей.

Загадки.

Барын, барын йол йок; кезип, кезип кан йок.
Бду, бду—сѣвду нѣтъ; р'яжу, р'яжу—крови нѣтъ.
*(Кѣжэ-билэ зшитык.
Лодка и весло.)*

Калтыр, культур, коучи раат; кара йорго бош праат.
Стучитъ, гремитъ, сивый иноходець напередъ идеть.
(Мус баран-ят.)

Вскрѣтитъ руки—ледъ идетъ.)

Кур курдейт; кузень чарлайт; арык тео пелип пурат; адырган ті-
лан узун-ачат.

Витеръ дуеть; хорекъ кричитъ; сухой верболодь хребеть сгиба-
еть; полевой змій ротъ разъаваетъ.

1) Узун ала урэнки; 2) темір сармааны; 3) курок; 4) жыкаш.
1) Воздухъ изъ кузнечнаго мѣха; 2) раскаленное желѣзо шипитъ;
3) мѣхъ кузнечный и 4) кузнечные клети.

Пырь мынчагак немецек, рак эргѣ чукуддан.
Крохотная вѣнчикъ, а далеко пидна.

*(Куръ, лѣвѣс.
Солнце и звѣзды)*

Тенторелэн тюшкендѣй темір-биле кыргандай.
Съ неба упала, какъ желѣзомъ выскоблена.

(Тѣмьртка, янцо)

Мусаха пудай текты.
По льду насыяно шпенничи.

*(Тѣмьредо лѣвѣс.
Звѣзды на небѣ.)*

Айры аганха кар йнпач.
Къ развѣстному дереву и сивѣю не лнеть.

*(Тандууду муузі.
Рога у жевотныхъ.)*

Тлан тыны-ят, кайг качырыш ят.
Змѣя ползеть, за собой ремень полочеть.

*(Билэ учуру-билэс.
Ила съшиткой.)*

Тызыбэзе талкали; алып-тѣзе татучак.
Пну ногой—щетка; въ ротъ возьмешь—садко.

(Канза, курительная трубка.)

Эжитотъ талпай терю чарчабас.
Изъ-подъ порогу щетка въ передній уголъ не проходитъ.

(Кѣзы, сноха.)

Курендиктѣ кумыш чечель.
Въ опрадѣ мой серебряная чаша.

(Ай, Мыслен.)

Экы чочко орожу-ит; ак кобугу чавылзын-ит.
Дѣб свинки дерутся, изо рта у нихъ бѣлая пѣна бьетъ.
(Экы тармен-дѣз талкан. Жернова и мука.)

Тышй йок куртык кузун казын-ят.
У старухи нѣтъ ни одного зуба, а орхыи щелкаетъ.

(Солк. Ступка.)

Йенігіндѣ турган чал-кай; он-беш салазы оре, он-беш салазы
тубоьн.

Передъ дверями стоить береза, пятнадцать вѣтвей къ верху,
пятнадцать—къ низу.

(Ай кѣмі. Мыслен ормени.)

Югурок, югурок, не югурок?

Что быстрее всего?

(*Тиль. Язык*).

Тату, тату, не тату?

Что всего слаще?

(*Уюу. Сон*).

Ачу, ачу, не ачу?

Что всего горячье?

(*Уам. Смерть*).

Кызыл алак яткан эрьдэ ээси чкпас.

Гдь полезитъ красный козыл, тамъ и трава не растётъ.

(*От. Оюю, пожар*).

Тура туруп-ят, эки-йок кыки коп турада.

Безъ окозь, безъ дверей, полна изба людей.

(*Кузук. Кедровая шишка*).

Кол-йок, пуд-йок, эрэ чагал-яти.

Безъ рукъ, безъ ногъ, а на гору идеть.

(*Тюдуи. Туманъ и дыма*).

Важ агач, ичи кандырь, пуг тап.

Голова деревянная; брюхо льняное, ноги каменные.

(*Сююрэм. Новод*).

Бош чулан кыжи эрментэжи-ят чидарга больмынт.

Положь дворь людей; сидятъ тьсно, а выйдти не могутъ.

(*Тыи уустамъ. Зубы во рту*).

Энжэмыни куськузюнь эло кыжи эрбесъ.

Зеркало моей матушки пятьдесятъ человекъ не поднимуть.

(*Энжэрымъ. Гумю*).

Отус эки сар-ат ойлок эрин-ат.

Тридцать дьб лошади бьлгя—сырны, одна рыжача дурная.

(*Тыи, тиль. Зубы и языкъ*).

Белем-белем, белем-ат пелчичка курен-ат; тулгачика табазат; талкитзе эль-без-ат.

У бурой лошади тоненькая спинка; она на гору идеть, не уста-

еть; дождь поидеть, ее не вымочить.

(*Чинамъ. Муравей*).

Эрэгэ айл уркум коркум,

Ортодо айл бирак,

Тюменьто айл алмын.

Верхнее жыль боазливо,

Среднее бурливо,

Нижнее жыль боатливо.

(*Кось, тумчук, тиль. Глаза, носъ и языкъ*).

Примѣты.

Отъ рожденья мѣсяца до полнолуния (14 дней) не благополучные. Въ это время чистымъ духамъ не камлатъ, никакого дѣла не начинать, на промисель не пускаться. Въ прозекутъвахъ между старой и новой луной тоже ничего не дѣлать. (Когда-же работати-го?)

— Если намы весною горять недружно, то урожай хлѣба будетъ плохъ.

— Посѣвъ хлѣба опредѣляется печены первой, попавшейся весною по разливу воды шуки. Если конецъ печени къ головѣ толще, предпочтается посѣвъ ранній; середка толще—средній; конецъ къ хвосту толще—поздній. Осѣдлые спородцы опредѣляютъ время посѣва тяжестью трехъ первыхъ куринныхъ яицъ, свесенныхъ весною. Тяжелѣйшее служить указателемъ.

— Если ноги рыбичка оперяются, скоро будетъ зима.

— Много комаровъ—много роель.

— Кукушка закукукала на талой лѣсинѣ (почки не распустились)—ворамъ неудача.

— Коня валютя зимою къ бурану, лѣтомъ—къ дождю.

— Копыта у коней подуть—къ тешу.

— Земляные черви выползаютъ изъ земли—къ дождю.

Рецензія на „Образцы народной литературы Тюркскихъ племенъ, живущихъ въ южной Сибири и Джунгарской степи“, собранные В. В. Радловымъ. С.-Петербургъ, 1866 г.

Трудъ этотъ, безъ сомнѣній, почтенный и заслуживаетъ полного вниманія филологовъ.

Содержаніе слѣдующее:

Первая глава грамматки, которую обѣщаетъ авторъ издать позже.

Пословицы въ количествѣ 91

Сказки 8

Житіе діакона Алтайской миссіи изъ инородцевъ, М. В. Чевалова.

Повѣстей 15

Посланіе Чевалова къ автору.

Десять заповѣдей Божіихъ.

Молитва Господня.

50 и 90 псалмы Давида.

Басни въ количествѣ	5
Пѣсни	15
Загадки	19
Сказки Черенныхъ Татаръ	3
" Шалаишевъ	1
" Шорцевъ	8
" Сойонцевъ	3

Есть у г. автора и предисловіе, въ которомъ онъ, между прочимъ, говоритъ: «задаваемая нынѣ первая часть литературныхъ образцовъ заключается въ себѣ поднарѣчій Алтая: алтайцевъ, телеутовъ, черенныхъ и лебединскихъ татаръ, шорцевъ и саянцевъ» (стр. XII). Здѣсь дѣленіе поднарѣчій представляется намъ неправильнымъ, потому что Лебединскіе татары и шорцы суть Черевые-же инородцы, и какъ жители Большаго и Малаго Алтая суть алтайцы-же; притомъ Лебединскіе татары не могутъ быть представителями языка, такъ какъ однимъ языкомъ говорятъ съ ними и Кузнецы, и Кондомцы, а еще менѣе могутъ стать во главу Шорцы, ибо такое предпочтеніе будетъ обидно Каларцамъ, Изушерцамъ, Кызыльцамъ, Кйпцамъ, Кобйдамъ, Каргинцамъ, Бежболковцамъ, Барсютинцамъ и Абинцамъ, говорящимъ однимъ языкомъ. Поэтому, чтобы не противоположить Алтайцевъ Алтайцамъ-же и Черенныхъ инородцевъ Череннымъ-же, изслѣдователю поднарѣчій Алтай всего изъяснительно раздѣлитъ жителей Алтая на слѣдующія группы:

1) Алтайскіе калмыки, по собственному ихъ названію *Ойроты*; 2) Телеуты, по собственному ихъ произношенію *Телеуты*; 3) Кумандины, оставленные авторомъ въ тѣни, *Куманды кыжи* и 4) Черенные татары, по собственному названію *Туба кыжи*, также *кыжи кыжи*; *кыжи* значить дѣсь, по-сибирски *черны*.

Послѣдняя группа подраздѣляется: а) на *Бидецы*, по рѣчной системѣ р. Бид, сюда войдутъ и Лебедины и б) *Мрасо-Кондомцы*, или Вирюсиенцевъ, которые, по стр. 261 Географическо-Статистическаго словаря Росс. Им. г. Семенова (С. П. В. 1862 г. Томъ I. Вып. 2) *исчезли*, а по страницѣ 147 того же словаря *возродились* (см. ст. Сельское село). Сюда войдутъ и Шорцы съ поименованными мною выше племенами.

„Сохранявшій болѣе первоначальной Тюркскій характеръ, Алтайскій языкъ (т. е. языкъ Алтайскихъ калмыковъ) избранъ мною исходною точкою для изслѣдованій остальныхъ нарѣчій“ (стр. XII). Но это еще вопросъ? Напротивъ, въ Мрасо-Кондомскомъ поднарѣчій въ нѣкоторыхъ случаяхъ болѣе выдержанъ характеръ тюркскога языка, нежели въ другихъ поднарѣчьяхъ. Наприм., только здѣсь въ концѣ словъ буква *з* удерживаетъ свое мягкое произношеніе: *изъ*—масло, *кери*—войско, *амы*—глушій, *а*—сѣть, *амыч*—горскій, *изъ*—жаръ, *изъ*—тилоу, *изды*—острый, *измы*—теплый; ка-

мы—жесткій, твердый, *кырун*—сухой, *кыры*—берегъ, *олун*—мертвый, *оитун*—врагъ, *пала*—рана, *на*—веревка, *суруну*—любезный, *та*—гора, *улу*—великій, *акры*—большой, *чидий*—опухоль и проч.

Тюркская форма множественнаго числа *лар* чаще удерживается въ Мрасо-Кондомскомъ нарѣчій, нежели въ другихъ.

Звукосочетаніе *ам* у телеутовъ и алтайскихъ калмыковъ нерѣдко измѣняется слѣдующимъ образомъ: гортанная буква ослабѣваетъ до нечленовенія и затѣмъ бѣглая *у* удоболагаетъ предшествующей *а*: тюркское *амз*—ротъ, *амыр*—тяжелый, *тамы* и, даже, вполне сохранены только въ Мрасо-Кондомскомъ нарѣчій, а въ другихъ измѣнились въ *аас*, *аар*, *таа*.

Звукосочетаніе *мы* въ коренныхъ словахъ, въ концѣ или среднѣй слова, удерживается только Мрасо-Кондомцами, а въ алтайско-калмычскомъ и телеутскомъ это *мы* измѣняется въ *у*. Напр., изъ *изы* (собери) вышло *іу*.

Въ производной приставкѣ притяжательныхъ или относительныхъ именъ *мы*, гортанная *у* удерживается только у Мрасо-Кондомцевъ, у телеутовъ-же и алтайскихъ калмыковъ это *у* измѣняется также въ *у*; напр., *ат*—лошадь, *атамы*—имѣющая лошадь, у мрасо-кондомцевъ—*атмы*, у телеутовъ и калмыковъ—*атму*.

Въ отглагольныхъ именахъ дѣйствія окончаніе бываеъ или *а*, когда глагольная основа оканчивается на *а*, напр. *сұра*—спросить, отъ *сұра*—спроси (объ измѣненіи этого окончанія сказано выше) или окончаніе бываеъ *ы*, когда глагольная основа оканчивается на согласную или на бѣглую *у*. Оплтъ это окончаніе *мы* удерживается только Мрасо-Кондомцами, а въ телеутскомъ и алтайско-калмычскомъ измѣняется въ *у*. Отъ глагола *сам*—продать, *самы*—торгованъ, у Мрасо-Кондомцевъ—*сады*, у телеутовъ и калмыковъ—*саду*.

Кажется, довольно и приведенныхъ примѣровъ, чтобы видѣть, что языкъ Алтайскихъ калмыковъ менѣе сохранилъ первоначальной тюркскій характеръ, нежели сохранилъ этотъ характеръ языкъ Мрасо-Кондомцевъ.

Сказка о свѣтопреломленіи заимствована изъ Томскихъ Губернскихъ вѣдомостей*. Оттуда-же могли быть безвозбранно заимствованы: пословицы, пѣсни и загадки.

Для точнѣйшаго обозначенія звуковъ татарскихъ поднарѣчій приняты мною слѣдующія буквы:

10 гласныхъ:

а, ае, о, у, у, і, ы, у* итого 9, а не 10, да и изъ этихъ двѣ буквы лишнія, именно а и у.

Буква *е* въ алфавитѣ показана, а въ текстѣ вездѣ замѣнена, и неудачно, буквою *а*. Вѣсточикъ, поставленное надъ буквами: *у* и пропущенный авторомъ въ русскомъ текстѣ *о*, смѣлчатъ эти буквы. Это резонно. Но надъ буквою *а* то же двоечье уже не смѣлчатъ, а измѣняетъ самый звукъ

изъ а дѣлаетъ *с*—букву, начертаніе которой уже существуетъ въ русскомъ алфавитѣ.

Для выраженія всѣхъ гласныхъ звуковъ Алтайскихъ поднарѣчій достаточны слѣдующія буквы:

толстыя:	соотвѣтственные имъ тонкія:
а	е
о	о
у	у
ы	і

„30 согласныхъ“ продолжаетъ авторъ. Переносить ихъ не будешь, да это и неудобно по закорючатости нѣкоторыхъ изъ нихъ. Въмѣсто 30 согласныхъ, въ которыхъ почему-то не обрѣтается буквы г, достаточно слѣдующихъ 18:

к, г, н, *җ*, р, л, т, д, ч, ч, и, с, з, ш, ж, п, б, м.

Слѣдовательно, оказываются излишними: к, имѣющее глубоко-гортанное произношеніе и, по мѣсту своего образованія въ гортани, близко къ русскому *х*. И простую букву *к* можно произносить глубоко-гортанно, по требованію языка, если знать правило, гдѣ она такъ произносится.

Произносится же она глубоко-гортанно тогда, когда предшествуетъ или послѣдуетъ толстой гласной буквѣ. Напр., *кара* — черный, *ак* — бѣлый, *жон* — почевать, *ок* — стрѣла, пуля, *ку* — лебедь, *ук* — слышать, *кызык* — сельдь.

Если-же эта буква находится въ соединеніи съ тонкими гласными, то произносится по-русски. Напр., *төрөк* — потребность, *кок* — голубой, синий, *куук* — кукушка, *кырбик* — рѣшца.

Буква *г* излишня потому, что ее нѣмѣтъ замѣняетъ буква *к*, поставленная въ связи съ толстыми гласными.

Два *з* съ закорючками и латинское *h* излишни потому, что самъ авторъ въ одномъ и томъ-же словѣ употребляетъ и гортанное *з* и мягкое. Напр. стр. 314 въ строкъ 112 *кыльдыры* написано гортанно (съ закорючкой), а въ слѣдующей строкѣ тоже *кыльдыры* мягко.

Буква *н* съ заштою внизу, загнутаю въ правую сторону, необходима, но ее, какъ составляющую слѣние двухъ согласныхъ *н* и *з*, логичнѣе изображать такъ, какъ она изображается въ сочненіяхъ Алтайской миссіи—*н*.

Буква *м* съ заштою вверхъ излишня, потому что нѣтъ того звука въ Алтайскихъ поднарѣчій, который бы выразила эта буква.

Изъ трехъ *җ* достаточно на вѣеь нужны одной. *җ* основное значеніе имѣетъ подобное латинскому *j* и русскому *й*. Въ поднарѣчійхъ Алтайскаго языка этотъ звукъ въ началѣ словъ представляеть слѣдующія перемены: у Алтайскихъ камыковъ—произносится какъ смѣщенное, едва слышное *м*, у Телетюговъ смѣщенный звукъ *м* слышнѣе совершенно ясно; у Мрасо-Кондожскихъ татаръ произносится какъ смѣщенное *ч*.

Лучше-бы сдѣлать г. Радловъ, если бы во всѣхъ поднарѣчійхъ принялъ эту букву, выговаривалъ ее въ каждомъ поднарѣчійхъ согласно съ сейчасъ сдѣланнымъ замѣчаніемъ. Единство начертанія намъ кажется предпочтительнѣе въ томъ отношеніи, что наглядно представляеть происхожденіе и тожество словъ въ разныхъ алтайскихъ поднарѣчійхъ. Напр., хоти и разными буквами начинаются, но совершенно тожественны слѣдующія слова:

Стрн.	Строк.		Стрн.	Строк.
330	149	чакны=іакны	44	495
326	8	чок=юк	85	863
380	146	чадыр=іадыр	104	633
318	253	чер=іер	5	70
313	97	чурду=іурду	12	51
339	269	чеді=іеді	17	236
325	496	чи=пі	20	341
314	133	чуртува=іуртува	67	257
329	123	чажы=іажы	84	862
350	47	чуре=іуре	86	25
397	58	чалын=іалын	—	41
329	132	чадар=іадар	88	119
347	157	черге=іерге	14	115
324	475	чактак=іактак	16	187
325	478	чакты=іакты	23	24
339	246	чыл=іыл	25	106
350	43	чөрпө=іөрпө	26	123
324	469	чоным=іоным	40	347
350	43	чаіаан=іаіаан	42	430
331	191	чон=іон	52	757
349	2	чус=іус	61	71
347	175	чолда=іолда	64	179
348	203	четпен=іетпен	67	267
347	145	черден=іерден	70	360
—	149	чоткап=іоткап	83	149
326	8	чоны=іоны	—	825

и т. д.

Латинская буква *l* совершенно излишня *Л*, какъ въ русскомъ языкѣ, такъ и въ алтайскихъ поднарѣчійхъ, имѣеть иногда толстой звукъ, какъ *л*, иногда тонкій, какъ *л*. Именно, если оно предшествуетъ или послѣдуетъ толстой гласной буквѣ, тогда произносится толсто. Напр., *ал*—взять, *алл*—точно, отчетливо, *оал*—онъ, *ойтоло*—возвращаться, *улл*—великій, *ыла*—выбрать, *палык*—рыба. Если же эта буква находится въ связи съ тонкими гласными, тогда и сама произносится тонко. Напр.: *еал*—свой народъ, *отече-*

ство, *келмелі*—замка, *ол*—умереть, *омон*—трава, *оһно*, *уһер*—притча, мудрое изречение, *олум*—смерть, *нид*—значить, *ниль*—знание. Поэтому, если бы вместо *кисилер калди* (стр. 341, строка 329) стояло: *кисилер калди* убьтка оттого никому не было бы.

Ч у алтайских калмыков и телеутов не имеет соответствующего мягкого звука, а у мяско-кондомцев иногда слышится такой звук, подобный смягченному *дже*. Чтобы точно произносить этот звук, должно изымать едва только дотрагиваться до неба. Для начертания его всего лучше может служить ч с принятым уже знаком смягчения в других буквах — двояточьем: ч, а неизращенная буква и с хвостиком внизу.

В алтайском языке не находится русских звуков: *и* и *а*, а потому и буквы эти лишние, что известно, и „*Низил Низилбайч* (5)*; см. стр. 113, 2 строка сверху.

При чтении текста книги бросаются в глаза следующие погрешности:

1) Не редь соблюден *закон созвучия*, состоящий в том, что в каждом слове гласные звуки должны быть или все толстые, или все тонкие. Этому же закону неуклонно подлежат все грамматические приставки: если к слову толстых звуков прибавляется приставка с гласным *а*, то в слове тонких звуков *а* замняется гласным *е*, точно также *о* замняется *о*, *м*—*и* и т. д. Словом, замняются один другим гласные звуки, состоящие в одной паре. Причём: *аба*—отец, *абагара*—отпани; *ене*—мать, *енелере*—матерям; *кол*—рука, *коло*; *кол*—озеро, *коло*; *ат*—лошадь, *ат эм*—ясо, едм. Поэтому вместо:

Стр.	Строк.	
325	110	полни слѣдует болшии
358	318	тудужайл—тудужайи
380	384	нажонны—нежонни
383	471	селгон—селгон
385	39	алайн—алайн
386	80	табайл—табайи
387	105	инайн—инайн
389	171	чатгон—четгон
370	198	силды—сылды
1	1	тудайл—тудайи
4	46	уйадар—уйадар
4	76	мактар—мактар
—	78	кайнар—кайнар
	100	
352	103	аккал—а-жел
	97	
343	20	сайн—заин.

Исключение изъ приведенного правила о *закон созвучия* составляет притяжательная приставка 1-го лица множественного числа *би*, которая не изменяется в толстые звуки и при словѣ толстых звуков, но при этомъ слѣдующая за ней падежная приставка согласуется съ самымъ словомъ: *абабика*—нашему отцу.

Противъ этого исключения погрѣшаютъ слѣдующія слова:

Стр.	Строк.	
331	64	айтпасис—айтпасиб
—	89	тапамыс—таппаб
335	224	поларбис—боларбис
386	180	парбаспис—парбасиб
270	216	кангыжарбис—кангыжарб
—	217	саларбис—саларб
374	335	полгамыс—болагиб

2) *Закон смѣненія* буквѣ еще болѣе нарушенъ авторомъ, нежели законъ созвучія. Жесткіе согласные и соответствующіе имъ мягкіе замѣняются один другимъ, смотря по ихъ мѣсту въ составѣ слова и соотношенію словъ. Въ началѣ слова, въ концѣ слова, въ непосредственномъ соседствѣ съ жесткимъ согласнымъ звукомъ можетъ стоять только жесткій звукъ; напротивъ, между гласнымъ, послѣ мягкаго согласнаго и въ то же время предъ гласнымъ долженъ стоять звукъ мягкій. Поэтому, когда слово, оканчивающееся на жесткій согласный звукъ, принимаетъ, напримѣръ, притяжательную приставку *ы* или *ым*, тогда жесткій звукъ замѣняется однороднымъ по органу произношенія мягкимъ. Точно также, если слово, начинающееся жесткимъ звукомъ, стоитъ за словомъ, оканчивающимся на гласный или мягкій согласный звукъ,—въ такомъ стрѣи, при связанномъ произношеніи, на мѣсто жесткаго звука является соответственный ему мягкій. Поэтому, слѣдующія слова изображены неправильно:

Стр.	Строк.	
314	131	паза парды ем. база барды.
320	340	подды—болды
321	378	тадр—дедр
322	383	парайн—берейн
323	416	паза—база
223	430	пакжаты—божжаты
325	488	пйрга—бйрге
325	497	пардлар—бердлер
327	54	парын—барын
329	128	пэралк—берелк
—	131	пурунда—бурунда
334	105	полган—боган

Стрэн.	Строк.	
343	14	пала—пала
344	69	тап—деп
348	196	полза погн—болза болги
351	67	писка парар—біска берер
—	69	таді—деді
363	477	тадір—дедір
168	25	таш—дан
343	20	свін—звінн и проч.

3) Буква *ј* въ среднѣхъ слова часто, а въ концѣ—всегда замѣняется буквою *і*.

Стрэн.	Строк.	
314	112	кайгырды—кайгырды
319	282	кайзы—кайзы
3:0	345	кайда—кайда
322	413	аідар—аідар
348	193	пагі коі—пагі коі
—	240	
371	241	тоі, тоіды—тоі, тоіды
—	245	
—	240	аі—аі
1	1	санаізын—санаізын
—	2	куіругу—куіругу
—	4	аідалбас—аідалбас
—	6	оі—оі
2	12	уіку—уіку
—	15	паі—паі
—	16	куібазін—куібазін
—	17	кайназам—кайназам
2	22	туіага—туіага
3	30	поідондын—поідондын
—	—	моімын—моімын
—	39	полбойттон—полбойттон
4	47	аімагы—аімагы
6	84	саігакчы—саігакчы и т. дал.

4) Буква *е*, изгнанная окончательно изъ текстовъ, замѣнена буквою *о*.

Стрэн.	Строк.	
366	166	одургон—одурген
338	215	удуго—удуге

Стрэн.	Строк.	
340	311	олбой—олбен
342	369	чурбой—чурбен
344	65	корсе—корзе
—	66	устуно—устуне
345	99	олтургон—олтурген
347	165	олбос—олбес
350	50	туидо—туиде
373	322	кунго—кунге и т. под.

5) Употребленіе въ Мрасо-Кондомскомъ поднарѣчии вмѣсто *м* буквы *б*.

Стрэн.	Строк.	
324	454	каморта—каборта
332	33	азанма—езен-бе?
—	34	паларынма—паларын—ба?
338	52	парганма—парган—ба?
346	141	тарымас—тарыбас
356	231	мындазынма—мындазын—ба?
—	344	и шаоборотъ <i>б</i> вмѣсто <i>м</i> : 69 кічібін—кічї-мін

6) Неотдѣленіе носгѣ слоговъ и другихъ частицъ:

Стрэн.	Строк.	
323	440	пазок вм. баз—ок
—	449	кылышыла—кылыш—пыла
325	513	абаканыла—абаканым—была
333	65	чуганбла—іуген—біла
339	274	алыпта—алып—ба
—	—	кіжіба—кіжі—бе
341	320	окыла—ок—пыла
346	140	чоныбыла—юны—была
—	—	мылыбыла—мылы—была
347	158	поддыба—болды—ба
351	79	соспыла—сос—піле
352	117	чыдабыла—чыда—была
354	165	колбыла—кол—была
366	57	азакныла—азак—пыла
5	67	мабылян—май—былан
6	88	поручылан—пору—чїлеп
—	—	шірчылан—шірі—чїлеп
199	12	тагаала—тегеї—ле
200	19	ползочы—ползо—чы
—	20	калзачї—келзе—чї

7) Итъь единства въ написаніи глаголовъ, стоящихъ рядомъ и служащихъ одинъ другому вспомогательными. Иногда эти глаголы соединяются между собою чертою (—), иногда итъь.

Стран.	Строч.	
		а) соединены:
321	352	tirgizib—алды
320	338	туруб—алды
—	357	парыб—оттура
333	51	парыб—юсты
345	81	орлаб—олган
146	130	шаб—ыза—берді
347	167	ага—берді
347	169	шагыб—алды
350	55	туб—алтыр
353	146	атиан—дыр
4	49	олуп—тір
—	—	калып—тір
37	267	туруп—іаткан
15	163	адмыжып—іатканын
14	130	іуруп—іадым
15	162	парып—іадала
16	188	алдып—іат
16	304	пазып—іат
21	376	онодып—іат
24	76	туруп—іатты
26	1	чап—іам
27	14	чап—іатты
29	72	алып—іадым
—	87	чагып—іат
31	49	санап—іазынар
37	267	туруп—іаткан
		б) не соединены:
320	332	ылган чадыр
—	333	сыктап чадыр
—	337	чалып чадыр
334	83	аіт чар
—	106	сурап чар
343	8	пар чар
345	93	пар тыр
146	132	кіріп парды
347	149	чоктап тыр
—	150	кал іур

Стран.	Строч.	
349	22	кал чар
350	58	пілар тал
354	181	чат калді
—	3	сурап ая
—	20	іін саады
—	37	кепіп іат
—	50	707 кепіп шыкта
—	83	іөдіп калді

8) Въ словахъ десятиглаголия (стран. 192): тургусагын, башко ібогын, айтгын, езегін, кылнгын, кундуегін, олтурбегін, чайтактабагын, урлабаган, саяктабаган, качаланбаган—окончание *ын*, означающее просьбу, моление, а не заповѣдь или повелѣніе, слѣдуетъ откинуть, а въ 50-мъ калдіѣ (стран. 194 ст. 13) къ слову: *көдерметте*, напротивъ, прилично прибавить *ин*. Въ этомъ же 13 стихѣ слово „духъ“—*тын* переведено *сагын*. Но *сагын* значить: душевныя способности и нравственныя качества вообще: умъ, мысль, дума, сердце, расположение къ чему-нибудь. *Сагышка кірбѣт*—не понятно *сагышту туде амьрлік*—въ думную ночь итъь покоя. *Аксагышту*—добродѣтельный, благочестивый; *кара сагышту*—злонамѣренный, злодѣй; *сагьжі іеттес*—глупый. *Едерге сагын іок*—итъь расположенія дѣлать.

Не смотря, впрочемъ, на указанныя мною недостатки, благое желаніе автора и цѣль его труда—обогатить запасъ свѣдѣній о Тюркскомъ нарѣчьи (см. стр. XXII)—достигнуты.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

А.

Абагань—гора, 58, 127, 128, 130.
 Абай—р., 138.
 Абаянская долина, 23.
 Абаянский хребет, 127.
 Абачань—р., 2.
 Абиянская поляна, 8.
 Агши-эван—львиной дух, 100.
 Агсевь—богатырь-содатт, 147.
 Аг-эие—благая хата, 83.
 Агра-дашт—гора, 128.
 АВ—Аташань—богатыри, 139.
 Айкызы-Сайыкыш—ком., 159, 161.
 Айкызыш—богатыри, 142, 145, 146, 148, 149, 162—165.
 АЙ-Моро—богат., 145, 153, 154.
 АЙ-Молоты—богат., 139, 153.
 АЙ-Ного—богат., 146.
 АЙ-хань, 139, 140, 145.
 Ай-таш—гора, 132.
 Ай-халы, 140, 145.
 Акалавия, 121.
 Акалатай—богат., 151, 152.
 Акадык—богат., 134.
 Алей—р., 7.
 Алягынш-Салык-Саламь—богат., 143, 159, 160, 161.
 Аляш-хань, 58.
 Аляш-Арыгы, 141, 161, 162.
 Аляш-Моро—богат., 139, 144, 154.
 Аляш—кору, 124.
 Аляш-Периете—богат., 144, 154.
 Аляш-Тайчи—богат., 140, 145.
 Аляш-Таш, 153.
 Аляш-ту—гора, 91, 94, 95, 97.
 Аляш-хань, 139, 140, 146, 152, 154.
 Аляш-Чекель, 150.
 Аляш-Эргек—богат., 139, 141, 142, 144—146, 149, 154, 165.
 Аляш-хань, 139, 152.
 Амаралы—сильт. Бондайка, 117.
 Акуурена, 120.
 Амыр-Кылаш, 111.
 Амыр-Салаг, 122, 123.
 Апышань-Муусу—королев чудов., 101.
 Антрао—р., 24.
 Апуэние бляди, 1.
 Араушань—ком., 142, 144, 145, 154.

Араш-Тайчи—богат., 140, 141, 147, 145, 154, 155.
 Арго, 152.
 Аргунь—р., 9.
 Аршалы—князь, князь, 2.
 Аршалы, 149.
 Арууш-сюртун, 94, 95, 97.
 Ашдагы—сильт. Катуня, 127.
 Ашкытынская вол., 7, 8.

Б.

Бабургань—гора, 126, 130.
 Байга, 85.
 Байгалич—пронимает жертв души, 66.
 Байкаса—сильт. Ныма, 102, 103.
 Байлыч—темуш. князь, 121.
 Бардинское сел., 130.
 Баторь, 119.
 Башкосу—р., 2, 6.
 Баштуг-халы—печаль юрты, 43, 46, 51, 65, 66, 68, 69, 75.
 Башская вол., 7.
 Баштык-хань, 166, 167.
 Береза—46 (употребл. ея при мамалыш), 136 (почтание ея).
 Березовая—деревня, 130.
 Бельмышань—коро-атту-Торуш-музышай-бур-халы—управитель вь средискь нязь 99 шроф, 91.
 Бичигунань—скала, 123.
 Бийский остр., 7, 11, 127.
 Бийский-гор., 5.
 Бий-тугхань—р., 122.
 БИЯ-шабвань—пещера, 122.
 Бия—р., 2, 5, 7, 9, 130.
 Билань-Бардынская вол., 8.
 Богатыри, 139.
 Богатырь-царь, 186.
 Богорайова вол., 8.
 Бочаты—р., 7.
 Бубей, 45, 53, 56, 61—63, 66, 71, 73.
 Буугуча—р., 132.
 Буунта—кит. городь, 6.
 Бухария, 123.
 Бухтарминская вол., 8.
 Бузырская пиноруду ушрань, 7.
 Бузырское сел., 130.

В.
Василь Паридмъчъ, 141, 146.
Верхне-Кузнецкая вол. 8.

Г.
Гашаръ, 119, 120.
Гаша (сговоръ изъ пш. чешовля), 91.
Гухаръ (чешовля, прохсжд. его), 138.
Горы (поклонное иж.), 43.
Гуъ (родъ его вря камалля), 48, 49, 65, 66.

Д.
Давачъ-внъшъ, 119.
Дамыо-Варшанская вол. 8.
Джаудуау-оз. 1.
Доринъ-лама, 120.
Дуля (представл. о ней), 77.
Дулицычары, 164—166.

Е.
Едзена вол. 8.
Ежи-Моель-богат., 149, 150.
Ембештен семилъны, 156, 157.
Емсей-р., 7.

Ж.
Жергъшъ, 43.

З.
Загады, 202—204.
Зачъшъ (при камалля), 73.
Зивъ (охранение черныльщцы), 95.
Зивъ-чары, 151, 162.

И.
Иволя (чешовля, прохсжд. его), 138.
Ирмъ, 43.
Имъшъ-р., 5.
Иртанъ-р., 7, 119, 122.
Итберсо-Шергошанская вол. 8.

К.
Камыр-халъ, 44.
Кашаго вол. 8.
Каша-гашъ-сынъ Катуня, 127.
Кашаргашъ-гора, 134.
Кашар-халъ, 54.
Кашаръ-сынъ Копгайша, 117, 119.
Кашаръ-Наввъ, 103.
Кашаръ-Черо-сынъ Ойратъ, 119.
Кашаръ, 91.
Кашаронъ вол. 7.
Кашинъ (прохсжд. иж.), 101.
Кашмъшъ (сговоръ изъ пш. чешовля)
ка), 91.
Камъ, 44, 103.

Кандотъ-богат., 139, 153, 154.
Канша-богат., 468.
Канушъ-хуронска, 44.
Канъ-Ару-богат., 144.
Канъ Карышъ-бож., 47.
Карабуру-гора, 127, 133.
Карагайа-дигъ-сынъ Катуня, 127.
Карагушъ-богат., 145.
Кара-Налъ-чары, 141.
Караошъ-сагушъ иж., 68—70.
Кара-нашъ-пашаншын Шама, 117, 120.
Кара-Могушъ, 141, 142, 154.
Карамошъ, 152.
Карамошъ (чешовля, прохсжд. его), 138.
Кара-Гашъ, 151.
Каратты-Перешъ — богат., 140—143, 145, 146, 153.
Кара-ту-66-сынъ Катуня, 127.
Карашъ, 99, 100, 113.
Каралгушъ-гора, 132.
Картгошешъ-норонска, 23.
Каташкышъ-богат., 139, 162.
Катунские бляны, 1.
Катунь-гора, 124—126.
Катунь-р., 1, 2, 6, 122, 125, 126.
Негда-гора, 127.
Кедеръ-дзъ-гора, 134.
Келетей, 58, 74.
Кектушъ-р., 123.
Келъшъ-р., 136.
Керейская вол. 8.
Керей-халъ, 91, 99.
Керейная вол. 8.
Кергадъ-бож., 47.
Кесне-гора, 130.
Киванские вол. 8.
Кизей-гора, 128.
Кичатъ-Нилгынъ, 152.
Кичи-шобуръ-сынъ Катуня, 127.
Кйская вол. 8.
Кобыр-зу-р., 131.
Койнше-богат., 142.
Козакъ, 123.
Ковненские бляны, 1.
Козъ-халъ, 139.
Коза-Карагы-халъ, 153.
Коз-курсынъ-тагашъ, 45.
Кожанская вол. 8.
Копгайшъ-тедуду-халъ, 117—119.
Копонская вол. 8.
Копонда-р., 2, 5, 7, 24, 127—129, 132.
Копонско-Барыстская вол. 8.
Копонско-Вамбошова вол. 8.
Копонско-Евсейская вол. 8.
Копонско-Итберская вол. 8.
Копонско-Коронская вол. 8.
Копонско-Селъская вол. 8.
Коптайша с. Копгайшъ.
Коль, 43, 48 (прине. изъ жертву), 49 (по-
драж. езу ижам).

Копнинские ипороды, управа, 17.
Красный Яръ-узусъ, 15.
Крешаншъ-Коронны, 130.
Кусачевъ-лоръ, 5.
Кусачевский угушъ, 129.
Кусачевская вол. 8.
Кусачевский огъ, 7, 11, 127.
Кусачевъ-гор., 7, 24, 121, 126, 130.
Кудамъ, 43.
Кудушъ, 89, 75 (пограбимъ изъ нама), 138
(чешовля, прохсжд. его).
Кузушъ-Каре, 151.
Кузушъ-р., 7.
Кузандъ-гор., 120.
Кушманшъ вол. 7.
Кудалъ-р., 127.
Курайская долина, 6, 23.
Кургадъ, 73, 74.
Куронъ-Убалъ, 123.
Курт-ик-ташъ-узусъ, 132.
Кусунт-Аманъ-богат., 139, 152.
Кусачевъ-сынъ Катуня, 126.
Кыдатъ-родъ, 101.
Кызырская-гора, 130.
Кызыршъ-бож., 47.
Кызыл-гашъ-гора, 131.
Кызылская вол. 8.
Кызылшарыт-чаръ-р., 131.
Кызым-Гашъ-богат., 139.
Кызыр-Саумбында-тайга, 127.
Кылайт-зу-р., 131.
Кылайт-гора, 131.
Кылайшъ-р., 133.
Кырычталъ-халъ, 141.
Кысы-Малатъ-богат., 151.
Кыштышъ, 126.

Л.
Лабодо-р., 7.
Лабияшъ дер., 130.
Лугъ (поклон. сж.), 43.

М.
Мавагаръ-гора, 131.
Майдере, 91, 92, 94—97, 99, 101.
Мала-ишъ-ковинъ егота, 100.
Малашъ-тедуду-халъ, 121.
Малашъ, 125.
Малъ-дима, 94.
Малшарыт-богат., 90, 91, 90, 101, 113.
Мангымшъ-катышъ-буракшъ, 50.
Маншар-гашъ, 57.
Маххушъ-чоронский халъ, 5.
Машиарыт-богат., 137.
Модушъ (чешовля, прохсжд. его), 137.
Мортушъ, 60.
Моршинъ-халъ-бож., 47.
Моршидинъ-темон-ноо-халъ, 101.
Муовушъ-Нашъ-богат., 147, 151.
Мордо-халъ, 58.
Морю-богат., 112.
Мрсаъ — р., 2, 5, 7, 11, 24, 124, 126, 128, 131, 132.
Мрсаю-Вамбошова вол., 8.

Мрсаю-Евсейская вол. 8.
Мрсаю-Итберская вол. 8.
Мрсаый протъ, 124, 126.
Мугашшъ-ялалъ, 123.
Муладушъ-родъ, 136.
Мулавъ-р., 128.
Мугтошайшъ-жена Тарганъ-Намы, 93, 94.
Мугташъ-гора, 126—128.
Мылганъ-шакъ-богат., 121.
Мышарыт-р., 7, 24.
Мышотъ-селъ, 7.

Н.

Набышъ-намъ, 77.
Нашъ-сынъ Катуня, 127.
Нава (Новъ), 76, 102, 104.
Навошынъ (прохсжд. ижъ), 101.
Небо (восходъ на него нама), 62, 64, 69,
70, 73—75.
Нашайшъ-богатыршъ, 143, 146.
Нивне-Кузнецкая вол. 8.

О.

Облошъ-халъ, 139.
Объ-р., 2, 7.
Ова бляны (прине. с. изъ жертву), 76.
Осаттыг-ташъ-гора, 137, 129.
Осонъ, 84 (поклон. ему), 97, 138 (прохсжд.).
Ошера (поклон. иж.), 43.
Ош-Абодушъ-богат., 139.
Ойратъ-нава дюрбютошъ, 6.
Ойротъ-халъ, 122, 123.
Ойротъ-чара, 119.
Огуш-гашъ, 53.
Омкъ, 133.
Омочу-Пагай-халъ, 145.
Омочу-Палешъ, 140.
Омъшъ-р., 131.
Омшуджъ-богат., 132.
Омшасъ-р., 131.
Омшоский угушъ, 15.
Ошъ-Карагышъ, 154, 155.

П.

Памъ-Керече-богат., 139, 141, 145.
Пашай-тайга, 127.
Пашай-сынъ-узусъ, 132, 133.
Пашинъ-чара, 91.
Пашинская вол. 131.
Пергичъ-халъ, 139, 144, 146, 152.
Пешчаяна-р., 1.
Пештышъ-халъ, 141, 145.
Подожа (представл. о жб), 67, 68.
Подошайшъ узусъ, 122.
Посошынъ, 187—202.
Потаншъ Г. П., 120.
Потогъ, 16, 102, 103.
Поуду-Ошонъ, 94.
Предсавляшъ, 72.
Пражыкъ, 205.

Пуулаах-хаан, 60.
Пуусте-Пуулаах — норск. чудов., 143.
Пууагалыг — оома, 130.
Пылаас — р., 7.
Пургу-хаан, 97.
Пудей-хаан, 139, 140, 146, 150—152.
Пына, 167—187.
Пэтух, — шибар. смерть, 76.

Р.

Родовы В. В., 908—915.
Рыши — проридаться, 45.
Рыи (шокоп. нем.), 43.

С.

Саабдыагыт — тайга, 127.
Садагыйт — богатыр, 129.
Сайтары — богатыр, 146.
Салтогыт — р., 130.
Салтогыт — ола, 127.
Сарасискан улрана, 7.
Сар-Актагалыг — богатыр, 154, 155.
Сар-Уугу — сылы Намы, 102, 103.
Сейи — р., 124.
Собире — тура, 9.
Сосекей — богатыр, 151.
Сонгы, 119.
Сонгогыт — юрта деген шыа, 46.
Сотканы — шарот, 7, 121.
Сиа-Батыры, 120.
Собаян (прокалти ел), 92, 93.
Собансий Петур — болонсий сылы, 2.
Солнык (шокоп. ему), 43.
Солмо-шар, 150, 160.
Солмоер-Рабдагыт, 119.
Созути-Уугу — сылы Намы, 102—104.
Сосеовая Горы — уугус, 15.
Сростыи — деренин, 130.
Срэмукус — богатыр, 156, 156.
Стрельный яманын, 129.
Сукыч — янг. караулы, 1.
Сургу — тура, 142.
Сурчын — конойной, 100.
Сынаас — р., 5.
Сырп-Адынак, 7.
Смукта — р., 1.
Сытога — деренин, 130.

Т.

Табачыг — сылы Конгайдач, 117 (см. Даваны).
Табатым — янг. караулы, 1.
Табобаян вол., 8.
Тав-шын — сылы Катуги, 127.
Таяа — р., 127.
Тавый-хаан, 123.
Тавды — р., 7.
Тавыла — р., 126.
Тавыла — богатыр, 139, 141, 142, 145.
Тарбагатай — горы, 122.
Тардык-Намы, 95, 94, 97.
Тардынак — богатыр, 156, 157.
Тарымак — горы, 122.

Таскыя — жергиинчик, 50.
Таскыбай — сылы Катуги, 127.
Тастары — рог, 9.
Таш-су — р., 128.
Таш-шын — горный дух, 100.
Тобет-тагыт — народы, 134, 135.
Тобирь-Кыргыз-хаан, 153.
Тогды — тура, 130.
Тогоч, 123.
Тогтебей-Мерген — богатыр, 143.
Томеюк оя., 1, 2, 6, 7, 124.
Томбес — р., 127.
Томгонч — гадатель, 45.
Томо-Оло, 150.
Томпер-Темдигчи — безбоважучитель, 104, 106, 112.
Томшере-хаан, 150, 151.
Томшары — р., 126.
Томш-бегей — богатыр, 173.
Томыс — царь земли, 102.
Томоссы — рог, 136.
Томшара — хранитель души умерших, 94, 113.
Томе-Беркатык, 104.
Томе-Янык, 104.
Томбаты — тура, 119.
Томбета, 6, 119.
Томык-янык-бурунак, 93.
Томбильды — гор., 123.
Томос — Томур-хаан, 5.
Томускыя вол., 7, 8.
Томы-Кере, 150.
Томск, 122.
Томы — р., 1, 2, 7, 24, 121, 122, 129, 132.
Томоланы — р., 6.
Томшугу — бурунак, 93.
Торготы — пооза, чукунар, монголлов, 5.
Торук-даты — сылы Катуги, 127.
Тотой-Шама, 80, 136.
Тотурь-айыгыт — народы, 105.
Тотык — ашыгыт, 149.
Туаутым — тура, 102.
Турагыт — тура, 129.
Туруу — р., 123.
Туруука — горный дух, 100, 125.
Тынакмын-Алдан — ангель смерти, 100.
Тыкыр-хаан, 144, 147.
Тумус — аста-Зурь-шарот, 101.
Тумур — Мукамай, 101.
Тумуш-Тогучу, 11.
Тумар, 104.
Тумгара — первый янык, 103.

У.

Уам — сылы Катуги, 127.
Уауыл-Вора — богатыр, 139, 153.
Уауыл-Ыдыла — богатыр, 151.
Уаю-айгыты-Баргууды, 119, 120.
Уаюуи — домонч, 100.
Уаука — янг. караулы, 1.
Уама — сел., 7.
Уаюуш — р., 123.
Уаубь-шобары — сылы Катуги, 127.
Уаугь-дагыт — тура, 120, 132.

Уаушын — бож., 43, 44, 50, 53, 57, 75, 77, 80—83, 97—101, 104, 113, 114, 125.
Уамы-ниш-батыр — тура, 134.
Уамыс — р., 134.
Уар — старшик Дуугуарин, 120.
Уаруагыт — р., 136.
Уарылы — янг. караулы, 1.
Уарыш, 1.
Уары — р., 1.
Уаскагыт — р., 7.
Уаскынч — ангель смерти, 100.
Уаскынч — р., 122.
Уасун-Табатым — янг. караулы, 1.
Уагыя — тура, 128.
Уауушын — р., 126.
Уауыла, 95.

Ф.

Фандарь — янг. караулы, 1.

Ц.

Царь-Богатыры, 166.
Царь-Даваны, 148, 164—166.
Царь-Зыяк, 151, 162.
Царь-Зыяк, 100, 161.
Царь-Соннык, 159, 160.
Цапанг-Рабын, 119.
Цащын, 119.

Ч.

Чабаты — рог, 9.
Чаган-Наратгал, 122, 123.
Чадока — предок монголлов, 164.
Чаранские Бэжэн, 1.
Чарыш — р., 6, 7, 122, 136.
Чельякогыт М. В., 205.
Чески — богатыр, 146, 148, 149, 164.
Черный-Сымак-хаан, 117—119.
Чынгатай — янг. караулы, 1.
Чыныскалы, 100.
Чонойгой — тура, 102.
Чороса — роды чукунар монголлов, 5.
Чувакка — уауш, 131.
Чуукакы — янг. город, 20.
Чудь, 129, 135.
Чукаская долина, 6, 23.
Чукаская степь, 6.
Чукашмынчик — р., 2, 6.
Чуптагыт, 101.
Чун — р., 2, 5, 16, 123, 124, 136.
Чынак-Могучь — богатыр, 140.
Чынак-хаан, 141, 144, 147, 154.

Ш.

Шаалдагыт-жоо, 101.
Шалууш — асы — богатыры, 164.
Шамат — см. ханы.
Шамалтоо, 103.
Шанчымыкы — тура, 127.
Шарь-Жаалгыт, 104, 106, 109.
Шарыт — богатыр, 123.
Шеря — тайга, 127.
Шалы-желе-бурунак, 93, 94.
Шобары — сылы Катуги, 129.
Шообалыгыт — сылы Катуги, 126.
Шохоты — роды чукунар монголлов, 5.
Шуфская вол., 7.
Шуаумусь — нечестный дух, 106.
Шюда — дочь Конгайдач, 117.
Шюла — сылы Конгайдач, 117, 118, 120.

Ю.

Юзская вол., 8.

Я.

Ябыарь-хаан, 84.
Ярач, 45.
Янгь-хаан, 53, 76.
Яламыкы — р., 123.
Яламыкы — тура, 124.
Янык-шошор, 94.
Яра-Чечен, 98, 100.
Ярачичи — вороний, 48.
Ярачичи — янык монголлов, 103, 104.
Янык — дух 5-го века, 70, 71, 73.

Э.

Эбасян, 133.
Эзель-хаан, 101, 123.
Эзель — янык при жергиинцин, 50.
Эзель, 6, 123.
Эзи-Моось-хаан, 139.
Эрмен — бож., 43, 44, 50, 63, 76, 91—95, 99, 100, 103, 113, 114, 139.
Эри-Кулаагыт — 142, 145, 146, 152, 153.
Эрмаш-Шурон, 101.
Эри-сен, 100.
Эршери — сугта Эрдынак, 100.

Ы.

Ындырагыт — р., 132.

Труды Этнографического Отдѣла

содержится въ слѣдующихъ томахъ **Извѣстій Императорскаго Общества Любителей
Историческаго, Естественнаго, Антропологическаго и Этнографическаго**.

- Томъ. Томъ.
VII. I*. **Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи и странахъ ей прилежащихъ. Кн. I-я.** (Публичная лекція передъ открытіемъ Этнографической выставки 1867 г.: Я. И. Вейсберга, П. И. Мелавѣева, А. С. Петровскаго, А. П. Богданова, Н. Д. Богданова, М. И. Капустина, В. Н. Шенкова, О. В. Буласова, И. К. Бабста, С. М. Солонина, И. Д. Власова, П. К. Шибальскаго, К. К. Герца, А. С. Валдмирскаго.) *Изб. Ж. А. Динкова.* 1868 г. Ц. 3 р.
- XII. II*. **Сборникъ антропологич. и этнограф. статей о Россіи и странахъ ей прилежащихъ. Кн. 2-я.** (Народная гѣсна латышей, О. Я. Трейландера в Ривне и въ окрест., Съ прил. 6 табл. хромотиповъ типовъ народности.) *Изб. В. А. Динкова.* 1878 г. 4 р.
- XIII, в. 1. III, 1. в. **Протоколы засѣданій Этнографич. Отдѣла за 1867—1874 гг. (засѣд. 1—12), съ приложеніемъ статей. 1874 г. Ц. 1 р. 25 к.**
Статьи: 1) Описание бѣлыя болотца, населяющагося Малеолопо, Стеф. Верковича.—2) О помянутой лемки въ Забайкальи и о вліяніи ея на бытовую жизнь бурята-кочевника, Н. Г. Керцелая.—3) Программа этнографическаго народнаго календаря, А. Л. Довержича.—4) Общ. этнографическаго трудахъ митрополита Инокентія, док-кадыша Н. А. Попова.—5) Обзоръ этнографической литературы о чешкахъ и словакахъ (двѣ статьи), Колотуека.—6) Оцѣдка на-мненнобродскихъ русскихъ и мордвинцевъ, А. Примирова.—7) Домашній бытъ маршупольскихъ грековъ, А. Антонинова.—8) О перемѣнахъ, П. Володина.—9) Свадебные обычаи у болгаръ, Жинзифова.—10) Раскопки помонскихъ кургановъ, Анастасьева.—11) Проектъ этнограф. исследования о-ва Эвбея, бар. Засекасселя.—12) Этнографическія замѣтки, Н. Г. Керцелая.—13) О свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ Вологодскаго губ., К. Попова.—14) О Мещенскихъ славкахъ, Н. Г. Керцелая.—15) Сельские обычаи въ ижегородскихъ мѣстностяхъ Суздальскаго у., д. Удьяева.—16) Обзоръ этнографич. данныхъ, помѣщенныхъ въ разныхъ Губернскихъ Відомостяхъ въ 1878 г., Е. В. Варсова.—17) Общ. историческомъ значеніи праздника въ честь бурята Мылдори, совершаемаго бурятами, Н. Г. Керцелая.—18) Северныя сказанія о лемкахъ и удальникахъ, Е. В. Варсова.—19) Замѣтка изъ этнографіи Севернаго края, Е. В. Варсова.—20) Обычай хоронить Костромъ въ Муромскомъ у., Е. П. Добрыкиной, съ замѣткой Е. В. Варсова.—21) Изъ исторіи народнаго аювсвѣрія, Н. А. Покровскаго.—22) Юрьевъ день, Е. В. Варсова.—23) О киданскитяхъ въ Зубовск. у., Квашнина-Сиварча.
- XIII, в. 2. III, в. 2. **Зяряна и Зярянскій край. К. А. Попова. 1874 г. Ц. 1 р. 25 к.**
XXVIII. IV. **Протоколы засѣданій Этнографич. Отдѣла за 1874—77 гг. (засѣд. 13—25), съ приложеніемъ. Ц. 2 р.**
Статьи: 1) О французскомъ художникѣ-этнографѣ Теодорѣ Валеріи, Н. А. Попова.—2) Обрядъ похоронъ мухъ и другихъ насекомыхъ, П. В. Шейна, съ замѣчаніемъ В. Ф. Миллера.—3) Вѣрованія и обряды бѣлокуровъ, В. Ф. Миллера.—4) Деяръ Вадлий въ народныхъ преданіяхъ и сказкахъ Севернаго края, Е. В. Варсова.—5) Этнографическія наблюденія по Волгѣ, Ф. Д. Нефедова.—6) Исслѣдженія веревъ и Новый годъ въ Муромскомъ у., Е. П. Добрыкиной.—7) Обычаи при рожденіи и крещеніи дѣтей на р. Орелѣ, Е. В. Варсова.—8) Обзоръ этнограф. данныхъ, помѣщенныхъ въ «Ижегородск. Сборникѣ», И. Ф. Кудрявцева.—9) Охотничье право собственности у Зярянъ, К. А. Попова.—10) Очерки жизни крестьянскихъ дѣтей Каванской г., А. О. Можаровскаго.—11) Крестьянская свадьба въ Мещенскомъ у., П. М. Апостольскаго.—12) Башкирское преданіе о чумѣ, «И. В. Мостевскаго.—13) О происхожденіи первоначальныхъ вѣрованій по теоріи Сенсера, П. М. Апостольскаго.—14) Восточные и западные родичи одной русской сказки, В. Ф. Миллера.
- XXX, в. 1. 2. V, в. 1. 2. **Матеріалы по этнографіи русского населенія Архангельской губ. П. С. Ефименка. 1877—1878 гг. Ц. 6 р.**
Вып. 1. Описание вѣшнаго и внутренняго быта. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.
Вып. 2. Народная словесность. 1878 г. Ц. 8 р. 50 к.
- XL. VI. **Матеріалы по этнографіи латышскаго племени. (Пословицы, загадки, погов-**

НОВЫЯ ИЗДАНИЯ

Этнографическаго Отдѣла.

ОЧЕРКИ БЫТА АСТРАХАНСКИХЪ КАЛМЫКОВЪ.

Этнографическія наблюденія 1884—86 гг. *Пр. А. Житецкаго.*

(„Извѣстія“ Общества Любителей. Екат., LXXVII, в. 1. „Труды“ Этнографич. Отдѣла, т. XIII, в. 1).

- I. Бытовая обстановка Астраханскихъ калмыковъ.
 - II. Общико-бытовая жизнь Астраханскихъ калмыковъ.
 - III. Ламаистское духовенство у Астраханскихъ калмыковъ.
 - IV. Ламаитская религія, науки и искусства среди Астраханскихъ калмыковъ.
- Въ приложеніи 12 таблицъ рисунковъ и фотогрній.

Цена 1 руб. 25 коп.

ВСКОРЬ ВЫИДЕТЬ ИЗЪ ПЕЧАТИ СБОРНИКЪ

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

Русскія былинны старой и новой записи,

издаваемый Этнографич. Отдѣломъ подъ редакціей вѣд. Н. С. Тихонравова и проф. В. Ф. Миллера.

ВЪ ЭТОМЪ СБОРНИКѢ ВЫИДУТЬ:

- I. Былинны изъ рукописныхъ сборниковъ XVIII в.
- II. Былинны, записанныя въ недавнее время, но изданныя раньше.
- III. Былинны, появившіяся въ печати въ разныхъ изданіяхъ и не вошедшія въ прежніе сборники.

ПЕРВЫЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ КОНЦЕРТЪ,

устроенный Этнографическимъ Отдѣломъ 11-го марта 1893 г.

ТЕКСТЫ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ

(вело-русскихъ, белорусскихъ, малорусскихъ, болгарскихъ, польскихъ, литовскихъ, грузинскихъ, армянскихъ, киргизскихъ, саркскихъ, чувашскихъ и моно-греческихъ), съ переводомъ инородческихъ на русскій языкъ.—

Цена 15 коп.

„Извѣстія“. „Труды“.

Томъ. Томъ.
XLVIII, в. 1. VII. **Протоколы засѣданій Этнограф. Отдѣла за 1877—84 гг. (засѣд. 26—48), съ приложеніемъ.** 1880 г. Ц. 2 р.

Содержаніе: 1) Историческія законоучебныя акты бытучнаго снованія русскаго народа? Н. А. Покровскаго.—2) Малорусскія сказки въ Константиновскомъ у. Сѣлцовой губ., Н. А. Янчука.—3) Писемныя и примѣры о табакѣ, П. В. Шейна.—4) О грядящемъ языкѣ, дра Зельманъ.

XLVIII, в. 2. VIII. **Протоколы засѣданій Этногр. Отдѣла за 1885—87 гг. (засѣд. 49—65.)** 1888 г. Ц. 2 р.

Содержаніе: 1) Гр. Ал. Серг. Уварова (некрологъ), В. Ф. Миллера.—2) Н. И. Костомаровъ (некрологъ). Ег-же.—3) А. Л. Девирова (некрологъ). Ег-же.—4) Характерныя дѣтскія игры нѣкоторыхъ русскихъ народовъ, Б. А. Покровскаго.—5) О юридическихъ бытовыхъ сказкахъ, М. М. Кукушкина.—6) Софійскія языческія вѣрованія у калмыковъ, Н. Л. Гондатти.—7) Культъ медвѣди у инородцевъ Сибири. Ег-же.—8) Программа для собранія этнограф. свѣдѣній, сост. Н. А. Янчука.—9) Программа для собранія свѣдѣній объ юридическхъ обычаяхъ, сост. Н. Х. Харузина.

LXI. IX. **Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи.** Вып. 1. 1888 г. Ц. 2 р.

Содержаніе: 1) Памяти М. Н. Харузина (съ прил. портрета), В. Ф. Миллера.—2) Замѣтки о юридическомъ бытѣ крестьянъ Саранскаго уѣзда, Вятской губерніи, П. М. Вогаевскаго.—3) О законничествѣ по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ Московской губ., В. Кандицкаго.—4) О доказательствѣхъ въ волостномъ судѣ, А. И. Андеева.—5) Современныя брачныя и свадьба среди крестьянъ Тамбовской губ., Елецкаго уѣзда, А. П. Звонкова.—6) Объя участіи свержестественной силѣ въ народномъ судопроизводствѣ крестьянъ Елецкаго уѣзда, Тамбовской губ., П. И. Астрова.—7) По Вятской губерніи (записки изъ поездки въ 1886 году), Н. А. Янчука.—8) Петербургскія балачины, прибаутки, записанныя А. Кельсиевымъ, А. Кельсиева.—9) Изъ русской народной космогоніи, передала С. Я. Дерунова.—10) Изъ матеріаловъ, собранныхъ среди крестьянъ Пуужского уѣзда, Омской губерніи, Николая Харузина.—11) Описание дѣтскихъ игривыхъ и цѣтъ въ селѣ Завитинѣ, Саранскаго уѣзда, Вятской губ., В. П. Тихонова.—12) О народномъ зѣненіи въ Казанскомъ уѣздѣ, В. Н. Аршинова.—13) Рѣшенія волостныхъ судовъ Саранскаго уѣзда, Вятской губ. (привожу къ свѣд. П. М. Вогаевскаго).—14) Нагнныя белорусскихъ пѣсенъ (привожу къ свѣд. Н. А. Янчука).

LXVI. X. **Русскіе Писемны (Формы прошлаго и современнаго быта).** Н. Харузина. 1890 г. Ц. 3 р. 50 к.

LXIX, в. 1. XI, в. 1. **Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи.** Вып. II. 1890 г. Ц. 2 р.

Содержаніе: Матеріалы по этнографіи Вологодскаго губ., Н. А. Иванцкаго.—Вологодскіе нагнны, записан. М. М. Кукушкина.—Замѣтки о Вологодскихъ пѣсняхъ, Ю. Н. Мельгунова.

LXIX, в. 2. XI, в. 2 **Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи.** Вып. III. 1891 г. Ц. 2 р.

Содержаніе: Матеріалы для изученія общаго права среди крестьянъ Саранскаго уѣзда, Вятской губ., В. П. Тихонова.—Учительскія рѣшенія волостныхъ судовъ, помѣщенныхъ въ „Трудахъ Комиссіи по преобразованію Волостныхъ Судовъ“, В. П. Шагала и П. Я. Янчука.

LXXV, в. 1. XII, в. 1. **Шаманство-этнографическія очерки.** Вып. I. В. М. Михайловскаго. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Изданіемъ предложеннаго Г. Министра Народнаго Просвѣщенія Г. Поппельневъ Ученыхъ Общества, отъ 20 мая 1898 г., за № 8790. „Извѣстія Императорскаго Общества Любителей Естественныхъ, Антропологическихъ, Этнографическихъ, состояющаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ“, рекомендованы для приобщенія въ фундаментальныя библиотекы среднечувствъ завѣденій съ устройствомъ „Изданія Общества и его Отдѣла продвигать въ публичныя магазаны и въ склады при канцеляріи Общества.“ Москва, Правительственнаго Издательства.

*) Томы I и II „Трудовъ“ остались въ небольшомъ количествѣ только у издателя В. А. Дашкова. Обращаться въ Московскій Публичный и Румянцевскій Музей.

Открыта подписка на 1893 г. на

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ,

(Годъ 5-й)

издаваемое Этнографическимъ Отдѣломъ Императорскаго Общества Любителей Естественнаго, Антропологич. и Этнографич., состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ,

подъ ред. Секретаря Отдѣла **Н. А. Личука**,

при участіи гг. членовъ Общества и другихъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ.

Изданіе посвящено всестороннему изученію быта всѣхъ народностей Россіи, причемъ ближайшими предметами статей и изслѣдованій служатъ слѣдующіе вопросы:

1. Народныя обичаи, обыряды.
2. Народная словесность, языкъ.
3. Народная музыка, живопись и другія искусства.
4. Народная медицина.
5. Юридическія бытыя: родство и семейное устройство, семья, община и т. д.
6. Матеріальный бытъ, преимущественно въ связи съ бытовыми извѣстиями.
7. Историческая и доисторическая этнографія.
8. Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ этнографовъ.

Кромѣ изслѣдованій по численнымъ вопросамъ, публикуются также статьи общаго антропологическаго характера, являющія руководящее значеніе.

Во столбѣ «Объяв.» сообщаются малѣе, случившіеся матеріалы и извѣщенія.

Обширный **ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ** изданій выдвигаетъ въ свѣтъ:

- 1) Отдѣлы о новыя книжки, объ изданіи

иныхъ ученыхъ обществъ, вѣстниковъ и спеціальныхъ комитетовъ, послѣдняя изъ которыхъ касаются этнографіи.

- 2) Подробнѣе объзоры по различнымъ, всѣмъ столичнымъ и провинціальнымъ Журналамъ и газетамъ, съ извлеченіемъ изъ нихъ этнографическаго матеріала.
- 3) Обзоръ и указатель иностранныхъ книгъ и изданій, въ особенности касающихся этнографіи Россіи и славянскихъ народностей.

Наконецъ, въ «Извѣщеніяхъ и Сопровождающихъ» публикуются обзоръ дѣятельности ученыхъ обществъ и друг. учреждений, сообщенія о дѣлахъ, выставкахъ, сельлахъ, экспедиціяхъ и т. п.

По мѣрѣ возможности даются также приложенія: портреты этнографовъ, образцы народной музыки, типы народностей и т. п.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

выходитъ книжками (въ 12—15 листовъ каждая) четыре раза въ годъ (въ мартѣ, июлѣ, сентябрѣ и декабрѣ).

Цѣна годовому изданію 5 р. съ пересл., за границу 6 р. Отдѣльныя книжки по 1 р. 50 к. каждая; кн. XIII—XIV въ одномъ выпускѣ—2 р. 50 к.

Адресъ редакціи: Москва, Политехнический Музей.

Опредѣляемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія «Этнографическое Обозрѣніе» рекомендовано для приобретения въ фундаментальныя бібліотеки всѣхъ средн. учебн. заведеній (См. Журн. Мин. Н. Пр. 1892, июль).